

792C
Т-30

ТЕАТР

НАРОДОВ
СССР

АЛЬМАНАХ ПЬЕС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ТЕАТР НАРОДОВ СССР

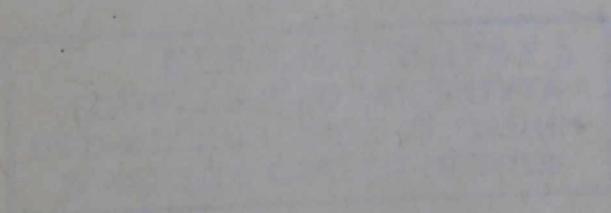
ТЕАТР НАРОДОВ
СССР

ВЪВЕДЕНИЕ

№ 1

ВВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА»

Т-30

85.43(2)

Т30

АВТОНОМНАЯ СЕКЦИЯ ДРАМАТУРГОВ ОРГКОМИТЕТА ССН

ТЕАТР НАРОДОВ СССР

АЛЬМАНАХ ПЬЕС

№ 1

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Б. АЛПЕРСА, С. АМАГЛОБЕЛИ, А. АФИНОГЕНОВА,
В. БИРПОТИНА и Б. РОМАШОВА

ЯНВ 2017

БИБЛИОТЕКА 5878
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РУКОВОДЯЩИХ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

28 СЕН 2005

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1934

Цель наших альманахов — ознакомить советскую общественность с всесоюзной драматургией, показать, как растет и развивается культура и драматическая литература, национальная по форме, социалистическая по содержанию, культура укрепощенных Октябрем народов СССР. Альманахи должны дать возможность братским народам взаимно ознакомиться с произведениями своих драматургов и облегчить критике их оценку.

Подбор материала производился в тесном контакте с литературными организациями каждой республики.

Альманахи предположено выпускать периодически.

Редакция

С. АМАГЛОБЕЛИ

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Ставя лозунг — «интернациональной культуры, демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации.

Ленин

1

Отживающие классы бывшей господствующей великорусской национальности стремятся вернуть потерянные привилегии. Отживающие же классы бывших поработанных народов пытаются оторвать от СССР те или иные национальности и при помощи буржуазного Запада восстановить свое господство. Противоположность конечной цели не мешает этим темным силам временно объединиться и вести совместную борьбу против диктатуры пролетариата. Опасность великодержавного шовинизма требует неустанной борьбы на два фронта — как против великодержавного шовинизма, так и против местного национализма, требует большой бдительности и борьбы с национализмом в искусстве и литературе.

Поэтому вопрос о так называемом национальном искусстве имеет для нас не только узко-научный, но и огромный политический интерес. Мы должны обратиться к Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину, к их основным положениям по национальному во-

просу. Они должны быть использованы для разработки проблемы национального искусства. К сожалению, эти основные положения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина применительно к искусству не только не развиты, но часто чудовищно вульгаризируются.

Проблема национальной культуры, в частности, национального искусства — одна из наименее разработанных проблем марксистского искусствознания. В этой области пока не установлена даже более или менее научная терминология. Термин «национальное искусство» у нас часто употребляется для обозначения не русского искусства Советской страны.

В этом кроется политически вредная методологическая ошибка. Развитие искусства народов СССР надо брать, во-первых, в его единстве, поскольку социально-экономические процессы ведут все народы к одной и той же социальной формации — социализму, а во-вторых, в его многообразии, поскольку формирование новой культуры происходит в конкретных экономических и культурных условиях каждой национальности. Когда противопоставляют культуру русскую и «национальную», забывают, что и русская культура не сверхнациональна, а «национальные» культуры и их формы не бесклассовы и надклассовы, и вопрос о национальной культуре получает формалистическую и националистическую постановку. На первое место выдвигается вопрос формы, и формы национальной, непременно отличной от формально-стилистических черт русского и европейского искусства, имеющей узко-национальную этнографическую окраску.

Такое понимание национального искусства содержит в себе обратную сторону великорусского шовинизма, который, выделяя особо великорусскую культуру, низводит на ступень экзотическо-этнографического искусства культуру «всех прочих наций СССР». Здесь же великорусский шовинизм смыкается с местным национализмом, прикрывает и поощряет реакционную сущность местного национализма, направляя работу практиков искусства на местах в сторону консервации искусства в узко-этнографических рамках. В искании в первую очередь «национальной формы», т. е. экзотики, в ущерб социалистическому содержанию, задерживается прогрессивное, интернациональное движение в искусстве, связанное с жизнью, бытом и борьбой пролетариата, преодолевшего узко-национальные тенденции и борющегося за интернациональное единение всех народов, сохраняя и национальную форму своего творчества.

Когда «теоретики» подходят с этой неправильной точки зрения к разбору того или иного художественного факта, то это подстрекает работников развивать искусство в определенном националистическом направлении. Художник ставит вопрос: в какую же национальную форму он может облечь свое произведение? И вот сплошь и рядом из этнографического музея вытаскиваются так называемые «национальные стили», приклеиваются к новому со-

держанию, и дело закончено — есть «национальная форма» и «пролетарское содержание».

Мы культурного наследия не отрицаем, но берем его не механически; к культурному наследству мы подходим критически, сохраняем преемственность, но преемственность диалектическую.

Можно ли архаико-этнографические элементы использовать в социалистическом искусстве?

Если в народе еще живы элементы прошлого этнографического быта, а мы будем намеренно заглушать их в искусстве и, например, вместо «тары» тюркскому крестьянину дадим в руки арфу или скрипку, то этим мы не поднимем культурное развитие трудящихся Азербайджана. Оставить «тару» — не значит, что на ней надо исполнять поповские песни. «Тару» можно использовать для того, чтобы она звучала понятно и приемлемо для рабочих и крестьян Азербайджана и помогала переходу их на более высокие ступени музыкальной культуры. На Украине из народных инструментов организован оркестр. Этот оркестр имеет огромный успех. Нужно принять принцип использования народных музыкальных инструментов и всего фольклора, связанного с жизнью трудящихся масс, в помощь культурному развитию рабочего класса, критически извлекая из этого ценное и вместе с тем не забывая, что надо перевести искусство на высшие формы художественной культуры.

В процессе переходного периода мы должны брать социалистические и демократические элементы данной национальной культуры для того, чтобы строить пролетарскую национальную культуру, но мы не должны брать феодальные и буржуазные «стили», прикрепляя их механически к пролетарскому содержанию.

Если же в условиях строительства социализма искусство тянет трудящиеся массы назад, искусственно культивирует национальную экзотику, смакует уже вымершие этнографические формы, создает националистическую романтику, — тогда такое искусство реакционно, оно является орудием в руках националистических элементов в их реакционных целях.

Покровительственное отношение к таким течениям есть конкретное выражение великорусского шовинизма, для которого «национальное искусство» отождествляется с экзотикой, и его переключка с местным национализмом, замыкающим культурную жизнь в узко-национальные рамки, несомненна.

Ленин не отделял национальную культуру от русской и европейской, а выяснял классовую сущность культуры всех народов. Он писал:

Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, но есть великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д. (Ленин, Собр. соч., т. XIX).

Сталин, говоря о национальной культуре народов СССР, берет культуру как великорусскую, так и не-великорусскую. Он пишет:

Пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. (Сталин, Вопросы ленинизма).

Далее, говоря о великодержавном национализме, о правых уклонистах, Сталин пишет:

Наши уклонисты попали в лапы реакционных великорусских шовинистов и забыли, совершенно забыли о лозунге культурной революции в период диктатуры пролетариата, имеющем одинаковую силу для всех народов СССР, — и для великоруссов и для невеликоруссов (там же).

Понятно, Сталин, как диалектик-марксист, рассматривает проблему национальной культуры не путем противопоставления русской культуры культурам не-русским, а вскрывая классовую сущность каждой национальной культуры. Отсюда понятно, что термин «национальное искусство» нужно понимать не только как специальный термин для обозначения не-русских культур СССР, а как термин, имеющий общеметодологическое значение для изучения культуры любого народа.

Поскольку мы говорим о национальной форме искусства определенного народа, поскольку искусство народа не анационально и не сверхнационально, оно, будь то искусство любой страны, по формальным признакам является национальным. Поскольку это же искусство в единстве его формы и содержания мы рассматриваем в социально-классовом разрезе, оно является классовым.

Термин «национал», иногда употребляемый в русской речи, является термином неверным. Под этим термином обычно подразумевают не-русского гражданина Советского союза. Термин «национал» фактически является переведенным на иностранный язык и выпущенным в советском издании старым термином «инородец». А между тем этот термин уже вошел в обиход нашей терминологии.

Работы Ленина и Сталина дают нам единственно правильную научно-марксистскую постановку проблемы национальной культуры.

Сталин пишет:

Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психологического склада, проявляющегося общностью культуры (Сталин, Сборник статей, 1920 г., стр. 7).

Национальная культура, как некоторая формальная общность и целостность, имеет свой стиль. В истории искусства мы говорим о стиле народов (египетский, греческий, итальянский, французский, немецкий и т. д.), различаем эти стилистические данные по определенным художественно-формальным признакам. Различие национальных стилей у разных народов и некоторая формальная целостность национального стиля определенной нации, как выявление некоторой общности «психического склада» народа, нельзя рассматривать как рефлекс какого-то мистического «национального духа». В определенные конкретные исторические эпохи господствующие классы формируют национальную культуру как культуру своего класса. Национальная культура на каждом этапе своего развития есть культура того или иного класса. «Общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин), не создает общности социально-экономических интересов разных классов. Противоречия классовых интересов на основе их производственных отношений создают классовую культуру, — культуру класса господствующего и класса поработанного, — которая в художественно-формальном отношении — и только в нем — имела однако определенный общий национальный колорит.

Искусство данного народа мы должны рассматривать не абстрактно, метафизически, с раз навсегда присущими ему признаками, а в живом процессе объективного хода исторического развития, в условиях всех конкретных социально-классовых моментов. Ленин еще в 1913 г. писал:

В каждой национальной культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую, но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом же в виде только «элементов», в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов и буржуазии.

И далее:

Ставя лозунг — «интернациональной культуры, демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации... Есть великорусская культура Пушкинских, Гучковых и Струве, но есть великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышев-

ского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д. (Ленин, Собр. соч., т. XIX).

Буржуазия, опираясь на лозунг «национальной культуры», создала черносотенную и клерикальную культуру, — культуру, как идеологическое средство своего классового господства. Буржуазия не могла служить национальной культуре как культуре «народной», культуре трудящихся народных масс. Она старалась использовать «национальную культуру» «своего» народа, как средство для притупления классовых чувств поработанного класса, а при господстве над «чужими» народами — как средство национального угнетения, как орудие империалистического наступления на их культуру с целью их перерождения и насильственной ассимиляции.

Пролетариат, взяв власть в свои руки, создает классовую культуру, — культуру широких трудящихся масс, которая является средством организации новой социалистической психики, нового быта, новой жизни.

Сталин говорит:

Но что такое национальная культура? Как совместить ее с пролетарской культурой? Разве не говорил Ленин еще до войны, что культур у нас две: буржуазная и социалистическая, что лозунг национальной культуры есть реакционный лозунг буржуазии, старающейся отравить сознание трудящихся ядом национализма? Как совместить строительство национальной культуры, развитие школ и курсов на родном языке и выработку кадров из местных людей со строительством социализма, строительством пролетарской культуры? Нет ли тут непроходимого противоречия? Конечно, нет! Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме — такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму. Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазии, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом проле-

тарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймет ни ленинизма, ни существования национального вопроса с точки зрения ленинизма (С т а л и н, Вопросы ленинизма).

Пролетарская культура — социалистическая по содержанию, национальная по форме. Она так же далека от националистической культуры, как сам пролетариат далек от империалистической буржуазии, и тем не менее она национальна, поскольку жизнь и быт широких масс имеют специфические национальные особенности и «психический склад». Культура пролетарская, социалистическая по содержанию, национальна по форме. В объективном ходе исторического процесса узко-национальные формы постепенно изживаются, изменяются. Народ сохраняет свой национальный язык, находящийся в процессе изменения в связи с осложнением культурно-экономической жизни, сохраняет определенный «психический склад» — тоже однако подвергающийся беспрерывному изменению в зависимости от изменения материальных основ жизни.

Свои социальные, идейные устремления художник выражает на определенном языке и в определенных образах, колорите, ритме. Специфический колорит и ритм проявляются в художнике, поскольку он, как субъект творчества, детерминирован социально и национально. Но сама национальность — историческая категория, созданная на определенной стадии экономического развития общества. Поэтому она является не первопричиной, а одной из надстроек, влияющих на искусство. В этом диалектическом взаимодействии социальная обусловленность приводит художника к определенным формальным приемам, которые имеют национальный колорит.

2

Утверждение, что искусство по содержанию является классовым, по форме национальным, не означает, что, с одной стороны, мы отделяем форму от содержания, а с другой — ищем детерминацию содержания и формы в разных факторах. Говоря о национальной форме, мы должны знать, что нет национальной формы вне формы классовой.

В искусстве форма и содержание не оторваны друг от друга, а составляют диалектическое единство.

Ф о р м а одновременно и содержится в самом содержании и представляет собой нечто внешнее ему (Гегель, Соч., т. I).

Пролетариат, строя свою культуру, в первую очередь не может идти от искания формы, и формы национальной. Он приносит новое содержание, его историческая роль, его производственное положение, его идейно-политические установки, его революционная борьба за социалистическое строительство входят органическим содержанием в его культуру, которое создает новое качество формы, формы пролетарской культуры, являясь одновременно формой национальной.

Пролетариат не паразитический класс, как все господствующие классы предшествующих эпох, а класс производящий, создающий материальные основы жизни своим собственным трудом. Пролетариат — класс не индивидуалистический по своему производственному положению и идейному устремлению, а коллективистический, стремящийся закончить процессы обобществления всего народного хозяйства, которые получают свое начало при капитализме в форме общественного процесса производства. Пролетариат — класс с материалистической, единственно научной марксистско-ленинской идеологией, является последовательно революционным классом, который идет от «класса в себе» — к «классу для себя» и через завоевание власти, через утверждение диктатуры пролетариата в процессе завершения социалистического строительства приходит к отрицанию своего классового господства. Пролетариат — класс, который является частью, определенного национального общества и ведет человечество через расцвет пролетарских национальных культур к единению и слиянию этих культур в единую мировую интернациональную культуру и по форме и по содержанию при победе коммунизма во всем мире.

Сталин указывает, что в истории русского марксизма постановка национального вопроса имела две стадии: первую — до-октябрьскую и вторую — октябрьскую. В первой стадии национальный вопрос рассматривался как часть общего вопроса о буржуазно-демократической революции, т. е. как часть вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства; во второй стадии национальный вопрос расширился и превратился в вопрос о колониях, когда национальный вопрос из вопроса внутригосударственного превратился в вопрос мировой. И далее Сталин утверждает, что по сути дела национальный вопрос является вопросом крестьянским:

Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо, кроме вопросов крестьянских, национальный вопрос включает в себя еще вопросы национальной культуры, национальной государственности и пр. Но несомненно также и то, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский (речь т. Сталина в югославской комиссии ИККИ 30 марта 1925 года).

Эта постановка вопроса дает нам ключ к пониманию, почему проблема национальной культуры приобретает особое значение для нас. В дооктябрьский период поработанные народы были народами с преобладающим крестьянским населением. Культурное развитие поработанных народов царским империализмом насильственно было прервано, всякое движение за сохранение и рост своей даже феодально-буржуазной культуры преследовалось, как преступление. Поэтому, с одной стороны, шел процесс руссификации культур других народов, с другой — сохранение самых отсталых, экзотических явлений, как якобы символов национального существования. Это последнее не встречало противодействия со стороны господствующей империалистической реакции, которая с пренебрежением, а порою и восторгом, допускала всякие «дикие» формы искусства, как зрелищно-экзотические явления, ибо они не могли быть противопоставлены культуре русской буржуазии.

В послеоктябрьский период разрешение национального вопроса создает новый могучий подъем культуры бывших поработанных народов. Националисты возрождение национальной культуры Советской страны стремятся начинать механическим продолжением той культуры, которая была у данной национальности в момент ее покорения русским империализмом. Отсюда у них реставрация и в лучшем случае модернизация родовых феодальных и буржуазных форм искусства, бегство от влияния русской пролетарской, социалистической культуры к культуре Запада с целью якобы утверждения своего национального лица. Отсюда же формалистический подход к становлению пролетарской национальной культуры, либо искание форм культуры предшествующих классов данной национальности, либо заимствование форм западноевропейской буржуазной культуры периода загнивания капитализма.

Отрицание же национальной формы и стремление создать интернациональную культуру вне национальных культур по существу приводит к великорусскому шовинизму, идущему по пути руссификации национальных культур Советского союза.

В чем заключается существо великодержавного шовинизма?

Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций (С т а л и н, Вопросы ленинизма).

Люди, игнорирующие национальный язык, культурно-бытовой уклад народа, в котором развивается пролетариат, перерабатывая диалектически культурное наследство, люди, стремящиеся пере-

вести национальную культуру на более высокие формы, без учета конкретно-исторических обстоятельств, по существу предлагают насильственную замену культуры той или иной нации русской культурой, забывая, что и русская культура тоже национальна.

Местный буржуазный национализм стремится задержать развитие национальных культур в рамках старых форм и стилей, восстанавливает так называемые «национальные стили» в архитектуре, культивирует архаико-этнографические элементы в театре, кино, живописи, забывая, что национальный стиль прошлых веков есть стиль определенных классов, стиль феодально-буржуазного общества. Покровительственное и примиренческое отношение к этому процессу со стороны великодержавного шовинизма дает смычку великодержавного шовинизма с местным национализмом.

В чем существо местного национализма?

Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга (С т а л и н, Вопросы ленинизма).

Поэтому борьба на два фронта — против великодержавного шовинизма и местного национализма — требует выяснения всех специфических форм, в которых выражается проявление великодержавного шовинизма и местного национализма и их переклички в области искусства и литературы.

Реставрация исторических стилей, культивирование экзотическо-этнографического материала ни в коем случае не могут быть оправданы целью формирования национальной культуры Советской страны. Они не соответствуют социально-классовым требованиям трудящихся масс, выявляющих свою психо-идеологию, которая должна быть выражена в культуре, пролетарской по содержанию и национальной по форме. Такая форма будет формой и пролетарской, ибо нет национальной формы вне формы классовой.

Таким образом, борьба против искажения национальной культуры должна быть направлена как против руссификации национальных культур Советского союза, так и против национальной замкнутости, узости, самоограничения.

Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с од-

ним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре (С т а л и н, Вопросы ленинизма).

Искусство народов СССР (конечно, подразумевая и русское искусство) будет постепенно освобождаться от экзотико-этнографического материала тех народностей, у которых уровень развития еще не вышел за пределы узко-локальных рамок. Национальное искусство народов СССР уже является искусством, вышедшим за узко-национальные грани, и развивается на основах высокой художественной культуры.

Этот же процесс в своем развитии порождает новое качество, кладет основу единению и слиянию национальных культур в общей, мировой интернациональной культуре коммунистического общества.

АЛЕКСАНДР КОРНЕЙЧУК

Украинский драматург. Род. в 1910 г. Его пьеса «Гибель эскадры» получила вторую премию на Всесоюзном конкурсе Совнаркома. Крупным и несомненным достоинством ее, помимо художественных качеств, является то, что она наносит крепкий удар украинскому национализму и воспитывает зрителей в духе пролетарского интернационализма. «Гибель эскадры» — третья пьеса, написанная т. Корнейчуком. До этого ставились: «Каменный остров» (1928) и «Штурм» (1932).

АЛЕКСАНДР КОРНЕЙЧУК

ГИБЕЛЬ ЭСКАДРЫ

ПЬЕСА В ТРЕХ АКТАХ

Авторизованный перевод с украинского
Н. КРУТИ

По постановлению жюри конкурса
Совнаркома СССР на лучшую пьесу
Награждена второй премией

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Нагар.
Полковник.
Фронтоник.
Комиссар.
Оксана.
Мичман.
Бухта — боцман.
Фрегат }
Паллада } кочегары.
Юнга.
Часовой.
Адмирал.
Гайдай.
Стрыжень.
Корн — представитель миноносца «Керчь».
Командир флагмана.
Георгинов.
1-й балтиец.
2-й балтиец.
Кобза — боцман.
1-й комендор.
2-й комендор.
3-й комендор.
Комендант охраны.
Представители миноносцев, красногвардейцы, офицеры, матросы.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь. Где-то далеко слышны разрывы снарядов, грохот обозов. В порту стонет маяк-ревун. Будет шторм. Зал в генеральском доме. Застыли делегаты кораблей, слушая горячую речь председателя, обращенную к стоящим отдельной группой пяти представителям миноносцев: «Пылкий», «Строгий», «Стремительный», «Хаджи-бей» и «Керчь».

Нагар (*председатель делегатского собрания*). Вы — против? Кого ждете? Снаряды ложатся все ближе и ближе. Уже горят дома на окраинах. По улицам с гор мчатся в панике обозы, разбиваются о камни, летят в бухту. Люди, оружие — все смешалось в кровавую кашу, хрипит, стонет и, умирая, шлет проклятья вам и вашему комиссару... Это он повел моряков в горы. Это он завел их в капкан...

Выскочил представитель миноносца «Хаджи-бей».

Представитель «Хаджи-бея». Стой!.. Еще одно слово о комиссаре — и я, беспартийный, делегат миноносца «Хаджи-бея», маузером поговорю с тобой! (*Выхватывает маузер, блеснули револьверы, делегаты обступили председателя, сурово глядят на представителя «Хаджи-бея».*)

Нагар. Вот вам, делегаты боевых кораблей, революционеры Черноморского флота, — свобода... революция... демократия! Комиссар повел на смерть ваших товарищей, а он хочет здесь стрелять — в кого? На, стреляй (*ударил себя в грудь*), в революцию стреляй!

Представитель «Хаджи-бея». Эх, братишки... Убери маузеры!.. Если у революции (*показывает на Нагара*) такая морда, то я, Маяк, кладу на нее крестообразно и иду в порт... бычков ловить! (*Повернулся и ушел.*)

Нагар. Спокойно, товарищи! Надо кончать. Через несколько часов история решит судьбу Черноморского флота. Фронт прорван, а дальше что? Я спрашиваю вас, делегаты боевых кораблей. Отступать поздно, да и некуда. Осталось одно — выслушать представителя Центральной рады, полковника Кобаху. Целый час ждет он нашего разрешения, просит выслушать его. Он хочет заключить с нами соглашение. Помните, нас пока еще просят...

В зал вбегает запыленный фронтовик.

Фронтовик. Пакет с фронта от комиссара! (*Протянул пакет Нагару.*)

Фронтовик «Керчи». Что на фронте?

Фронтовик. Комиссар приказал отступить. Нажимают, гады!

Нагар (*прочитав письмо*). Комиссар приказывает поднять пары для эвакуации, открыть огонь с линкоров. (*К фронтовику.*)
Передай комиссару, что мы все подготовим. Ступай!

Фронтовик. Есть! (*Ушел.*)

Нагар. Если мы не решим сейчас судьбы Черноморского флота, то завтра нас спрашивать не станут. Я обращаюсь к вам, делегаты боевых кораблей, скажите теперь, дайте ответ, кто согласен выслушать полковника. Линкор «Воля»?

Представитель «Зорького». Есть. «Звонкий» согласен.

Представитель «Свободной России». Есть. «Свободная Россия» согласен.

Нагар. Миноносец «Дерзкий»?

Представитель «Дерзкого». Есть. Миноносец «Дерзкий» согласен.

Нагар. Миноносец «Звонкий»?

Председатель «Звонкого». Есть. «Звонкий» согласен.

Нагар. Миноносец «Зоркий»?

Представитель «Зорького». Есть. «Зоркий» согласен.

Нагар. Подводная группа?

Представители. Есть. Согласны.

Нагар. Миноносец «Стремительный»?

Представитель «Стремительного». Миноносец «Стремительный» выслушать полковника Центральной рады согласен. Но за жизнь его не отвечает.

Представитель «Воли». Значит, против?

Представитель «Стремительного». Увидишь...

Нагар. Голосую дальше. Миноносец «Керчь»?

Представитель «Керчи». Мы против.

Представитель «Свободной России». Опять против?

Нагар. Через несколько часов вас спрашивать не станут. История сама решит вашу судьбу.

Представитель «Керчи». К чорту историю! На корабли, к минным аппаратам, к башням боевым! Прибудут с фронта

комиссар, Сtryжень, комитетчики, и тогда пускай на горизонте появится история в германской каске — разделаем ее, как бог черепаху.

На гар. Довольно! Целую ночь слышим от вас одно и то же. Кто еще против?

Представители. Миноносец «Пылкий» — против. «Строгий» — против.

На гар. Против — меньшинство. Попросите полковника. *(Вышли двое.)* Предупреждаю, что мы гарантировали ему безопасность. Жизнью ответит тот, кто осмелится дотронуться до него.

Входит полковник.

Представитель «Строгого». Ограничить время!

На гар. Тише!

Полковник. Я буду краток. Разве можно много говорить, когда льется кровь народа?! Наша задача — прекратить пролитие крови демократии. Друзья! Центральная рада просит вас вспомнить, кто вы... Вы же украинцы, сыны степей золотых, потомки славных рыцарей Великого луга, которые некогда бороздили Черное море на байдарках и добывали себе мировую славу, а теперь... Кто из вас пойдет против своей истории? Я предлагаю прекратить борьбу между двумя частями демократии... между братьями...

Представитель «Пылкого» *(перебивает)*. Брат! Ой, браток прибыл, иди сюда. Я на радостях обниму тебя *(идет к полковнику, расставив руки)*, так обниму, что душа из тебя вон! *(Полковник отступил)*. Иди на грудь мою, малютка!

Вскочили представители «Воли» и «Свободной России» и обступили полковника: «Назад!»

Представитель «Пылкого». Эх, не дают по душам поговорить, но ничего, мы еще встретимся... Трепись дальше!

Полковник *(переменив тон)*. Я предлагаю признать протекторат Украины над Севастополем, за что гарантирую всем вам неприкосновенность личности и всех демократических организаций. Если условия украинской демократии будут приняты и на боевых кораблях будет поднято желто-блакитное знамя моего правительства, то никто с вами воевать не станет. Ни один немец не пойдет в Севастополь — я остановлю их, я остановлю немцев.

Представитель «Керчи» *(молча подходит к полковнику и оглядывает его с ног до головы)*.

Полковник. Вам чего?

Представитель «Керчи». Интересуюсь робой. *(Протянул руку и щупает сюртук полковника.)* Сукно... сукно германское?..

Полковник. Сукно... *(Машинально оглянул себя.)* Собственно говоря, заграничное, а в чем дело?

Представитель «Керчи». Ясно...

Представитель «Стремительного». Почему Цен-

тральная рада считает Черноморский флот своим, кто дал ей право?

Полковник. Согласно 5-му универсалу Черноморский флот со своей базой Севастополем принадлежит Украине.

Представитель «Керчи». Какой гарнизон будет в Севастополе и зачем?

Полковник. Гарнизон будет украинский, и необходим он на случай выступления левых элементов — чтобы отдельная партия не узурпировала власть. Мы за демократию.

Представитель «Керчи». Большевиков боишься?

Представитель «Стремительного». Довольно!

Представитель «Пылкого». Отваливай!

На гар. Тише... замолчите!

Полковник (*резко*). На фронте ваши большевики разбиты вдребезги. Я предлагаю принять мои предложения без дискуссий, так как через несколько часов будет поздно, и кровь демократии, кровь братьев, прольется на камнях Севастополя. Я сказал все. Даю вам три часа для ответа. Все. (*Демонстративно повернулся и вышел.*)

Представитель «Стремительного». Ультиматум? Вон!

Представитель «Пылкого». Провокатор!

Представитель «Керчи». Ну, плюнули вам в морду? Облизывайтесь, медузы чортовы!

Представитель «Воли». Это ты плюешь на нас. Довольно! Кто мы? Мы украинцы, и нам незачем итти против своих братьев.

Представитель «Керчи». А мы кто?! Мы тоже украинцы!..

На гар. Решайте, делегаты, — есть два пути. Один — итти в Новороссийск, в последний порт, где нет ни базы, ни угля, оттянуть смерть на несколько дней, а потом что? И другой путь — поднять знамя Центральной рады на кораблях и вступить в переговоры с германским штабом, как равные с равным.

Представитель «Свободной России». Линкор «Свободная Россия» поднимет знамя Центральной рады.

Представитель «Воли». Мы тоже присоединяемся.

Голоса. И мы... И мы... И мы...

На гар. Кто еще?

С грохотом вбегают моряк-фронтвик, оборванный, со шпорами.

Фронтвик (*едва переводя дух*). На фронте прорыв! Враг под Севастополем! Комиссар хочет знать, почему молчит линкор? Кто сорвал его приказ? Комиссар хочет знать, что делаете вы? Комиссар приказывает открыть огонь!

Большая пауза.

На гар. Ступай и передай комиссару, что делегаты эскадры сейчас все решат. Ступай!

Фронтвик. Что же передать комиссару?

Выскочил представитель «Стремительного».

Представитель «Стремительного». Срываете приказ комиссара? Так не крутите, богом топтанные — отвечайте правду.

Представитель «Воли». Передайте комиссару, что больше слушаться его приказов не будем. Точка! Поднимаем желто-блакитное знамя — так и передай ему. Ступай!

Фронтвик. Я не пойду! Я не могу передать комиссару, что вы изменили революции... я не могу! (К представителю «Воли».) Ступай и скажи ему сам! Я не пойду к комиссару... Не пойду!

Представитель «Стремительного». Иди, браток... Иди и скажи комиссару: если они поднимут желто-блакитное знамя, миноносец «Стремительный» поднимет черный флаг, за ним «Пылкий», «Керчь». Летучим голландцем будем мы бродить по морю и заставим выполнить приказ комиссара!

Представитель «Воли». Мы расстреляем вас бортовым огнем!

Представитель «Стремительного». Минами вас на дно пустим! За мной, товарищи, к минным аппаратам! К рубкам боевым! Мы вам покажем господа бога вверх винтом! (Уходит.)

На гар. Попутного... Можете итти...

Все рассмеялись.

Голоса. Катись, катись!

Свист, смех. Из-за колонны появились комиссар, Оксана, юнга, матрос с гармонью, красногвардейцы, вооруженные бомбами, винтовками, маузерами. Раненого комиссара поддерживают Гайдай и Оксана.

Комиссар. Стой!

Оборвался смех, все повернулись к нему и застыли.

Представитель «Керчи». Комиссар... комиссар... Комиссар отстранил Гайдаю и Оксану, шатаясь, вышел вперед, медленно обвел всех глазами, стараясь понять, что произошло.

Комиссар. Фронт снялся. На корабли... А в море ты (к Нагару) дашь мне ответ... почему не была выслана помощь, почему молчали орудия линкора, когда нас на фронте ломали в щепки?

На гар. Большинство делегатского собрания постановило оставаться в бухте, поднять знамя Центральной рады и вступить в переговоры с германским командованием.

Комиссар. Что?.. Вы так постановили? (Пауза.) Кто постановил?

На гар. Они, делегаты.

Комиссар. Я вижу боцманов. Что же делали вы?

Представитель «Стремительного». Мы были против, комиссар. Мы сами уйдем в море...

Нагар. Мы не удерживаем вас. Мы никого не удерживаем. Заседание делегатов эскадры продолжаю.

Комиссар. Заседание делегатов закрываю. Разойдись!

Нагар. Нас избрали корабли, и никто нас не разгонит.

Гайдай (выхватил маузер и выстрелил в воздух). Гады!

Красногвардейцы (наставили оружие). Давай, давай скорей!

Гайдай. Кто жить хочет — полный ход! (Повернулся и говорит комиссару.) Чисто, товарищ комиссар...

Зашатался комиссар, его поддержали.

Комиссар (тяжело). Сейчас же на корабли...

Оксана. Молчи, Артем... Опять кровь пошла — ни слова.. слышишь?

Комиссар. Усадите меня... (Подали кресло.) Станьте ближе... Тяжело!.. «Керчь», «Стремительный», «Пылкий»!

Представители. Есть «Керчь», «Стремительный», «Пылкий».

Комиссар. Навести минные аппараты на тех, кто поднимет желто-блакитное знамя. Выбросить сигнал: «Позор и смерть тому, кто останется в бухте». (Пауза.) Но не стрелять, пока я не прибуду на флагман.

Представители. Есть, комиссар! Эсминцы «Керчь», «Стремительный» и «Пылкий» к бою готовы.

Комиссар (к Стрыжню). Сейчас же на линкор «Воля»... машинный отдел, к кочегарам. Передай мой приказ — поднять пары. Корабли должны выйти в море... Кто на палубе будет против, стрелять и за борт. (Закрыв глаза от боли.)

Стрыжень. Есть, товарищ комиссар! (Направился к выходу, но остановился.)

Комиссар. Ваня...

Стрыжень. Артем, какая ситуация... ты... я...

Комиссар. Да... да... Прощай, Иван Максимович... Узнай, что адмирал, офицеры... Передай кочегарам... передай...

Стрыжень. Все скажу! (Пошел, в сторону к Оксане.) Там — лошадь, осторожно на флагман...

Оксана. Ступай...

Комиссар. А как адмирал, офицеры, с кем они сейчас?

Гайдай. Если адмирал пойдет против нас, я сам поставлю его под боевую рубку и расстреляю!

Оксана. Расстрелять и он сумеет. (Указывает на юнгу.) Это легко. Но кто тогда выведет эскадру в море? Кто знает карту минного поля? Кто проведет через минные проходы? Кто развернет эскадру в море, чтобы не погибнуть от собственных мин или германских подводных лодок? Об этом ты подумал?

Комиссар. Я пойду сейчас на флагман, к адмиралу. (Хочет встать, но не может.) Трудно, товарищи... отдохнуть минуты

две... Горят ноги, руки, все тело... Две минуты отдохну. Только две минуты...

Юнга. Отдохните, дядя Артем, а потом пойдем на корабли, в море. Я моряком буду, надену бескозырку, клеш, маузер... контру будем бить.

Комиссар. На корабли, сынок, сейчас же на корабли!.. Отступаем... Севастополь разбит... Последний порт... Вызвать радиорубку... Связаться с Москвой... Держите... штаб... Шторм... шторм... Идут кильватером миноносцы...

Оксана. Артем!

Гайдай. Тш...

Комиссар. Скажите... кораблям... самостийники... контр... контр...

Гайдай (тихо). Есть, есть, комиссар.

Оксана. Немедленно нести на флагман!

Гайдай. В огне весь... (Отвернулся.)

Комиссар. Товарищи. Мне легче... Чего вы так смотрите? Мы еще вернемся сюда... Ну... веселей! (К моряку с гармонью.) Сыграй, браток, про кочегара.

В ответ никто не шевельнулся.

Комиссар. Ну... скорей, скорей...

Гайдай. Сыграй, браток, про кочегара старому кочегару.

Моряк снял гармонь, зарыдала гармонь, и тихо поет Гайдай.

Раскинулось море широко,

Волны бушуют вдали.

Товарищ, мы едем далеко,

Подальше от этой земли...

— Товарищ, не в силах я вахту держать, —

Сказал кочегар кочегару, —

Огни в моих топках совсем не горят,

В котлах моих нет больше пару.

Комиссар. Приказ — связаться с Москвой... Штаб...

Гайдай.

Напрасно старушка ждет сына домой.

Ей скажут, — она зарыдает.

А волны бегут от винта за кормой,

Бегут и вдали исчезают.

Тихо снимают моряки бескозырки, стоят над мертвым комиссаром. Бесшумно из-за колонны появился С т р ы ж е н ь. Он понял все. Рука тяжело скребла с головы бескозырку, — как-то неестественно повел ею по лицу, вытирая слезы.

С т р ы ж е н ь (с трудом, преодолевая волнение). Адмирал выводить эскадру в море отказался...

Вздрогнули все, повернулись и застыли. Темно.

КАРТИНА ВТОРАЯ

У адмирала.

М и ч м а н (*напеваает*). «Куда, куда вы удалились...» Эх, Ленский, Ленский, тебе до боли завидует князь Кнорис. Умереть от любви так, чтобы поколения прекрасных дам ежевечерне нежно плакали по тебе в третьем акте! А меня расстреляют, и никто нежно не заплачет... Боцман Кобза, ты любишь эту армию, ты слышал ее?

К о б з а. Так точно, господин мичман, кажется, слышал. В Киеве, когда-то давно, а вообще я песню люблю, не могу не любить, господин мичман. Такая наша нация — певучая. А что до театра, до танцев, то, разрешите доложить, нет в мире такого украинца, который бы в своей жизни не представлял. Все представляют, все актерами были. Это уже от природы так устроено...

М и ч м а н. Ты тоже был актером?

К о б з а. Так точно! И еще каким актером! В семинарии мы не раз ставили «Наталку-полтавку» или «Сатана у бочці». Бывало, как выйду в жупане да как крикну — «Гей, казаки, славные запорожцы!..»

М и ч м а н (*резко перебивает*). Смирно!

К о б з а (*вытянулся*). Есть.

М и ч м а н. У тебя голос, понимаешь... палубный голос...

К о б з а. Так точно.

М и ч м а н (*вынул портсигар*). Куришь?

К о б з а. Так точно.

М и ч м а н. Прошу.

К о б з а. Благодарю, господин мичман. (*Закурил.*)

М и ч м а н. Где же уважаемые делегаты?

Б о ц м а н. На линкоре созывают митинг.

М и ч м а н. Опять митинг! Домитингуются, пока их не разгонит комиссар. Идиоты — стрелять надо!

К о б з а. Пускай митингуют. Линкор за нас, господин мичман. А рано утром город будет занят — и тогда крышка. Только боинами бы закрыть бухту постольку, поскольку миноносцы могут сбежать.

М и ч м а н. Пусть только попробуют уйти в море — один залп с линкора, и они пойдут на дно.

К о б з а. Украине необходимо сдать эскадру вместе с миноносцами, а на дно найдем кого пустить.

М и ч м а н. А ты — политик, Кобза. Верно! Ты хитер, как настоящий хохол.

К о б з а. Украинец, господин мичман, постольку, поскольку хохлов уже нет. Есть молодое государство — Украина, есть правительство — Центральная рада, которая завтра получит флот и станет хозяином Черного моря.

М и ч м а н. Украина будет хозяином Черного моря... Так,

так... Ты счастливый — завтра мы поднимем на флагмане ваше знамя, и мичман, князь Кнорис, офицер русского его императорского величества флота, отдаст честь желто-блакитному знамени боцмана Кобзы... Гениальная эпоха! Завтра ты сможешь стать мичманом.

К о б з а. Завтра боцман Кобза будет лейтенантом.

М и ч м а н. Лейтенантом? Боцман Кобза мечтает стать лейтенантом... Какое нахальство! Смирно! *(Боцман вытянулся.)* Направо! Шагом марш! Стой! Кругом! Шагом марш! *(Боцман ходит, мичман рассматривает журнал.)* Стой! *(Подходит.)* Ты понимаешь, что ты сказал? Морда!

К о б з а. Снаряды рвутся все ближе и ближе, господин мичман. Через несколько часов Севастополь будет занят нашими войсками. Завтра мичман Кнорис станет вице-адмиралом украинского государственного флота.

М и ч м а н. Что? Я буду вице-адмиралом?.. Вольно, лейтенант Кобза! Ты понимаешь, что ты сказал... приятель?

К о б з а. Да, это произойдет на рассвете. Одни пойдут на дно, другие... другие будут смотреть, как желто-блакитное знамя торжественно будет поднято на мачту флагмана... Вице-адмирал подаст рукой знак, оркестры загремят и горы задрожат от выстрелов линкора — постольку, поскольку это будет первый привет Центральной раде.

М и ч м а н. Вы поэт, лейтенант!

К о б з а. Когда-то... Давно, в семинарии, писал стихи, неплохие.

М и ч м а н. Адмирал. Смирно! *(Вытянулись.)*

Входят адмирал, полковник Центральной рады Кобаха,
командир флагмана.

Командир флагмана. Кнорис!

М и ч м а н. Есть.

Командир флагмана. Офицеры в зале?

М и ч м а н. Так точно, собираются.

Адмирал. Проверьте, все ли здесь, кого я вызвал.

М и ч м а н. Есть, адмирал.

Командир флагмана. А вам что надо, боцман?

Полковник. Боцман Кобза ждет меня.

К о б з а. Так точно, господин полковник. Матросы эскадры просили передать вам, господин полковник, что они счастливы умереть за Украину.

Полковник. Передайте морякам, боцман, что правительство Центральной рады всегда верило в великие национальные чувства Черноморского флота, что оно не забудет верных моряков. Передайте пламенный привет нашим морякам и благодарность нашего правительства.

К о б з а. Рады служить, господин полковник! Матросы готовы умереть за Украину под командованием адмирала Гранатова.

А д м и р а л. Кнорис! Чарку боцману за мое здоровье!

Мичман подает чарку, боцман несколько секунд держит ее — потом крикнул «Ура!» Выпил, отдал честь и ушел.

П о л к о в н и к (а д м и р а л у). Видите, матросы идут с нами, господин адмирал. Кто против нас, тот завтра пойдет на дно; мы очистим флот в течение одного дня. Позвольте еще раз уверить вас, господин адмирал, что мое правительство с большой радостью принимает ваше согласие и отметит перед всей нацией ваш героический поступок. Мое правительство и мой народ с любовью встретят адмирала, господина Гранатова, и вас, лейтенант, в своей столице, в Киеве.

А д м и р а л. Мы рады служить народу юга великой России.

П о л к о в н и к (с у х о). Вы хотели сказать: народу великой Украины.

А д м и р а л. Украины...

Полковник отдает честь, направляется к выходу. Командир флагмана его провожает. У входа его остановил.

К о м а н д и р ф л а г м а н а. Господин полковник, вы давно с Украины?

П о л к о в н и к. Две недели.

К о м а н д и р ф л а г м а н а. Простите, частный вопрос. Мое имение недалеко от Полтавы. Его, кажется, немного разрушили...

П о л к о в н и к. Уверяю вас, все будет в порядке. Это дело нашей чести.

К о м а н д и р ф л а г м а н а. Благодарю, господин полковник. Я всегда был украинофилом. Передайте вашему правительству, что я всегда любил Украину, особенно около Полтавы.

П о л к о в н и к. С удовольствием. (Отдал честь и ушел. Мичман его провожает.)

А д м и р а л. Лейтенант, рано утром необходимо вывести миноносцы из бухты и поставить на рейде. Полковник хорошо стелет, но что скажет утром генерал-фон Арксен, — неизвестно. Однако полагаю, что полковник и его правительство целиком зависят от генерального штаба в Берлине.

К о м а н д и р ф л а г м а н а. Есть, господин адмирал.

Входит мичман.

М и ч м а н. Офицеры ждут господина адмирала.

А д м и р а л. Попросите сюда.

М и ч м а н. Есть. (Уходит.)

А д м и р а л. Сегодня необходимо отправить мичмана Кнориса к генералу Краснову с моим письмом.

К о м а н д и р ф л а г м а н а. Есть, господин адмирал.

Входят офицеры и мичман.

Адмирал. Все в сборе?

Мичман. Так точно, кроме лейтенанта Корна с миноносца «Керчь».

Адмирал. Его предупредили?

Мичман. Так точно.

Адмирал. Удивительно... Прошу сесть. Посты возле дома проверены?

Мичман. Так точно. Охрана на месте.

Адмирал. Для всех вас, господа офицеры, положение ясно.

1-й офицер. Если мы сейчас же не поднимем пары и не выйдем в море, флот может остаться в руках украинского правительства, правительства Центральной рады.

2-й офицер. Необходимо немедленно поднять пары — германские разъезды у самого города, они могут захватить береговую артиллерию и огнем закрыть бухту.

3-й офицер. А дальше что? Итти в последний порт Черного моря — во имя чего, во имя каких идей?

4-й офицер. Ждать, пока не приедут с Балтики матросы и не проинструктируют наших, как организовать для офицеров Варфоломеевскую ночь? Привяжут к нашим ногам рельсы, чтобы крепко, свечами поставить на дне морском.

Адмирал. Если кого-нибудь привлекает такая перспектива, я разрешаю ему поднять пары. Прошу сейчас сказать, кто согласен итти в море. *(Улыбнулся)*. Я вижу, вы хорошо понимаете ситуацию, и поэтому приказ о выходе в море я отменил. Перед Россией я отвечаю за вас, за флот, а комиссар со своей бандой может уничтожить сначала нас, а потом — перед своей собственной гибелью — флот великой России. Флот еще будет нужен. Поэтому мы завтра поднимем желто-блакитный флаг — до тех пор, пока генерал Краснов не поможет нам поднять Андреевский. Ясно, господа офицеры?

1-й офицер. А если миноносцы уйдут в море? Там комиссар и его комитет. Они могут заставить нас выйти в море.

Адмирал. Пусть попробуют навести на нас минные аппараты — мы расстреляем их с линкора. Для того чтобы дать нам бой, им необходимо выйти из бухты, а я отдал приказ закрыть выход сетевыми бонами. Минное поле изменено, выйти никто не сможет. Я прошу внимательно выслушать текст радиограммы Центральной раде в Киев.

Входит лейтенант Корн.

Корн. Прошу извинить за опоздание, господин адмирал, — меня задержал комитет на миноносце.

Адмирал. Что на эсминцах, лейтенант?

Корн. Готовятся в море. Ждут вашего приказа, господин адмирал.

Адмирал. Я давно отдал приказ... *(пауза)* закрыть бухту сетевыми бонами.

К о р н. Значит, в море мы не выйдем? Что случилось, адмирал?

А д м и р а л. Вы опоздали, лейтенант. Слушайте радиogramму от моего и вашего имени. Я сейчас передам ее в Киев (*Читает.*) «Киев, Центральной раде. Братья киевской Центральной рады! 20 апреля 1918 года севастопольская крепость и флот, находящийся в Севастополе, подняли украинское желто-блакитное знамя и ждут вашего приказа. Привет. Контра-адмирал Гранатов»¹. Надеюсь, с текстом радиogramмы согласны все?

К о р н. Так в море не выйдем?

А д м и р а л. Как видите, лейтенант.

Большая пауза.

К о р н. Я вижу... измену, адмирал.

А д м и р а л. Лейтенант! Вы забыли, что стоите не у себя на миноносце перед бандитами в морской форме, а передо мной — контр-адмиралом Черноморской эскадры. Вы забыли, что вы парвеню среди офицеров Российского флота. Для вас большая честь находиться здесь и принимать участие в наших исторических решениях. Вы разучились держать себя с достоинством морского офицера. Смирно!

Все вскочили.

К о р н. Адмирал! Я не забыл, что я «парвеню» среди вас. Я никогда не забуду, что волей войны и вашей волей инженер Корн четыре года носит кортик, четыре года получает от вас в стальной тюрьме приказы и чины. К сожалению, адмирал, у меня нет ни времени, ни возможности поблагодарить вас... Снаряды уже рвутся в городе. Там — разбитые фронтовики, раненые, а вы закрыли бонами проход, заперли всех на замок, чтобы враг мог их спокойно расстрелять. Разве это не измена, адмирал? Это хуже измены! Мы должны немедленно выйти в море!

А д м и р а л. А мне кажется, лейтенант, что вам необходимо немедленно сдать кортик и оставить нас.

Пауза.

К о р н (*долго смотрит на офицеров, на адмирала, потом медленно отстегивает кортик и протягивает его*). Возьмите, господин адмирал.

М и ч м а н (*выхватывает револьвер и подбегает к Корну*). Провокатор! Ты хочешь предать нас?..

Все бросились, окружили Корна.

Г о л о с а. Провокатор! Расстрелять! Расстрелять!

М и ч м а н. К стенке!.. К стенке!..

А д м и р а л. Смирно! Ни слова. Что это — самосуд? Что за

¹ Текст радиogramмы — документальный. Радиogramма контр-адмирала Саблина Центральной раде.

крики — «к стенке»? Передо мной офицеры или большевистский комитет? Позор! Мичман Кнорис!

Мичман. Есть, господин адмирал.

Адмирал. Георгинов!

Георгинов. Есть.

Адмирал. Проводите его во двор, в конюшню и там... спокойно... без шума (пауза)... сделайте, что нужно.

Георгинов. Есть, господин адмирал.

Корн. Значит, конец, адмирал?

Адмирал. Ступайте!

Корн повернулся, и, когда дошел до дверей, оттуда ворвался крик, выстрелы — все замерли.

Адмирал. Что там?

Вбежал комендант охраны.

Комендант. Господин адмирал, пришли моряки, разогнали охрану, ищут вас, идут сюда.

Шум сильнее.

Адмирал. Не пускать!

Но в эту минуту появляется вооруженный Гайдай с моряками. Офицеры отступили. Большая пауза. Мичман хочет выбежать в другие двери. Гайдай заметил.

Гайдай. Не торопитесь, мичман. Дом окружен со всех сторон.

Мичман (растерянно). Вы ошибаетесь — я не трус. Я... я...

Адмирал. Что вам угодно?

Гайдай. Эскадра ждет приказа адмирала открыть бухту и выйти в море. Мы пришли проводить вас в штаб на флагман.

Адмирал. Эскадра в море не выйдет.

Гайдай. Почему?

Адмирал. У меня нет приказа центра. А вам известно, что согласно Брестскому договору мы не имеем права выходить в море. Выйти в море — значит нарушить Брестский договор и поставить под удар германских войск российскую республику. Москва на это разрешения не даст. Без приказа центра я выйти в море не могу. На корабли я не пушу ни одного германского солдата и буду ждать приказа Москвы. За флот я отвечаю перед революцией.

Гайдай. Приказ есть.

Адмирал. Покажите его.

Гайдай (долго ищет приказ — потом выхватывает маузер). Вот он! (Стеной стали за ним с оружием в руках моряки.) Адмирал! Комитет большевиков просит вас немедленно вывести эскадру в море! Адмирал! Вас просит революция! (Матросы подались

вперед.) Последний раз просим дать ответ! Еще минута—и будет поздно, адмирал. Будет поздно, господа офицеры!

Большая пауза.

Мичман (испуганно). Господин адмирал... адмирал... адмирал...

Пауза.

Адмирал (к мичману). Замолчите! (К Гайдаю.) Хорошо. Я согласен. Офицеры штаба, на флагман!

Гайдай (вытянулся и крикнул морякам). Смирно! На адмирала революционной Черноморской эскадры равняйся!

Подтянулись моряки, взяли «на караул». Адмирал удивленно посмотрел, медленно поднял руку, взял под козырек, за ним офицеры, — они медленно прошли сквозь грозные шпалеры моряков.

Гайдай (вслед). Левой, левой, левой, господа офицеры... (К морякам.) Пошли, братва!

Темно.

З А Н А В Е С

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь. Флагман в море. Гудят машины. Стонет ветер на тросах. С боевой рубки синими шпагами прожекторов фехтует сигнальщик. Светает. Все яснее вырисовываются грозные детали линкора. Палуба флагмана, боевая башня. Жерла 12-дюймовых орудий. Прозрачное морское утро. Пробили склянки. На боевой рубке горнист дал сигнал: «Все наверх». Мчатся из люков моряки, строятся возле бортов на флаг.

1-й матрос. Нет офицеров!

2-й матрос. Офицеры не явились на подъем флага!

3-й матрос. Где же они?

4-й матрос. Спят их благородия!

5-й матрос (к Стрыжню). Позволь разбудить. Я пригоню их сюда без штанов!

Стрыжень. Спокойно, товарищи! Ждать офицеров будем пять минут. Равняйся! Смирно!

Стоят смирно моряки, смотрят на Гайдая и Стрыжня. Большая пауза.

Голоса. А может, разойтись?

Гайдай. Кто сказал — разойтись?

Пауза.

Стрыжень. Моряки, случился неслыханный факт в истории Черноморского флота... Офицеры не вышли на флаг.

Сломался строй, подходят матросы к комитетчикам.

Голоса. Заставить их!

— Бить гадов!

— Бить!

Стрыжень. На места! Запомните все этот факт, а сейчас комитет приказывает держать железную дисциплину.

Дежурный на рубке. Время вышло!..

Стрыжень. Горнист! (Горнист дает сигнал.) Смирно! На знамя революции равняйся!

Медленно пошел вверх на мачту красный флаг.

Стрыжень. Вольно! Разойдись!

Расходятся.

1 - й матрос (к Гайдаю). Кубрик минеров предлагает завтра вместе с флагом подтянуть наверх адмирала, тогда офицеры выйдут.

Гайдай. Еще будет время, браток. Всех развесим сушиться на тросе, как воблу!

Ушли, остался один Стрыжень.

Стрыжень (тяжело задумавшись). Эх, своих бы нам командиров! (Ушел.)

Выходят на боевую башню три матроса, один из них играет на гармонии и поет: «Тече річка невеличка з вишневого саду, кличе козак дівчиночку собі на пораду... Гей, гей...». Выходит старый боцман Бухта.

Бухта (посмотрел на матросов, свистнул в дудку). Слушай команду! Палубу скатить, протереть песком, обратно скатить, обратно протереть и пролопатить. Помещение мыть мылом, железо, медяшки драить.

Вновь свистнул, но ему в ответ, вложив два пальца в рот, засвистал матрос.

2 - й матрос. Катись, старая баржа!

Все засмеялись.

Бухта (вновь свистит). Слушай команду! Взять швабры, шланги. Палуба флагамена хуже конюшни. До чего довели! Сухопутные фраеры вы, а не моряки!

Прыгнул с башни здоровый матрос, подошел, наигрывая на гармонии, к боцману, остановился, смерил его взглядом.

2 - й матрос. Алеша, прочитай старичку боцману доклад про революцию.

Здоровый матрос. Есть, Вася. (К боцману.) Эх, старость твою мне жалко, а то была бы тебе амба в один момент! Ты чего хочешь, чтобы я тебе палубу драил? Я триста лет драил каждый день, а теперь точка... Революция теперь, старый чудак,

революция, понимаешь? *(И заиграл веселую песню, и запели матросы, окружив старого боцмана.)*

2-й матрос. Ну, старик, молчишь? Слабò ему ответ дать. Эх, ты, несознательная старорежимная калоша! Не понимаешь революции. *(Бросил окурок на палубу.)* Наш кубрик постановил поднять за месяц революцию на всех морях и океанах нашей планеты, а ты — драить?

Бухта. Дурак ты, дурак! Не понимаешь, что революция должна на чистых кораблях ходить по морю...

2-й матрос. Отчаливай, братишки, а то старик, выходит, сам про революцию докладывать может.

Здоровый матрос растянул гармонь, затянул лихую песню, ушли моряки. Нагнулся старый боцман и поднял брошенный окурок. Выходят мичман Кнорис и боцман Кобза.

Бухта *(подошел к мичману, вытянулся)*. Дозвольте доложить — окурки бросают на палубу, никто драить не желает. Команды не слушают.

Кобза. Чудак старый, хочешь жить — так лучше помолчи.

Мичман. Ступайте, боцман, у вас в голове не все в порядке. Кому нужна ваша надраенная палуба? Сейчас — чем больше грязи, тем лучше. Ступайте!

Бухта. Есть. *(Ушел.)*

Мичман. Старый идиот! *(Поднял бинокль, смотрит в море.)* Скоро будет Дообский маяк. Через два часа Новороссийск. Последний порт, а дальше? Игги некуда. Что думают моряки?

Кобза. Двадцать часов сидят Гайдай и Оксана в радиорубке. Вызывают Москву и никак вызвать не могут. Мы отрезаны. Что дальше делать — никто не знает. Угля на флагмане хватит дня на два. Кто-то пустил слух, что, как только кончится уголь, подойдут германские подводные лодки, транспортеры, заберут нас голыми руками, а матросов всех расстреляют... Кубрики гудят, идите послушайте.

Мичман. Ты, Кобза, настоящий политик — будешь моим лейтенантом.

Кобза. Покорно благодарю, господин вице-адмирал. *(Ушел мичман. Кобза смотрит ему вслед.)* Сволочь!.. Адмиралом хочешь стать! Только бы в Севастополь вернуться, ты еще у меня боцманом попляшешь. Морда! *(Посмотрел в сторону и быстро ушел.)*

Входят Гайдай и Оксана.

Гайдай. Ветер крепчает. Должно быть, к шторму.

Оксана. Будет шторм. *(Смотрит вверх.)* Что передает сигнальщик?

Гайдай *(считая сигналы)*. Миноносцу «Стремительному» стать на правый фланг... малый ход... «Керчь»... малый ход... «Пылкий»... малый ход... Что такое? Почему он отводит миноносцы от флагмана?

Оксана. Кто сейчас ведет эскадру?

Гайдай. Сам адмирал.

Оксана. А кто возле него от комитета?

Гайдай. Стрыжень.

Оксана. Пойди отдохни, а потом к адмиралу на боевую рубку — скоро Новороссийск. Здесь за ним необходимо внимательно следить. Ступай, Гайдай, ты устал. Быть может, заболел... чего молчишь? Какой ветер! Застегни бушлат... Простудишься...

Гайдай. Я привык... Люблю шторм... Оксана...

Оксана. Смотри, как бросает эсминец «Стремительный»... Ого!.. Совсем ушел под волны, они хлещут над ним... Ложатся мачты... Опять выскочил...

Гайдай. А в кильватере...

Оксана. «Хаджи-бей», «Звонкий», «Пылкий»... Море хмурится, нервничает как... как и ты... Ну, веселее, Гайдай... скоро берег, горы, лес, на конях полетим в первую разведку...

Гайдай. Москва молчит... Прибудем в Новороссийск, необходимо созвать митинг кораблей. Нас спросят: что дальше? Мы ведь комитет. Что ответим? Этой ночью в кубриках никто не спал. Провокацию за провокацией пускают самостийники... Ночью я расстрелял трех провокаторов в трюме, но что из того? Это были руки гада, а голову найти не могу.

Оксана. Сам расстрелял?.. Почему же ты мне об этом не сказал?

Гайдай. Не хотел отрывать тебя от аппарата. Радисту я не верю. Только тебе да Стрыжню верю — и больше никому. Одни — трусы и шкурники, пусти их на берег — и, как мыши, разбегутся домой на печь, к бабе, а другие — просто контра... Всех поставить бы рядышком и шпарить из пулемета до тех пор, пока чистым станет борт!

Оксана. А потом остаться одному на мертвом корабле и самого себя подвесить за горло на гротмачте вместо вымпела. Так? У тебя нервы окончательно развинтились. Не забывай — тот перестает быть большевиком, кто начинает бояться массы, кто не верит ей.

Гайдай. Ты думаешь, я растерялся? Пока рука моя в силах держать маузер, я верю в нашу победу. Уже сегодня офицеры не вышли на флаг. А что будет завтра, если центр не ответит? Если германские войска обложат Новороссийск, а с моря подойдут подводные лодки, гидропланы? Я не знаю, приведут ли ко мне матросы желто-блакитных провокаторов. Я не знаю, верит ли масса в нашу победу...

За сценой слышен голос боцмана Бухты: «Палубу скатить, протереть песком, обратно скатить». Выходит старый боцман со шваброй, крепко трет палубу и сам себе тихо подает команду.

Бухта. Обратно скатить и пролопатить, помещение мыть мылом, железо, медяшки драить.

Г а й д а й. Боцман Бухта!

Б у х т а. Есть, комитетчик.

Г а й д а й. Что это за аврал?

Б у х т а. Если никто не хочет, я один аврал делаю. Стар только стал, а то один почистил бы палубу флагмана... на зло всем вам.

О к с а н а (*рассмеялась*). Дайте, боцман, я помогу вам, а вы отдохните. (*Взяла у него швабру.*)

Б у х т а. Так, так. Обратнo протереть, пролопатить. Хорошо чистит! (*К Гайдаю.*) Сознательная женщина.

Г а й д а й. Ты, старик, к нам в комитет ступай. Ты же «Потемкина» видел?

Б у х т а. «Потемкина», конечно, видел. А когда проходил он мимо эскадры, приказ был отдан... стрелять. Я тогда комендором был, но я не выстрелил. Там корешок мой — Вакулинчук — за правду погиб. Его тело положили в Одесском порту. Лежал он всю ночь при полном стечении народа...

Г а й д а й. Почему же вы не присоединились? Почему не помогли тогда?

Б у х т а. У нас сердце кровью обливалось, но тогда, конечно, в 1905 году, мы не взошли в силу возможности.

Г а й д а й. Ну, а мы, старик, теперь взошли в силу возможности. Вступай в комитет.

Б у х т а. Не могу. Вот когда комитет отдаст приказ всем палубу драить, в карцер сажать тех, кто курит, где вздумает, — тогда (*пауза*), может, вступлю.

О к с а н а. Отдадим, отдадим, боцман. И такой приказ: сначала людей подраим, а потом и за палубу возьмемся.

Б у х т а (*берет швабру*). Оно, конечно, политика теперь подходящая, но я подожду. Я старик. (*Начинает натирать палубу и вновь подает себе команду.*) Палубу скатить, протереть песком, обратно скатить и пролопатить.

Слышна гитара и мандолина. Голос: «Правый борт». Другой голос: «Есть правый борт». Гитара звучней.

О к с а н а. Кто это?

Б у х т а (*посмотрел*). Черти из ада повылезали.

Г а й д а й (*улыбнулся*). Кочегары. Знаменитая на всю эскадру пара — Фрегат и Паллада.

Гитара сильнее, слышен голос юнги: «Левый борт».

Г а й д а й. Сюда давай!

Доносится ответ: «Есть». Музыка сильнее. На сцену выходит высокий кочегар Фрегат, верхом на нем сидит юнга. Фрегат играет на гитаре, а рядом с ним маленький кочегар Паллада — на мандолине.

Ю н г а. Левый борт!

П а л л а д а. Малый ход! Стоп! (*К Оксане.*) Позвольте привет-

ствовать в лице вашей прекрасной фигуры, дорогой товарищ, всех революционных женщин...

Фрегат. Стоп, Паллада!

Паллада. Есть!

Фрегат. Фигура, Паллада, конечно, прекрасная, но для полной победы революции она ни к чему. Нас могут неверно понять. Выпрямляй курс!

Паллада. Есть! *(К Оксане.)* Позвольте у вас попросить пARDону от неотразимых кавалеров всех портов нашей планеты и верных кочегаров революции.

Фрегат протянул руку Оксане: «Фрегат». Подошел Паллада:
«Паллада».

Оксана. Я с радостью принимаю ваш привет, товарищи, и передам его всем трудящимся женщинам от верных кочегаров революции.

Фрегат и Паллада. И...

Оксана. ...и неотразимых кавалеров.

Паллада. Фрегат, туш!

Фрегат. Есть туш. *(Играет.)*

Гайдай. Здорово, братишки! Давай, давай полный ход, чтобы жарко стало на нашей планете!

Паллада. Есть, Гайдай! *(К Бухте.)* Подержи, боцман. *(Дает ему мандолину.)* Фрегат, Фрегат, дорогой! Дай музыку на полном волнении души!

Фрегат. Есть на полном волнении. *(И полным оркестром загремел морской танец, выскочил в танце Паллада, кричит: «Юнга!»).*

Юнга. Есть!

Бухта не выдержал, поднял вверх мандолину и, размахивая ею, радостно закричал.

Бухта. Давай, давай, черти адовы! Обратнo скатить, пролопатить, пролопатить!

Паллада *(танцуя)*. Есть, боцман!

Продолжается буйный танец, неожиданно раздаётся крик, замолк оркестр, все повернулись.

Голос. В комитет! В комитет!

И выскочила из люка группа матросов.

Здоровый матрос *(кричит)*. Давай комитетчиков сюда!

Голос. На палубу их!

Гайдай. Кому нужен комитет? *(Оборвался крик, на минуту замерли все.)* Выходи вперед!

Вышел первый здоровый матрос.

Здоровый матрос. Говорят, что всем комитетом управляет она. *(Показывает рукой на Оксану.)*

Гайдай. Ну, и что же?

Высокий матрос. Мы требуем спустить ее за борт.

Гайдай схватился за маузер. Оксана резким движением остановила его.

Оксана. Почему за борт?

Высокий матрос. Это ты требуешь в комитете смерти всем украинцам? Это по твоему приказу расстреляли в тюрьме трех матросов?

Голоса. За борт ее!

— Лахудра!

— За борт!

Гайдай. Назад!

Выскочил боцман Кобза, который все время незаметно следил за происходящим здесь.

Кобза. Моряки! Что вы делаете? На кого поднимаете оружие? На свой комитет! Кто сказал, что ночью расстреляли трех моряков-украинцев? Неправда! Пойдите в трюм и проверьте. Никто не расстреливал, вас обманули... Ступайте в трюм. В трюм, моряки!

Голоса. В трюм!

— В трюм братва!

Оксана. Стойте! *(Все остановились.)* Проверять нечего. Этой ночью по приказу комитета расстреляны три моряка, агитировавшие за насильственное возвращение эскадры. Комитет и впредь будет расстреливать всех провокаторов. Среди вас есть провокатор, и я его сейчас найду. *(К здоровому моряку.)* Скажи сейчас же, здесь, при всех — от кого ты слышал, что я требую смерти морякам-украинцам? Если он докажет, что собственными ушами слышал, я дам ему свой револьвер, пускай здесь же, на месте, расстреляет меня.

Большая пауза.

Гайдай. Отвечай!

Здоровый матрос подался назад, но моряки отступили от него.

Голоса. Ну, чего молчишь?

— Отвечай.

— Ты первый принес об этом слух в кубрик!

Фрегат *(вынимает маузер)*. Докладай, ибо вопрос серьезный.

Здоровый матрос испуганно повернул голову к боцману Кобзе и только хотел произнести слово, как боцман вздрогнул, выхватил маузер и закричал.

Кобза. Он провокатор!

Выстрелил Кобза, упал здоровый матрос, замерли все. Подошел боцман Кобза, посмотрел на убитого и громко произнес: «Собака!»

Оксана (резко). Боцман! Кто дал вам право стрелять?

Кобза (многозначительно). Стрелять... Стрелять в провокаторов дала мне право революция!

Гайдай. Здорово, боцман! Дай руку, браток!

Матросы. Ура, боцман!

Качают боцмана. Со стороны сурово смотрят Фрегат и Паллада. Еле выдержал Фрегат и закричал.

Фрегат. Выше, выше боцмана, братишки! Чтобы за борт полетел...

Перестали качать. Пауза.

Паллада. Дельфинам на завтрак!

Темно.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Салон командира флагмана. Рояль. Через открытые иллюминаторы видны корабли эскадры, стоящие далеко на рейде.

Мичман (играет на рояле, напевая).

Три юных пажа покидали
Навеки свой берег родной,
В глазах у них слезы сверкали,
И дорог был ветер морской.

На берег пустите сегодня?

Командир флагмана. Без разрешения адмирала никто из офицеров не имеет права оставлять флагман. Я бы сам пошел.

Мичман.

Люблю белокурые волосы,—
Так первый, рыдая, сказал,—
Уйду в глубину под утесы,
Где плещет бушующий вал.

Как жаль! У меня здесь в Новороссийске женщина... и какая женщина, командир! Глаза голубые, голубые, как тропические воды, молодая, темпераментная, прекрасная, как легкий шторм в солнечный день. Разрешите, командир, хотя бы на один час.

Командир флагмана. Нельзя, мичман. Таков приказ адмирала. Да и час вам не поможет. Мы стоим далеко на рейде. Да и кто, мичман, едет к такой прекрасной женщине с голубыми глазами тропических вод на один час?

Мичман (вновь берет аккорд, поет).

Второй сказал без стеснения:

«Я ненависть в сердце таю,

Уйду далеко я от мщенья

И черные очи сгублю».

А третий любил королеву,

Он молча шел умирать,

Не зная ни страха, ни гнева...

Командир флагмана. Грустно, мичман. Как страшно слышать этот прекрасный романс в такое жестокое время!

Мичман (в ответ опять взял аккорд и грустно запел).

А третий любил королеву,

Он молча шел умирать.

Командир флагмана (под тихие аккорды рояля). А третий был Гришка Распутин, и его любила наша королева... мать.

Мичман. Страшно становится... Страшно, командир. Что будет завтра? В трюме расстрелы. Еще несколько таких ночей — и можно сойти с ума!

Командир флагмана. Я хочу знать, что будет завтра, а завтра — завтра должны прийти новый Минин и Пожарский, они соберут Великую Россию, и в последнем шторме Россия освободится от грязи, станет чистой, как молодая невеста. Тогда рука победителя поднимет корону и поднесет ее невесте чистой, прекрасной.

Мичман. Кто же они?

Командир флагмана. Держитесь, князь!

Входят адмирал и боцман Кобза. Кобза остановился, вытянувшись.

Адмирал. Прошу, боцман, садитесь.

Кобза. Покорно благодарю, господин адмирал... я... я...

Адмирал. Прошу, прошу.

Кобза. Я постою, господин адмирал.

Командир флагмана (тоном приказа). Боцман!

Кобза. Есть!

Командир флагмана (приказывая рукой). Сесть здесь.

Кобза. Есть сесть здесь. (Сел.)

Адмирал (к командиру флагмана с подчеркнутой сухостью). Простите, команда здесь излишня. У нас дружеская беседа с боцманом. (И добавил по-английски.) Надо переменить тон — от этой скотины зависит наше будущее.

Командир флагмана. Есть. (Отошел.)

Мичман улыбнулся, сел за рояль, и тихо полился шопеновский вальс.

Адмирал (к Кобзе). Прошу сигару.

Кобза. Благодарю, я курю папиросы.

Адмирал. Возьмите сигару. Прекрасная гаванна. (Закуривает.)

Кобза. Хорошая сигара, только дыму много.

Адмирал. А вы полегче тяните. Так, так, привыкайте, боцман, — как только вернемся в Севастополь, будете офицером.

Боцман. Я знаю. Это дело моего правительства.

Адмирал. Возможно и так, но если не вернемся, тогда...

Боцман. Мы обязаны вернуться, господин адмирал. Не то и вам и мне — крышка.

Адмирал. Что же вы думаете делать?

Кобза. А вы?

Командир флага (не выдержал). Тебя спрашивают, чорт, отвечай!

Кобза. Не кричите. (Пауза.) Я сделал — вот список матросов. Это те, кто против нас. Их необходимо отпустить на берег, а потом по моему сигналу покончить с комитетчиками и огнем линкора заставить повернуть эсминцы назад. Комендоры в моих руках. Сделают. Приказ зависит от вас.

Адмирал (просматривая список). А где же кочегары?

Командир флага. Если отпустить кочегаров на берег, кто поднимет пары?

Кобза. Кочегаров по моему сигналу задраим, а когда покончим с комитетчиками наверху, каждого десятого расстрелять, тогда и пары подымут.

Адмирал. Прекрасно, лейтенант Кобза! (К командиру флага и мичману.) Вот у кого надо учиться действовать решительно и точно!

Кобза. Рад служить, господин адмирал!

Адмирал. Благодарю. (К командиру флага.) Сейчас же отдайте приказ! (Передает список.) Пустить этих на берег до двенадцати ночи. Когда съедут, офицерам быть на палубе и по сигналу боцмана, — извините, лейтенанта Кобзы, — закончить все в пять минут.

Командир флага. Есть, адмирал!

Стук в дверь.

Адмирал (к Кобзе). Станьте здесь.

Кобза прячется за портьеру. Входит Стрыжень.

Стрыжень (к командиру флага). Комитет предлагает сегодня на берег никого не пускать. На берег пустить только тех, у кого будет разрешение комитета. Таких будет не больше десяти.

Командир флага. Я не понимаю этого постановления. Зачем сотни людей держать на корабле, когда есть возможность пустить их на берег?

Адмирал. Я не думаю, чтобы на это согласились матросы — они рвутся на берег, и я их понимаю. Народ устал, все время в

напряженном состоянии. Я советую вам пересмотреть постановление — могут быть эксцессы. Зачем же доводить до них? Это постановление нелепо.

Стрыжень. Комитет не нуждается в советах и пересматривать постановления не будет. Предлагаю выполнять наш приказ. А согласятся ли матросы — это дело наше.

Адмирал. Хорошо. Если матросы обратятся к нам за разрешением, мы поставим их в известность о вашем приказе и направим в комитет.

Стрыжень. Об этом, адмирал, можно было бы и не говорить. Я знаю, что вы поступите именно так.

Вбежал юнга.

Юнга. Товарищ Стрыжень... там... вас... просят в комитет.

Стрыжень. Есть. (Ушел.)

Из-за портьеры вышел боцман Кобза.

Адмирал. Этот приказ — признак их слабости. Они предчувствуют, боятся, но их песня спета. Моряки начнут рваться на берег, а вы, боцман, должны сейчас же поговорить с ними, да так, чтобы они разнесли комитет. Идите и начинайте.

Кобза. Есть. (Ушел.)

Адмирал. Кнорис!

Мичман. Есть!

Адмирал. Немедленно наших офицеров в салон!

Мичман. Есть! (Ушел.)

Входит Корн.

Корн. Можно?

Адмирал. Я вас вызывал час тому назад. Вы всегда опаздываете, лейтенант.

Корн. Меня задержала авария на миноносце.

Адмирал. Что случилось?

Корн. У винта отломалась лопасть.

Адмирал. Вы скоро потеряете минный аппарат. (Захохотал вместе с командиром флага). Скажите, почему вы не выполнили во время похода моих приказов? Почему не следили за семафором?

Входят офицеры.

Корн. Делая такие повороты, или я протаранил бы миноносец «Стремительный», или он меня. Подобные приказы семафора я выполнять не мог.

Адмирал (резко). Это приказ не семафора, а контр-адмирала Гранатова. Вы обязаны выполнять мои приказы, а если не умеете вести миноносец, то подайте рапорт и вступайте в комитет.

Корн. Если и впредь в походе будут подобные приказы, я, адмирал, рапорт подам (пауза), только не вам, а комитету. (Повернулся и вышел.)

Один из офицеров (вслед). Парвеню!

Адмирал. Кадеты, гардемарины, офицеры, друзья!.. Не для того, чтобы вы выслушали приказание, вызвал я вас. Настала ответственная минута. Честь офицера великого русского флота повелевает нам взять оружие в руки и защищать ее, не то нам останется жить среди грязи и ждать, как послушным ягнтям, ножа варвара. Через несколько минут боцман Кобза подаст сигнал. Кто хочет вместе со мной гордо смотреть смерти в глаза для того, чтобы овладеть потерянным солнцем, воздухом, жизнью, кто пойдет со мной наверх?..

Офицеры. Мы все пойдем!

— За святую Русь!

Мичман. За честь офицера!..

Командир флага (вынул георгиевский крестик).
Смерть вандалам! Дети, благословляю вас! (Крестит.)

Слышен шум.

Адмирал. Начинается. (Шум сильнее, все вынули револьверы.) Кобза ведет комендоров.

Командир флага. Приготовиться!

Шум еще сильнее.

Адмирал. Сейчас будет сигнал, и... тогда...

Слышны — духовой оркестр, возгласы «Ура, ура!» Вбегают в салон: Гайдай, Стрыжень, комитетчики, Оксана, юнга. С ними двое в штатском. Крики: «Аврора»... Привет!.. Ура!..»

Гайдай. Адмирал, к нам прибыли дорогие гости (Указывает на двух в штатском.) Балтийцы.

Адмирал. «Аврора»...

1-й балтиец. Через фронты Каледина, Корнилова, Центральной рады пробились мы и принесли вам привет от крейсера, давшего первый залп по Зимнему. Черному морю шлет привет Красная Балтика!

Гайдай (офицерам). Ура балтийцам!

Офицеры посмотрели на адмирала, тот медленно отдает честь.

Офицеры. Ура... ура... ура....

Адмирал. Мы рады приветствовать дорогих гостей. (Пауза.) Но, простите, чем можете вы доказать, что являетесь представителями Балтики?

Гайдай. Как?

Адмирал. Время военное. Я обязан точно знать, кто находится у меня на кораблях (к комитетчикам), и вы тоже. Поэтому еще раз прошу извинить меня, но я вынужден задать несколько вопросов. Первый. (К балтийцам.) Скажите, кто командует сейчас крейсером «Орел»?

2-й балтиец (сурово). Крейсером «Орел» командует капитан 1-го ранга Звездочетов.

Адмирал. Так. Верно. Быть может, вы укажете его фотографию? (Показывает на стенку. Балтиец подошел и снял со стены один портрет.)

2-й балтиец (держа в руках фотографию). Вот он.

Адмирал. Так. Это мой друг. Верно. Извините, еще один вопрос.

2-й балтиец. Простите, адмирал. Мы не привезли вам приветов от вашего друга, так как месяц назад расстреляли его на палубе за измену революции. (Бросил фотографию под ноги адмирала.)

1-й балтиец. Еще есть вопросы?

Адмирал. Нет... нет...

Медленно подходит Стрыжень, останавливается перед адмиралом.

Стрыжень. Адмирал, вы убедились, кто они?

Адмирал. Да.

Стрыжень. Комитет просит вашего разрешения провести первое заседание с дорогими гостями здесь в салоне.

Адмирал. Прошу. (Повернул кресло Оксане.) Прошу, садитесь.

Оксана. Благодарю, адмирал.

Адмирал уходит, за ним офицеры.

Стрыжень (Гайдаю). Проверить охрану!

Гайдай. Есть! (Пошел к двери, но заметил в углу офицера маленького роста, незаметно здесь застрявшего — на него все происходящее так подействовало, что он совершенно растерялся и тупо смотрит в одну точку. Гайдай подошел к нему, иронически взял «под козырек».) Капитан... Капитан, отдайте концы.

Офицер (вздвогнув). А... а... сейчас... (И быстро выбежал, оглядываясь.)

Оксана. Скажи, браток... Мы так ждали известий из центра, были такие минуты, что вспомнить страшно. (Гайдай вернулся.) Садись сюда — на адмиральское место.

Гайдай. Кури, браток. Я думал, вы забыли о нас. (Смеется.)

1-й балтиец. Ну!.. (Смеется.)

Гайдай. Факт!

1-й балтиец. Чудак. Забыть! Разве Черноморский флот — девушка? Ну, и чудак ты!

Гайдай. Понимаешь — вас не слышать, а мы отрезаны. На кораблях провокации. Одни домой рвутся, другие — контра, еще день — и за горло взяли бы нас, лишь бы только повернуть корабли.

Стрыжень. Ситуация, товарищи, тяжелая.

Оксана. Из Севастополя мы вырвались, а вот дальше...

2-й балтиец. Да... Дальше итти некуда. Эскадра ваша в Но-

вороссийске окружена, как и вся республика наша, врагами. В огне восстаний горит Украина, Сибирь, Дон... Германия поставила в Бресте ультиматум вывести Красную армию из Украины, Финляндии и демобилизовать армию.

Комитетчик. Что же ответила наша делегация в Бресте?

2-й балтиец. Наша делегация в Бресте, товарищ, ответила: «Мы открыто заявляем всем рабочим, крестьянам и солдатам России и Германии, мы заявляем всем трудящимся и эксплуатируемым классам всего мира, что мы вынуждены принять ультиматум, продиктованный нам более сильной в настоящий момент стороной, и что мы немедленно подписываем предложенные нам ультимативные условия и отказываемся от какого бы то ни было их обсуждения». Так заявила наша делегация в Бресте два месяца назад. А пока съезд советов ратифицировал договор, подписал мир, чтобы спасти первую в мире пролетарскую революцию, от нас оторвали еще Карс, Ардаган, Батум.

Гайдай. Батум... Ардаган... Карс...

Комитетчик. Так мы всем флотом пойдем в Батум и силой вернем его.

2-й балтиец. Да. Пойдете и сорвете Брестский договор?!

Гайдай. Как же это так выходит? Говори ясней. Воевать нельзя, значит — возвращаться назад?.. Да?.. Сдать корабли?.. Да?.. Ты хочешь возврата?

2-й балтиец. Возврата хочет Центральная рада и германский империализм. Они приставили к горлу рабочих Украины кайзеровский штык, гонятся за вами, чтобы захватить ваши корабли и бросить их в бой против Франции, Англии, — продолжать войну.

Гайдай. Так что же делать?

Комитетчик. Нас не заберут!

2-й балтиец. Вы отрезаны.

Гайдай. Нас Дон поддержит.

2-й балтиец. На Дону Краснов расстреливает ревкомы, он скоро окружит Новороссийск, чтобы первым захватить ваши корабли и создать на Черном море неприступное гнездо контрреволюции. С моря, с гор вас окружают, окружают со всех сторон и каждый день, каждый час затягивают петлю вокруг вас все крепче и крепче. Каждая минута дорога, товарищи!

Гайдай (подходит к балтийцу). Так... Так, товарищ. Правильно, браток. Каждая минута дорога. Необходимо принять последний бой. Необходимо прорваться через Дарданеллы. Так?..

2-й балтиец. Прорваться, сорвать договор? На это партия не пойдет. Помочь же вам республика не может. Поэтому наш совет один: чтобы могущественное оружие — черноморская эскадра — не досталась врагу, необходимо немедленно топить боевые корабли.

Большая пауза.

Стрыжень. Что... что такое? Я прошу повторить последние слова.

2-й балтиец. Чтобы могущественное оружие — черноморская эскадра — не досталась врагу, необходимо немедленно топить боевые корабли.

Большая пауза.

1-й комитетчик. Топить боевые корабли?

2-й комитетчик. Топить боевые корабли?

Стрыжень. Это совет центра?

2-й балтиец. Это приказ!

Гайдай. Немедленно топить боевые корабли? Провокаторы! (Выхватил маузер, блеснули маузеры и у комитетчиков. Крики: «За борт их! За борт!») Комитетчики, центр никогда не мог дать такого трусливого приказа. (К балтийцам.) Кто прислал вас сюда?

2-й балтиец. Нас послала партия большевиков. Мы передали вам ее приказ.

Гайдай. Черноморцы, это — провокатор! Отвечайте, как перед расстрелом: кто послал вас сюда?

2-й балтиец. Партия большевиков.

Гайдай. Стоп! Я голосую. Кто за то, чтобы их немедленно расстрелять на палубе?

Комитетчики подняли руки с маузерами.

Гайдай (к Оксане и Стрыжню). А вы?

Оксана. Мы — против.

Гайдай. Вы, значит, за провокаторов?! Почему вы оба не голосуете?

Стрыжень. Потому, что расстрелять и дурак сумеет, а затем — разве от этого легче станет? Быть может, это действительно приказ партии. Надо подумать... Подумать... И проверить, а не играть маузерами. Еще день, два, и история навсегда запишет, с кем черноморцы.

Оксана. Они свое слово комитету сказали. Революция в огне, и ее именем они предлагают смерть кораблям. (К Гайдаю.) А ты что скажешь комитету? Какой выход ты предлагаешь эскадре?

Гайдай (кричит). Чего вы хотите от меня? Если бы ты могла читать, что у них в душе, я бы вырвал у них из груди сердце и протянул его тебе. (Пауза.) Но разве и так не видно, что они провокаторы? Партия может приказать нам умереть в бою, но она никогда не прикажет топить корабли, боевые корабли!

Комитетчики. Довольно!

— На палубу их!

— Под башню!

Оксана. Я предлагаю арестовать их и продержат, пока не придет подтверждение из Москвы. Предупреждаю, комитет расстреляет всех, кто попыбует устроить самосуд.

Г а й д а й. Так... покрываешь их именем комитета. Черноморцы! Комитетчики! Кто не согласен с нею — за мной!

О к с а н а. Гайдай... Гайдай...

Выбежал Гайдай из салона, за ним медленно вышла часть комитетчиков. Засуетились те, кто остался. Шум.

Г о л о с а. Что же теперь делать? Что делать?

С т р ы ж е н ь (взволнованно). Спокойно, товарищи! Спокойно!

О к с а н а. Взять под стражу! Отвести в трюм! Держать там, пока не получится подтверждение из Москвы!

Четверо вооруженных моряков медленно вывели балтийцев. Все внимательно следят за ними, а когда закрылись двери, бросились все к Оксане и Стрыжню.

Г о л о с а. Что же теперь?

— Отвечай!

— Говори!

О к с а н а (с трудом поборов волнение). Выбросить из партии Гайдая за срыв партийной дисциплины, которая должна сейчас быть железной.

К о м и т е т ч и к (растерянно). Быть может, попросить его вернуться?

О к с а н а. Партия никогда не просит. Заседание комитета большевиков Черного моря продолжается.

Темно.

З А Н А В Е С

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Салон адмирала.

Гайдай. Никого нет.

Кобза. Где же она может быть?

Гайдай (оглядывается). И мальчугана нет.

Кобза. Надо сейчас же ее разыскать! (Пауза.) И кончать...

Гайдай (встревоженно). Что?

Кобза (заметил, переменяет тон). Я говорю, кончить надо, тобишь, договориться, доказать, что она ошибается, что из-за нее комитет раскололся... в такой ответственный момент — постольку, поскольку завтра подойдут германские подводные лодки, а с берега — пехота кайзера, гайдамаки. К бою готовиться надо. Раздать всем оружие, часть людей послать на берег, а не сидеть сложа руки. Она обязана заставить Стрыжня раздать матросам оружие, пулеметы, бомбы, патроны!

Гайдай. А если она не согласится?

Кобза. Если не согласится... (Долго смотрит на Гайдая, боится сорваться, говорит медленно, не спуская с него глаз.) Тогда необходимо немедленно уничтожить.

Гайдай (схватил Кобзу за грудь, прижал к стенке). Уничтожить?

Кобза (тревожно). Что с тобой? Не ее — балтийцев уничтожить, провокаторов. Это они опутали Оксану.

Входит Оксана.

Оксана. Что вам нужно?

Кобза (кратко). Мы пришли поговорить с вами — постольку, поскольку мы...

Гайдай (перебивая). Я сам поговорю! Ступай, Кобза!

Кобза. Вместе, может, лучше?

Г а й д а й (резко). Топай.

Кобза ушел.

О к с а н а. Что же ты стоишь? Подойди ближе. Ты все прячешься в каземате комендоров. Ты побледнел, исхудал. Сядь ближе. Расскажи, что делаешь.

Г а й д а й. Я в последний раз пришел спросить тебя — что делает комитет?

О к с а н а. А зачем ты Кобзу взял с собой? Ему тоже необходимо знать, что намерен делать комитет?

Г а й д а й. Боцман Кобза теперь наш, и бояться его нечего.

О к с а н а. Так зачем же ты его отослал?

Г а й д а й. Потому, что... (Пауза.)

О к с а н а. Ну?..

Г а й д а й. Потому, что я хочу говорить не только о работе комитета.

О к с а н а. А еще о чем? У меня нет времени.

Г а й д а й. Ты будешь говорить, так как я этого хочу! Я найду для тебя время!

О к с а н а. Ты пришел угрожать мне?

Г а й д а й. Не угрожать я пришел! Я кричать хотел, когда шел к тебе! Страшным кошмаром обступили нас эти дни. И это принесли они, — те, что называют себя балтийцами! Топить корабли... топить корабли... Кто может пойти на это? Я хотел бы знать — кто?

О к с а н а. А если революция — штаб ее прикажет, как ты поступишь?..

Г а й д а й. Мы примем приказ штаба, но сами топить не будем, не можем топить! Для нас не хватит места на Черном море. — мы пробьемся через Дарданеллы, пойдем в чужие моря, подожжем их нашим красным огнем и, как «Потемкин», гордо пронесем наше знамя до Балтики или... погибнем в неравном бою... как герои!

Большая пауза.

О к с а н а. Чем больше я слушаю тебя, Гайдай, тем больше убеждаюсь, что балтийцы правду принесли нам из центра. Ты подымешь эскадру против нас, погибнешь, как герой, сорвешь Брестский договор, и штыки кайзера подымутся над полями республики. И от Чёрного моря до Ледовитого океана расставит ноги жандарм. Но до этого мы не допустим. Мы найдем того, кто превратил флагман в динамит, мы найдем того, кто твоими спичками, Гайдай, поджигает фитиль!

Г а й д а й. До каких же пор резать собственное тело и кровью своей кормить бешеных собак, лишь бы не кусались?! Финляндию отдали... Украину отдали... Карс... Ардаган... Батум...

О к с а н а (взволнованно). Гайдай!

Г а й д а й. Топить эскадру и такой ценой покупать передышку...

Оксана. Гайдай!

Гайдай. Что может сравниться с этим? Отвечай!

Оксана. Какие слова? Слова какие найти для тебя, чтобы понял ты партию?..

Гайдай. Эсминцы... линкоры... боевые корабли.... Торговать стали дешево и чем?!

Оксана. За первую в мире пролетарскую революцию это недорого, Гайдай!

Гайдай. Стоп! Ясно!

Оксана. Ясно? *(Обрадовалась)*. Наконец-то ты понял! Гайдай... *(Идет к нему)*. Ты... ты... тебе все ясно?.. Ясно? Как я рада...

Гайдай *(резко)*. Да! Все ясно! Смерть двух провокаторов освободит тебя, вас — и это будет недорого, Оксана! *(Резко повернулся и вышел)*.

Оксана *(вслед ему)*. Гайдай! *(Большая пауза)*. Ушел! *(Взволнованно)*. Ушла горячая голова! Ушел огонь, страшный тем, что он может уничтожить себя и нас в бунтарских слепых страстях... Какие слова... слова какие найти для тебя?.. Гайдай... Гайдай... Нет... Нет... Поздно... Огонь на динамите... Силою необходимо гасить его. Ставить точку... А если нет... то... уничтожить... Уничтожить? Да? *(Большая пауза)*. Да! *(Решительно подошла к разостланной на диване шинели. Тихо)*. Юрко, Юрко! *(Громче)*. Товарищ, матрос революции, вставай!

Из-под шинели слышен голос юнга.

Юнга. Спать хочу!

Оксана. Вставай, одевайся! Ты же матрос! Тебя ждет революция!

Юнга. Пусть и она немного отдохнет... Она устала, как я...

Оксана. Как же революция отдохнет, если ты, ее матрос, спишь? А кто на посту будет стоять? Одевайся, товарищ юнга, и слушай!

Юнга. Есть слушать, тетя Оксана!

Оксана. Я сейчас пойду в трюм, а ты тихонько, чтобы никто не заметил, пройди на бак и посмотри, много ли там матросов и там ли боцман Кобза. Только чтобы тебя не заметили. Потом спустись вниз к третьему кубрику — узнай, спят ли комендоры, и быстро возвращайся. Понял?

Юнга. Есть, тетя Оксана! Понял!

Оксана. Смотри, чтобы тебя Кобза не увидел. А если тебя схватят за руку и спросят, что ты тут делаешь, что ты ответишь?

Юнга. Я скажу, что я...

Оксана. Ну...

Юнга. Я скажу, что у меня живот болит, и я в гальюн иду... «Пустите — не выдержу».

Оксана. Качай! Качай!

Юнга убежал. Входят Стрыжень и комитетчики.

Стрыжень. Задраить салон!

Комитетчики задраивают.

Оксана. Что случилось?

Стрыжень. Радиограмма из центра.

Оксана. Москва ответила?

Стрыжень. Да. Шифрованная комитету, простая — адмиралу.

Оксана. Читай.

Стрыжень. Я прочитаю радиограмму адмиралу. (Читает.) «Наморси. Коллегия Народного комиссариата по морским делам приказывает вам немедленно принять меры к переводу судов из Новороссийского порта в Севастопольский с таким расчетом, чтобы закончить перевод всего флота не позже 19 сего июня». Что же это?.. значит, возвращаться?

Комитетчики. Назад?..

Оксана (взволнованно). Шифр! Давай шифр!

Комитетчики. Шифр... шифр...

Стрыжень (читает). «Семнадцать, дробь тире три одиннадцать. Дорогие товарищи. Двадцать шесть, дробь пять, семь, сорок три. Германия ультимативно требует от вас возвращения флота в Севастополь. Одиннадцать, три, дробь пять. Не давая никаких гарантий, кроме бумажных, что он не будет захвачен ими или Украиной. Двадцать семь, дробь ноль, ноль, три, пять... Наш морской представитель в мирной делегации в Киеве донес, что немцы там требуют участия нашего Черноморского флота в войне против союзников, на что Украина склонна согласиться. Двадцать четыре, семьдесят семь, дробь ноль, три, один. На наше предложение немцам оставить флот в Новороссийске под гарантию, что он оттуда не выйдет, дан отрицательный ответ. Все дипломатические попытки обеспечить Черноморский флот в Новороссийске оказались тщетными. При таких условиях и при беззащитности Новороссийска с суши принято решение... Семь, ноль, дробь двадцать один...»

Стук в дверь.

Стрыжень. Отдраить!

Вбегает юнга.

Юнга. Тетя, Кобза только что разбудил комендоров и о чем-то тихо с ними говорит. Туда пришел Гайдай.

Стрыжень. Тсс... Принято решение... семь, ноль, дробь двадцать один.

Большая пауза.

Комитетчики. Давай, давай, Стрыжень.

Стрыжень (с трудом). «Принято решение уничтожить суда в Новороссийске, чтобы они ни в коем случае не могли быть использованы Германией. Срок немецкого ультиматума истекает

14 июня. Ввиду германского ультиматума правительство сочло себя вынужденным формально согласиться на возвращение судов в Севастополь. В этом смысле вам будет послан нешифрованный приказ, но вы обязуетесь его не исполнить и считаться только с настоящим предписанием — флот должен быть уничтожен. Моряки обязаны понять, что правительство решается на эту страшную меру только потому, что другого исхода нет. Двадцать четыре... тридцать пять... Ульянов... Тридцать один... Сорок три...

1-й комитетчик. Тридцать один, сорок три...

2-й комитетчик. Тридцать один, сорок три...

3-й комитетчик. Тридцать один, сорок три... Ленин.

Большая пауза.

Оксана (тихо). Гайдай... Остановить Гайдаю немедленно...

Стрыжень. Немедленно освободить балтийцев!

Стрыжень зажег шифрованную радиограмму. Гаснет свет, и только в свете горящей радиограммы, истлевающей в руках Стрыжня, постепенно исчезают суровые лица комитетчиков. Темно.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ночь. В трюме. Слышно — шумят, стонут волны, бьют о борт. У отсека стоит часовой — он оперся на винтовку, дремлет. Шумят, рокочут волны, бьют о борт. Входят боцман Кобза и Гайдай.

Кобза. Надо скорей кончать, Гайдай. На рассвете она может их выпустить.

Гайдай. А может, подождать до утра? Я еще раз поговорю с ней.

Кобза. Ждать нельзя ни минуты. Сегодня ты сам убедился, что она уже сагитирована ими. На рассвете она их выпустит, и, если провокаторам удалось окружить комитет, они окрутят и моряков, уничтожат корабли, предадут революцию. Помни, Гайдай, история никогда не простит твоих колебаний — постольку, поскольку перед нами поставлена великая задача: спасти флот и до самой смерти биться под красным знаменем...

Гайдай (тяжело). Хорошо... я согласен кончать сейчас. Там часовой...

Кобза. Подойдем к нему — пока ты будешь говорить, я подготавливаю мешок и шкотик. Идем.

Пошли.

Часовой. Стой! Кто?

Гайдай. Свои. Не балуй с винтовкой. Не узнаешь, чудак, своих? Я — Гайдай.

Часовой. А там кто?

Г а й д а й. Боцман Кобза.

Ч а с о в о й. Чего вы бродите по трюму?

К о б з а. Ищем гада, укравшего пулемет из каземата... должно быть, где-нибудь тут в трюме запрятал. Ты никого не видал?

Ч а с о в о й. Нет. А кто бы мог быть?

К о б з а. Кто... контра среди нас. *(Бросился на постового, за ним Гайдай, завязали рот, руки, ноги и понесли. Через минуту вернулись.)*

К о б з а. Как отдраим, сразу туда. Выводить не надо. Спят, видно, дорогие товарищи, и не снится им, что суд праведный идет. Давай!

Входит Оксана, оглянулась назад.

Принимаются открывать.

Оксана. Юрко, скорей, где ты там?

Юнга *(бежит)*. Я здесь.

К о б з а *(встревоженно)*. Кто-то идет.

Идут Оксана и юнга.

Г а й д а й. Кто там?

Оксана *(встревоженно)*. Гайдай!

К о б з а. Я говорил, что она придет их освободить!

Г а й д а й. Идешь освобождать врагов революции?

Оксана. Освобождать представителей центра.

К о б з а. Отдраивай! *(Бросился открывать.)*

Оксана. Стойте... Самосуд... Отойдите... Гайдай, гони отсюда Кобзу! Ты будешь знать все... Гайдай, стой... *(Выхватила револьвер.)* Я буду стрелять... Раз... Гайдай... два... Гайдай...

Г а й д а й. Стрелять?! За провокаторов?! В меня?! На... *(Разорвал тельник.)* Стреляй!

В эту минуту Кобза выхватил маузер и выстрелил в Оксану, она пошатнулась и упала.

Юнга *(крикнул)*. Тетя! *(Бросился к ней.)*

Пауза.

Г а й д а й *(тяжело повернул голову, смотрит воспаленными глазами на Кобзу и глухо произносит)*. Что ты сделал?

К о б з а. Если бы не я ее, она бы тебя... Сам же ты кричал «Стреляй»... Постольку, поскольку она...

Г а й д а й *(глухо)*. Я кричал «стреляй»... *(Наступает на Кобзу, тот отступает.)* Я кричал... гад... *(Выхватил маузер. Кобза побежал, Гайдай за ним. Через минуту где-то далеко слышен сначала один выстрел, потом второй.)*

Тихо прокочут волны, стонут, бьются о борт. С трудом выпрямился юнга, стоит перед мертвой Оксаной.

Юнга (сквозь слезы). Прощай, дорогая тетя Оксана! (Медленно снял бескозырку и тихо говорит.) Тетя Оксана... Ты жертвою пала в борьбе роковой, в любви беззаветной к народу, за жизнь его, честь и свободу. Прощай же, товарищ... (И бурные слезы душат мальчика. Большая пауза.) Прощай, тетя Оксана!..

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Палуба флагмана. У орудийной башни стоят: адмирал, командир флагмана и группа комендоров-самостийников.

Адмирал. Я знаю, трудно шесть лет мотаться по морю. Две войны. Такой срок, что вы и детей своих не узнаете. Сыновей взрослых встретите.

Командир флагмана. Шесть лет ждут нас жены, молодые девушки. Какая будет встреча?!

1-й комендор. Какая будет встреча... Еще две недели, и Херсонщина наша золотою станет. Выйдешь в степь — катятся волны ржи, пшеницы, за горизонт убегают, а ты стоишь на земле, вот так — расставив ноги, и не колыхнешься, как на корабле... Стоишь крепко и слушаешь, как наливаются хлеба... Пятьдесят десятин одной пшеницы отец засеял весной...

Командир флагмана. Если сегодня повернем в Севастополь, то как-раз попадем к жнитву. За шесть лет забыли косу в руках держать.

2-й комендор. У нас на Херсонщине — машины, косить батраков нанимаем. Скорей бы домой, а там...

Адмирал. Все зависит от вас. Исполните последний и единственно разумный приказ правительства, — вернемся в Севастополь, сдадим корабли, — я отдаю приказ о демобилизации. С войной покончено!

2-й комендор. А комитет как? Позволит?

Адмирал. Вернемся в Севастополь — там комиссаров и комитетов нет. Полковник Центральной рады поручил мне передать вам, что в Севастополе вас, как героев, торжественно встретят, выплатят жалованье за два месяца и всем разрешат вернуться домой.

1-й комендор. Пускай кометитчики только попробуют вернуться вместе с нами, мы там спросим с них за расстрелы в трюме, за смерть боцмана Кобзы. Припекло Москве, припечет и им!

Командир флагмана. Но здесь от них можно ожидать всего, чего угодно. Начнут митинговать и могут в озлоблении пустить на дно корабли... тогда все вы очутитесь вне закона, и не видать вам ни детей, ни отцов своих никогда!

1-й комендор. Никаких митингов мы не допустим, а если и будет, то он будет для них последним!

2-й комендор. Этой ночью мы предупредили всех: кто хочет увидеть родной дом, кто хочет, чтобы вольная Украина имела флот, тот обязан выполнять только ваши приказы, адмирал.

Адмирал. Для меня ваша воля, воля революционных моряков, — закон.

Входят Стрыжень и балтийцы.

1-й комендор. Идут агитировать!

Стрыжень (*подошел к адмиралу*). Через десять минут начнется митинг. Делегаты кораблей съехались. Мы хотим поговорить с вами в последний раз и просим сойти вниз в комитет.

1-й комендор. Зачем им идти туда — может быть, скажешь при нас?

Снизу поднимаются два кочегара — Фрегат и Паллада. Медленно вытирают паклей голые руки.

Стрыжень. Вам обо всем будет доложено на митинге.

2-й комендор. Мы повернем назад без митингов, дорогу найдем и без вас!

1-й комендор. Довольно языком трепать!

3-й комендор. Слыхали!

Адмирал. Вместо митингов, подумайте в комитете о том, стоит ли вам, при такой ситуации, возвращаться назад. Через час будет поздно, я без митингов отдам приказ поднять пары и выйти в море.

1-й балтиец. А может быть, для вас, адмирал, лучше еще до митинга оставить флагман?

2-й комендор. Ты тут не кричи и законы нам не устанавливай — это тебе не Балтика, а Черноморский флот!

Медленно подходят Фрегат и Паллада, вытирая руки.

1-й комендор. Наш флот...

Фрегат (*крикнул на комендора*). Эй, ты... Ошибка природы, закрывай поддувало, а то я тебя этой нежной рукой так закрою, что кранцы лопнут...

Паллада. И на всю жизнь кусать не будет чем...

Адмирал. Я запрещаю митинг! Предлагаю выполнять мой приказ!

1-й балтиец. Мы отменяем ваши приказы.

Стрыжень (*к Фрегату*). Давай сирену — на митинг!

Фрегат. Есть, товарищ Стрыжень! Даю сирену, да так, чтобы на солнце слышно было.

Паллада (*к комендорам*). А вам советуем спустить катерок, — чувствует душа моя, что после митинга придется вам от нас драпануть на легком катере... в порт.

Фрегат ушел.

Адмирал. Вас черноморцы заставят слушать мои приказы!

Созывайте митинг! Он будет для вас последним! (Ушел, за ним комендоры.)

Стрыжень. Показал зубы... сволочь...

Паллада. Фрегат выдернет... ручаюсь...

Вбежал комитетчик.

Комитетчик (к Стрыжню). Кочегары вооружены все...

Стрыжень. Окружить боевую рубку, приготовить гранаты.

Комитетчик. Есть! (Ушел.)

Загудела сирена; в нарастающем темпе мчатся на палубу матросы, комитетчики; останавливаются возле Стрыжня, отдельные группы — по бокам. Выходят адмирал, офицеры, самостийники-комендоры. Замолкла сирена. Большая напряженная пауза.

Стрыжень. Товарищ флот... Один вопрос... Судьба эскадры... С кем пойдет Черноморский флот... Какое последнее слово ты впишешь в свою историю?

1-й комендор (перебивая). Судьба эскадры решена.

Голоса (комендоров-самостийников). У адмирала есть приказ центра!

— Адмирала!

— Приказ!

— Прочитать приказ!

Стрыжень. Приказ прочтем потом, а сейчас даю слово представителю центра — балтийцу.

2-й балтиец. Черноморцы!

Возгласы самостийников не дают ему говорить.

Самостийники. Приказ давай!

— Адмиралу слово!

— Приказа боитесь!

— Адмиралу первому!

Бросились комендоры вперед, но им навстречу выступили кочегары.

Адмирал. Моряки! Приказ нашего правительства — немедленно вернуть эскадру в Севастополь. Я вам сейчас его прочитаю и скажу свое слово.

Стрыжень (перебивая адмирала). Адмирал, слова я вам не давал!

Адмирал. Слово мне дал революционный флот! (Указал рукой на комендоров.)

Кочегары. К чорту!

— Балтийцам слово!

Комендоры. Адмиралу!

— Голосуй!

— Голосуй!

Стрыжень. Спокойно! Спокойно! Я голосую! Кто за то, чтобы дать первое слово балтийцам? Линкор «Свободная Россия»!

Большая пауза. Все повернулись к представителю линкора.

Представитель линкора. Есть. «Свободная Россия» хочет слушать первым адмирала!

Комендоры. А-а-а...

Стрыжень. Миноносец «Керчь»!

Представитель «Керчи». Есть. «Керчь» будет слушать первым балтийца.

Стрыжень. Эсминец «Звонкий»!

Представитель «Звонкого». Есть. «Звонкий» за слово адмиралу.

Стрыжень. Эсминец «Хаджи-бей»!

Представитель «Хаджи-бей». Есть. «Хаджи-бей» за слово балтийцу.

Стрыжень. Эсминец «Быстрый»!

Представитель «Быстрого». Есть. «Быстрый» за слово адмиралу.

Стрыжень. Линкор «Воля»!

Представитель «Воли» (медленно). Линкор «Воля» будет слушать адмирала.

Комендоры (возгласы). Ура!.. ура!..

— Наша взяла!

Адмирал. Моряки, братцы... дети...

Фрегат (адмиралу). Говори, говори, старик! Только думай... в последний раз. Потому слово не воробей — вылетит — и будешь ловить его потом... на дне морском.

Паллада. И никто сочувствовать не станет!

Адмирал. В последний раз предлагаю выполнить приказ нашего правительства и вернуться в Севастополь. Кто пойдет против приказа, кто не выполнит ультиматума, тот поставит себя вне закона. Тогда даже родина откажется от вас, и любая страна будет иметь право уничтожить вас как осужденных преступников. Кто хочет такой позорной смерти? Того, кто толкает вас в ее объятия, того необходимо немедленно гнать с кораблей. Для эскадры есть только один выход — вернуться назад. Братцы! Не слушайте комитетчиков — без них пойдём назад...

Лейтенант Корн (перебивая). Эсминец «Керчь» назад не пойдет! Это измена!

(Слышен шум пропеллеров.

1-й балтиец (крикнул). Смотрите вверх! (Все смотрят вверх.) На крыльях коршунов — черные кресты.

Шум пропеллеров сильнее. Замерли все с поднятыми головами — прозно проходят по палубе тени гидропланов.

1-й балтиец. За ними идут подводные лодки, крейсер «Генбен», транспорты... Они заберут нас, чтобы потом из этих орудий расстреливать революцию. Ультиматум заставил правительство

отдать такой приказ, но кто из вас решит вернуться назад... (Шум пропеллеров еще сильнее, вновь грозно прошли по палубе тени гидропланов.) Необходимо топить боевые корабли и итти на помощь революции!

Комендоры. Назад!

— Домой!

— Назад возвращаться!

Адмирал. Смирно! Слушать приказ! Поднять пары! Курс — вест!

Командир флагмана. По местам!

Комендоры. По местам!

— По местам!

Вышел вперед Фрегат.

Фрегат (адмиралу). Чего же ты стоишь? Вот тебе наш инструмент (бросил в него паклей), качай сам в кочегарку и поднимай пары!

Паллада (комендорам). А вы скидавайте штаны, делайте из них паруса и дуйте один другому... У него (показывает на адмирала) кишка тонка пары поднимать!..

Вперед бросился комендор.

1-й комендор (выхватил маузер). А-а... припекло Москве, припечет и вам!

Фрегат (выхватил маузер). Братва!..

Ощетинившись маузерами, винтовками, бомбами, стали комитетчики против вооруженных самостийников. Большая пауза. Гудят гидропланы. Медленно выходит с вещами Гайдай. Идет, опустив голову, ни на кого не глядит, — он оставляет корабль, проходя между противниками.

Стрыжень. Гайдай! (Остановился Гайдай, поднял голову, взволнованно обвел всех глазами.) В такой момент идешь на берег? (Пауза.) Чего ты молчишь?

Гайдай. Куда иду?.. Разве я знаю, куда итти. Где берег мой... Скажите, товарищи, куда итти?.. В какой крови утопить страшную вину перед вами? В какие моря, степи и горы уйти, чтобы иметь право вернуться к вам... чтобы я силу нашел сбросить тяжесть, что душит, гложет сердце и разрывает мозг... Скажите, товарищи, ваше слово... Одно слово... Это будет берег мой, и я приду к нему... (Пауза.) Вы молчите. Я понимаю. Стоп, Гайдай!... Стоп! (Бросил сумку на палубу.) Никуда я не пойду! Нет у меня дороги! Все ясно! Никуда от себя не убежишь! Не убежишь, Гайдай! Вас прошу, товарищи, во имя прошлого, во имя прошлых боев, когда я гордо шел с вами под свист шрапнели и грохот снарядов... Я умел слушать приказы партии, — тогда и в смерти была для меня жизнь, будущее... Я прошу расстрелять меня... Расстреляйте!

Большая пауза.

Стрыжень. Уйти от себя — так поступают трусы. Силу надо найти, чтобы оторвать живое от мертвого. (Пауза; переменяет тон Стрыжень.) Минер Гайдай! Смирно! Минер Гайдай! На место — к минному аппарату! Приготовить мину на эсминец «Стремительный», который первый пойдет на дно!

Гайдай (долго стоит и взволнованно смотрит). Мину на эсминец «Стремительный»? Мой корабль?.. Первым на дно? (Медленно снимает ленту со своей бескозырки, — на ней написано «Эсминец Стремительный» — смотрит.)

2-й балтиец. Минер Гайдай, команду подают один раз и больше не повторяют!

Адмирал. Очистить палубу от варваров... Курс — вест!

Боцман Бухта (тихо). «Потемкин»...

Гайдай (закричал). «Потемкин»! Есть, адмирал, очистить палубу! (Блеснул у него в руках револьвер — он выстрелил в адмирала.)

Бросились кочегары и комитетчики на офицеров и самостийников с криками: «За борт! За борт драконов!» Подались вперед, ютиснули за башню, грохот, выстрелы, крики. Затемнение. И из тьмы — вновь стоят моряки, кочегары и комитетчики, — представители кораблей.

Стрыжень. Кто же будет топить корабли? Кто возьмет на себя спустить всю эскадру на дно? (Пауза.) Эсминец «Звонкий»!

Представитель «Звонкого». Эсминец «Звонкий» готов пойти на дно (взволнованно), но топить корабли не будет!

2-й балтиец. Так кто же?

Представитель «Хаджи-бея». Эсминец «Хаджи-бей» сам пойдет на дно, но топить корабли не будет!

Стрыжень. «Пылкий»!

Представитель «Пылкого». Эсминец «Пылкий» пойдет на дно, но топить эскадру не может.

Стрыжень (взволнованно кричал). Так кто же из вас отважится?

Гайдай. Минер Гайдай пойдет к минному аппарату и выполнит приказ комитета. Он пустит на дно эсминец «Стремительный».

Представитель «Керчи». Эсминец «Керчь» пустит минами на дно эскадру и погибнет сам.

Стрыжень. Лейтенант Корн!

Лейтенант. Есть!

Стрыжень. На ваш миноносец, Александр Петрович, комитет возлагает историческую задачу — уничтожить боевые корабли. Приготовиться!

Корн. Есть, товарищ Стрыжень! Эсминец «Керчь» готов сделать все, что прикажет комитет.

2-й балтиец (сигнальщику). Передать по эскадре: снять команды кораблей в шлюпки и отправить на берег.

Сигнальщик. Есть!

Стрыжень. Поднять на кораблях сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Корн. Есть... Передать по эскадре: поднять на кораблях сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь».

И покатилося эхом: «Есть». На кораблях сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь». Не сдаюсь! — сигнализация флагами.

Стрыжень. Навести минные аппараты на корабли!

Лейтенант. Есть минные аппараты!

Стрыжень. По кораблям Черноморской эскадры, гибнущим за революцию, — огонь!

Первые взрывы. Все замерли. Внимательно следят. Флаги спускаются
вниз.

Взволнованные возгласы матросов. Эсминец «Стремительный»!

— Линкор «Свободная Россия»!

— Мины мчатся к нему...

— Одна...

— Вторая...

— Третья...

Слышны взрывы.

— Дым...

— Черный дым...

— Эсминец «Стремительный» пошел на дно!

— Линкор «Свободная Россия»...

— Взрывается броня...

Слышен страшный треск, звон. Взлетают броневые башни.

— Переворачивается линкор...

Стрыжень. Прощай, линкор!

Снова взрывы — один, другой, третий. Один за другим все дальше и
дальше — тонут голоса.

— Прощай...

— Прощай...

— Прощай...

— Прощай, товарищ...

— Прощай, эсминец «Пронзительный»...

— Прощай, «Хаджи-бей»...

Стихло все. Льется торжественная симфония смерти кораблей. Долго
стоят, будто высеченные из гранита, моряки и смотрят на волны,
которые приняли боевые корабли.

Стрыжень. Радист! Радист!

Радист. Есть радист!

Стрыжень. Сейчас же отправить последнюю радиограмму
с последнего корабля Черноморской эскадры. Всем... всем... всем...

Радист. Есть всем... всем... всем...

Флаги сигнальщиков.

Стрыжень. Эсминец «Керчь» идет на дно, уничтожив суда Черноморского флота, которые честно погибли за пролетарскую революцию, но не сдались Центральной раде и германскому империализму. Прощайте, товарищи! Черноморцы идут на помощь революции.

Радист. Есть. Прощайте, товарищи. Черноморцы идут на помощь революции.

1-й балтиец. Приготовить шлюпки! Открыть кингстоны и клинкеты!

Голоса. Есть открыть кингстоны и клинкеты.

В эту минуту вырвался крик: «Стой!.. Стой!..» Это выбежал на середину корабля взволнованный старый боцман Бухта.

Бухта (*медленно поднял свисток и тихо свистнул*). Смирно! В последний раз, чтобы чистым отдать морю корабль, который гибнет за революцию... Товарищи, последний аврал! (*Снова свистнул — сквозь слезы.*) Палубу скатить, протереть песком, обратно скатить и... и... пролопатить. (*Пауза.*) Помещение мыть мылом, железо, медяшки дра... драить...

Стрыжень. Последний аврал!

Тихо, без шума, берут моряки швабры, шланги и начинают чистить палубу, драить медные части. Тихо полилась песня:

Вихри враждебные веют над нами,
Черные силы нас грозно гнетут...

Идет аврал. Фрегат не выдержал, взволнованно опустил голову, как будто хочет спрятать ее на груди у Паллады.

Паллада (*Фрегату тепло*). Держись, Фрегат, держись... Перед тобой вся планета, старушка давно ждет — наш аврал. (*Обнял Фрегат Палладу, и медленно пошли по палубе. Аврал продолжается.*)

Ушедший на несколько минут Стрыжень возвращается вместе с балтийцем — они несут знамена погибших кораблей.

2-й балтиец. Знамена погибших кораблей, знамена Черноморской эскадры мы пронесем, товарищи, через фронт в Москву и сдадим их штабу мировой революции. Комитетчикам. Взять знамена!

Берут их комитетчики, — в стороне стоит взволнованный Гайдай. Стрыжень, взяв последнее знамя, — к Гайдаю.

Стрыжень. Минер Гайдай!

Гайдай. Есть!

Стрыжень. Комитет передает тебе знамя твоего корабля, знамя эсминца «Стремительного». Командир Гайдай! На берегу примешь команду эсминца.

Гайдай (*взволнованно*). Есть, товарищ командир флота. (*Берет знамя.*) Я пронесу это знамя через огонь и смерть. Прощай, море, мы по всей земле такой пожар раздуем, что и ты закипишь красным огнем! Прощай!

Корн (*к Стрыжню*). Через пять минут корабль пойдет на дно.

Стрыжень (*к морякам*). Корабли Черноморской эскадры, слушать команду! Поднять на кораблях боевые знамена — через фронты Центральной рады, Каледина, Корнилова — курс — штаб Москва! Эскадра, полный ход!

Все. Есть полный!

Подняли боевые знамена и грозно пошли вооруженные матросы с корабля через зал. Гайдай лижет на боевой рубке: «Прощай, товарищ!» — и тоже идет через зал. Последним, с пулеметом на плечах, нагоняет моряков старый боцман Бухта.

К О Н Е Ц

КУЗЬМА ЧОРНЫЙ

Белорусский писатель. Род. в 1900 г. Выпустил ряд новелл и романов. Его последняя повесть «Бацькаўщина» («Родина») — одно из лучших произведений современной белорусской литературы. Тема повести: Советский Союз — родина мирового пролетариата. Эта повесть, переработанная автором в пьесу, ставилась, как в Белоруссии, так и в Москве во время гастролей Первого белорусского гостеатра.

КУЗЬМА ЧОРНЫЙ

РОДИНА

ПЬЕСА В 3 ДЕЙСТВИЯХ

С ЭПИЛОГОМ

Перевод с белорусского

И. П. ПИКУЛЕВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Леопольд Гушка.

Жена Гушки.

Адам

Мари́йка } их дети.

Старик Немира.

Павел Немира—его сын.

Ульяна.

Мазавецкий.

Сурвила.

Семен Марейна.

Данила Равтович.

Евель Цивин.

Иотко—офицер.

Эдуард Лявер—германский солдат.

Помещик.

Его сын.

Городовой.

Пристав.

Жандармский полковник.

Мещанин.

Мещане, крестьяне, городовые,
толпа.

Глухой городок в Западном крае, примерно за полтора года до начала империалистической войны. Рыночная площадь. Прямо перед зрителем старинное здание ратуши. Вход в ратушу похож на низенький балкон. Над входом герб Российской империи и трехцветный царский флаг. На балконе стоит пристав и величественным взором оглядывает площадь. Около ратуши полукругом цепь мелких лавчонок, из которых торговцы пронзительными голосами зазывают крестьян. На площади ярмарка. Толпа. Крестьяне, мещане. Среди них видны фигуры фабричных рабочих. В стороне от ратуши, на заднем плане, видна крыша небольшой фабрики. Слева от ратуши—костел, справа—церковь. Занавес поднимается под звон костельных и церковных колоколов. На переднем плане толпа нищих: слепые, хромые, безрукие, безногие и т. д.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1

Хор нищих.

Матерь божья глянула
На сироток разных,
На сироток голых, босых,
На сирот голодных.
А взглянувши, закручинилась
Сильно, сильно опечалилась,
Она хлеба бедным сиротам
Сколько надо, с неба кинула.

Голоса торговцев и крестьян. Э, чтоб я у бога столько здоровья просил, если я прошу с тебя лишнее!

— Мыло, лук, керосин, гусиный пух...

— Хозяин, сколько просишь за полотно?

— Сколько дашь?

Голос нищего. При ярких свечах, при божественной службе, под колокольный звон. По церквям, по монастырям. Покрой, боже, землю травую, море водою, рыбу чешуею, небо ясными звездами, а человеку пошли счастье.

Хор нищих.

Она хлеба бедным сиротам,
Сколько надо, с неба кинула.

Идут Адам Гушка и Ульяна.

Адам Гушка. Твой отец тоже хочет купить землю?

Ульяна. Да, конечно.

Адам Гушка. Где ж он возьмет денег?

Ульяна. А где возьмет твой отец? Кажется, он все распро-
дает.

А да м Гуш ка. У него и продавать нечего... (Ульяна утирает глаза.) А ты чего плачешь?

У л ь я н а. Мой отец приготовил мне на приданое полсотни, а теперь все это идет за землю. И ты наверное не захочешь меня взять.

А да м Гуш ка. Ах, какая ты... Неужели думаешь, что мне нужно твое приданое?

У л ь я н а. Мало ли что. Ты теперь поступил на эту фабрику, а вдруг она закроется? Здесь же ее никогда не было.

А да м Гуш ка. А батраком итти в усадьбу разве лучше?

У л ь я н а. Усадьбы испокон веку были.

А да м Гуш ка. С тобой поговоришь, так светлый день за ночь покажется.

У л ь я н а. Так правда... Адасик?..

А да м Гуш ка. Конечно, правда... Иди, мне еще нужно здесь встретиться с приятелями. (Расходятся.)

Выходят Павел Немира и Марийка.

П ав е л Н е м и р а. На своей земле всяк человек сам себе пан.

М а р и й к а. Павлуша, всю мою одежду отец за землю отдал. Возьмешь теперь меня без приданого?

П ав е л Н е м и р а. Ты, может быть, кой-что взяла бы? Сама знаешь, — мы с отцом тоже хотим земельки купить.

М а р и й к а. Не знаю. Разве свадьбу отложить, что ли? (Расходятся.)

Г о в о р я т к р е с т ь я н е в т о л п е. Лишь бы дал бог здоровья да силы, а век человеческий долог. Перетерпим, зато будет своя земелька.

— Легко сказать, за одни проценты надо полвека работать.

— Ну, какие там проценты!

— Ты можешь сразу землю купить?

— Где там, карман слабоват!

— У нашего брата у каждого то же самое. Все купит один Сурвила. Двести — пятьсот сразу отвалит. А тогда будет давать людям по десятинке, по две. Теперь ему только дать задаток, а остальные на выплату а проценты, как водится, отрабатывать.

— Э-э... Тогда он еще больше разбогатеет...

Громко поют нищие. К костелу направляются помещик с сыном. Сын в форме русского офицера. На первых ступеньках входа в костел помещик останавливается, и лакей начинает снимать с него накидку. Сразу же подскочили два мещанина, оттолкнули лакея и сами осторожно сняла накидку. Он бросил им рубль. Сын смеется.

1 - й м е щ а н и н. Теперь пива смальнуть...

2 - й м е щ а н и н. Подожди, еще кого-нибудь бог пошлет.

С е м е н М а р е й н а. Урожай собираете?

1 - й м е щ а н и н. Молчи, дурак!

За всей этой сценой внимательно наблюдает Мазавецкий, который стоит на паперти костела. Он не сводит глаз с помещика, с лакейским видом держит в руке шапку. Как только помещик направился в костел, Мазавецкий бросился целовать ему руку.

Мазавецкий. День добрый, вельможный пане!

Помещик. День добрый, Мазавецкий. Что скажешь?

Мазавецкий. Я слышал, вельможный пане, что вы думаете продавать землю?

Помещик. Тебя это интересует?

Мазавецкий. Я хочу купить, вельможный пане.

Помещик. Не купишь.

Мазавецкий. Скажите, пожалуйста, почему? (Помещик, не отвечая, повернулся и пошел в костел. Мазавецкий обращается к сыну.) Будьте любезны, скажите вы мне, почему?

Сын. Земля по частям не продается. Собирай людей на всю куплю сразу.

Мазавецкий. Я узнал, что относительно этого уже велись переговоры с Сурвиллой.

Сын. Одному Сурвиле этого много. Приставай в компанию к Сурвиле. (Уходит.)

Семен Марейна (мещанину). Вот вам бог дает еще земельного купца. Поцелуйте его в... руку, может, он даст вам на чай.

Мещанин. Тьфу... Тьфу...

Семен Марейна (Мазавецкому). Не Сурвилу ли ищете?

Мазавецкий. Вы знаете, где Сурвила?

Семен Марейна. Я все знаю.

Мазавецкий. А кто же ты такой?

Семен Марейна. Я? Семен Марейна.

Мазавецкий. Чем вы занимаетесь?

Семен Марейна. Я музыкант.

Мазавецкий. А где же вы играете, что и кому?

Семен Марейна. Могу на ваших похоронах польку-мазурку сыграть.

Мазавецкий. Тьфу, паскудник!

Подходит Сурвила.

Мазавецкий. Господин Сурвила, о боже мой, боже мой!

Сурвила. Что?

Мазавецкий. О боже мой, боже, тут такое дело, что каждый дурак разбогател бы!

Сурвила. Это где?

Мазавецкий. Землю пан продает, но не хочет по частям... Надо хозяевам, кто покрепче, объединиться и откупить, а тогда...

Сурвила. Ну? Что тогда?

Мазавецкий. Ну, и жара сегодня! Палит, как огнем жарит. А пыли, пыли!

Сурвила. Правда, пыльно.

Мазавецкий. Поддевка на вас, господин Сурвила, вся в пыли. Если бы стояли около телеги, выколотить бы кнутом пыль-то.

Сурвила. Знаю я, что вы хотите сказать. Ну... давайте вместе, так сразу половину имения и шарахнем.

Мазавецкий. Это же и я думаю.

Сурвила. Я тогда из села на хутор выберусь.

Мазавецкий. Я тоже... В этом деле мне человек нужен.

Сурвила. Какой человек?

Мазавецкий. Который бы помог мне строиться. Он может не давать мне ни копейки задатка, будет как бы свой... а после, когда денежки выплатит, то через несколько годиков пусть десятишки две возьмет.

Сурвила. Говорили с кем-нибудь?

Мазавецкий. Присмотрел себе человечка. Есть один батрак, которого помещик выгнал. Он ищет теперь, где бы ему осесть. К тому же он не русский подданный, силезец, из Силезии, а Силезия та в Германии, у немцев. Значит, он немецкий подданный. А раз подданства нет, то и землю он не имеет права иметь.

Сурвила. Вы говорите про Леопольда Гушку?

Мазавецкий. О нем самом.

Сурвила. Он уже со мной в компании.

Мазавецкий. А, я не знал...

Сурвила. Я даже взялся выхлопотать ему подданство. Сегодня он обещал мне дать полсотни задатка.

Мазавецкий. Господин Сурвила, переуступите мне этого человека.

Сурвила. Вы говорите, как маленький ребенок. (Смеется. Отходит.)

Семен Марейна. Слышали? Видели, как людей переделывают на кожу?

Голос. Растолкуй ты это, как следует.

Семен Марейна. Чего тут растолковывать? Вытащи его из проруби, так он в речку кинется. Куда он денется? На этом свет стоит. На таком законе мир держится. Положим, я могу выдумать новый закон, но что он стоит против того, на котором мир держится?

Голос. Ох, уж этот мир и плачучи не переплачешь и скачучи не перескачешь!

Данила Раавтович (выходит из толпы). На фабрике вместе со мной работает Адам Гушка, а его отец, Леопольд Гушка, батрак, выгнанный из имения. А дед его был силезский ткач... Слышали вы что-нибудь о силезских ткачах? Нет? Они... эти ткачи жили и трудились так, как... мы теперь на фабрике или вы на земле, или у пана в имении. Вот так же, как и вы ходите в лаптях, в грязных онучах, — голодные, холодные, оборванные, работали, ждали, терпели и не вытерпели...

Голос. А что?

Данила Равтович. Восстали.

Семен Марейна. Восстали? У нас такое восстание было в 1905 году. Было — и нет. Я знаю.

Голос. Что ты знаешь?

Семен Марейна. Дед Адама Гушки после того восстания бежал сюда, чтоб там не сгнить в тюрьме.

Голос. Что ты этим хочешь сказать?

Семен Марейна. Мало ли где кто восставал, мало ли кто революцию делал...

Данила Равтович. Вы можете купить землю? Нет. А земля вам нужна? Нужна. Без земли вы не можете жить. У помещика — во! (*Разводит руками*). А у нашего брата — во! (*Сводит руки*.) Помещик, а теперь и эти перекупщики вас из хомута не выпустят. Если кого душат за горло, что нужно делать?

Голос. Защищаться.

Данила Равтович. Земля должна принадлежать народу без всякого выкупа.

Городовой. Ишь собрались на самом проходе. Освободи проход, или я дам свисток! (*Народ расходится*.)

Идет Леопольд Гушка. Громко поют нищие. Гушка несет за плечами узел всяких вещей, видны сапоги, одежда. Он медленно, тяжело дыша, останавливается и озирается. За ним идут жена и Марийка. Гушка кладет свой узел на землю. Его окружает толпа.

Голоса. Зачем столько добра продавать? Не выезжаешь ли куда?

— А может быть, человек в Америку едет... Да ведь это Леопольд Гушка!

Леопольд Гушка. Землю покупаю. (*У него зычный голос. Когда он сказал это, все на момент притихли*.) Землю покупаю. (*Его лицо дышит надеждой*). Я подумал: пора трудящемуся человеку выходить на дорогу.

Голос. Пора... пора... давно пора!

Леопольд Гушка. Я подумал о себе, — почему человек не живет, а гниет? И сам себе ответил: а потому, что у человека нет собственности. Какой бы у тебя ни был талант в руках, а коли нет собственности, чтобы опереться, тогда ты ноль.

Старый Немира. Ноль, это правда.

Леопольд Гушка. Я подумал: отец мой, силезский ткач, передал мне в наследство свое родословное батрачество. Работал я у помещика не плохо, пока пан не дал мне волчий билет. Тогда мне — во! (*Проводит рукой по горлу*.) Хоть головой в омут бросайся! Человек рождается для того, чтобы жить. А жить...

Старый Немира. Жить — это не в грязных онучах ходить.

Леопольд Гушка. Значит, человеку нужно жить. А как тут жить, коли мой отец ничего не имел, кроме своих рук, да еще и свою голову от виселицы спасал? У меня тоже, кроме своих

рук, ничего нет; вот я и думаю, не в омут ли мне головой броситься? Нет, лучше я посижу голодный, а будет кусочек своей земли. Мне много не нужно. Мне только бы на маленький кусочек хлеба хватило. Но только, чтоб эта земля была моя, чтобы никакой чорт не имел права мне сказать: вот тебе волчий билет, и иди, кидайся головой в омут.

Жена Леопольда Гушка (начинает голосить). Боже мой, боже мой! Все, до последней ниточки, пошло на эту землю. Даже под голову нечего положить...

Марийка. Папа, ну, папа...

Леопольд Гушка. Нашелся добрый человек.. кузнец из села... продал в долг свою старую кузницу, а я ему за год пятерку выплачу. И как-нибудь из этой кузницы сложу себе избу.

Марийка. Уж какая из кузницы будет изба!

Голоса из толпы. Правду человек говорит. Он практик. У него от дедов и прадедов практика идет.

— Э, пропадет он. Хоть и практик, а пропадет на этом свете человек!

Сурвила. Так что ж, не нужно землю покупать?

Голос. Я покупаю... Я.

Подходит перекупщик.

Перекупщик (Леопольду Гушке). Все принес, о чем говорил?

Леопольд Гушка. Смотри. (Развязывает узел, перекупщик перебирает вещи.)

Перекупщик. Сапоги, пиджак, праздничные брюки, кафтан, девичье платье... две простыни... еще одни брюки... Ну, это дрянь... полтинник надо скинуть.

Голос. Никакого полтинника скидывать не нужно!

Перекупщик. Это не брюки, а гниль.

Семен Марейна. Сам ты гниль!

Перекупщик. Ну, все. Вот тебе сорок шесть рублей за эти вещи и за те, что я вчера взял.

Сурвила. Накинь еще четыре рубля до полусотни.

Перекупщик. Такого уговора не было, господин Сурвила.

Сурвила. Ты же знаешь, ему нужно за землю задаток дать как-раз полсотни.

Леопольд Гушка. Вот вам, господин Сурвила, эти сорок шесть рублей.

Сурвила. Меньше пятидесяти не возьму. Я должен платить помещику первую часть денег.

Леопольд Гушка. Может быть, эти четыре рубля я через несколько дней достану.

Сурвила. Ничего не выйдет! (Пробует отойти.)

Леопольд Гушка (перекупщику). Эй, перекупщик, подожди! (Перекупщик возвращается. Леопольд Гушка сбрасывает с ног сапоги и бросает перекупщику.)

Перекупщик. Эти сапоги нужно на помойку выбросить.

Гушка снимает пиджак и бросает его перекупщику.

Перекупщик. Пиджачок лучше. Но все-таки четырех рублей не поднимет.

Гушка сбрасывает жилет и шапку. Жена Гушки плачет.

Голоса. Что ты делаешь? Нет у тебя другого выхода, что ли? — Ты, перекупщик, за сапоги, пиджак, шапку не четыре, а десять рублей должен дать!

Перекупщик. Скажи — двадцать!

Голос (к Сурвиле). Не можешь ты четырех рублей человеку поверить? Гад ты, а не человек!

Сурвила. Я завтра должен помещику за землю платить.

Семен Марейна (перекупщику). Не сможешь ты здесь больше ничего ни покупать, ни продавать.

Перекупщик. Тише! Набавлю рублик. (Дает Гушке деньги.)

Городовой. Рразойдись! Что за беспорядок? Я свистну!

Семен Марейна. Чтоб тебе в бока свистнуло!

Городовой. Что ты сказал? Что здесь случилось?

Семен Марейна. Человек душу Сурвиле продал.

Городовой. Душу? Какую душу? Тьфу! (Отходит.)

Перекупщик. Боже мой, разве я у него просил? На кой мне чорт его тряпье!

Мещанин. Могорыч людям надо поставить за то, что помогли торговаться.

Леопольд Гушка. Могорыч? Кому? За что?

Голоса возле Сурвилы. Вот и мой задаток. Расписки будете давать?

Сурвила. Идем в трактир, там и оформимся. (Идет, за ним толпа.)

Жена Гушки. Мы еще не старики, только бы жить. Так вот тебе — живи как хочешь!

Леопольд Гушка. Я тебе говорю, что все будет хорошо. Руки у меня здоровые. Я способен ко всякой работе. А кто может работать, тот будет и жить.

Жена Гушки. Пойдем, может, к обедне успеем. Как же ты таким пойдешь? Босой, раздетый... (Подходит к нему.) Ничего, Леопольд, так нужно, так бог велел. (Вытирает слезы и идет с Марийкою.)

Подходит Адам.

Адам Гушка. Здорово, отец!

Леопольд Гушка. Здорово, сынок!

Адам Гушка. Что с тобой, отец? Где твоя шапка и почему ты босой?

Леопольд Гушка. Ты ведь знаешь... землю покупаю.

Адам Гушка. Даже сапоги с ног, шапку с головы?

Леопольд Гушка. Сынок... Разве ты не видишь, что этими словами ты разрываешь мое сердце? Я несу на своих плечах такую тяжесть... такое ярмо... оно меня душит... Я лбом пробиваю стену.

Адам Гушка. Ты еще новое ярмо сам на себя надеваешь. Ты теперь так попался, что век из лямки не вылезешь, пока революция тебя на свое место не поставит. Не покупай ты этой земли, ты же ее выкупить не сможешь!

Леопольд Гушка. Батрак — это невольник. Я больше не хочу быть невольником!

Адам Гушка. Нам нужно землю взять, а не покупать!

Леопольд Гушка. Мой отец, а твой дед, брал свое, а потом... спасал свою голову от виселицы. (Уходит.)

Адам Гушка. Отец... отец...

Павел Немира (идет к Адаму). Отговариваешь отца от покупки? Зачем ты это делаешь?

Адам Гушка. Павлушка, я и тебе хочу отсоветовать.

Павел Немира. Меня не отговоришь.

Адам Гушка. Я это знаю. Я и отца тоже не отговорил.

Павел Немира. Ты думаешь, тебе готовое кто-то с неба кинет? Каждый человек, как умеет, по-своему должен становиться на ноги.

Адам Гушка. Так он никогда не станет на ноги.

Павел Немира. А как же он иначе станет? Не стараясь? Ты отца сбиваешь с пути. Вместо помощи, ты ему на дороге становишься. (Отходит.)

Данила Равтович (подбегает к Адаму). Адамка, пойдем в трактир, выпьем по чарке.

Адам Гушка. Идет. (Уходят, за ними следит мещанин.)

Крестьянин (идет по сцене, за ним толпа, он читает прокламацию). «Добивайтесь земли без выкупа. Земля должна быть взята у помещиков и передана крестьянам. Поддерживайте батраков и рабочих фабрики, когда они забастуют».

Голоса. А что ж, не правда?

— Где это взяли прокламацию?

Городовой (врезаясь в толпу). Разойдись! (Вырывает прокламацию.) Где взял? Кто тебе дал?

Пристав. Рразойдись! (Толпа расступается перед ним.) Где взял?

Крестьянин. Ей-богу, кто-то в телегу подбросил. Я не знал, что это такое, и начал читать.

Пристав погнал крестьянина перед собой. Толпа кипит на рынке.

Громко гудят костельные и церковные колокола. Поют нищие.

2

Грязный трактир. Из соседней большой комнаты доносится пьяный гул, звон стаканов, флейта. За столиками сидят: Адам Гушка, Евель Цивин, Данила Равтович и еще один рабочий.

На столике бутылка водки и стаканы. Вдруг открывается дверь и вбегают два мещанина.

1-й мещанин. Здесь мы и присядем. Эй, пива сюда!

2-й мещанин. Подожди, подожди. Тут же фабричные гуляют.

1-й мещанин. Мы не гордые, подсядем к ним.

Адам Гушка (*прикидываясь пьяным*). Что? Ты подсядешь сюда? Я тебе так подсяду, что ты и не встанешь. Вон!

Мещане убегают; за сценой кричат и стучат в дверь, затем все стихает.

Адам Гушка. Эту водку мы должны выпить, а то покажется подозрительным. Сидели и ничего не пили. (*Смеется и выливает из бутылки на пол.*)

Евель Цивин. Адам Гушка и Данила Равтович — молодцы. Две пачки прокламаций рассовали по возам. (*К рабочему.*) А вы переправьте это в экономию. Передайте своим ребятам.

Адам Гушка. Сегодня мне говорил отец: одно ярмо, говорит, несу, что землю покупаю; второе — что семье слезы утираю, потешая их тем, что лбом землю пробиваю. А у меня, у сына, эти два ярма, да еще и третье: смотреть отцу в глаза. Когда я сегодня встретился с отцом, точно кто сто пудов положил мне на горло. Будто все поколение... что я говорю, — все предки до тысячного колена в глубине веков встали передо мной со своим горем!

Евель Цивин. Привыкай, Адам... Привыкай... Тяжело разбивать вековые тюрьмы. Я на тебя надеюсь.

Адам Гушка. Надейся, папаша.

Кто-то ломится в дверь. Дверь открывается, и просовываются лица Мазавецкого и Сурвилы.

Мазавецкий. Боже мой, боже! Всюду занято.

Сурвила. Негде примоститься.

Мазавецкий. Посоветуйте, господин Сурвила.

Сурвила. Если вы, господа, скоро освободите здесь, мы подождем там.

Адам Гушка. Что? Что?..

Мазавецкий. У нас денежные дела с народом. Оформить задаток на землю. Сегодня базарный день. То — се...

Адам Гушка. Что ж это вы на чужую рюмку заритесь?

Мазавецкий. Сохрани боже, я не такой человек. Я самостоятельный человек. О боже мой, боже... господин Сурвила...

Адам Гушка и Данила Равтович. Вон!

Сурвила и Мазавецкий убегают.

Данила Равтович. Евель, Евелька, ну, и удачно я положил крестьянину в телегу пачку прокламаций.

Евель Цивин. Ты... ты... отучись хвастаться этим даже и мне. Ну, пойдем.

Входит Ульяна.

Ульяна. А я тебя, Адастик, еле нашла. Сейчас я с отцом еду домой. Может, и ты к нам поедешь, а то все от меня прячешься.

Адам Гушка. Завтра мне нужно рано на работу становиться.

Данила Равтович (Ульяне). Выпейте пива.

Вбегают двое городских.

1-й городской. А, и девка с ними!

2-й городской. Руки вверх! Все!

Адам Гушка. Это почему?

1-й городской. Который тут Данила Равтович?

Данила Равтович. Я. А что?

2-й городской. Отойти в угол! Подними руки вверх! Кто Адам Гушка?

Адам Гушка. Что это творится?

1-й городской. Поднимай руки вверх!

2-й городской. Старый чорт с молодыми пьет!

Евель Цивин. Кто? Я? Разве и выпить нельзя?

2-й городской. Ты слушай, когда говорят старшие, и молчи!

Евель Цивин. Выпить, кажется, никому не запрещается?

2-й городской. Ну, и пей. Мы тебе девку оставляем. (Хохочут.) А вы — марш! (Выводят арестованных.)

Ульяна. Чуюло мое сердце...

Входят два мещанина и садятся за стол.

1-й мещанин. Повели двоих. Эй, пива, пива сюда!

Входят: Сурвила, Мазавецкий и крестьяне.

Мазавецкий. О боже мой, боже!.. Опять занято... Только что мы освободили это место.

1-й мещанин. Как освободили?

Мазавецкий. Это место мы раньше присмотрели.

2-й мещанин. Бутылку водки отступного!

Мазавецкий. Что ты, человек, выдумал? Пусть от тебя бог не отступится.

2-й мещанин. Бутылку водки, иначе не пустим за стол!

Мазавецкий. Может, на полбутылке сойдемся?

Сурвила. На! (Дает на бутылку водки; мещане уходят.)
Сколько вас здесь?

Крестьяне. Пожалуй, человек двадцать будет.

Сурвила. Копейки по четыре придется на каждого накинуть. Видите, канцелярия была занята, пришлось давать отступного. (Садится за стол. Крестьяне дают деньги.) Теперь мы берем с вас задаток. Пятьдесят рублей — не больше, как на две десятины.

Г о л о с. А расписки давать будете?

Крестьяне окружают стол. Сурвила громко считает деньги.

Л е о п о л ь д Г у ш к а (входит). Кто, братцы, умеет хорошо писать? Мне бы прошение написать о подданстве. Я не здешний подданный, а без подданства не имею права покупать землю. Господин Сурвила... (Сурвила все еще считает деньги.)

3

Площадь перед ратушей. На балконе пристав. Сурвила несет приставу кадку меда и в мешке колбасу.

Сурвила. Ай, ай, ну, и день же сегодня жаркий! Набрался я хлопот! Здравствуйте, ваше превосходительство!

П р и с т а в. А, здравствуйте, господин Сурвила! Какие новости? С чем бог принес?

Сурвила. С пудом колбасы и второй кадкой меда. Я туда, в коридор все это поставлю. (Идет в коридор и выходит с пустыми руками.)

П р и с т а в. Ишь, мужлан! Не забывает напомнить, что это уже вторая кадушка меда! Как поживаете, господин Сурвила?

Сурвила. Как живу, ваше превосходительство? Живу. Землю покупаю. Поэтому и прошу милости вашего превосходительства, чтоб, ежели где коснется, вы бы пособили. Хочу попросить я вас, ваше благородие, чтобы вы похлопотали о подданстве одному человеку. Он вместе со мной покупает землю. Я ему помогу, а он мне. Рука руку моет...

П р и с т а в. И обе чистые.

Сурвила. И обе чистые. Только я прошу, ваше высочество, не очень спешить с этим подданством. Так годик или полтора.

П р и с т а в. Понятно. Вы хотите, чтоб это подданство годик-полтора полежало в моей канцелярии?

Сурвила. Сказать по правде...

П р и с т а в. Как-с?

Сурвила. Так точно.

П р и с т а в. Понятно.

Сурвила. Мои свиньи, слава богу, на колбасу кормятся, мои пчелы, слава богу, на медок роятся, мои коровы, слава богу, на масло доятся, мои овцы, слава богу, на мясо плодятся. Даст бог здоровья — все будет.

П р и с т а в. Так-с...

Сурвила. Я такой человек.

П р и с т а в. Понятно.

К ним подходит Л е о п о л ь д Г у ш к а с прошением в руках.

Сурвила. Это тот человек, о котором я говорил насчет подданства.

Пристав. Интересно. (Берет у Гушки прошение.) Земли своей захотел?

Леопольд Гушка. Да, господин начальник.

Пристав. Где до этого жил?

Леопольд Гушка. У пана батраком был.

Пристав. Почему больше не захотел быть батраком?

Леопольд Гушка. Пан прогнал.

Пристав. Думаешь жить на своей земле?

Леопольд Гушка. Думаю. Дал бы только бог русское подданство получить.

Городовые ведут арестованных Адама и Равтовича.

Адам Гушка. Отец! Ты что здесь делаешь?

Леопольд Гушка. Адам! Адасик!..

Пристав. В камеру!

Арестованных повели в ратушу.

Леопольд Гушка. Бог даст, Адама выпустят из тюрьмы. Лишь бы земли... Лишь бы подданство... Тогда и говорить больше не буду.

Сурвила и пристав идут в ратушу. Группа нищих с суммами идет в ратушу.

Леопольд Гушка (посмотрел им вслед и схватился за голову). Боже, боже! Боже милостивый!..

Громко звонят костельные и церковные колокола. Навстречу одна другой идут католическая и православная процессии. Впереди католической процессии — хоругвеносец Мазавецкий. Перед православной — хоругвеносец Сурвила. Католическая процессия поет «Пшинайсвентши сакрамент». Православная поет «Спаси, господи, люди твоя». Процессии сталкиваются хоругвь с хоругвью.

Ни взад, ни вперед. Все стихает, застывают на месте.

Мазавецкий. Господин Сурвила, немножечко подайтесь в сторону. Надо же нам разойтись.

Сурвила. Лучше бы вам, господин Мазавецкий, податься в сторону. У вас меньше хоругвей.

Мазавецкий. Но ваши хоругви легче.

Сурвила. Что вы мне про хоругви! У нас больше народа.

Городовой (Мазавецкому). Осади назад!

Мазавецкий, как ошпаренный, бросается в сторону, за ним вся католическая процессия. Сурвила гордо ведет православную. Громкий костельный и церковный звон, пение и шум сливаются.

4

Изба Леопольда Гушки. Голые стены, низко навис потолок. Свадьба. Марийка выходит замуж за Павла Немиру. Гости за столом. В избу входят крестьяне, за ними Семен Марейна.

Леопольд Гушка (крестьянам). Добрые люди, дорогие соседи! Вы пришли развеселить нас, садитесь за стол, будьте как дома!

Крестьяне подходят к столу, выпивают по рюмке и садятся.

Жена Гушки. Гости дорогие! Пейте, закусывайте, чем бог послал.

Леопольд Гушка. На своей земле станем на ноги, разживемся, тогда будет другое угощение. У меня сегодня такой день!.. Марийка, Павлуша!..

Голос. За здоровье молодых!

Веселый шум.

Разговор за столом. Сосед, ты уже выплатил Сурвиле за землю?

— С чего ты взял? Правда, мне уже немного осталось выплачивать.

— А если я эту выкуплю, может еще десятинку прикуплю.

— Яровое уже жнете?

— Начали.

— Чорт его возьми! Мне на этой неделе надо три дня жать за проценты Сурвиле.

Жена Гушки. Некоторые уже выплатили и землю получили, а мы не знаем, когда и выплатим. А подданство — второй год пошел, и не приходит. Не видно и не слышно, точно в воду.

Голос. Сурвила хлопочет о подданстве. А может, он умышленно тянет, чтоб ты ему поработал. Он и пристав — свои люди.

Второй голос. Это дело государственное.

Жена Гушки. Кто его знает. А пока что — работай. Сколько времени мы помогаем Сурвиле строить хутор...

Леопольд Гушка. Не может быть. Будет и подданство. Правда, года полтора уже прошло. Вторым годом бедствую, так бедствую, что больше некуда, но за это время за десятину выплатил. Осталась еще десятинка. У меня... две десятины своей земельки будет. (С просветлевшим лицом поворачивается к жене.) Слышишь, мать? Сегодня у меня такой день... Марийка... Павлуша... (Сразу хмурится и тихим голосом.) Боже мой, боже милостивый...

Голос. За здоровье молодых!

Жена Гушки. Гости дорогие! На доброе здоровье. Люди вы мои добрые!..

Леопольд Гушка. Мать, что ты?

Жена Гушки. А Адам? Адастик... где-то в тюрьме гибнет. Даже на марийкиной свадьбе не пришлось ему побывать!

Леопольд Гушка. Адастик... сынок мой... (Опускает голову.)

Голос. Ходят слухи, что их скоро выпустят.

Леопольд Гушка. Такой у меня сегодня день...

Играет музыка. Входит рассыльный с палкой. У порога снимает шапку.

Рассыльный. Добрый вечер!

Леопольд Гушка. Добрый вечер! Кого бог принес?

Рассыльный. Я сотский из волости.

Леопольд Гушка. С чем бог принес? *(Встает.)*

Рассыльный. Вам бумага из волости. *(Тихо.)* Не на свадьбу ли я попал?

Леопольд Гушка через стол берет пакет и молча разбирает. Напряженная тишина.

Леопольд Гушка *(кричит)*. Подданство!

Общее оживление. Леопольд Гушка выходит из-за стола. Часть гостей тоже встает. Гушка хватается за плечи рассыльного из волости.

Леопольд Гушка. Садись, дорогой, садись с нами за стол! Такую новость ты мне принес... Ты сам не знаешь, что ты принес мне! Мать, слышишь? Эх, друг, гуляй с нами! На этой земле я теперь хозяин!

Музыка играет. Шумно. Весело. Гушка рядом с собой посадил рассыльного. За столом шумное оживление все увеличивается.

Леопольд Гушка *(стоит за столом и ясным взором оглядывает избу)*. Живет человек... Идет вперед... Шевелится человек на свете... *(Неожиданно начинает петь.)*

Голос. Что это за песня?

Леопольд Гушка. Мой отец ее пел в Силезии. Ткач. Я от него помню эту песню — как человек на свете живет. За что я люблю зятя Павла Немиру? За то, что он работающий, а работающий человек всегда выбьется на хорошую дорогу.

Старый Немира. Мы все работающие. Это у нас в роду.

Музыка играет. Кое-кто из гостей пробует танцевать. Кто-то сильно стучит в дверь. Все притихли.

Адам Гушка *(на пороге)*. Добрый вечер!

Мать. Адастик... Адастик...

Леопольд Гушка. Адам! *(Расстаккивает всех и бросается к сыну.)* Адама выпустили! Подожди, подожди, Адастик, я тебя так за стол не посажу. Этаким сегодня у меня день! Марийка выходит замуж. Подданство пришло, и Адастик вернулся. Сбрасывай с себя эту арестантскую одежду. Надень что-нибудь получше. Этаким день! Этаким момент! Что же ты наденешь?.. *(Короткая пауза.)* Ну, надень это... *(Снимает с себя пиджак и набрасывает на плечи Адаму. Мать обнимает сына.)*

Мать *(плача)*. За эту землю всю одежду продали...

Адам Гушка. Отец, оставайся в своем пиджаке, а я останусь так. *(Оглядывает всех.)* Здесь все свои люди. Всех узнаю.

Голос. Что и говорить — свои люди!

Адам обнимает отца. Жмет ему руки. Затем подходит к Марийке и Павлу.

Адам Гушка. Я таки попал на твою свадьбу, Марийка!
Леопольд Гушка. Этакий день! Этакий момент!

Все снова за столом. Адам сидит рядом с отцом.

Мать. Тебя, сынок, уже совсем отпустили? Теперь ты с нами будешь, никуда не пойдешь от нас?

Леопольд Гушка. Ты пришел, а за минуту до тебя пришло подданство. Теперь ты будешь дома, будем на своей земле. Никуда я тебя от себя не пущу. Вместе будем... На своей земле... Выплатим за землю...

Адам Гушка. Земля будет вашей без всяких выплат. Вы на ней работаете.

Голоса. Разве что-нибудь слышно?

— Говорят — на новый девятьсот пятый надеются.

Леопольд Гушка. Я всегда надеюсь. Я не сидел сложа руки. Я шевелился на белом свете, топтал землю, старался, работал. *(Встает с рюмкой в руках.)* Долго я ждал этого дня. *(Общее оживление.)* Этакий день! Такой момент! *(Поет.)*

Дай же, боже, добрый час!
Как у людей, так и у нас!
А в хороший легкий год
Развеселим наш славный род.

Все подхватывают хором, под аккомпанемент музыки. За сценой вне-запный шум, голоса, крики. Кто-то закричал, кто-то заплакал. Часть гостей бросается к окнам. Леопольд Гушка стоит с рюмкой в руке.

Голоса на дворе. Боже мой, что же это будет?

— Теперь и моему сыну придется итти!

— Все пойдут!

Гости в избе. Что там такое?

— Кто там кричит?

Все бросаются к двери. В открытых дверях движется толпа.

Голос *(заглушает все)*. Во-о-о-й-н-а! Всем надо итти в солдаты!..

Павел Немира рванулся из-за стола. Марийка за ним.

Мать *(стоит, остолбенев)*. В какой день Марийка пошла замуж!.. Павлу... надо итти... *(Хватается за голову.)* А. Адам...

Леопольд Гушка. Адам не пойдет воевать за чужбину. Я не здешний подданный.

Мать. Уже подданный!

Леопольд Гушка *(один, рюмка падает из рук)*. Земля... Подданство... Адам из тюрьмы... Марийка замуж... За какую родину воевать? Здешней земли я еще не пробовал. Не надо мне этой земли, не надо... этакой земли... *(Стоит, как окаменелый.)*

Медленно гаснет свет.

Площадь в городке перед ратушей. Над входом в ратушу, над гербом Российской империи висит трехцветный флаг. Перед ратушей народ: крестьяне, рабочие, ремесленники, мещане. Старые, молодые, женщины с детьми на руках. На крыльце перед народом пристав, Сурвила (волостной старшина), сын Сурвилы, полицейские и штатские чины, поп в облачении с крестом в руках.

Пристав. Теперь, в момент мобилизации, мы все, как один, должны помнить великую для России годину испытаний: показать врагу незыблемость нашего отечества. За веру, царя и отечество — ура!

В толпе крикнули «ура».

Поп. Православное христолюбивое воинство! Сегодня все, не только мы русские, а и все иноверцы, населяющие великое наше отечество, должны проникнуться единым духом патриотизма. Да укрепит вас господь бог в борьбе за победу!

Пристав. У-р-а!

В толпе крикнули «ура».

Голоса в толпе. Не вернемся домой, осиротеют дети...

— Смотри, присматривай за детьми. Где они, дети мои?

— На то война!

— В два месяца побьем немчуру!

— Не хочу я никого бить!

На крыльце запели «Боже, царя храни». Леопольд Гушка медленно подходит к приставу.

Леопольд Гушка (приставу). Не хочу я подданства! Не нужна мне и земля! Может, я был бы счастливее, если б держался не за эту родину, а вернулся туда... в Силезию. Возможно, она была бы добрее ко мне.

Пристав. Гушка! Что ты мелешь? И еще в такой день!

Леопольд Гушка. В такой день! В такой день мне еще надо поработать до седьмого пота на поле Сурвилы. Вот что в такой день! (Медленно идет назад. Тихо.) Не на этой стороне я должен воевать...

Поп. Благословен бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков.

Мать обнимает Адама. Мария и Павел тоже держатся около Адама. Евель Цивин берет Адама за руку, привлекает его к себе и обеими руками жмет его руку.

Евель Цивин. Иди, Адам!

На фоне всего этого стоит Леопольд Гушка, сжав кулаки.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

1

Фронт. Окопы. Светает. Далекая канонада молниями режет небо. Часть окопа. Солдаты. Среди них Адам Гушка и Павел Немира. Все время где-то далеко слышен стон.

Павел Немира. Не выдержу! Боже мой!

Шопот солдат. Тише, сейчас погонят в атаку. Тогда кто-нибудь прикончит его.

— Третий день беспрестанно стонет. Лежит меж окопами. Первый день, кажется, кричал, что у него ноги перебиты.

— Это немец. Он что-то по-немецки лопотал.

— Нет, это наш. Позавчера еще он просил, чтоб его забрали.

— Слышите? Он уже просит, чтоб кто-нибудь сжалился над ним и пристрелил его.

Павел Немира. Голову высунуть нельзя... О-о-о-о... *(Ноет и дрожит.)*

Тихая команда. Отделение, марш...

По окопу бегут солдаты. Павел Немира прижался к стене и остался. В другом конце Адам Гушка. Окоп опустел.

Павел Немира. Боже, спаси меня! Адам, и ты остался?.. Боже, спаси меня...

Адам Гушка. Тише! Останешься жив.

Павел Немира. Не выберусь я отсюда живым! Боже... о...

о...

Адам Гушка. Замолчи! Прижмись к стене, вторая линия в атаку идет.

Слышна команда. Отделение, марш!

Солдаты бегут по окопу. Пауза.

Павел Немира. Куда мне деваться? Куда мне спрятаться от людей? Если б я один остался... Если бы тише, если бы еще темнее... И так до самой смерти... Так жить долго, долго... Боже мой... Боже мой...

Адам Гушка. Если не замолчишь, я задушу тебя. Слушай: пройди влево, там есть выход в пустые ямы-воронки. Посиди там. Фронт пройдет или туда, или сюда.

Павел Немира. Что мы будем тогда делать, Адам?

Гушка молчит. Павел Немира выходит. Гушка разбрасывает по окопу прокламации. Солдаты снова бегут по окопу. Адам Гушка прижимается к стене. За солдатами бежит офицер Иотко — сын помещика. Он заметил Гушку и остановился.

Иотко. Кто здесь остался? Кто? Солдат? Трус! Марш наверх! Марш! Застрелю! *(Направляет револьвер.)* Марш наверх и стоять над окопом, не ложиться!

Адам Гушка сразу хватается винтовку на перевес.

Адам Гушка. Руки вверх!

Иотко поднимает руки. Наверху шум. В окоп падает Эдуард Лявер.

Эдуард Лявер. Их эргэбэ мих. Ди флинте вирф их, алс вир ин ди контр-атаке гинген.

Адам Гушка. *(Иотко)*. Что он говорит?

Иотко. Я не знаю немецкого языка.

Адам Гушка. Что он говорит? Живо! Ну! Заколю!

Иотко. Сдаюсь в плен. Винтовку бросил, когда шли в атаку.

Эдуард Лявер *(смотрит на офицера)*. Офицер, офицер...

Адам Гушка. Офицер.

Эдуард Лявер. Ман ягт мих штэрбэн.

Адам Гушка. Что он говорит?

Иотко. Меня гонят умирать.

Эдуард Лявер. Их виль ниht штэрбэн. Ниht криген. Их хабэ ниht фюр вас цу криген.

Адам Гушка. Ну! Заколю!

Иотко. Не хочу умирать. Не хочу воевать.. Мне не за что воевать.

Эдуард Лявер. Камрад, брудер. Их — Эдуард Лявер фон Шлезииен, их арбейте алс гребер фон цэн ярен ан. Мейне киндер гунгэрн иецт дорт оне фатер. Их вэрдэ ниht криген, фюр вен золь их криген? Их бин Эдуард фон Шлезииен.

Иотко. Товарищ, брат. Я — Эдуард Лявер из Силезии, я копал уголь, а мои дети, без отца, голодные. Я не буду воевать. За кого мне воевать? Я — Эдуард Лявер из Силезии.

Адам Гушка. Камрад! Брудер! Мы не будем воевать!

Иотко хватается за штык. Борьба за винтовку. Эдуард Лявер помог Адаму Гушке, офицера повалили на землю. Гушка колет его штыком.

Эдуар Лявер (увидев прокламации). Прокламации?

Адам Гушка. Прокламации. Нихт криген, говорят революционеры.

Эдуард Лявер. Революционер? Нихт криген! Революционер! Ду — революционер? Их — революционер! (Выходят из окопа).

Павел Немира (входит в окоп). Адам... Адам... там не усидеть, в тех ямах... Пули летают. (Увидел на земле Иотко и остолбенел.)

Иотко. Слушай, не уходи. Вынеси меня из окопа, я здесь скончаюсь один. Пустой окоп — и никто меня не увидит. Я здесь умру, отнеси меня к санитарам... я дам тебе белый билет... вернешься домой навсегда...

Павел Немира. Могу ли я верить, ваше...

Иотко. Верь мне! Верь!

Павел Немира (оглядывается). Я вас знаю. Вы наш пан. Мы покупали у вас землю.

Иотко. Я дам тебе и белый билет, и земли...

Павел Немира. Взгляните на небо. Краснеет от солнца... Солнце заходит... Я к санитарам вас... сейчас, вот сейчас... Как будто стихло в поле... Здесь за окопом кустарничек... березнячок, орешничек... я сейчас... вот сейчас... (Берет Иотко на плечи, тот стонет. Уносит из окопа. Возвращается Адам Гушка и Эдуард Лявер. Разрывается снаряд. Оба падают ранеными.)

2

Изба Леопольда Гушки. Жена Гушки лежит на кровати, укрытая разной рваной одеждой. Колыбель с ребенком. Гушка возле колыбели.

Леопольд Гушка. Молока осталось только на дне. Чего дать ребенку?

Жена Гушки. Почему так долго не приходит Марийка? Бедняжка! Дитя родилось на грех. Высохло, выкричалось... А там еще эту забастовку тянут. Бросала бы уж фабрику, что ли.

Леопольд Гушка. Ты и сама не знаешь, что говоришь.

Жена Гушки. Я знаю, что говорю. Что надо сделать, то и без нас сделают. Мало таскали Адама по тюрьмам? А какая польза? Разве нам от этого легче стало жить?

Леопольд Гушка. Что ты говоришь?

Жена Гушки. Я знаю, что говорю. Видела ли я на своем веку светлые минуты? Разве на счастье родилось у Марийки дитя? Когда я была голодна, не ела; когда была больна, не лечилась.

Леопольд Гушка. Ты как-будто упрекаешь меня, что я не старался, не работал, не бился, как рыба об лед. Когда я разгибал спину?

Жена Гушки. Я тебя не упрекаю. Ты старался, работал, спины не разгибал. Что я тебе на это скажу? Но может быть... другой мог извернуться ловчее, мог не говорить, а жить...

Леопольд Гушка. Чего же ты от меня хочешь?

Жена Гушки. Терпения моего не хватает. Не выдержит такой жизни человек!

Марийка *(появляется в дверях)*. Отец, выйди в сени на минутку. *(Выходит с Гушкой.)*

Жена Гушки. Что там еще, боже мой?

В избу входят: Евель Цивин, рабочие, Гушка и Марийка.

Леопольд Гушка. Мать! Ты у меня всегда была молодцом, мать. Этот человек побудет у нас несколько дней.

Жена молчит, укрывая себя лохмотьями. Евель Цивин закуривает. Марийка наклоняется над колыбелью.

Евель Цивин. Холодно у вас в избе, а возле леса живете.

Жена Гушки. Лес не наш.

Евель Цивин. Не наш, это верно, нас он не греет.

Леопольд Гушка *(тихо Цивину)*. Я буду смотреть, чтоб никто и ничто... будьте спокойны.

Рабочие. Что мы будем делать?

Евель Цивин. Никак нельзя уйти с фабрики?

Рабочие. Солдаты никого не выпускают. Силой заставляют работать.

Евель Цивин. Значит, нужно найти способ уйти оттуда.

Рабочие. Какой?

Евель Цивин. Начальство теперь напугано: забастовки... стачечные комитеты... бунт. А с перепуганным начальством нам легче договориться. *(Подходит к колыбели, тихо говорит Марии.)* Это твой ребенок? Как его зовут? *(Забавляет ребенка.)*

Марийка. Витька. Витя.

Евель Цивин. Витя! Витя! *(Отходит от колыбели.)* Мы скажем начальству вот что: фабрика работает на оборону отечества, вырабатывает шинельное сукно, поэтому мы передумали и забастовки делать не будем. Увеличьте нам только немножко заработок. Об этом надо будет уведомить забастовочный комитет. Поработаем день, выйдем из фабрики, и никто больше туда не вернется. Фабрика станет. Ты в забастовочный комитет пойти не можешь, и я не могу.

Марийка. Я пойду.

Евель Цивин. Ты пойдешь? А как ты пройдешь на фабрику?

Марийка. Я отпросилась к ребенку. А когда выпускали, какой-то полицейский чин пошутил: «Побожись, что сегодня назад вернешься». Я и побожилась. Вот и скажу, что обратно пришла.

Сейчас покормлю ребенка и пойду. На фабрику мне удастся пройти.

Евель Цивин. Ты все слышала, что мы здесь говорили?

Марийка. Я все знаю.

Евель Цивин. Ага. Ты все слышала, ты все знаешь. Хорошо.

Мать поднимает голову, смотрит на Марийку. Марийка наклонилась над колыбелью.

Евель Цивин (рабочему). Ну, а ты для связи. Иди.

Рабочий уходит. Марийка качает ребенка и поет колыбельную песенку. Евель Цивин сел, всунул руки в рукава, задремал. Леопольд Гушка заглядывает в окно.

Евель Цивин (сразу встает.) Вы говорили, холодно в вашей избушке, а я все же обогрелся. Уже стало тепло. Я целый день был сегодня на холоде. В печке нет огня, чтоб закурить?

Марийка. На печке запалки лежат.

Евель Цивин. Кресало и трут...

Леопольд Гушка. Какой-то человек идет по опушке леса и направляется прямо сюда.

Евель Цивин (встревоженно). Может быть, он пройдет мимо?

Леопольд Гушка. Он шел бы тогда другой стороной.

Евель Цивин. Тогда я пойду. (Смотрит в глаза Гушке.)

Леопольд Гушка. У меня за избой пустой хлев и немножко лежит соломы.

Марийка (Цивину). Я тоже сейчас ухожу.

Евель Цивин. Иди. (Выходит с Гушкой.)

Жена Гушки. Кто это?

Марийка. Это Евель Цивин.

Жена Гушки. Почему он прячется от людей? Что он — убил или ограбил кого-нибудь? Почему он у нас?

Марийка. Я его сама привела, мама. Его ищет полиция.

Жена Гушки. Никуда ты не пойдешь!

Леопольд Гушка (в дверях). Тише ты... тише! (Пауза.) Они говорят... сбросить несколько рабочих часов. А я бы сказал им: сбросьте вы все, что гонит живого человека в землю. Сбросьте царя, сбросьте... бога!..

Жена Гушки (встает с постели). Боже милостивый, молюсь я о людском горе! Леопольд, Леопольд, одумайся.

Леопольд Гушка. Я бы сказал им: сбросьте царя, сбросьте и бога. За что страдает на фронте мой Адам? За что гниет в окопах Павел Немира?

Жена Гушки. Это бог послал их на страдание.

Леопольд Гушка. Скажи, кто надел мне на шею ярмо и не дает его сбросить?

Жена Гушки. Так ты никогда не сбросишь ярма. Не злобой, а кулаком его надо сбрасывать.

Леопольд Гушка. А как же?

Жена Гушки. Сурвила надел на тебя ярмо? Как же ты хочешь, чтоб он был с тобой ласков, если ты на него как на зверя смотришь? Пан тебя выгнал, и мог ли он не выгнать, если он сказал тебе «хлоп», а ты ему ответил: чтоб у тебя так в животе хлопало? Если бы ты был иной, то и жил бы по-иному. Не нужно было неизвестно кого прятать в хлеву. Ты и ее на ту же дорожку тянешь. *(Указывает на Марийку.)*

В дверях появляется Павел Немира.

Павел Немира. Вечер добрый!

Марийка. Павлуша! *(Бросается к нему.)*

Леопольд Гушка и жена некоторое время молчат от неожиданности.

Жена Гушки. Павлуша, сынок...

Леопольд Гушка. Павлуша, как же это, на побывку, что ли? Родимый ты наш...

Павел Немира *(торжественно)*. Можно сказать, совсем!

Марийка. Совсем? Неужто это возможно?

Леопольд Гушка. Война кончилась?

Павел Немира. Для меня — да. Кончилась.

Все. Как так?

Павел Немира. Пусть воюет тот, кому нужно.

Леопольд Гушка. Революция! Солдаты бросили воевать!

Я знаю, что творится!

Павел Немира *(как бы не слыша)*. Я освободился. Мне посчастливилось.

Жена Гушки. А Адам? Он ведь был с тобой в одной части.

Павел Немира *(никого не слушая)*. Пять дней дрожала земля. Дрожало небо. Дрожали звезды. *(Все со стоном вздохнули.)*

На шестые сутки начало светать. Нам приказали вылезать из окопов. Нас погнали в атаку. Вылезешь — смерть. Останешься — или застрелят, или не увидят. Я и остался. Вижу — и Адам со мною остался.

Жена Гушки. Где же он?

Марийка. Павлуша, теперь мы всегда будем вместе! Иди, посмотри на свое дитя, ты его еще не видел.

Павел Немира *(направился к колыбели, затем остановился)*. Все гремит... стонет... По окопу бегут новые солдаты. Я прижался к земле. Закрыв глаза... Когда открыл, вижу — пусто, тихо, и Адама нет.

Все. Где же он?

Павел Немира. Во всем окопе только один офицер Владислав Иотко, сын нашего помещика, раненый в живот, валяется под моими ногами. Он так покорно смотрит мне в глаза. Смот-

риг, как скотина, когда ее режут. И начал просить меня. Я его послушал. Взял на плечи и понес к санитарам. Если бы не я, он там и скончался бы. Я нес его верст десять. Солнце взошло — я его несу. День уже, а я все несу, несу, несу. Принес к санитарам. И за это он через своего отца достал мне белый билет и... клочок земли. Белый билет и клочок земли. *(Долгая напряженная пауза.)* Я много прошел по земле... Я шел от санитаров до поезда, от вокзала до городка, от городка до имения Иотки. Всюду снег под ногами скрипит. Кусты стоят, деревья молчат. В лесу голая зима — без снега. Я нюхал смолистый запах. Казалось, из-под снега пахло грибами. Пахло папоротником, травой. Земля, мокрая от дождя, пахла, будто развороченная плугом. Война осталась где-то далеко. Для меня она кончилась. Пусть как хотят. Пусть воюет, кто хочет и кто не хочет. Пусть лезут в земляную окопную стену. Для меня нет больше войны, нет фронта, нет окопов. Пусть все там, как хотят, Марийка. Теперь у нас есть земля, и нам больше никого и ничего не нужно.

Марийка. Что мы будем делать?

Павел Немира. Жить.

Марийка. А Адам?

Леопольд Гушка. А те, что с Адамом? Полные окопы людей.

Жена Гушки. Тебе одной радости мало.

Павел Немира. Мне жалко Адама. А все? Зачем мне думать обо всех? Кому и чем я помогу? Каждый человек выкручивается по-своему.

Марийка. Сейчас я уйду на фабрику.

Павел Немира. На фабрику? Сейчас, ночью? Зачем?

Жена Гушки. Марийка, теперь незачем.

Марийка. Без меня не объявят забастовки.

Павел Немира. Теперь незачем тебе заботиться об этом. Если раньше у тебя не было иной дороги, то теперь, после такого счастья... Теперь мы будем сами себе господа.

Марийка. О чем ты говоришь?

Павел Немира. У меня завтра же будет земля.

Марийка. Ну, и что же?

Павел Немира. Ну, и сиди дома. Поставим крест на всех забастовках. Забастовки — это... одно беспокойство, это — коли нет выхода. А теперь мы спокойно можем жить.

Марийка. Я пойду.

Павел Немира. Нет, не пойдешь.

Марийка. Пойду!

Павел Немира. Не пойдешь! *(Марийка смотрит на отца.)*

Леопольд Гушка. Пойдет. И я пойду.

Жена Гушки. Нет. Марийка не будет больше спорить. Ведь, не покупая земли, она получит землю.

Марийка. А вы с отцом? А Адам? А все? А война?

Павел Немира. Для нас войны больше нет.

Марийка. Есть!

Леопольд Гушка. И смерть есть, и окопы есть, и ярмо наше тоже есть. Петлю надевают на шею, и виселица над головою стоит. Я говорил: сбросьте все, что человека в землю тянет. Сбросьте царя... сбросьте...

Жена Гушки. Бога не трогай!

Леопольд Гушка. И бога сбросьте!

Павел Немира. Пусть сидит.

Леопольд Гушка. А мы?

Павел Немира. Я уже не на войне и не батрак больше.

Леопольд Гушка. Марийке сейчас нужно итти.

Павел Немира. Не пойдет!

Марийка. Пойду! *(Встает.)*

Павел Немира. Не пойдешь! *(Хватает ее за руку.)*

Леопольд Гушка. Уходи отсюда в село, к своему отцу уходи!

Жена Гушки. Марийка, слышишь? Он разломает дом и семью. Он всех нас погубит!

Павел Немира. Марийка, идем!

Марийка. Нет! Я иду на фабрику! Там нужно организовать забастовку!

Павел Немира. Так у меня еще хватит силы! *(Поднимает кулак.)*

Леопольд Гушка. Уходи отсюда!

Берет Немиру сзади за плечи и толкает к двери. Дверь открывается, и навстречу входит мещанин.

Мещанин. Добрый вечер!

Леопольд Гушка. Добрый вечер.

Мещанин. Какой холод на дворе, у меня даже руки окоченели. Без рукавиц выехал. Ищу подводчиков, завтра надо сено для войск доставлять.

Леопольд Гушка. Почему же вы к нам?..

Мещанин. Может, поедете с подводой?

Леопольд Гушка. Нет у меня ни лошади, ничего нет.

Мещанин. Была бы лошадка, поехали и заработали бы. Война всем не дает жить. Когда она кончится и немцев побьем, тогда народу легче станет.

Леопольд Гушка. И немцы бывают разные. Один живет хорошо, другой плохо.

Мещанин. Есть, есть, конечно — народ неровный. А у вас была лошадка? Хлев-то есть за избою... Сами хозяйничаете?

Леопольд Гушка. Да! Хорошее хозяйство!

Мещанин. Правду сказать, я не один. Здесь еще мой товарищ, тоже насчет подвод. Я думал, он к вам зашел. Я его ищу, вместе в город итти. Мы с ним из города. К вам он не заходил?

Леопольд Гушка. Нет.

Мещанин. Значит, у вас никого не было? Чорт... Теперь в

дороге... Ночью страшно... в поле или в дороге... Теперь всякий народ... Не слышали? На той неделе возле самого города человека зарезали, взяли лошадь и деньги. Так у вас никого не было?

Леопольд Гушка. Нет.

Мещанин. А раз было еще так. Не очень далеко отсюда, так верст за двадцать. На большой дороге. Залез, гад, хозяину в хлев — в солому. Хозяин тот ни телом, ни душой не виноват. Нашли, и оказалось — немецкий шпион. Людей подговаривал, чтобы царя скинуть, не воевать, забастовки всякие устраивать... Одного поймали в соломе, а другого в погребе. Хозяин говорит: я не знал и не ведал, кто такие. Нам бы, говорят, переночевать, а то бандиты убить хотят, потому и пустил. Тех забрали, а хозяину ничего не было. Он ведь не знал, пустил по доброте сердечной. Начальство и пальцем его не тронуло, раз он сам признался и сказал, где гады прячутся. Ну, мои руки немножко согрелись. А мороз трещит... Шел я возле леса. Думаю, здесь где-то должен быть мой товарищ, что вместе со мной ищет подводы. А на дворе тихо-тихо. Слышно, как в городке на ратуше звонят часы: динь-бом... динь-бом. Иду — смотрю, какой-то следок к вашей избе... Я прямо по следу и иду. Думаю, — не иначе, как сюда забежал мой товарищ. *(Кладет руку на плечо жены Гушки.)* Ведь сюда зашел?

Марийка решительно направляется к двери.

Жена Гушки. Марийка, не уходи. *(Мещанину.)* У нас... за избой — в хлеву спрятался.

Марийка. Мать!..

Павел Немира. Кто спрятался?

Леопольд Гушка. Ты!.. *(Вскакивает.)*

Мещанин дает свисток. В избу вбегают городовые.

Мещанин. Из избы никого не выпускать!

Мещанин оставляет одного городского в избе, с остальными выходит.

Жена Гушки. Почему из избы никого не выпускать?

Городовой. Стой на месте, не шевелись!

Леопольд Гушка *(жене)*. Ух, ты!

Жена Гушки. Так-то ты семью спасаешь?

Марийка. Мать!..

Городовой. Тише! Не трогаться с места!

Входит мещанин, за ним городовые ведут Евеля Цивина.

Мещанин. Ну?

Евель Цивин. Где-то табак из кармана выпал, нечего закурить.

Мещанин. Ты грелся в соломе?

Евель Цивин. Грелся.

Мещанин. Сопрелся?

Евель Цивин. Нет. Человек должен обогреваться в избе. Иногда приходится обогреваться и в хлевах. Люди в окопах греются... Люди греются и в чистом поле у орудий... под огнем снарядов...

Мещанин. Замолчи! Кто еще с тобой здесь скрывается? Где?

Евель Цивин. Я один.

Мещанин (Гушке). Ну, говори!

Леопольд Гушка. Я никого больше не скрывал.

Мещанин. Признавайся!

Жена Гушки. Он не виноват... Он не прятал... Этот сам спрятался...

Леопольд Гушка. Я скрывал! (Жене.) Ты...

Мещанин. Больше нет?

Леопольд Гушка. Ищи. Это — твой хлеб.

Мещанин (Марийке.) Признавайся!

Жена Гушки. Мы не виноваты! Не виноваты! Возьмите этого... шпиёна возьмите, не трогайте нас...

Евель Цивин. Меня, хозяйюшка, и без вашей просьбы возьмут.

Мещанин (Павлу Немире). Ты кто такой?

Павел Немира. Солдат. На побывку пришел. Только что в избу вошел. Я здесь ничего не знаю.

Марийка (гордо). Он не виноват!

Жена Гушки. Леопольд, Леопольд! Семья распадается! Уходит счастье! Боже милостивый!..

Мещанин. Марш!

Все выходят, кроме старой жены Гушки и Павла Немиры.

Жена Гушки. Они не виноваты, не виноваты! (Хватает мещанина за ноги, тащится за ним по полу. Он отталкивает ее ногой).

Леопольд Гушка (выходя). Не кричи. У тебя есть клочок земли.

Все вышли. Жена Гушки с криком: «Не виноваты! Не виноваты! Боже милостивый!» — ползает на коленях, поднимается на ноги и снова падает на пол.

3

Кабинет в жандармском управлении. За столом жандармский полковник. У стола сидит Марийка.

Полковник. Ты молодая, пригожая. Тебе нужно жить, а не в тюрьме сидеть. Ты все молчишь. Говори, рассказывай о сво-

их близких. Кто твои близкие? Ну, кто такой Евель Цивин?

Марийка. Евель Цивин — один из лучших людей, каких я знаю.

Полковник. А твой отец?

Марийка. В моем отце собралось все лучшее, что есть в людях.

Полковник. Почему?

Марийка. Потому, что он обманут, ограблен и не хочет больше терпеть.

Полковник. Кто же его ограбил?

Марийка. Вы.

Полковник. Я?

Марийка. Вы и все те, кого вы защищаете.

Полковник. Я защищаю царя и Россию.

Марийка. Царь... Царь потому по-царски живет, что забирает у моего отца все. Вы его грабили с детства и оставили ему только одни истоптанные лапти. Но лапти моего отца лучше вас, вашего царя и вашей России.

Полковник. В камеру! Леопольда Гушку!

Марийку уводят. Вводят Гушку.

Полковник. Ты все говоришь, что тебе было тяжело жить. Больше ты ничего не скажешь? Ну, присядь. Садись. (Сажает его в кресло.) В последний раз...

Леопольд Гушка. Мне было тяжело жить...

Полковник. А ты захотел еще тяжелей, — сам в тюрьму полез.

Леопольд Гушка. Я с детства не выходил из тюрьмы. Одному на свете рай, другому — тюрьма.

Полковник. Проповедник! Ты скрывал Евеля Цивина?

Леопольд Гушка. Скрывал.

Полковник. Зачем ты его скрывал?

Леопольд Гушка. Спросите у него.

Полковник. Я хочу, чтобы ты сказал. Ну? Молчишь? Можно и мягче поговорить. Мне тебя жаль. Расскажи все про Цивина. Мы не будем наказывать тебя.

Леопольд Гушка. Разве вам трудно его самого спросить?

Полковник. Ты простой человек. Ты видел горе. Ты можешь любить людей. А для этого... надо уничтожить всех бунтовщиков, которые сеют смуту, тревогу, кровь, огонь. Искренно говорю: мне жаль тебя.

Леопольд Гушка. У меня уже есть практика. Чем больше на мне рвали жил, тем больше жалели. Вы говорите: «кровь, смута», а сколько крови льется на войне? Те, о ком вы говорите, не хотят ни войны, ни крови. Кто больше желает добра людям, вы или они?

Полковник. Это Цивин так говорит?

Леопольд Гушка. Зачем Цивин? Это я говорю.

Полковник. Скажи, чего ты хочешь?

Леопольд Гушка. Я хочу, чтобы человек не рвал на себе жилы, не мучился, не горевал. Я хочу, чтобы человеку ярко светило солнце и никто не надевал бы на него ярмо. Хочу, чтобы сбросили царя, сбросили бога, а вас хочу видеть на виселице. Вы угрожаете мне каторгой. Я говорил и говорю вам, что с детства жил в каторге. Вы дрожите оттого, что в городах забастовки...

Полковник. Цивин — председатель подпольного комитета?

Леопольд Гушка. ...что солдаты уходят с фронта, что надвигается революция...

Полковник. В камеру! Цивина! (Вводят Цивина.) Ты председатель подпольного комитета? (Цивин молчит.) Кто еще с тобой работал? Я могу заставить тебя говорить.

Евель Цивин. Не думаю, что мой голос будет вам очень приятен.

Полковник. Кто на фабрике руководит забастовкой?

Евель Цивин. Кто на фабрике руководит забастовкой? Руководители забастовки.

Полковник. Молчать!

Евель Цивин. Я сразу же сказал, что мой голос не будет вам особенно приятен.

Полковник. Ты знаешь, что тебе угрожает здесь, вблизи фронта?

Евель Цивин. Знаю. Знаю и то, что вам угрожает большее, чем мне. Вы и забастовок боитесь, и солдат, что не хотят воевать, тоже боитесь. Вы слышите революцию.

Полковник. Гушка тебя скрывал?

Евель Цивин. Я и сам умею скрываться.

Полковник. Гушку! (Вводят Гушку.) Ты скрывал его?

Леопольд Гушка. Скрывал.

Евель Цивин. Сам сознаешься?

Леопольд Гушка. Евель... Когда меня сюда вели, мне из камеры крикнули, что революция близко... Что с фронта солдаты...

Полковник. В камеру! Обоих!

Вбегает жандарм.

Жандарм. С телеграфа... сообщают, что... царь отрекся от престола... и...

Полковник. Что — и?

Жандарм. И... и... и... и...

Полковник. Довольно икать!

Жандарм. ...и революция!

Полковник. Вон! Стой! Послать на телеграф! Проверить! (Жандарм убегает.) Революция!.. Уж и революция... Разве в России может быть революция? Арестованных сюда! (Вводят Леопольда Гушку и Евеля Цивина.) Смотрите друг другу в глаза. Говорите правду! Я предаю вас военно-полевому суду!

За сценой шум. Крики. Стук. Вбегает жандарм.

Жандарм. Солдат с фронта наехал полон город! Забастовщики выкинули над фабрикой красный флаг. Возле фабрики собирается толпа, так что, надо полагать, демонстрация!

Полковник. Арестованных назад!

Евель Цивин. Да здравствует революция!

Врывается толпа, солдаты и рабочие.

Леопольд Гушка. Революция! Братики! Евель! Революция! *(Срывает с полковника погоны.)*

Голос из толпы. Арестованных на свободу!

Голос за сценой. Крепче берите в руки революционную власть!

За сценой слышна марсельеза.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

1

Изба Леопольда Гушки. Поздно вечером. Марийка одна над колыбелью. Входит Леопольд Гушка, молчаливый и хмурый.

Марийка. Ты все ходишь, думаешь и нигде не можешь найти себе покоя. Что с тобой? *(Плачет.)*

Леопольд Гушка. Почему ты плакала утром? Думаешь, я не видел?

Марийка. Она была очень больна. И все это так сразу случилось. В один момент. Чужие люди и похоронили ее.

Леопольд Гушка. Мы с тобой были в тюрьме.

Марийка. И мой ребенок — сирота, не сирота...

Леопольд Гушка. Спокон веку люди говорят: тяжело на свете. Кто сильнее, тот и живет лучше.

Марийка. Ты так думаешь?

Леопольд Гушка. А как же мне думать?

Марийка. Отец, раньше ты был другим. Ты знал, как нужно думать.

Леопольд Гушка. Разве для того рвали цепи, чтобы человеку, как зверю, заткнуть свое ненасытное горло? Чтобы есть друг друга, словно волчья стая? Революция!

Марийка. Ты уже против революции!

Леопольд Гушка. Я против революции? Что ты говоришь? Разве ты не видишь, что я не могу найти ни конца, ни начала?

Марийка. Какое начало?

Леопольд Гушка. Революция совершилась, а помещики попрежнему сидят на земле. На фабриках тоже хозяева. Вот я и говорю: марш по имениям! Разобрать, разгромить, смести дотла. панские гнезда! Говорю так и думаю. Хорошо, взяли помещичье добро, а тогда что? Кто сильнее, тот больше загребет, а слабей-

ший пойдет к нему батраком. Но я за свою жизнь научился ненавидеть батрацкое ярмо. Если произошла революция, то должен же быть конец и ему. Я рад, что растаскивают имение Иотки. Вот вам — смотрите на революцию. Революция — это не шутка. (Ти-хо.) Но я вижу, что из-за помещичьего добра люди едят друг друга.

Вбегает Семен Марейна. У него под полой скрипка.

Семен Марейна. Ха-ха-ха! Леопольд! Леопольд! Ха-ха-ха!
Леопольд Гушка. Чего ты? Ну, чего?

Семен Марейна. Ха-ха-ха!

Леопольд Гушка. Правду о тебе говорят, что ты иногда становишься сумасшедшим. Что с тобой?

Семен Марейна. У тебя за избой война. Я шел возле леса играть на вечеринку...

Леопольд Гушка. Какая война?

Семен Марейна. Именье разбирают.

Леопольд Гушка. Так и нужно.

Семен Марейна. Весь день рубят лес Иотко, и каждый себе тащит, аж давится. А под конец дубок не поделили. Каждый хочет себе и с топорами друг на друга наступают.

Леопольд Гушка. Это для меня не ново.

Семен Марейна. И кто? С одной стороны, Сурвила за собою ватагу ведет, а с другой — твой зять, Павел Немира.

Леопольд Гушка. Тебе весело?

Семен Марейна. Дубок-то, верно, Сурвиле достанется.

Леопольд Гушка. Почему?

Семен Марейна. Твой зять побежит имение растаскивать, а Сурвила дальше леса не пойдет. У него свой взгляд на революцию. (Выбегает из избы.)

Леопольд Гушка (Марийке). И ты хочешь, чтобы мне было весело?

Марийка. Я этого не говорю. Наоборот, ты мне твердил, что я невеселая, грустная... Я такой становлюсь, когда начинаю думать о ребенке, о...

Леопольд Гушка. Я думал, революция... Ну, словно бухом ударит... Не будет такой прорвы, как глотка Сурвилы. Кончится все это, — когда один лежит и стонет, а другой по нем в сапогах ходит и топчет. Топчет и кричит: революция! (Повышает голос.) Готов родному брату голову снять, если увидит, что тот больше, чем он, набрал. Больше, чем он, от революции вырвал. От революции! За!.. (Тише.) Чтоб оно сгорело! (Не находит себе места.) Я опять пойду туда...

Марийка. Куда? Зачем?..

Леопольд Гушка. Пойду посмотрю на революцию.

Марийка. Так ты революции не увидишь.

Семен Марейна (в дверях). Идем на революцию смотреть. Идем, Леопольд, и я с тобой пойду.

Отступает обратно в сени, за ним выходит Леопольд Гушка. И сейчас же обратно, — как будто кто-то их втолкнул в избу. Вслед за ними появляется Павел Немира.

Павел Немира. Кто владел землей — пусть того теперь земля ест! Кто горе мыкал, — будет сам себе пан! *(Все молчат от неожиданности появления Немиры.)* Пришло время и нашему брату твердо стать на ноги! Пусть теперь господин Иотко с огнем и дымом идет к господу богу на небо. Довольно!

Семен Марейна. Так сразу и отдаешь? Бесплатно?

Павел Немира *(не поняв)*. Что?

Семен Марейна. Небо. Подожди, не торопись так, может быть кто и купит.

Марийка. Иотки не жаль?

Павел Немира. Чего его жалеть! Ведь он помещик.

Марийка. А кто его десять верст из окопов к санитарам на себе нес?

Павел Немира *(вспоминая)*. Да, скверно он мне отплатил.

Семен Марейна. Я тебе говорю, — не торопись с небом, может быть кто-нибудь купит.

Павел Немира. Пошел ты к...

Леопольд Гушка. У меня за хлевом лежит куча навоза. Иди, ляг в него лицом и лежи. Будет и тепло, и мягко, и спокойно.

Павел Немира *(злобно-крикливо)*. Ты что? За помещиков, за буржуев? Революцию не любишь?

Леопольд Гушка. Когда это ты таким революционером стал?

Марийка. Уж не тогда ли, когда не пускал меня на фабрику?

Семен Марейна. Слышь ты, спрашивают, в какой день ты революционером стал? В пятницу или, может, еще в четверг?

Павел Немира. Я мужик. Я горе мыкал. Я ходил в лаптях. Разве я буду против революции? Революция дала права. Значит, умей эти права в руки взять. Бери, что дает революция, и живи. А ты меня в кучу навоза сажаешь. Раньше, может, я и в навозе сидел. А теперь... Н-е-т! Не то, что на курную избенку, а и на дом леса покупать не нужно. Да и земельку возьмем. Именье растащим, я уже себе на десять изб леса навозил. *(Марийке.)* А ты, Марийка? Брось! Все брось! Революция! И мы с тобой вместе будем жить.

Марийка *(передразнивая)*. И больше нам ничего и не нужно.

Павел Немира. Я буду сам себе хозяин. Дом у меня будет — во! Двор у меня будет — во! Разведу сад. Обнесу его дубовым забором...

Леопольд Гушка. Меня в работники возьми.

Павел Немира *(не понимая)*. Тебя — в работники?

Семен Марейна. Павлушка, не бери его. Он плохо будет работать. Ты бери здорового парня, чтоб мог день и ночь работать.

Павел Немира (*не слушая*). Марийка, заживем... Не забывай, у нас ребенок... Революция дает нам... Идем в именье!..

Марийка. Может, я и пойду, да не с тобой. Ты идешь грабить, а не революцию делать.

Павел Немира (*Гушке*). Отец, ты не хочешь со мной идти?

Марийка. Уходи! Уходи отсюда!

Павел Немира (*злобно*). Так. Всегда вы были голодранцами, голодранцами и останетесь. Из грязных онуч и не вылезете. Люди умеют использовать свои права. А вы... Смотрите, смотрите! Именье горит, подожгли! Ух, как гуляет! Полнеба огнем залило! А вы пропадете, как серые мыши, если такими будете. Погибнете!

Семен Марейна. Ха-ха-ха!

Леопольд Гушка. Чувствует твое горло свободу, недаром весь мир ты хочешь проглотить. Не проглотишь! Найдется немало других охотников. Перегрызетесь, как звери.

Павел Немира (*старается говорить спокойно, без злобы*). Марийка! Ты подумай, Марийка!

Марийка. Нет! Ты сам подумай. Тебе еще много надо думать.

Леопольд Гушка. С Иоткой вместе я и Сурвилу с дымом пустил бы!

Марийка. А если теперь еще не настоящая революция?

Леопольд Гушка. Я бы еще сделал революцию.

Марийка. Не об одном ли, отец, мы с тобой говорим?

Семен Марейна. Я когда-то говорил, что мир держится на таком законе: у кого зубы крепче, у того и брюхо полнее. И всегда он обманет меньшого. А раз на таком законе мир держится, то к чему все революции?

Леопольд Гушка. Что ты говоришь?

Семен Марейна. Человеческая натура все революции сметет под ноги.

Леопольд Гушка. Ты почему путаешься у меня под ногами?

Семен Марейна. Может, когда-нибудь родится новое поколение и с самых пеленок возненавидит кровь и слезы. Тогда ни войны, ни революций... Тогда и братство будет. Ага, ты задумался!

Леопольд Гушка. Ты мне ясней скажи, чего ты хочешь? Что ты хочешь делать?

Семен Марейна. Что делать? Любить или ненавидеть. Человеку на этом свете нет другой работы.

Леопольд Гушка. А хлеб есть?

Семен Марейна. Есть хлеб? Когда я еще был молод и у Иотки в имении учил молодого панича грамоте и музыке, я уже тогда ненавидел господ...

Леопольд Гушка. Одной ненавистью сыт не будешь.

Семен Марейна. Я уже тогда ждал революции. Когда я видел человеческое горе, мое сердце обливалось кровью.

Леопольд Гушка. Для тебя революция то же, что для меня когда-то был бог. Молись ей, жди ее.

Семен Марейна. А не ждать?

Леопольд Гушка. Я сам революция! Ты или что-нибудь делай, или не путайся под ногами. Боишься выпачкать руки в крови. Революционер!

Семен Марейна. До тех пор ничего не выйдет, пока люди будут обмывать кровью свои болячки. Кровь всегда будет кровь. Люди без крови должны притти к счастью. Кровь человеческая — священна.

Леопольд Гушка. Разная у людей кровь. Одна чистая, другая вонючая, как гниль.

Семен Марейна притих, сжался. Леопольд Гушка повернулся к Немире, который все время старался быть возле Марийки.

Леопольд Гушка. А ты все ждешь, когда я к тебе в работники пойду? Сызмала я был батраком у помещика, затем сменил на Сурвилу... А теперь, может, самому нанять? Не развалина же я. Разве не сумею вот этими руками ограбить половину имения? Разве не натащу себе леса, сколько захочу? Помещик не дает земли, — силой возьмем! И то, что раньше было не мое, станет моим. Моим собственным! Никто и ноги сюда не посмеет поставить. А поставит — дубиной по шее. Так-то станет жить Леопольд Гушка! Раньше он был внизу — теперь будет наверху. Много нас ползет наверх. Кто послабее, того дубиной, не занимай места! Дай мне развернуться!

Павел Немира (*радостно*). Отец, ты это шутишь или правду говоришь?

Марийка. Отец, не все же такие. Не мерь всех по Сурвиле и Павлу Немире!

Леопольд Гушка. Слабейшие, как черви, будут кишеть, пролезая на лучшее место. И кто крепче сядет на лучшее место, тот и будет хозяином. Батраки будут работать, а сам... хамло... хамская глотка... будет ходить, заложив за широкий зад руки... Откормит зад... Заборы дубовые поставит, посреди двора колодец, ворота высокие, глянешь, — за пять верст видны будут. Ха-ха-ха!..

(Сурвила и Мазавецкий в дверях.)

Сурвила. Это правда. Ворота высокие будут, у каждого свой колодец, а дома — вот такие! Эх, погорячился я тогда с землей, — стал покупать. Можно сказать, деньги бросил собаке под хвост. Теперь народ и так землю возьмет.

Павел Немира. Ты зачем сюда?

Сурвила. Зачем?

Павел Немира. Я тебя спрашиваю, — зачем?

Сурвила. Я не к тебе пришел. Ты мне не нужен.

Павел Немира. Заткни глотку, землеторговец! В революцию влазишь? Она тебя вместе с Иоткой...

Мазавецкий. О боже мой, боже мой! Гражданин Сурвила, чего этот человек хочет?

Сурвила. Он хочет всю революцию один проглотить.

Семен Марейна. Ха-ха-ха! Делят революцию. *(Выбегает из избы.)*

Павел Немира. Тебя вместе с Иоткой... землеторговец, хуторянин... Тьфу! *(Выходит из избы.)*

Мазавецкий. О боже мой, боже! Он говорил, как человек, которого обманули!

Сурвила. Пусть народ берет землю без обмана и без злобы. К этому идет.

Мазавецкий. А может, будет такой закон, что и не дадут так.

Сурвила. Дадут! Разве помещик сам сотворил землю? Именье, скажем, сам нажил, мозгами ворочал.

Мазавецкий. Ворочал, гражданин Сурвила, ворочал!

Сурвила. Ну, а земля, лес — это должно народу отойти. Теперь народ лучше станет жить.

Мазавецкий. У бывшего батрака — свои батраки будут. Хотел бы я посмотреть, как мой Максим себе батрака возьмет. Хи-хи...

Леопольд Гушка *(к обоим)*. Зачем вы ко мне?

Сурвила. Я вспомнил о тебе. У тебя ведь нет лошади, как же ты себе лесу привезешь? Все возят, а ты сидишь. Вот у меня в голове и зацепился крючок: мне одному на трех подводах трудно возить, помоги мне, а потом возьмешь себе лошадь на денек. Я тебя могу и на свой хлеб взять.

Леопольд Гушка *(иронически)*. У меня времени не будет. Я пойду именье растаскивать.

Сурвила. Именья не трогай. Бери, что божье: лес. А именье помещик своей головой приобретал.

Мазавецкий. Приобретал, гражданин Сурвила, приобретал!

Семен Марейна *(вбегает в избу)*. Все горит! Работают со вкусом! Твой зять пробует рояль, не тяжелый ли.

Мазавецкий. Хочет на рояли играть. Хи-хи-хи... Был, знаете, такой случай. Закапризничал раз у помещика кучер. Не хочет лезть на козлы. В фаэтон, говорит, хочу, на господское место. Хи-хи-хи... Чтоб помещик, значит, сел на место кучера, а кучер на его место. Хи-хи-хи...

Сурвила. Хо-хо-хо...

Мазавецкий. Я, говорит, тебя, барин, за свою жизнь немало повозил. Теперь ты меня повози. Теперь, говорит, революция. И лезет в фаэтон прямо на плюш своими стопудовыми сапожищами. А на них навоза, навоза, о боже мой! Хи-хи-хи...

Сурвила. Хо-хо-хо...

М а з а в е ц к и й. Совсем, как на ваших сапогах, гражданин Сурвила.

С у р в и л а. Ну, ты...

М а з а в е ц к и й. Барин сел на козлы и повез кучера. Приехали. «Слезайте, господин кучер, — говорит барин. — Пожалуйста, господин кучер, в кабинет, делайте мое дело». Пошел кучер, и барин пошел. Сел кучер в кресло. Хи-хи-хи... Сел в кресло, ткнул ручку в чернила, сунул нос в бумаги, а писать-то не умеет. Встал, поцеловал барину руку и говорит: «Моя глупая голова, барин, не выносит больших дел. Извините, барин», — и полез на свое место на козлы.

С е м е н М а р е й н а. Замолчи, отрава старая! Вон отсюда! Ты с революцией детей крестил, что так с нею побратался? Любишь ты, чтоб один в фазтоне сидел, а другой вечно ему служил.

Издали слышен шум. Адам Гушка и Евель Цивин входят в избу. Сурвила и Мазавецкий, струсив, скрываются.

Л е о п о л ь д Г у ш к а. Адасик!.. Адам! Опять дома! Четыре года, как ты ушел. Адасик мой...

А д а м Г у ш к а. Отец... Марийка... Мать... Где мать?

М а р и й к а. Мама... умерла.

А д а м Г у ш к а. Мама... умерла... не дожила?

Л е о п о л ь д Г у ш к а. Не дожила до революции. Евель, мы с тобой вместе вышли из тюрьмы, а вот только что ко мне приходил Сурвила, чтоб снова нанять меня в батраки.

А д а м Г у ш к а. Я сегодня видел такого хорошо знакомого мне человека, который после революции не должен бы жить, а он живет.

Л е о п о л ь д Г у ш к а и М а р и й к а. Кто?

А д а м Г у ш к а. Тот, против кого мы воевали. Не тот, с кем гнали нас воевать, а тот, кто гнал нас на войну.

Л е о п о л ь д Г у ш к а. Кто же это? О чем ты говоришь? Что там было и где?

А д а м Г у ш к а. Пять дней орудия сотрясали землю... и небо... и людей. Землей засыпало окопы. На проволочных заграждениях замерзали куски человеческих тел. Взрывом снаряда бросило на колючую проволоку человека. Он так и висел; у него не было головы и одного плеча с рукой. Он перегнулся вниз через проволоку и, казалось, хотел поднять с той стороны свою голову. А второй под его ногами три дня умолял пристрелить его, чтоб не мучиться больше с перебитыми ногами. На шестые сутки нас погнали в атаку...

Л е о п о л ь д Г у ш к а. Павел Немира рассказывал, что ты не пошел.

М а р и й к а. Что ты остался.

А д а м Г у ш к а. Мой ранец был полон прокламаций, призывавших покончить с войной. Мы, такие как я, по двое должны

были встретиться в окопах и разбросать прокламации. Я и остался.

Леопольд Гушка. Павел Немира тебя тогда видел в окопе.

Адам Гушка. Я ему велел уйти в пустые воронки от снарядов, чтоб он не путался под ногами. Три линии солдат пробежали по окопу, и стало пусто. Я стоял в пустом окопе, глядя, куда бы разбросать прокламации. Было нужно, чтоб я остался жив, но офицер — я узнал его — Иотко — увидел меня, хотел застрелить и погнал наверх на окоп. Меня — на окоп, когда ранец полон неразбросанных прокламаций, когда все пошли умирать неизвестно за что и за кого, когда я воюю с ним, а не с немцами!..

Леопольд Гушка. Как же ты избавился от него?

Адам Гушка. Я проткнул его штыком.

Леопольд Гушка. Так это ты ранил Иотку?

Адам Гушка. Через день-два, а может и через три — я не помню — меня забрали санитары из окопа.

Леопольд Гушка и Марийка. Ты был ранен?

Адам Гушка. Меня очень долго везли на тряской телеге по полю, изрытому окопами. Мертвое небо ползло над головой. Меня трясло, двое или трое раненых лежали на моих ногах. Я не чувствовал своих ног, я не слышал больше, как стонет и молит человек с перебитыми ногами. На меня не сыпалась больше земля окопа. Солдаты остались далеко. Война осталась далеко. Снаряды, пули, стоны, миллионы взглядов умирающих, печальные глаза, полные предсмертной тоски... Их гонят... крошат... ломают. Они идут, словно под нож на смерть. А хотят жить! Жить хотят, жить! Меня же все везут, везут, везут.... Прокламаций уже нет за спиной — остались в окопах. И офицер, погнавший меня наверх, заколотый, остался там же. И я так хочу жить, так жить хочу... В госпитале, вижу, — Иотко. Зовет меня. «Где ты был ранен, — спрашивает, — твое лицо мне знакомо». Жив Иотко!

В дверях появляется Павел Немира. Он весь обвешан различными вещами из помещичьего имения.

Павел Немира. Ха-ха-ха... Сидят в избе! Жили весь век дураками, так дураками-голодранцами и подохнете! В грязных онучах и в могилу ляжете! Революция сама в дом не принесет. А брать вы не желаете. Дурачье!

Марийка (указывая Адаму на Павла Немиру). Это он отнес Иотку к санитарам.

Павел Немира. Адам! Ты дома? Как я искал тебя тогда в окопе! Полдня искал.

Адам Гушка. Я его уничтожил, а ты спас?

Павел Немира. Он так просил... Пуля ему пробила живот.

Адам Гушка. Не пуля, а мой штык.

Павел Немира. Адам... Что ты хочешь?

Отступает в сени. Неожиданно за сценой шум, гул голосов. Вбегает Семен Марейна, второпях насккивает на Немиру, отбрасывает его на середину избы.

Семен Марейна. Пленные немцы, что жили в имении, вмешались в дело!

Евель Цивин. В какое дело?

Семен Марейна. Один немец говорит: зачем вы растаскиваете добро, оно, дескать, народное. Второй говорит, что он хочет взять себе земли и остаться здесь жить. Ему, дескать, все равно. Где революция, там и он будет жить. Третий говорит: гоните помещика, а имения не трогайте.

Леопольд Гушка. Я сам туда пойду! *(Рванулся с места.)*

Евель Цивин. Подожди!

Семен Марейна. Несколько человек крикнуло: «Бей немецких шпионов!»

Леопольд Гушка. Кто кричал?

Семен Марейна. Не только кричали, били...

В избу вбегает Эдуард Лявер.

Эдуард Лявер. Я им сказал... Мы им сказал... Мы тоже хотим революция... Мы не шпион... *(Хватается за грудь.)* Я хочу революция... Меня били...

Несколько человек крестьян появляются в дверях.

1-й крестьянин. Подбежал, гад, и сразу ему в грудь!

2-й крестьянин. Нешто он не такой же человек, как и мы? Земля всех должна одинаково носить.

Леопольд Гушка. Кто тебя бил?

Эдуард Лявер. Много били... Не знаю... не знаю... много... *(Взглянув на Павла Немиру.)* Он... Он первый меня ударил. *(Хватается за грудь.)*

Леопольд Гушка и Марийка *(Немире)*. Ты?

Павел Немира. Мы долго терпели от помещиков, от разных гадов. А теперь чужестранцы сюда лезут. Они и здесь уже увидели свое. Пусть идет туда, где родился! Мы помещиков гоним не для них!

Марийка. Ты этого же помещика десять верст на себе тащил.

Павел Немира. Человека тянет туда, где он родился. Иди на родину и делай революцию!

Леопольд Гушка. Вон! *(Долгая напряженная пауза.)* Ты когда-нибудь еще придешь к нам. Будешь просить.

Павел Немира. Просить? Контрреволюционеры! *(Собирает вещи.)*

Марийка. Хорошенько посмотри, — все ли собрал, «революционер».

Павел Немира уходит.

Эдуард Лявер. Я уголь копал, а дети мои там голодные...
В Силезии — в Германии...

Леопольд Гушка. В Силезии...

Эдуард Лявер. Я... Я... Силезия...

Леопольд Гушка. Где-то есть маленький городок, весь в садах. Дорога из того городка обсажена деревьями. Может, по двести лет каждому дереву. Там мать плакала, когда мы уезжали сюда. Почему я так поседел? На моих плечах еще не должно быть старости. Если бы я в молодости вернулся туда, может и не поседел бы в такие годы. Может, и Адам не воевал бы неизвестно за что. Может, и я иначе бы прожил на свете, легче и счастливо дошел бы до могилы. Может, и моя дорожка не была бы такая узкая и короткая, тесная и колючая... Будто детский сон, я помню тот городок.

Семен Марейна. Леопольд, замолчи, не рви моего сердца!

Леопольд Гушка. Ты из Силезии? Из Силезии?

Эдуард Лявер. Меня угнать воевать не знаю за кого, за чего. За мой пот в шахта. За голодные дети. Мы будем делать революция... Я шпион?.. Я чужой?.. Меня бить?... Кому я чужой?

Хватается за грудь. Ему дурно. Медленно опускается на лавку. Евель Цивин, Адам Гушка и Леопольд Гушка помогают ему. Адам Гушка сразу узнает его.

Адам Гушка. Эдуард! Это ты, Эдуард?

Эдуард Лявер. Адам? Адам Гушка?

Леопольд Гушка и Марийка. Кто это? Какой Эдуард?

Адам Гушка. В окопе он помог мне справиться с Иоткой.

Леопольд Гушка. За его пот... За голодных детей и голод его семьи... За мой голод... За мои кровавые мозоли... За голод в Силезии и голод здесь вы воевали! И наша и силезская — везде и всюда да здравствует революция! (*Грозно Цивину.*) Евель, мы вместе с тобой вышли из тюрьмы, а Сурвила снова приходил нанимать меня в батраки!

Евель Цивин. Мы с детства голодали. Мы воевали и там, в Силезии, и здесь. Но мы сделаем революцию. (*Леопольд Гушка взглянул на него.*) Еще одну революцию! Это будет наша революция, и тогда вместе с нами пойдут все «чужестранцы», потому что, кто трудится, кто борется за нашу революцию, — не чужестранцы! Сурвила не возьмет тебя батраком, потому что ты — революция. Мы с твоим Адамом!

Леопольд Гушка. Адам, ты давно уже вернулся сюда?

Адам Гушка. Я приехал от военного комитета.

Евель Цивин. И ты, старик, будешь вместе с нами! Ты слышал, что происходит в Петрограде и в Москве? Мы — большевики!

Леопольд Гушка. Силезские ткачи... Виселица над головой... Российская империя... Батрачество... Подданство, земля, война... Силезия, Россия, Америка... все... все... и все. Евель, революция на полдороге остановиться не может. Я иду с вами... Мы с

вами! *(Подходит к Марийке и целует ее в голову. Слышен далекий выстрел.)*

Адам Гушка. Слышите?

Евель Цивин. Мы с Адамом были в казармах, на фабрике и в селах. Уже начинается! Пора!

Леопольд Гушка. Идем!

З А Н А В Е С

Э П И Л О Г

Площадь перед ратушей. На площади народ. На переднем плане лежит мертвый Семен Марейна. Разговор около него.

Г о л о с а. Семен Марейна?

— Мертвый?

— Убитый?

— Сначала был у нас, потом у них.

— Почему?

— Кричал — преступление проливать человеческую кровь.

— Кричал против нас и против них. Откуда-то пуля, и...

Евель Цивин *(из дверей ратуши)*. Товарищи, власть в наших руках!

Леопольд Гушка *(рядом с Цивиным поднимает красное знамя)*. Да здравствует революция!

Все. Ура!

К О Н Е Ц

М. ДАНИЭЛЬ

Еврейский писатель. Род. в 1900 г. С 11 лет работал в портняжной мастерской. Активно участвовал в рабочем движении. Начал печататься с 1924 г. Почти все произведения Даниэля переведены на русский язык. Пьеса «Четыре дня», рисующая героическую борьбу виленского пролетариата с белополяками, переработана автором из романа «Юлис» (имеется русский перевод), ставилась во всех советских еврейских театрах.

М. ДАНИЭЛЬ

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

(ЮЛИС)

**ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ
В 3 АКТАХ**

**Авторизованный перевод с еврейского
БОР. ВАК**

ЧАСТВУЮТ

Юлиус.
Людвиг.
Станислав.
Копач.
Сайбл.
Марат.
Анна Богданович.
Зельдке.
Лопатьев.
Амдор.
Красная Морковь.
Исроэль Фукс.
Богуславский — лидер ППС.
Рауль — член бундовского комитета.
Нафтоле.
Азрилка.
Владек.
Дубровский.
Гриша Мичурин.
Группа спартаковцев во главе с Нейманом.
Группа военнопленных во главе с Афросьевым.
Группа матерей во главе с Эстеркой.
Дети.
Красноармейцы, торговцы, офицеры, рабочие, бундовцы, пепеэсовцы.

Время — конец 1918 и начало 1919 года.

Место — Вильно, Минск.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сумерки. Густо падает снег. Тусклые фонари над дверями освещают вход в кафе. В отдалении горит сахарный завод. У входа в кафе группа мальчишек выкрикивает: «Кафе, кафе! Котлеты, котлеты! Обеды! С музыкой! Жареные гуси! С пивом!». Из-под ворот ползает согбенная фигура: «Евреи, кому нужен талес из Дубровны? — предлагает, ни к кому не обращаясь. — Все распродано, остался один талес — два дня крошки во рту не было...» Из других ворот ползет вторая фигура, уныло напевая на мотив еврейских псалмов:

Гуталин, гуталин,
Покупайте гуталин,
Ой, духовитый гуталин!
Прекрасный гуталин!
Покупайте, покупайте, покупайте!..

Фигуры сходятся посреди улицы.

- 1-й торговец. На Завальной — трое.
2-й торговец. Что трое?
1-й торговец. Еще трое скончались от голода — уже увезли.
2-й торговец. Даже вопить, взывать не к кому — нет в городе хозяев.
1-й торговец. Говорят — немцам конец: в Берлине начинается...
2-й торговец. Пока от них избавишься — еще голову положишь. Сидят пока в седле крепко...
1-й торговец. Сидят-то сидят, да седло-то уж и не седло больше: Вильгельм, говорят, уже..

Появляются два германских офицера.

1 - й торговец. Они!

2 - й торговец. Гуталин, гуталин!

1 - й торговец. Кто купит талес? (Исчезают.)

Офицеры оглядываются кругом, ищут.

1 - й мальчик (бежит за ними), Желаете девочку, господин офицер?

2 - й мальчик. Может, вы желаете девочку? Таковую молоденькую девочку, недорого!

Офицер ткнул мальчишку в живот, мальчик падает, затем вскакивает в испуге, убегает.

Офицер. Здесь их нет. Идем.

Из подворотни выбегает несколько оборванных ребят.

1 - й мальчик. Я сегодня ничего не ел.

2 - й мальчик. О еде можешь забыть.

1 - й мальчик. А я немцев не боюсь нисколочко. Совет делает революцию и выгонит немцев. Вот!

— А немцы не захотят уходить.

— Так им намнут бока.

— А они сдачи дадут.

— Так будет драка.

— Вот весело!

— Я сегодня ничего не ел!

— Идут немцы!

1 - й офицер. Вымер город — тишина, как перед бурей.

2 - й офицер. Я не верю этой тишине. Видишь эту стену? Рыжая кирпичная стена. Вдруг и она начнет швырять в нас камнями?

1 - й офицер. Ну, где же твои спартаконцы? Никого нет. Напрасно тащились сюда.

2 - й офицер. Когда мы оставляем город?

1 - й офицер. На-днях.

2 - й офицер. Евреи и поляки хотят попрощаться с нами «дружески».

1 - й офицер. «Дружески!..» Эх, будь у меня власть, я бы нескольких вздернул на площади! Чтоб помнили!

2 - й офицер. Идем! Надо покутить последнюю ночь.

Ребятишки высыпают из-под ворот и показывают вслед офицерам «носы». Из-за угла появляется группа спартаконцев.

Нейманы. Маленькие геноссен, подите-ка сюда!

Ребятишки, испугавшись, собираются бежать.

Нейманы. Идите, идите ближе, мы вам ничего не сделаем. У нас есть для вас что-то хорошее.

1 - й мальчик. Я не боюсь.

2 - й мальчик. Я тоже.

3 - й, мальчик. Я пойду. (Подходят.)

Спартакoвцы дают детям хлеб с вареньем, те жадно уписывают.

Нейман. Вы знаете, где рабочий совет?

Дети. Да. Знаем.

Нейман. Посмотрите, нет ли там офицеров. Живо!

Парнишка. Айда, пошли!

Спартакoвец. Пусть пойдeт один, а остальные останутся здесь.

Парнишка убегает.

Нейман. Девочка, сколько тебе лет?

Девочка. Семь с половиной. Так говорит отец.

Нейман. Чудно, чудно — семь с половиной. Ты уже большая.

Парнишка возвращается.

Парнишка. Никого нет.

Нейман. Спасибо, маленькие товарищи.

Спартакoвцы уходят. Появляется торговец.

Торговец. По дворам, чертенята, по дворам!

Дети убегают. Трое торговцев взбираются по лестницам, смотрят на вывески, перекликаются.

1 - й торговец. Пора стереть немца! Кончился немец!

2 - й торговец. А я на место немца посажу поляка. Пусть красуется на вывесках.

3 - й торговец. Что? Переписать вывеску по-польски? А если поляки не займут город? Я просто-напросто напишу по-еврейски.

2 - й торговец. По-еврейски?

Молодой человек (в шляпе, с чемоданом). Господа, у меня — гениальный проект. В такую тревожную эпоху, как теперь, крашенные вывески — вещь устаревшая. У меня здесь (указывает на чемодан) лежат языки всех солидных держав. Например, захватили город поляки — прошу, господа, вот вам деревянные польские буквы. (Вынимает из чемодана буквы.) Захватят город большевики — пожалуйста — вот вам русские. Останутся немцы — будьте любезны — вот немецкие. Вы должны их только прибить к вывеске, и государственный язык соблюден.

1 - й торговец. А если никто не возьмет города?

Молодой человек. Тогда вывеска остается черной. Это значит, что хозяина в городе нет... Хозяин умер.

3 - й торговец. Каждый день новая власть — с новым языком, с новыми вывесками!..

1-й торговец. Говорят,— их совет собирается здесь устроить такую же штуку, как в России.

2-й торговец. А власть потерпит?

1-й торговец. Власть, власть!..

2-й торговец. Донести надо.

3-й торговец. Некому доносить. Нет власти. Город без власти. Брошен на произвол судьбы.

Бундовец (*вбегает, наклеивает на стену воззвание*). Читайте, евреи, это для вас. Воззвание к еврейскому населению.

1-й торговец. Кто зовет?

2-й торговец. Куда зовут?

Бундовец. Немцы уходят. Город остается без власти. Бунд и ППС говорят, чтобы вы, население то есть, организовали городскую думу. (*Хочет идти.*)

3-й торговец. Подождите, подождите. На каком языке переписать вывески?

Бундовец. На еврейском. Только на еврейском. Читайте воззвание...

Торговцы. Ну, а немцы, они отдадут власть?

— Если в это дело вмешаются Бунд, ППС, Дума как здесь пишут... Я знаю? Надо хлопотать, может быть...

— Что нам стоит, глупый?

Бегут испуганные люди; небо становится кроваво-красным.

Г о л о с а. Подождли!

— Сахарный завод горит!

— Кто, кто поджег?

— Поляки!

— И говорить нечего: их работа—большевиков. Жгут чужое добро!

— Спасайтесь, евреи!

1-я женщина. Кто начал погром, где бьют евреев?

2-я женщина. Дай ей точный адрес, где бьют евреев...

3-я женщина. Немцам конец пришел. Капут! Аминь!

1-й еврей. Кто купит мундир? Суконный мундир! С самого Гинденбурга.

2-й еврей. Сколько вы хотите за это барахло?

1-й еврей. Я барахлом не торгую! Мундир с самого Гинденбурга, новенький, с иголочки!

2-й еврей. Дайте-ка прикинуть, — выйдет ли из вашего Гинденбурга пара порядочных штанов? (*Примеряет.*)

О ф и ц е р. Выползли из трущоб и торгуют. Если бы разразился второй потоп, погибли бы все народы, но спасся хотя бы один еврей, то он тотчас же начал бы торговать... водой (*Уходит.*)

1-й торговец. Пришел им конец!

2-й еврей. Надо что-то делать!

3-й торговец. Вот я и говорю... В такое время не надо зевать...

1-й еврей. Не зевать. Они все распродают за бесценнок.

3-й еврей. Сахар.

1-й торговец. Где мой мешок? Мешок мой где? Из-за вашей политики я потеряю пуд сахара! (Убегает.)

Дети. Горит! Смотри, смотри, все небо красное, будто залито кровью!

— И никто не тушит?

— Нельзя тушить!

— А если Юлис захочет, то в одну минуту не будет пожара. Все его слушаются.

— А я хотел бы быть Людвигом: Людвиг поджег двор собственного отца — его отец был злой помещик и порол крестьян.

— А я хочу быть Станиславом! Он хороший и может все напечатать. Ты скажешь слово, а он сразу его и напечатает.

— А Юлис?! Юлис был командиром, и у него есть настоящее ружье. Он сюда из Москвы приехал. Мне это отец рассказывал...

— Немцы! Немцы!

Разбегаются. Группа рабочих несет мешки, в них разобранные винтовки. Впереди Копач.

Копач (поет).

Ходит франтик по бульвару,
На головке шляпа!..

Стоп! У совета германские солдаты.

Нафтоле. Вот тебе и на! Как же пронести?

1-й рабочий. Мешки несем с сахаром! Щупать не будут.

2-й рабочий. Они будут ощупывать.

Нафтоле. Руки короткие.

Входит Юлис.

Все. Юлис!

Юлис. Что вы здесь делаете?

Нафтоле. У совета нечисто.

Юлис. Погодите. Они тут давно стоят?

Нафтоле. Мы только-что подошли.

Юлис. С ними нет старшего. Значит, начальник в совете. (Подходит ближе.) Подождите. Это, кажется, свой. Нейман!

Нейман. Юлис! (Здороваются.)

Юлис. Чорт возьми! Ты перепугал ребят. Иди в совет, Станислав ждет. Нафтоле, а ну-ка потолкуй с товарищами. (Уходит.)

Нафтоле. Так вот что, геноссен. Это очень хорошо, что вы отслужили по вашему кайзеру панихиду.

1-й немец. Вас? вас?

2-й немец. Вас шприхт дер геноссе?

3-й немец. Их ферштее нихт.

Рабочий. Дай, я. (Немцам.) Па-ни-хи-ду. Понял? Нет?

Немец. Па-ни-хид? Нихт понимамай.

Нафтоле. Вот народ! Человеческого языка не понимает! Я говорю — хорошо... гут... что ваши рабочие — Вильгельма... долой!

Немцы. А, зо — долой, долой! Ферштанден. Вильгельм долой. Нидер!

Нафтоле. Хозяев тоже надо долой.

Немцы. Хозя-ев? Вер зинд дизе? Зинд зи браве геноссен?

Нафтоле. Нет, нет, какие геноссен! Хозяева — это, ну, буржуи, капиталисты...

Немцы. Капиталистен — долой! Зи хабен рехт. Долой капитализмус!

Голос. Долой капитализм! Долой! Долой!

Нафтоле. В могилу его, в могилу!

Рабочие. О чем тут долго говорить! Братья!

Немцы. Братья! (Уходят в обнимку, беседуя.)

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

В совете. Большой зал в здании бывшей гимназии. Афросьев муштрует группу рабочих.

Афросьев. По порядку номеров, рассчитайсь!

Рабочие. Первый, второй, третий, четвертый, пятый.

Афросьев. На правò! (Все поворачиваются направо, Нафтоле — налево.) Нафтоле, направо! Где у тебя правая рука? Ну, какой рукой ты даешь затрещину, если случится?

Нафтоле. Затрещину? Всегда этой, товарищ командир. Я человек мирный, я, так сказать, драться не люблю. Несу это я вчера из казармы винтовки — тьма тьмущая, собственных ног не видать. Вдруг привязывается какой-то тип и начинает выспрашивать: откуда да куда да что я несу?

Голос. Ищейка, подслали немцы!

Нафтоле. Я человек мирный и, так сказать, драться не люблю — двинул его под ребра — он так и лег. Да, верно, правой рукой.

Афросьев. Мирный, мирный, что и говорить! Ряды вздвой, шагом арш! (Рабочие выходят во двор.)

Сайбл входит в зал через боковую дверь, подбегает к окну, взволнованно ходит по залу. Станислав поднимает крышку подполья, высовывает оттуда седую голову.

Станислав. Еще не принесли?

Сайбл. Нет, Станислав. Но они сейчас должны быть здесь.

Рабочие вносят мешки, наполненные гранатами и патронами.

Станислав. Они! *(Вылезает из подполья.)*

1-й рабочий. Куда класть?

Станислав. В подвал. Тащите в подвал, ребята! Осторожно, осторожно, — с порохом не шутят. Маловато что-то.

3-й рабочий. Больше нельзя.

2-й рабочий. У казарм караул усилили. Они уже что-то пронюхали.

Нейман *(входит; рабочие спускаются в подвал, Сайбл с ними)*. Станислав, комендатура вас очень разыскивает... вам надо быть на-чеку...

Станислав. Знаем, знаем, дорогой! Вот что, Нейман, когда вы уходите из города?

Нейман. Когда? Разные слухи. Одни говорят, — завтра, другие — что мы здесь еще неделю будем сидеть.

Станислав. На двенадцать назначен пленум совета. До двенадцати ты мне должен добыть точную информацию. Понял?

Нейман. Понял, понял. *(Собирается уходить.)*

Станислав. Постой, Фридрих! Оружия мало, совсем мало.

Нейман. Охрана усилена. Трое наших спартаковцев служат в артиллерии — они могут достать один или два пулемета. Как их сюда переправить?

Станислав. Замечательно, чудесно! Как пойдет эвакуация, вы под шумок и завезете пулеметы во двор совета. А теперь—иди!

Нейман уходит. Входят трое рабочих.

1-й рабочий. Где Юлис? Мы хотим записаться в рабочую гвардию.

Станислав. Зачем же вам обязательно Юлис? А если я — старый, Станислав — вас запишу, не подойдет, а? Идем, товарищи! Сколько тебе лет?

1-й рабочий *(одним духом)*. Шестнадцать лет, зовут Лейбке, отец—извозчик, живу в новом городе, работаю на мельнице уже пять лет, личного паспорта нету, записан в документ отца...

2-й рабочий. Я тоже записаться пришел. Знаешь Мойшке Копача? Два года вместе работали.

3-й рабочий. И меня, дяденька, запиши в тяжелую артиллерию. Я умею стрелять из пушки. Пиши в тяжелую артиллерию.

Станислав. Ладно, ладно, ребята. Будете хорошими красногвардейцами. Афросьев уж вас научит, как винтовку в руках держать. *(Кричит.)* Афросьев, принимай новую партию! *(Рабочим.)* Идите во двор.

Рабочие выходят.

Сайбл. Станислав, тебя ищет дама.

Станислав. Меня? дама? Нет. Скажи ей, что Станиславу уже шестьдесят лет и у него четверо замужних и женатых детей. Через одну из дверей врывается женщина, закутанная в несколько платков, через дверь по другую сторону — Нафтоле, оба кричат.

Нафтоле. Станислав, убери от нас Афросьева! Он нас замучил!

Женщина. Когда город брошен, нету хозяина, к кому же мне бежать, кому пожаловаться, кому показать свои раны?

Станислав. Тише! Нафтоле, поговори с ней. *(Уходит.)*

Женщина преграждает ему дорогу.

Нафтоле. Станислав!..

Женщина. Кто здесь Совет, кого здесь зовут «Совет?» Мне сказали, что сначала бог, а потом Совет. Кто тут — Совет?

Нафтоле. Не орите так. Меня зовут «Совет». Что случилось?

Женщина. Ведь он привез жену и двоих детей из плена!

Нафтоле. Кто?

Женщина. Муж мой! Мой преданный супруг, лучше бы его под Берлином убили!

Нафтоле. Нет, этого мы не можем.

Женщина. Как не можете? Прикажите ему развестись с этой паскудой!

Нафтоле. Не орите. Ладно. *(Берет листок бумаги и записывает.)* Куда он заехал?

Женщина. Ко мне. Вы спросите, где живет Песя, вдова. Песя на Завальной улице. Уже два года, как меня называют вдовой.

Нафтоле. Хорошо, хорошо, я спрошу.

Оба выходят. Входят Юлис, Богуславский, Рауль, Людвиг.

Богуславский *(к Людвигу)*. Митинг надо было отложить. Польский легион насчитывает около тысячи штыков. Положение в городе напряженное. Я боюсь эксцессов.

Рауль *(к Юлису)*. Ситуация в городе очень серьезная.

Людвиг *(к Богуславскому)*. Я тоже жду эксцессов, и не только эксцессов: кровь прольется, жертвы будут, драка будет.

Юлис. Драка, кровь, жертвы! Это революция, товарищ Рауль,—революция, а не заседание!

Богуславский. Я вам завидую, «товарищ» Юлис. Вы так спокойно говорите о жертвах и о крови, как будто и отец ваш, и дед, и прадед были мясниками.

Людвиг. Напрасно растрачиваете свое остроумие здесь, в комнате. Вы скажите это завтра рабочим на митинге.

Рауль. От имени бундовского комитета я делаю последнюю попытку договориться, последнюю...

Юлис. О чем?

Рауль. Имейте терпение и не перебивайте. Я говорю официально.

Юлис. Официально, но не длинно, пожалуйста.

Богуславский. Совет не должен допускать кровопролития.

Рауль *(смотрит)*. Вот уже начинается—у комендатуры толпа!

Юлис. Очень хорошо.

Рауль. Очень плохо.

Богуславский. Рауль, больше такта и спокойствия. Прежде, чем собирать митинг, совет должен был получить разрешение немецкой комендатуры.

Людвиг. Еще не поздно. Вы успеете еще попросить у них разрешения.

Юлис. Вы бы уже заодно попросили у них разрешения сделать в Вильне революцию...

Рауль. Демагогия, демагогия! Вы нас не сведете с классовой линии. Бунд и ППС на авантюру не пойдут. Кровь виленских рабочих падет на вас.

Юлис. Товарищ Рауль! Товарищ Рауль! Давно вы стали вегетарианцем?

Юлис выходит.

Рауль (*кричит ему вслед*). Вы оскорбляете Брунд! Вегетарианцем? Я выражаю официальный протест!

Богуславский. Больше такта и спокойствия, Рауль. Можно быть вегетарианцем и оставаться хорошим социалистом. Идем. (*Уходят.*)

Входит Станислав.

Людвиг. Труссы!

Станислав. Не трусы, а предатели!

Людвиг. У тебя есть доказательства?

Станислав. Доказательств нет, но я чувствую — они нас предадут.

Людвиг. Ну, пока они начнут предавать, их надо использовать.

Станислав. Использовать. Высокая политика — не моего ума дело. Смотри, как бы они не использовали. (*Входит Копач.*) Мальчик пришел. Ты приготовил письмо?

Людвиг. Товарищ, товарищ... Я все забываю твою фамилию.

Копач. Мойшке! Мойшке Копач моя фамилия.

Людвиг. Так слушай внимательно, Мойшке Копач. Письмо передай Богданович. В случае чего — съешь его, порви, уничтожь...

Станислав. Помни, в этом письме — судьба совета. Помни!

Копач. Будьте спокойны, я ему письмо передам.

Людвиг. Не «ему», а «ей». Богданович — женщина.

Копач (*разочарованно*). Женщина? Командир партизанского отряда — женщина?

Станислав. Да, Анна Богданович, женщина.

Людвиг. Можешь итти. Погоди! Скажи Анне, что Людвиг здоров... Скажи Анне... что личного письма я ей не написал, чтоб не затруднять тебя. Ну, иди.

Станислав. Людвиг, так не отпускают товарища, в такую трудную дорогу. Подойди-ка сюда, ко мне. (*Копач подходит, Станислав завязывает ему башлык.*) Ты хороший парень, очень хоро-

ший. Я к тебе привык, как к родному. Ну, будь здоров и выполни твой долг. Слышишь?

К о п а ч. Выполню, дядя Станислав, и, если мне суждено умереть, я умру как большевистский коммунист!

С т а н и с л а в. Умру, умру! Молоко еще на губах не обсохло... Умру...

Юлис слышит последние слова.

Ю л и с. Ну, а со мной проститься не хочешь, Мойшке?

К о п а ч. Юлис! (Бежит к нему и жмет руку.)

Ю л и с. Старик на тебя рассердился, и он прав. Схватят тебя—головой заплатишь. Но ты об этом не должен думать. Просто—мальчишка-сапожник идет искать работу. В Вильне голод, безработица, люди падают и умирают на улицах. Вот ты и идешь работы искать. В Вилейку, в Раково, в Минск. В местечке заглянешь в синагогу—горячо помолишься. Узнаешь, свободна ли дорога, когда туда собираются подводчики. Ну, иди. Просто мальчишка-сапожник, Мойшке Копач!

Мойшке уходит. Вбегает М а р а т — низенький, широкоплечий человек в грязных сапогах и изорванном пальто. Рабочий-анархист.

М а р а т. Юлис! Юлис! Где Юлис? (Увидел его.) Я пришел к тебе за гарантиями.

Ю л и с. Какими гарантиями?

М а р а т. Что вы не обманете.

Ю л и с. Кого обманем?

М а р а т. Рабочий класс, народ.

Ю л и с. Говори конкретно.

С т а н и с л а в. Это анархист. Он хочет путем эксперимента ввести...

М а р а т. Да, путем эксперимента. Я хочу, чтобы ты мне гарантировал, что сейчас же после революции отдашь мне помещичье имение для моих социальных экспериментов.

Ю л и с. Что вы там будете делать, в имении?

М а р а т. Я соберу в имение триста человеческих экземпляров. Первый месяц будем жить маленькими отдельными родами. Второй месяц по феодальной системе, Третий—по монархической системе. Четвертый—по республиканской. И пятый—по диктатуре пролетариата. И какая государственная система даст больше счастья человечеству и гарантирует ему абсолютную свободу, ту мы и объявим—сначала в России, а затем во всем мире.

Ю л и с. Зачем вам вся эта игра в государственные системы? Феодализм крестьяне испытали уже на своих иссеченных спинах. Капитализм уже испробовали рабочие....

М а р а т. Для меня это не игра. Идеал надо сперва испытать экспериментально. Я буду работать над моими экземплярами как физик, как химик и дойду до истины. Может, он во всех революциях народ обманывал.

Юлис. У вас есть группа?

Марат. Восемь членов. Трое рабочих и пять люмпенов.

Юлис. Позвольте мне поговорить с вами, как с другом, а не как с идейным противником. Ваши мысли фантастичны и ничего революции не дадут. А вам они принесут одно только разочарование. Нет, мы не обманем: первый раз в истории рабочий делает свою собственную революцию! Или мы кровью изойдем или сломаем государственную систему вместе с классами. Погодите, вы читали Ленина — «Государство и революция»?

Марат. Нет.

Юлис. Тогда я напрасно говорю. *(Достает брошюру и дает ее Марату.)*

Марат. Такая тоненькая?

Юлис. Ленин не успел ее закончить. Вот его последние слова: «Приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать». Я уверен, что, прочитав эту книгу, вы придете к нам работать. Вот вам моя рука!

Марат. И тогда я буду требовать гарантий! Я приду.

Юлис. Не забудьте привести с собой ваших трех рабочих.

Марат. Вы все время нашей беседы об этом только и думали?

Юлис. Если бы речь шла только о вас, я бы так долго не спорил.

Марат. Ага, души ловите!

Юлис. Вы плохо меня поняли. Мы стоим перед серьезными боями. Людей у нас мало. Большинство пока принадлежит Бунду и ППС. Понимаете?

Марат. Понимаю, Юлис, понимаю. Я их не люблю, бундовцев. Они меня ославили сумасшедшим, потому что я говорю правду. Ползучие революционеры! Лижут сапог у каждой власти.

Вбегают рабочие.

1-й рабочий. Семь частей!

2-й рабочий. Даром теряют время!

Афросьев. Да, товарищи, семь частей. Винтовка состоит из семи частей.

1-й рабочий. Юлис, убери от нас Афросьева. Он учит нас глупостям.

2-й рабочий. Для чего нашему рабочему знать, как называется каждый винтик?

3-й рабочий. Мы люди рабочие. С нас хватит, если мы будем знать, как всунуть пулю в дырку или в «магазин», как он это называет, и нажать курок.

Голоса. Довольно, хватит!

— А когда мы будем учиться стрелять? Просто взять винтовку и дать врагу понюхать пороху.

Нафтале. Семь частей? Слушай, Юлис, иду это я вчера вызвать доктора — жена моя что-то не совсем здорова. Меня регистраторша и спрашивает... «Чем больна ваша жена?» А я ей отве-

чаю: «Моя жена состоит из семи частей». Вот уж где у меня сидят эти семь частей!

А ф р о с ь е в. Чего смеетесь? Юлис, ты был солдатом?

Ю л и с. Был.

А ф р о с ь е в. Винтовка из скольких частей состоит? Из семи?

Ю л и с. Правильно, Афросьев.

А ф р о с ь е в. Как называется главная часть? Ты был солдатом?

Ю л и с. Все правильно. Винтовка состоит из семи частей. Так нас учили когда-то. А теперь учить надо так: смотри. *(Берет винтовку, командует.)* Зарядить! Винтовки теснее к плечу, времени у нас мало—быть может, завтра, послезавтра надо будет выйти на улицу. Никаких семи частей. Одна часть имеется: враг! И в него надо попасть. В него попасть надо! На врага, за мной! *(Юлис идет впереди колонны рабочих с винтовками наперевес, — до самой рамы.)*

З А Н А В Е С

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Минск. Конец декабря. В доме Исроэля Фукса: военкомат и штаб первого добровольного отряда. Три деревянных стола, истрепанный диван, несколько телефонных аппаратов, посреди комнаты чугунная печь с ржавыми и закопченными трубами. Анна — высокая, узкоплечая женщина. Седая стриженная голова, большие черные глаза, молодое лицо. Одета по-военному. За одним из столов сидит Зельдке, за другим — Гриша Мичурин.

А н н а *(стоит у печки)*. Собачий холод, чорт возьми! Пальцы стынут. *(Греет руки.)*

Звонки всех трех телефонов одновременно.

М и ч у р и н *(бежит к телефонам)*. Военкомат! *(Бросает трубку)*. Воен-ко-мат! *(Бросает трубку)*. Воен-ко-мат! *(Бросает трубку.)*

А н н а. Ты с ума сошел! *(Бежит к телефону.)*

М и ч у р и н *(устало садится)*. Пока еще нет.

А н н а. Слушаю. Богданович. *(Диктует Зельдке.)* «Совпроф мобилизовал десять процентов членов профсоюзов в Красную армию». *(Во вторую трубку.)* Это — я, секретарь военкомата. *(По телефону нет ответа; к Мичурину.)* Гриша, что случилось?

М и ч у р и н. Не могу больше — голод, холод, измена, остатки разложившейся армии, автомобили, учреждения, песни, спекуляция... и все орет — и днем и ночью: военкомат, военкомат!

А н н а. Успокойся, Гриша, ты просто переутомился. Бывают и у меня моменты, когда я теряю последние силы. Тебе надо отдохнуть. Иди, приляг.

Мичурин. Анна, в том, что произошло, виновата ты; у тебя не только тело завернуто в защитную рубашку, но и на душу свою ты натянула три защитные рубашки. А у меня душа голая. Погоди, придет день, когда и ты завопишь. Я не могу больше!

Анна. Гриша, иди отдохни, потом поговорим. Теперь ты очень возбужден и путаешь. *(Мичурин уходит. В телефон.)* Партком? Кто у телефона? Адамов? Говорит Анна. Переведи Мичурина на другую работу. Что случилось? Ничего. В военкомате нужны винтовки, красногвардейцы, продовольствие и крепкие нервы! А ты мне прислал неврастеника с настроениями. На какую работу перевести? Несколько дней пусть отдохнет. Он очень устал. А потом пошли его в Наркомпрос. Дай ему службу, где можно иметь настроения. Ну, например, заведывать театром. Да, я тебе не сказала: он о нашем разговоре не должен знать. *(По другому телефону.)* 1-74! Товарищ Жуков, говорит Анна. Командиром отряда я назначила Амдора. Нет, нет, я возьму командование на себя в конце похода. Самые серьезные бои будут у Вильно. Тогда я буду руководить отрядом. Теперь ты понял? Что, что? Хороший стратег? Глупости... так поступил бы всякий серьезный партиец, обладающий, кроме серьезности, еще головой на плечах.

Входит Исроэль Фукс, сорока пяти лет, сгорбленный; умное подвижное лицо.

Фукс. Я пришел просить вас...

Зельдке *(вскакивает)*. Он? Просить?

Анна *(к Фуксу)*. Подождите, Зельдке, ты его знаешь?

Зельдке. Анна, это же мой дядя.

Фукс. Когда-то... когда-то... до революции был я ее родным дядей, отец ее был моим братом когда-то... Извините...

Анна *(к Зельдке)*. Передай телефонограмму. Приходи сейчас. *(К Фуксу.)* Что вы хотите?

Фукс. Извините, извините. Побежденный не хочет ничего, кроме жизни. Что может еще хотеть побежденный?

Анна *(подходит ближе к Фуксу)*. Что может хотеть побежденный? Стать победителем. Зачем вы пришли сюда?

Фукс. Вот этот дом... весь дом — мой. Я пришел просить вас забрать его.

Анна. Вам долго просить не придется. Дальше.

Фукс. Я грешник. *(Со стола падает бумажка. Фукс бросается поднимать. Анна неподвижно следит за ним.)* Я грешил... против революции. Всю жизнь драл шкуру с людей, грабил чужой труд. Не хочу больше! Берите все, чем я обладаю.

Анна. Все?

Фукс. Все. Это не мое, в нем лежит чужой труд.

Анна. Отнятый дом отдать не трудно! А вы что будете делать? Ведь вы станете бедняком.

Фукс. Мне ничего не нужно. Возьмите меня уборщиком, простым уборщиком в моем доме.

А н н а. Что? Уборщиком? Может быть... Может быть... вы хотите убрать нас отсюда?..

Ф у к с. Извините, извините, я не понимаю...

А н н а. Такой умный человек—и не понимает... Можете итти Фамилия ваша, кажется, Фукс—лиса?

Ф у к с. Мне ничего не нужно. Дайте мне только уголок и возьмите меня уборщиком. Моя фамилия когда-то была Фукс, Исроэль Фукс звали меня до революции. *(Бочком выходит.)*

З е л ь д к е *(входит)*. Анна, что он хотел?

А н н а. Чтобы я взяла его уборщиком.

З е л ь д к е. Нет, нет! Его надо расстрелять. Он вел агитацию в отряде.

А н н а. Я знаю. У него здесь должны быть связи. Надо сделать его уборщиком и следить за ним. Иди, скажи ему — пусть убежит клуб. *(Зельдке уходит.)*

За дверью шум, врываются двое партизан.

1-й партизан. Говори ты! Язык у тебя отняло, что ли?

2-й партизан. И скажу, а что же? Всюду он меня сует! Анна, Лопатьев поймал в городе... *(Осекся.)*

1-й партизан *(отталкивает его)*. Как только он прибыл—уже нашел на Немирской улице... *(Будто поперхнулся.)*

Входят еще несколько красногвардейцев.

2-й красногвардеец. Вот что, Анна, с этим надо покончить. Это контрреволюция, что Лопатьев нашел на Немирской улице.

А н н а. Нашел, нашел! Что? Контрреволюционную организацию? Несколько мешков муки? Винтовки?

1-й красногвардеец. Нет. Он там нашел бабу. И путается там круглые сутки, а ребята ему подражают. Через неделю их оттуда клещами не вырвешь.

3-й красногвардеец. Бабу, бабу! Лопатьев! Лопатьев не виноват. Нужно назначить другого командира.

Г о л о с а. Правильно! Нам другого командира надо!

— Откуда ему знать, как войну вести, Береле Амдору?

— С малых лет работал у Арке-тандетника.

— Строчку строчить — его дело, а не армией командовать!

— Теперь бы уже нам под Вильно стоять, а он по домам шляется и ржавые винтовки разыскивает.

Б е р е л е А м д о р *(взбирается на диван, диван разваливается. Амдор лезет на стол)*. Товарищи партизаны! Когда я принял команду в свои руки, в отряде было двести человек, а теперь чтыреста. Верно? Три орудия и восемнадцать винтовок вы получили под моим командованием без единой жертвы. Факт? Школу для понимания большевистской политики я устроил, и три раза в неделю Богданович там говорит речи! Факт!

Г о л о с а. Ну, а если ты не годишься в командиры? Факт!

— Слезь со стола! Слезай!

— Нового командира надо!

— Он не может командовать армией!

— Лопатьев, иди, бахни им речь и будешь командиром: все смоленские кровельщики тебя поддержат!

Лопатьев. Все равно, кто будет командиром. Дисциплина должна быть, а где она? Без дисциплины мы банда цыган и—ничего больше.

Красная Морковь. А почему она лопнула, дисциплина?

Лопатьев. А самому понять ума не хватает? Видно, под покрывалом твоей одна пустота. (Стучает его по лбу.)

Морковь. Шуточки оставь для своих девок. Объясни-ка лучше, отчего она лопнула?

Лопатьев. Дисциплина для солдата все равно, что зарплата для рабочего. Вот меня, скажем, возьми и всех наших, смоленских кровельщиков. В мирное время, бывало, покрою крышу, так уж знаю—за работу мне заплатят. Верно? Ну, а когда я воевать иду, ставлю голову на карту, я тоже должен знать, что мне заплатят после войны.

Морковь. Постой, постой! А чем тебе Анна Богданович заплатит после войны? Своей остриженной косой?

Голоса. Держи язык, Морковь!

— Выкиньте его отсюда!

— Все время бунтует против Богданович!

Лопатьев. Оставьте его. Поди сюда. То, что ты спрашиваешь—заплатит ли мне Анна после войны,—чепуха. Она мне не хозяйин. Я работаю не для нее. А что мне заплатят—я знаю. Не деньгами, деньги—пустяки: после войны мне будет принадлежать вся Россия. Понял?

Голоса. Довольно болтать!

— Командиром должна быть Анна!

Амдор. Анна? Я тоже голосую за нее. Я все время говорил, что командиром должна быть Анна. Она сама не хотела.

Лопатьев. Тише! Анна, почему ты стоишь в углу? Я хочу, чтобы ты послушала про мою жизнь. Братя, я двадцать лет молчал, а теперь должен все высказать, а не то со мной плохо будет. Я должен говорить!

Анна. Не мешайте ему. Говори, Лопатьев.

Лопатьев. Вот слушай. Мой отец тоже был кровельщиком. У нас ремесло из рода в род переходит по наследству. В японскую войну отца в Манчжурии где-то убили. Кто мне за его кровь заплатил, а? Я у вас спрашиваю, кто мне заплатил? В пятнадцатом году моего старшего брата погнали на фронт. Не знаю, убит он или жив. Ну, что изменилось, а? Кто мне заплатил, а? Молчите? А теперь мне ясно, как мои пять пальцев. Вся дорога революции мне теперь ясна.

Амдор. Разболтался, как баба. Такие сказки тебе каждый

расскажет. Не заплатили ему за кровь отца! А кому заплатили? Мне? Ему? Скажи лучше, что теперь делать?

Г о л о с. Говори прямо — что делать?

Л о п а т ь е в. Я скажу, братцы. Надо прорваться в Вильно, там укрепиться и отослать в Варшаву и Берлин такое письмо... три дня я обдумывал резолюцию... *(Вытаскивает из кармана лист бумаги.)*

А м д о р. Когда ты обдумывал? Когда с бабами водился?

Л о п а т ь е в. Анна, не слушай, что они говорят. Это у меня с детских лет хворь такая — такая болезнь, что, как приеду в город, должен найти невесту. Зельдке, писать умеешь? Слушай.

Анна делает знак. Зельдке. Зельдке идет к столу, готовится писать.

Л о п а т ь е в *(диктует)*. «Мы, первый добровольный отряд, под командой Береле Амдора, который всю свою жизнь портняжил и угнетался своим хозяином Арке-тандетником, как он мне рассказывал, обращаемся к вам, пролетарии Варшавы и Берлина, и приказываем вас сделать большевистскую революцию. После того как вы выполните наш приказ, мы объединимся с вами, чтобы бить чехов и словаков.

М о р к о в ь. А что ты сделаешь, коли они не выполнят нашей резолюции?

Л о п а т ь е в. Выполнят. Я тебе говорю, — выполнят.

М о р к о в ь. А если нет?

Л о п а т ь е в. Братцы! Если нет, то они не пролетарии — буржуи они, вот кто!

Г о л о с а. Они не выполнят. Ведь они и по-русски не понимают.

— Жаль бумаги и чернил!

— Они тоже рабочие, они выполнят!

— Тише, Анна говорит.

— Слушайте!

— Анну послушайте!

— Не шуми, говорят!

А н н а. Красногвардейцы! Лопатьев только-что рассказал вам про свою жизнь. Я все время думала, что каждый может рассказать то же самое. Письмо Лопатьева к польским и немецким рабочим надо непременно отослать. Я только предложила бы, чтобы Лопатьев передал свое письмо в партком. Там его переведут на иностранные языки и напечатают воззвание к рабочим всего мира... Партизаны, у меня есть сведения, что германская армия со дня на день может оставить Вильно. Если мы не придем во-время, может произойти катастрофа. Нельзя терять ни одного дня. Виленские рабочие ждут нашей помощи. Завтра ночью мы выступаем.

Ч а с о в о й. Прибыл товарищ из Вильно какой-то, он хочет войти сюда.

А н н а. Пропустите.

К о п а ч *(входит)*. Кто здесь Богданович?

А н н а. Я.

К о п а ч. Я привез письмо от виленского совета. Людвиг велел сказать, что он здоров, никакого личного письма не написал, так как не хочет утруждать мне дороги. Анне Богданович он приказал передать это, — Людвиг.

А н н а. Людвиг? Погоди, погоди, Людвиг? Товарищи, ступайте, собирайте вещи, завтра выступаем. Зельдке, ты здесь остаешься.

Л о п а т ь е в. Идем. Довольно стоять.

А м д о р. Завтра надо бы гульнуть. Последняя ночь в Минске. Айда, ребята! Спокойной ночи, Анна!

Все выходят.

А н н а. Людвиг Януковский в Вильне?

К о п а ч. В совете он с Юлисом, со Станиславом. Они вас ждут. Вот, читайте письмо, тогда все узнаете.

А н н а. Садись. Отдохни. Ты, наверное, устал и крепко проголодался. Зельдке, достань для него у красногвардейцев хлеба и сала.

Зельдке выходит. Анна читает письмо. Зельдке возвращается.

З е л ь д к е. Тебе повезло. Наедайся на весь день; так скоро ты снова сала не получишь. Как тебя звать?

К о п а ч. Копач, Мойшке Копач. Ага, трудная фамилия? Людвиг каждый раз забывает.

А н н а. Людвиг никакого личного письма не написал, чтобы не утруждать тебе дороги? Расскажи, что слышно в Вильне.

К о п а ч. Я передаю, что мне приказано. Так он велел сказать, Богданович.

А н н а. Я претензий не имею к тебе, рассказывай.

К о п а ч. Вы понимаете, я не знал, что вы... ну, что вы — баба...

З е л ь д к е. Не баба, а женщина. Вот дикий парень!

А н н а. Невелика разница — баба, женщина. Зови меня просто Анна. Как положение в Вильне?

К о п а ч. Паршивое положение. Голод, безработица, люди падают на улицах, так я иду в Минск искать работы...

А н н а. Какой работы в Минске? Ты путаешь?

К о п а ч (спохватывается). Вот чорт, я забыл. Это Юлис наказал, чтобы в дороге я всем говорил: «В Вильне голод, безработица, я только подмастерье, Мойшке Копач, и иду искать работы». Но положение в самом деле паршивое. Немцы уже вещи распродают, собираются уходить из города. В совете есть немножко винтовок и гранат. Спартаконцы принесли. Рабочие учатся стрелять во дворе совета ночью.

А н н а. Сколько рабочих обучается?

К о п а ч. Забыл.

А н н а. Приблизительно?

К о п а ч (выходит на середину комнаты, вытягивается во фронт по-солдатски и начинает считать). Первый, второй, третий, чет-

вертый, пятый... Уже вспомнил! Я был тридцать второй, а всего в гвардии было шестьдесят. Военнопленных считать не надо. Они из самой России. Только и говорят — домой бы поскорее.

Зельдке. Анна, ты что-нибудь поняла?

Анна. Не мешай.

Копач *(начинает сердиться)*. Что тут не понять? Польские помещики закупили у немцев много оружия. До тысячи человек у них в легионе. Там с ними много русских офицеров, которые убежали из России. Только ждут момента, как уйдут немцы, они захватят город и разобьют совет. Все так говорят.

Анна. А как настроение среди рабочих, какие решения?

Копач. Настроение? Решения? Нет никаких решений. Не голосовали. Я на собрании был. Бундовцы и пепезовцы сорвали собрание. Если бы можно было голосовать честно, то много из бундовцев голосовали бы с нами.

Анна. Хорошо. Иди, отдохни. Там в большой комнате спят партизаны. Найди себе уголок и приляг. Завтра на собрании нашего отряда ты расскажешь о положении в Вильне.

Копач. Нет, я не умею говорить перед народом. Я ведь только сапожный подмастерье. Лучше уж я вам все расскажу, а вы передайте им.

Анна. Ты — ребенок. Не надо уметь говорить. Ты, просто-напросто, расскажешь им правду.

Копач. А вы тоже будете?

Анна. А как же!

Копач. Если и вы будете, тогда мне легче. Может быть, я заикнусь, так вы тихонечко мне подскажите. *(Хочет уходить.)*

Анна. Копач, погоди! О чем я хотела спросить? Да, как выглядит Людвиг?

Копач. Измученный. Там все измучены. Днем и ночью работают.

Анна. Хорошо, можешь идти.

Копач уходит.

Зельдке. Анна, кто это Людвиг Януковский? Ты побледнела, когда Копач назвал его имя.

Анна. Я побледнела?

Зельдке. Да, и глаза у тебя как-то странно заискрились, и голос сильно задрожал.

Анна. Холодно стало, надо подтопить печку.

Анна начинает отдирать доски у сломанной кушетки, берет топор, колет доски. Зельдке подбегает помогать. Дальнейший разговор происходит за этой работой.

Зельдке. Анна, почему ты такая скрытная? Уже несколько раз ты начинала мне рассказывать про твою жизнь, доходила до варшавской тюрьмы и обрывала...

Анна (придвигает стул к печке, накидывает на плечи шинель). Ну, пора спать.

Зельдке. Анна, ты завтра уходишь на фронт?

Анна. Да.

Зельдке. Скажи мне, кто такой Людвиг Януковский? Анна, ты должна мне сказать. Я хочу быть такой же, как ты. А это мешает мне перейти какую-то грань...

Анна. Никогда не надо стараться походить на кого-нибудь. Когда я была в твоём возрасте и только-что вступила в партию, я тоже мечтала стать похожей на Розу Люксембург, на Веру Фигнер, на Перовскую...

Зельдке. А теперь?

Анна. А теперь я знаю, что быть хорошим большевиком — значит думать о том, чтобы у партизан были сапоги, хлеб, винтовка, чтобы мы завтра выступили на фронт...

Зельдке. Анна, довольно об этом. Сегодня, быть может, я последний раз могу говорить с тобой... Я хочу знать, кто такой Людвиг Януковский.

Анна (укутывается в шинель). Зельдке, надо спать.

Зельдке (спрыгивает с кушетки, подбегает к стулу, на котором сидит Богданович, стягивает с нее шинель). Нет, Анна! Ты должна рассказать. А если не расскажешь, я не послушаюсь твоего приказа и завтра пойду с тобой на фронт!

Анна. Ну, что же я тебе буду рассказывать? Людвиг Януковский мой муж... Но я его никогда не видела. Это тебя удивляет? Это простая и короткая история.

Зельдке. Расскажи, Анна.

Анна. В 1907 году я сидела в варшавской тюрьме... В соседней камере сидел Людвиг Януковский. Что его так зовут, я узнала через стенку камеры. Имя его мне и раньше было знакомо. У него, видно, были сильные пальцы. Его перестукивание доходило ясно и четко. В бессонные ночи мы беседовали. Ты знаешь, как это делается? Выстукивают пальцами по стене. О чем мы говорили? О нашем детстве, о молодости, о крестьянских восстаниях, которыми он руководил. Мне было тогда девятнадцать лет. Теперь мне трудно разговаривать вообще о социализме; теперь это: отряд, фронт, голод, совет. Но тогда социализм был позолочен дымкой мечтаний — был далеко где-то, далеко от нас. А может быть, виной этому были мои девятнадцать лет и бессонные ночи? Как бы там ни было — мы полюбили друг друга. После двух недель труда мы проломили стену под моей нарой... (Звонок телефона. У телефона.) Я слушаю, Анна Богданович... Нет. Мы выступим босиком, если вы до завтра не доставите сапог. И ни одного дня больше. Я уже отдала приказ и своего приказа не отменю.

Зельдке. ...«под моей нарой...»

Анна. Мы пожали друг другу руки. Нас охватила дикая радость, и мы стали громко стучать в соседние стены. Тюрьма мол-

чала: долго прислушивалась к нашему неистовому перестукиванию и наконец поняла, что Анна Богданович и Людвиг Януковский «поженились» в тюрьме... Что было дальше? Через месяц Людвиг бежал из тюрьмы, перебрался через границу и стал политическим эмигрантом, а я пошла в Сибирь. (*Быстро поднимается, бежит к печке. Ломает доски.*) Ноги стынут... Печка совсем спятила.

Зельдке. Анна, рассказывай!

Анна (*овладевает собой*). Что мне тебе еще рассказать? До войны я получала от него письма. У нас уже был готов план. Я успела бежать; в Омске он должен был ждать меня с паспортом и платьем. Война расстроила наш план. И только час тому назад я узнала, что Людвиг в Вильне... (*Шагает по комнате. Зельдке сидит, задумавшись. Анна подходит к ней, обнимает ее, целует в голову.*) Ну, Зельдке, давай спать. Завтра трудный день!

Темнеет. Из боковой комнаты входит Фукс.

Фукс. Поздравляю, братишечки, у командира первого партизанского отряда муж в Вильне!.. Ха-ха-ха! Муж. (*Исчезает.*)

З А Н А В Е С

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Рабочая гвардия — две отдельные группы; обе группы шумят. Между ними Станислав. Он председательствует.

Рауль. Совет должен оставаться органом классовой борьбы, а не превращаться в штаб авантюристов. Я напомню блестящую концепцию Каутского о французской революции: «Мы там видим две линии — одна поднимается вверх до конвента... вторая идет вниз до Бонапарта. Большевики толкают революцию вниз и принесут нам русского Бонапарта».

Рабочий. Это открытое предательство! Пепеэс и Бунд...

Рауль (*выкрикивает*). Слово для оглашения декларации!..

Рабочий. Довольно деклараций!

Голос. Дайте ему прочесть декларацию!

Станислав. Слово для прочтения пятой декларации имеет Рауль.

Рауль. От имени виленской организации Бунда я заявляю: социализм нельзя принести на штыках русских оккупантов.

Рабочие. Кто оккупанты? Польские, белорусские, еврейские рабочие, которые идут нам на помощь? Вы не социалисты, а предатели.

1-й бундовец. Дайте ему кончить декларацию!

2-й бундовец. Вы нам рта не заткнете! Здесь не Россия!

Станислав. Спокойствие! К порядку! Будьте дисциплинированными!

Нафтоле. Что — «дисциплинированны»? Надо решить, в чьих руках будет город — у виленских рабочих или у польских помещиков. А он: «линия вверх, линия вниз»... Конвент, Бонапарт! Болтун!

Рабочий. Всеи массой выйти на улицу!

Станислав. Не всей,—Бунд и Пепеэс с нами не пойдут: мы одни против польского легиона и немецкой дивизии.

Шум в рядах бундовцев и пепеэсовцев.

Бундовец. Что вы из себя героев корчите? Одни боретесь? Никто не давал вам мандата от еврейских рабочих.

Пепеэсовец. Втягивают польских рабочих в авантюру и еще смеют требовать нашей помощи!

Станислав. Так скажите открыто! Пойдете вы с нами против оккупантов и легионеров?

Голос. Пусть открыто скажут! Без уверток!

Богусловский. Я солидаризируюсь с Раулем. Социализм нельзя приносить на штыках иностранных солдат.

Голос. Кто? Кто иностранцы? Товарищи, здесь шельмуют наших братьев! Довольно, хватит!

Богуславский. Мы отряд Анны Богданович в Вильно не пустим. Надо сначала установить, кому будет принадлежать Вильно—Москве или Варшаве?

Людвиг (входит). Вильно не будет принадлежать ни Москве, ни Варшаве, а только виленским рабочим.

Богуславский. Тогда пусть сами виленские рабочие проголосуют, кому они хотят принадлежать. Без чужой помощи.

Людвиг. Быть может, гражданин Богуславский знает...

Голос. Товарищ Богуславский!

Людвиг. Гражданин Богуславский!

Голос. Товарищ!

Станислав. Хорошо — гражданин-товарищ.

Людвиг. ... знает, что польские легионеры собираются захватить Вильно с помощью германских оккупантов?

Голоса. Ложь!

— Большевистские выдумки!

Людвиг. Наши классовые враги не пугаются помощи из-за границы для удушения революции, а совет не может воспользоваться помощью польских, белорусских, еврейских рабочих, которые движутся из Минска?!

Юлис (входит, с ним группа рабочих). Так может думать сознательный предатель или круглый идиот.

Рауль. Что? Что вы сказали?

Юлис. Я сказал: идиот.

Рауль. Я прошу идиота занести в протокол официально от имени обеих фракций.

Юлис (секретарю). Занеси официально от имени обеих фракций идиота в протокол.

Секретарь. Занесено.

Богуславский. Товарищи рабочие, время, переживаемое польским рабочим классом, слишком серьезное и трудное, поэтому я никогда не опущусь до того, чтобы реагировать на нахальные оскорбления и ругань заезжих московских «освободителей».

Станислав. Вот... (Богуславскому.) Кто заезжий? Я? Станислав Бронковский?.. который родился в Варшаве, который срок лет отработал во всех польских типографиях?.. Башка твоя соображает, что мелет твой адвокатский язык?.. Я принадлежу к той же польской нации, что и ты, только мы принадлежим к различным классам. Понял? Социалист!

Богуславский. Если бы не ваши седые волосы и польское происхождение, я считал бы вас просто предателем интересов польской нации. Сейчас не первый спор между Москвой и Варшавой.. Сотни лет Польша страдала под русским владычеством, теперь пришло время, когда все классы, весь народ должен встать железной стеной против Москвы. Вековые мечты польской интеллигенции ныне превращаются в действительность.

Юлис. «Вековые мечты польской интеллигенции ныне превращаются в действительность»!.. А вековые мечты польских крестьян получить помещичью землю, а мечты варшавских, лодзинских, виленских рабочих освободиться от капиталистического рабства? Когда превратятся в действительность эти мечты? Отвечайте!

Рауль. Я требую занести в протокол, что он провоцирует!

Богуславский. В такой исторический момент раздирают нашу национальную волю... Вносят раскол в наши ряды. Открывают шлюзы кровавой, безумной гражданской войне. Мы гордо ответим на все демагогические выкрики московских эмиссаров: сперва польская национальная республика — потом классовая борьба...

Юлис. Когда потом? Потом польская национальная республика заведет собственную армию, собственные тюрьмы и виселицы для польских рабочих и крестьян...

Богуславский. Это ложь! В польской демократической республике не будет никакого угнетения. Народ, который был угнетен в течение столетий, не может стать угнетателем. В крови каждого поляка живет мечта его поэтов, мыслителей и борцов о всеобщей любви и социализме...

Юлис. Вы лжете или говорите глупости!

Богуславский. А вы продолжаете дело Николая Второго. Вы хотите, чтобы Москва снова властвовала над Польшей.

Шум.

Юлис. Спокойствие, товарищи, спокойствие! Спор с Богуславским мы закончим завтра на митинге перед виленскими рабочими.

Голос. Довольно с ним дискутировать!..

Богуславский. Что тут происходит? Кто сейчас говорит — я? или вы? От имени ППС я протестую...

Рауль. От имени Бунда выражаю самый резкий протест!

Юлис. Против чего вы протестуете, импотенты?

Богуславский. Вы хам и циник! Я еще не кончил мою речь.

Юлис. А вы надеетесь сегодня ее окончить?

Богуславский. Если вы не будете прерывать!

Юлис. Говорите, говорите... (Отходит в сторону и садится на пол.)

Богуславский. Товарищи рабочие! Партия, которая долгие годы боролась за социализм... против русского самодержавия, призывает вас к трезвой политике. Мы не должны...

Голоса. Довольно сладких слов!

— За прошлые заслуги воздается на том свете!..

Нафтале. Скажите, с кем вы пойдете, если виленские рабочие завтра на митинге выступят против германских оккупантов и польского легиона?

Голоса. С кем пойдете?

— С кем?

Богуславский. Мы нейтральны.

Станислав. Вы не нейтральны, вы помогаете врагу, виленские рабочие не забудут вам этой измены!

Богуславский. Вы угрожаете чрезвычайкой?

Людвиг. Чека охраняет русскую революцию от предателей, а вы помогаете легионерам захватить город.

Рауль. Слово для декларации!

Голоса. Дайте ему слово!

— Слово для декларации...

— Объяви перерыв...

— Необходимо совещание!

— Вы москали!

— Помещичьи подлизы!

— Перерыв...

— Демагоги!

— Чекисты!

— Москали!

— Перерыв!

— Перерыв!

Станислав (звонит.) Объявляю перерыв на один час. После такой продуктивной работы необходимо отдохнуть.

Бундовцы и пепеэсовцы уходят.

Юлис. Станислав, открой заседание виленского совета рабочих депутатов и дай мне слово. До сих пор здесь был дискуссионный клуб, а сейчас надо принять конкретные решения о том, как овладеть городом.

Станислав. Заседание виленского рабочего совета продолжается. Юлис, говори.

Юлис. Товарищи, теперь ясно — мы остались одни. ППС и Бунд будут бороться против совета. Германская комендатура напугана. Армия собирается уходить из города. Польский легион вооружен и с нетерпением ждет ухода оккупантов, чтоб выйти на улицы и захватить Вильно. Что должны в таком положении де-

лать настоящие большевики? Вывести свою сотню вооруженных рабочих и взять город в свои руки.

Людвиг. Откуда сотня? Я знаю только о шестидесяти вооруженных рабочих.

Юлис. А сорок военнопленных, которые находятся в совете, — военнопленных надо тоже считать...

Станислав. Твой конкретный план --- что надо делать?

Юлис. Не терять ни одного часа. Во время войны судьбу города решают часы.

Станислав. Юлис, это теория, я хочу услышать практический план, каким образом овладеть городом?

Голос. Как, Юлис? Каким образом?

Юлис. Надо превратить завтрашний митинг в вооруженное восстание. Во время митинга лукишкинские рабочие занимают зеленый мост, новоградские и полавские овладевают вокзалом и железнодорожной линией. Ни в коем случае не пропускать поездов, даже если бы пришлось собственными телами лечь на рельсы. Станислав с группой рабочих захватывает почту и телеграф, перерывает связь с Польшей и Германией, чтобы оттуда не могли подать помощи. Я с группой вооруженных рабочих врываюсь в германскую комендатуру, объявляю от имени митинга о переходе города в руки советов и даю им двадцать четыре часа на эвакуацию. Людвиг окружает штаб польского легиона и лишает легионеров руководства. Рабочие предместья примкнули к восстанию. Спартаковцы не дадут немцам вывести своих солдат против совета. Я знаю — многие из вас сочтут мой план безумным. С сотней винтовок выступить? Да, в другом положении это было бы безумием, но в том положении, в котором находится Вильно, это — единственный путь к победе, единственное большевистское решение вопроса. Если нам удастся удержать город, пока подоспеет отряд Богдановича, революция победила.

Сайбл. Юлис, я пойду с Людвигом резать телеграфные провода. Хорошо?

1-й рабочий. Юлис идет на авантюру. С шестьюдесятью штыками против двух армий?..

Нафтале. Не оплакивай нас. Юлис прав. Надо выйти на улицу.

Станислав. Большевики выходят на улицу, когда они уверены в победе.

2-й рабочий. Большевики рискуют и истекают кровью, когда надо защищать революцию. Юлис прав.

1-й рабочий. Юлис не большевик. Это бланкистская политика. Политика заговоров.

Людвиг. Фантастика и безумие! Нельзя с горсточкой вооруженных рабочих выступить против германской армии и польского легиона. Легион насчитывает шестьсот штыков. Военнопленные — люди случайные. Германская комендатура будет на стороне легионеров. Через три часа нас перережут.

1-й рабочий. Что вы предлагаете?

Людвиг. Надо сейчас же послать вооруженных рабочих на фронт, пусть обстреляют с тыла польские, русские и немецкие банды и откроют фронт для отряда Богданович.

Г о л о с. Правильно, правильно — надо открыть фронт!

Юлис. Ни одного рабочего нельзя уводить из совета. Совет должен располагать вооруженной силой. Три дня мы сумеем держать город в своих руках. Людвиг предлагает оставить совет с голыми руками. Это большее безумие, чем выйти на улицу с шестьюдесятью штыками. Если мы этого не сделаем — это сделают польские легионеры. Мы проигрываем город.

Людвиг. К чему такая спешка? Через три дня отряд Богданович будет у ворот Вильно, тогда я готов выйти на улицу с одним десятком винтовок. Не надо пускаться ни на какие героические авантюры, это дело эсеров, а не большевиков.

Рабочий. Людвиг прав. С шестьюдесятью штыками против армии — рискованно.

2-й рабочий. За три часа нас вырежут, и наши трупы будут валяться в сточных канавах.

3-й рабочий. Надо открыть фронт!

4-й рабочий. Надо сейчас же идти группками на фронт!

Станислав. Юлис, ты не прав. Вильно — не Петербург. Очень уж надеяться на рабочие предместья не приходится. ППС будет бороться с винтовками в руках против нас. Я голосую за предложение Людвиг. *(Голосование.)* Предложение Юлиса провалилось. Сейчас же послать на фронт вооруженных рабочих! *(Вооруженные рабочие понемногу отодвигаются от Юлиса.)*

Юлис *(к Людвигу)*. На этот раз я решения не выполняю, я считаю его бессмысленным.

Людвиг. Решение совета я выполню сам. Это единственный выход из положения. Надо открыть фронт для отряда Богданович. Я иду. *(Людвиг уходит.)*

Юлис. Товарищи, не выполняйте этого безумного решения!

Станислав. Стой, ты хочешь внести раскол в среду вооруженных рабочих?

Юлис. А что же делать? Мы остаемся с сорока штыками против двух армий.

Станислав. Ты ребенок, Юлис. Не в арифметике здесь дело. В такое время решает не сила количества, а сила идеи — большие идеи побеждают.

Юлис. Какая теперь польза от твоих абстрактных идей? Мы остались без защиты. Мы теряем город!

Станислав. Не страшно, Юлис, не страшно! Пока немцы оставят город, подспеет отряд Богданович, тогда наплевать нам на польскую шляхту!

Юлис. А пока-то мы остались с одними военнопленными... В такое время решает день, час... погоди! *(Подбегает к военнопленным и будит их.)* Товарищи пленные!

1-й военнопленный. Юлис!

2-й военнопленный. Юлис, нас домой отослать надо!

3-й военнопленный. Мы не местные.

4-й военнопленный. Три недели валяемся в совете.

Юлис. Домой, товарищи, домой. Германская комендатура не дает составов. Помогите нам прогнать оккупантов — и вы поедете домой.

1-й военнопленный. Говори ясней, что надо делать?

Юлис. Выйти на улицу и захватить город.

1-й военнопленный. Ты с ума спятил?

2-й военнопленный. Шутишь ты, что ли?

3-й военнопленный. С сорока винтовками против двух армий!

4-й военнопленный. Баста, довольно. Отвоевали, пора отпустить нас домой!

5-й военнопленный. Ребята, пошли спать... Мы не местные.

Людвиг. Юлис, зачем ты их разбудил?

Юлис. Чтобы еще раз убедиться, что вы обезоружили совет. На военнопленных надеяться нечего.

Людвиг. Единственная надежда на отряд Богданович.

Юлис. Нет, моя надежда на вооружение рабочих и спартаковцев, на превращение завтрашнего митинга в вооруженное восстание! Так действуют большевики в таком проклятом положении!..

З А Н А В Е С

КАРТИНА ВТОРАЯ

Утро. Тот же зал. Зельдке и Азрилка развешивают плакаты, лозунги. Входит их мать — Эстерка.

Эстерка. Азрилка, я хотела...

Зельдке. Иди, мама, скорей домой, уложи вещи и сейчас же возвращайся. Ты мне поможешь готовить наш прощальный вечер.

Эстерка. Иду, иду.

Азрилка (*поворачивает к ней голову, поднятая рука с молотком остается в воздухе*). Мама, ты что-нибудь хочешь сказать?

Эстерка. Нет. Ничего. Я только хотела просить тебя беречься там, на позициях... береги себя...

Азрилка. Беречься? Хорошо, мама, буду. Только дурак без толку лезет под пули. Но красноармейскую шинель я буду носить честно.

Эстерка. Разве я говорю, чтобы ты был трусом? Я до сих пор не могу себе простить, что помешала Давидке и Шлоймке идти своей дорогой. Они умоляли: «Мама, мы не хотим, чтоб нас,

как крыс, передушили, дай нам взять топоры, засовы, мы встретим бандитов у ворот». А я заупрямилась, думала — от смерти их уберегу.

Зельдке. Мама, ведь у тебя еще так много работы. Иди домой.

Эстерка. Я иду... иду... Дай мне еще раз попрощаться с ним.

Азрилка. А разве ты не придешь на вечер?

Эстерка. Сначала простимся, а потом я приду на вечер и попрощаюсь еще раз. А ты все боишься, как бы старая мать не заработала у тебя лишний поцелуй.

Азрилка. Вот такой я тебя люблю! Когда оставляешь дома такую маму, даже легче на фронт итти!

Эстерка. Эх, ты бычок молодой... была бы я лет на пятнадцать моложе, я бы сама надела шинель да пошла с Анной на позиции.

Азрилка *(подхватывает ее и выносит на руках из комнаты)*. Вот так я тебя люблю!

Фукс *(входит из боковой двери, в руках щетка и тряпка)*. Узнали мамаша, узнали, что сегодня отряд уходит на фронт. Тото дела пойдут. Кровь потечет... кровь... Шутка ли, четыреста детей отрывают от родителей!

Зельдке. Никто насильно никого не отрывает... Они сами идут, добровольно.

Фукс. Хе-хе-хе! Сами. Почему прежде не шли сами? Это ее работа, Анны... Когда она говорит, кажется, что прямо в рай ворота открыты. Руку только протяни — и весь мир твой. Хе-хе-хе. А у мира есть когти. А у мира есть винтовки, и никто не хочет отдавать добро и фабрики по своей воле. Так будьте любезны пролить капельку молодой крови. А матери этого не желают. Ох, будет весело!..

Зельдке. Дядя, мне с вами скучно становится.

Фукс. А мне как-раз сегодня весело. В моем доме сегодня торжество. Будет море света. Говорят, музыка будет и вино ради праздника...

Зельдке *(дразнит)*. Вино будет и свет, и музыка, и танцы. А что вам нужно, дядя?

Фукс. Хе-хе-хе... Я ведь уборщик, простой уборщик. Полы вымыл, паутину в углах убрал, мусор выкинул...

Зельдке *(ему в тон)*. Одно только забыли сделать.

Фукс *(хватает щетку)*. Что?

Зельдке. Себя в мусорный ящик выбросить.

Фукс *(бросается на Зельдке)*. Негодница!

Лопатьев *(входит)*. Эй, ты! Ничтожество! Драться?

Зельдке. Оставь, оставь его... Это ничего, это мы так забавляемся. Он старательный уборщик. Смотри, как он прибрал для праздника.

Фукс *(согнувшись)*. Прибрал, братишечки, прибрал, товари-

щи. Такое торжество! Анна Богданович едет в Вильно. Хе-хе-хе! Торопится в Вильно... Только бы она всех там нашла здоровыми! (Уползает.)

Лопатьев. Что он плетет?

Зельдке. Пустяки.

Лопатьев. Зельдке...

Зельдке. Я знаю, что меня зовут Зельдке.

Лопатьев. Я хотел сказать тебе, что...

Зельдке. Что ты меня навеки полюбил.

Лопатьев. Вот-вот, это-то я и хотел сказать тебе. До гроба.

Зельдке. А завтра ты уже будешь в другом городе.

Лопатьев. Именно.

Зельдке. И будешь обнимать другую девушку.

Лопатьев. Обязательно!

Зельдке. И ей тоже обещать любовь до гроба.

Лопатьев. Только до гроба. Когда я люблю, это — навек.

Зельдке убегает, Лопатьев — за ней. Входят Фукс, его жена, мужчины, женщины.

Фукс. Из дома в дом идите. Богданович ведет отряд на фронт, чтобы прорваться к своему мужу. У нее там муж, в Вильне. Матери не должны пускать детей на фронт. Понимаете?

Мужчина. Не святая. О муже думает, а не о революции. Понимаю!

Все. Понимаем, понимаем...

Фукс. Будьте осторожны. Очень, очень осторожны. Пришли к матерям по частному, так сказать, делу. Ну, идите. Времени мало.

Красногвардейцы с сундучками, корзинками и узелками. Поют.

Здесь рожь растет высокая —

К земле колосья клонит...

Держись-ка, пан и пидпанок,—

В бой вышла беднота.

Держись-ка, пан и пидпанок,—

В бой вышла беднота!

1-й красногвардеец. Последняя ночь дома, а завтра где мы будем в эту пору?

2-й красногвардеец. Слишком долго, слишком долго мы здесь сидим. Они там ждут-не дождутся нашей помощи.

3-й красногвардеец. Ты свои речи побереги—потом пригодятся. Сегодня прощальный вечер, так гуляй, ребята,—праздник!

Красная Морковь. И вино чтоб было!

Лопатьев. Вода или кислый квас. Трезвость до победного конца, слышишь!

Морковь. А говорят, у Анны Богданович муж в Вильне.

1-й красногвардеец. Вранье, у старой большевички и каторжанки не бывает никаких мужей. Она в Вильне никогда не была.

Морковь. Будто она с ним познакомилась в Сибири или в тюрьме. Людвиг Януковский. Так говорят...

2-й красногвардеец. Выдумки, басни. Она днюет и ноцует с отрядом. Кроме отряда ее больше ничто не интересует.

Лопатьев. Три раза с самим Лениным разговаривала, а ты—муж!

2-й красногвардеец. Кого это касается? Не наше дело. Отряд она организовала, продовольствие, винтовки достала, сегодня весь день носится по учреждениям, чтобы сапоги добыть.

Морковь. Двенадцать пар сапог на четыреста пар ног. С голыми пальцами по снегу не очень-то повоюешь.

Лопатьев. А ну, покажи свои голые пальцы?

Морковь (*подбирая свои ноги в исправной обуви*). Не для себя прошу, я для всего отряда...

Зельдке (*вбегает, рукава засучены*). Катастрофа, товарищи! Катастрофа!

Все. (*хватаясь за оружие*). Что случилось?

Входит Береле Амдор, слушает разговор.

Зельдке. В спешке вилки забыли приготовить, ножи и вилки! И скатертей тоже нет. Панихида, а не прощальный вечер...

Лопатьев. Зельдке, зачем тебе вилки, ножи?

Зельдке. А селедки чем резать? Языком твоим?

Лопатьев. Тю-тю-тю-тю... Селедку, прежде чем ее съешь, бери за хвост, как настоящего буржуя, рви на две равные части. А столы газетами покроем, не велики господа!

Береле Амдор. Что? Вилки нет, ножей? Нет скатертей? Первый добровольный отряд идет освобождать Вильню и не может отпраздновать свое последнее торжество? Кто здесь командир? (*Подходит к телефону.*) Кто у телефона? Управделами? Принимайте телефонограмму: «Через час доставить в клуб им. Карла Либкнехта шесть дюжин вилок, ножей... Да, — шесть дюжин, четыре белых скатерти и всех музыкантов города. Что? Музыканты сейчас не могут? Поздно? Нет вилок, ножей? Так слушайте дальше... Если мой приказ не будет исполнен к сроку... Да. То я вас без суда расстреляю с товарищеским приветом. Да, с товарищеским приветом. Командир Береле Амдор».

Лопатьев. У него, верно, все поджилки затряслись, а?

2-й красногвардеец. Вот это разговор! С таким командиром не пропадешь! (*Качают Амдора.*)

Морковь (*у телефона*). Говорит Саша Калашников, да, при-

нимайте телефонографмофон... Ну, граммофон принимайте...
(Смех.)

Лопатьев. Ну, ребята, укладываться пора. Пошли!

Все уходят. Зельдке и Амдор остаются.

Амдор. Где Анна? Весь день ее не видел.

Зельдке. Кто-то распространяет слухи, будто Анна ведет отряд на Вильно не ради освобождения города от немцев, а потому, что она торопится к своему мужу.

Амдор. И красногвардейцы об этом тоже разговаривают.

Зельдке. Кто бы мог распространять такие слухи?

Амдор. Я думаю, этот горбун... уборщик. Он с ума сошел.

Зельдке. Если ненависть к тем, кто лишил его состояния, — безумие, тогда он действительно сумасшедший.

Амдор. Не понимаю, что ты говоришь.

Фукс (из боковой комнаты). Музыканты пришли... Со всего города музыканты. Как на помещичью свадьбу. Давно такого веселья не было. Впустить их?

Амдор. Иди сюда.

Фукс (пугается, пятится к двери). Я все убрал, почистил. Пустить музыкантов?

Амдор. Иди сюда.

Фукс. Вы меня зовете? Иди, иду...

Амдор. Откуда ты узнал, что у Анны Богданович муж в Вильне и что она спешит к нему?

Фукс. Матери говорят. Матери красногвардейцев говорят, и я говорю — разве это грех? Молодая женщина... Товарищ командир, разве большевики не люди? Вот у меня в Петербурге дочь, так у нее уже третий муж — большевик. Почему-то они долго не держатся, большевистские мужья.

Амдор. Берегись, старик.. Я не пожалею пули для тебя.

Фукс. Музыканты пришли. Они ждут там... Впустить? (Выползает.)

Музыканты в тулупах, в летних пальто, в шляпах, в валенках, в желтых ботинках. Скрипачи, барабанщики, трубачи.

Боязливо входят.

1-й музыкант. Меня стащили с кровати. Сапог зашнуровать не успел. (Шнурует ботинки.)

Пианистка (высокая, худощавая девушка, с длинной тонкой шеей, как у жирафа, суетится по сцене). Да здесь даже приличного рояля нет! Я ему сказала, что играю только ноктюрны... Я играю только Шопена и Листа...

Зельдке. Вы будете играть то, что вам велят, а понадобится танцевать — будете танцевать.

Пианистка. Я буду играть... буду. (В сторону.) Хамка! Нет даже человеческого рояля!.. Я играю только ноктюрны...

Старый музыкант. Люди, я уже сорок лет музыкант.

Играл на еврейских свадьбах и у помещиков... Чего больше? Однажды мне пришлось в один вечер играть и на свадьбе и на обрезании одновременно... Застенчивая невеста от смущения отделилась под венцом... Но такой спешки я еще не видел... Не видел...

Музыканты. На что нам, Ехизель, твои старые басни? Хотел бы я знать, чья свадьба?

— Говорят, самая главная... их главная выходит замуж.

— А кушать дадут?

— А кто будет платить?

— Хоть бы горло промочить. Слава богу, и вкус забыли.

— Не видно невесты, где невеста?

Фукс. Жених в Вильне, а невеста очень занята.

Музыканты. Вот как? Занята? Чем же она так занята именно в такой день?

Фукс. О, у нее трудная работа... Сделать мировую революцию. Играйте, музыканты, с пылом, с душой... Вам заплатят.

2-й музыкант. Кто будет платить?

Фукс. Почему я знаю? Может быть, Карл Маркс... Может, Фридрих Энгельс. Дураки, сегодня венчается первый партизанский отряд под командой Береле Амдора.

Глухой Музыкант. Кто? Кто? Первый парижан? У-ва, большая честь.

Амдор (вбегает). Чего вы стоите столбами? На помещичьих свадьбах тарелки лизали... В три погибели сгибались... увеселяли. А когда надо играть для пролетариата, у вас руки отсохли? Играйте, чтоб потолок трещал, чтоб пол прыгал, чтоб стены танцевали! *(Смотрит по сторонам.)* Анны все еще нет. Надо сказать речь, а я наверняка спутаюсь. У меня в этом уже есть практика. Когда приходится говорить, хоть садись и плачь.

Музыканты начинают играть, отходя в глубину сцены. Входят жена Фукса и молодой человек — фабрикант.

Жена Фукса. Исроэль, ради бога, бежим. Ой, горе, ой, черная печаль! Бежим, уже все готово. Я уже приготовила подводы, вещи уложены... Возчики будут ждать у старого вокзала... Исроэль, не будь безумным! Ты один не можешь идти против всего мира. Пожалей себя, меня. Бежим, спасемся из этого ада. Ведь граница недалеко отсюда, а на дороге пока спокойно...

Фукс. Я никуда не поеду. Я останусь вот здесь, возле дома. Тридцать лет собирал я его. Кирпич к кирпичу, камень к камню клал. Куда бежать? В Польшу? Они и туда придут. Нужно здесь, на месте, с ними покончить.

Жена Фукса. У меня болят ноги. Ходила из дома в дом. Уговаривала матерей. Они смотрели на меня с подозрением. Я устала, Исроэль. Сердце предвещает мне что-то недоброе... Сердце — настоящий вещун...

Фукс. Сердце, сердце! Кому нужно теперь твое сердце? Вот когти — это теперь товар. Когтями надо впиться и не отступать.

Понимаешь? Если отряд сегодня распадется, не выступит, — через неделю здесь будут поляки...

Жена Фукса. Ой, горе!.. Он с ума сошел!

Фабрикант. Это и я говорю, господин Фукс. Единственная надежда на поляков... Если поляки не возьмут города, — будет конец света.

Фукс (*перебивает его*). «Единственная надежда — поляки». Поляки! Ведь фабрику у вас отняли?

Фабрикант. Отняли.

Фукс. Дом отняли?

Фабрикант. Отняли.

Фукс. Из квартиры выкинули?

Фабрикант. Выкинули.

Фукс. Чего же вы молчите? Зачем цепляетесь за такую собачью жизнь? Посмотрите на них. (*Показывает на клуб.*) За будущее, о котором им наврали сумасшедшие и демагоги, они идут класть головы... А вы сидите и ждете, пока поляки вас спасут... Эх, если бы я был молод и здоров, как вы, я перешел бы границу, вступил в польский легион и с винтовкой в руках боролся бы против них!

Фабрикант. Представьте себе, господин Фукс, — если бы я перешел границу, то нашел бы в Польше дело поинтереснее, чем идти на фронт.

Фукс. Осел, спекулянт, трус! Чтоб ноги твоей здесь больше не было! Вешать нужно всех фабрикантов, вешать!

Жена Фукса. Как я себе счастья желаю, он прав! Говорят, твоя геройская польская армия устраивает еврейские погромы.

Фукс. Ну, так что, если погромы? Раз погром, два погром... А здесь один сплошной погром... Все ихнее! Ни корпел, ни болел — ихнее!

Жена Фукса. Тише... Матери идут.

Фукс. Игра начинается. (*Исчезает.*)

Матери-женщины с рабочих окраин в шерстяных платках. Они входят все вместе.

1-я мать. Я ей глаза выцарапаю!

2-я мать. Я ей волосы вырву!

4-я мать. Я лягу вот здесь, на лестнице, пусть перешагнет через мой труп! Я не пущу своего ребенка на фронт!

3-я мать. Она их околдовала!

5-я мать. Ему только восемнадцать лет! Кровь с молоком! Восемнадцать лет!

Амдор (*вбегают*). Товарищи матери, именем революции и отряда приветствую вас, героини... (*Плач и причитания матерей. Амдор запинается. Подбегает к музыкантам*). Играйте туш! Играйте туш!

Музыканты играют.

1 - я мать. Не давайте им играть.

2 - я мать. Отберите у них скрипки!

3 - я мать. У нас такое горе, а они играют.

4 - я мать. Где Богданович?

5 - я мать. Где Анна Богданович?

1 - я мать. Ценой крови наших детей она хочет пробраться к своему мужу!

1 - й красногвардеец. Мама, не говори так про Анну. Это вранье, мама! *(Обнимает ее, она сопротивляется.)*

1 - я мать. Я буду говорить! Я побегу по улицам и закричу: она отняла у меня единственное дитя!

2 - я мать. Она торопится в Вильно к своему мужу, а наши дети должны ради этого класть головы!

Зельдке. Нет, нет! Выслушайте меня! Анна никогда не видела своего мужа! В тюрьме, в варшавской тюрьме она стала его женой, а потом он убежал за границу, а она пошла в Сибирь, в Сибирь... Не верьте, вам солгали? Я говорю вам правду! Анна мне вчера рассказала.

Красная Морковь. Детскую сказку она тебе рассказала, а ты веришь. Не нужно трогаться с места, пока не будет ясно, для чего нас гонят в Вильно!

Голос. Не трогаться с места!

Копач. Я его знаю. Он работает в совете. Я простой сапожный подмастерье, он не передал мне личного письма... Нет. Он не передавал, товарищи. Дольше нельзя здесь сидеть. Там случится несчастье. Братишки, я знаю, я сам из Вильно. Юлис, Станислав и все ждут. Без нас они погибнут... Товарищи, идемте сейчас... *(Расплакался.)*

Красная Морковь. Что его слушать? Надо выяснить.

Голос. Анна идет!

Все умолкают. Зельдке бежит навстречу Анне.

Зельдке. Анна, не сердись... Они не виноваты. Их подговорили. Понимаешь, о тебе распустили сплетни. Ну, понимаешь, сказали матерям, что у тебя муж в Вильне... Они...

Анна. Ну, успокойся. Ты еще совсем ребенок. Я ни на кого не сержусь. Где уборщик?

Зельдке. На что он тебе?

Анна. Я сделала ошибку. Его нужно было расстрелять. Это его работа. Ну, товарищи, довольно веселиться. Напелись, танцевались, а теперь в дорогу. У меня есть письмо от Юлиса, от виленского совета.

Лопатьев. Братва, сюда! Письмо от виленского совета!

Амдор. Слово для чтения письма от виленского совета имеет Богданович, старый большевик и каторжанин...

Анна *(не дает ему кончить)*. Ты дурак, Берко, зачем ты так рекламируешь мою каторгу? На каторгу часто попадают не за геройство, а по глупости. Я была молода и не знала, как беречь-

ся. Вот и засыпалась, сидела. Значительно большее геройство поработать несколько лет и показать жандармам дулю. (*Красногвардейцы смеются. Матери стараются сохранить серьезный вид.*) Во всяком случае не к чему выпирать при всех какую-то особую заслугу.

Зельдке. Правильно! Читай письмо, Анна.

Лопатьев. Давай, давай!

Анна. Письмо слишком длинное и отнимет много времени. Я всего не буду читать. Вот послушаем только последние слова: «Положение наше тяжелое. Мы находимся между двух огней. С одной стороны германская армия, с другой — польский легион. Если бы мы были уверены, что вы скоро придете на помощь мы бы вместе с шестьюдесятью вооруженными рабочими вышли на улицу и захватили город. Идите немедленно на помощь. Мы ждем. Одни мы здесь погибнем... Юлис Шимелевич. Людвиг Януковский. Станислав Бронковский».

Лопатьев. Братва, мы сидим здесь и занимаемся глупостями. Муж — не муж, каждый час дорог! Надо сегодня же выступить на фронт!

1-я мать. Успеете сложить свои молодые головы. Пусть сначала она скажет, кто такой Людвиг Януковский.

Анна. Точно я не могу этого сказать. Я знаю только, что Людвиг Януковский — старый польский революционер. В пятом году он поджег имение своего отца, поднял на восстание крестьян в Седлецкой губернии и долгое время скрывался в лесах...

1-я мать. Кто такой Людвиг?

2-я мать. Твой муж?

3-я мать. Чтобы прорваться к нему, ты организовала отряд!

4-я мать. Четыреста человек ты приносишь в жертву ради него!

5-я мать. По крови наших детей ты идешь к своему счастью.

Красная Морковь. Почему ты раньше не сказала нам, что твой муж живет в Вильне? От отряда нет тайн.

Анна. В чем дело? Кто распустил эти сплетни? Отряд идет освободить Вильно, а не Людвига.

Красногвардеец. Отвечай прямо. Людвиг твой муж?

Анна. Да.

1-я мать. Ага! Это правда! Она торопится к мужу!

Анна. Ты говоришь глупости, старуха! Это ложь!

2-я мать. Сама сказала, а теперь берешь слова назад.

Эстер (*вбегает*). Чего вы стоите, женщины? Берите детей и прячьте их под ваши юбки, тогда вы не будете бояться... Анна, не слушай их! Они хотят удержать детей и ищут зацепки. Анна, я тоже мать. У меня был муж и четверо детей. Где они? (*Матерям.*) Я вас спрашиваю, где они? Моего мужа родной брат, владелец этого дома, молодым загнал в гроб, а Давида и Шлоймку на моих глазах зарубили. Хоть много слез у матери, я их уже все выплакала... Довольно! Больше я не плачу! Если моему по-

следнему сыну суждено умереть — пусть умрет с винтовкой в руках... Анна, я люблю тебя, как родную дочь... Все это насплетничал этот кровопийца, мой шурин... Анна, заплати ему за всю мою черную жизнь, за все годы нужды, и горя, за все, за все заплати ему... А что у тебя там, в Вильне, муж — не стыдись этого... Разве ты мужчина? Ты — женщина, а у женщины должен быть муж...

1 - я мать. Если он такой же красивый, как ты, — ступай и встреться с ним на здоровье...

Анна. Красивый? Не знаю. Я его никогда не видела. Мы повенчались в варшавской тюрьме, но нас разделяла стена. Но это не относится к фронту... Четыре года я не знала, где он... Отряд я организовала месяц тому назад. Приказ о выступлении я дала раньше, чем узнала, что Людвиг в Вильне. Я не веду отряд на фронт. Я сама иду с отрядом, и если с вашими детьми произойдет несчастье, то и со мной может случиться то же самое... У кого спросит моя мать, на кого она будет жаловаться? Кто испугался, не хочет идти на фронт, может остаться дома. Я никого не принуждаю. Но помните, что польские ланы ваших детей и в домах вырежут поодиночке, как детей Эстерки. Так не лучше ли сложить свои головы на фронте с гордостью борцов? Больше мне нечего сказать, через час отряд должен выступить. Виленский совет ждет вашей помощи... И если от всего отряда останется лишь десять настоящих революционеров, я с десятком людей пойду на фронт!

Амдор (вбегает). Уборщик сбежал! На двери висит замок!

Эстер. Это все он подстроил! Я знаю этого кровопийцу!

Амдор. Четверо красногвардейцев пошли его искать.

Анна. Скажите, кто вам говорил, будто я иду в Вильно ради моего мужа?

3 - я мать. Я женщина... Темная женщина... Весь день меня уговаривали...

Анна. Кто уговаривал?

3 - я мать. Кто? Я ее не знаю. Она была завернута в три платка.

2 - я мать. Все утро у меня просидел один еврей. Чего он только про тебя не говорил! Пусть это падет на его голову! Что ж, мы темные женщины. Не сердись — нас подговорили.

Эстер. Эх, коровы!.. Подговорили... А собственный разум по дороге потеряли? Чего мы стоим, как на похоронах? Анна, пусть играют!

Красная Морковь. Прости, Анна. Все говорили. Ну, и я тоже.

Анна. Ну, ребята... Нечего даром время терять. Я ни на кого не сержусь. Через час отряд должен быть готов к выступлению. Я иду укладываться. Продолжайте танцевать. Амдор, нужно найти уборщика и покончить с ним. (Уходит.)

Начинаются танцы. Слышны возгласы.

Возгласы. Шире круг!

— Шире круг!

— Берко Амдор посередине!

— Ай да люли, ай да люли!

Голоса. Зельдке выходит, Зельдке!

— Ну, теперь держись!

— Вот это здорово!

— Ну, прямо бес в ногах у девки!

— Она его уморит!

— Он уже еле движется!

— Смотри, как тянется к нему, будто всю душу хочет ему отдать!

— Зельдке не такая. Она скорей из него душу вымотает.

— Любит она Лопатьева. Смотри, как у нее горят глаза!

— Не догонит — увертывается!

— Догоняй, догоняй! Поймаешь вчерашний день!

— Он уже готов! Азрилка, а ну, в круг, покажи сестре. Пусть она не важничает!

— Готово, он уже лежит в углу!

— Смотри, Зельдке, мать идет!

Эстер. Эй, музыка! Гопака!

Все. Гоп, гоп! Старая Эстерка танцует!

Эстер. Шире круг! Негде разойтись!

Все. Шире круг!

Эстер. А ну, дочка, посторонись, я тебя перетанцую!

Все. Гоп, гоп! Старая Эстерка танцует!

— Гоп, гоп! Старая Эстерка танцует!

Зельдке. Мама, сдаюсь! Пусть меня кто-нибудь заменит!

Красногвардеец. Эх, такая мать лучше жены! А ну, покружись с нею!

Эстер. Бабы, чего вы стоите, как чужие? А ну, в круг!

Матери поодиночке втягиваются в танец. «Гоп, гоп, гоп!»

Анна входит.

Голоса. Анну в круг! Анну в круг!

Анна. Красногвардейцы, стройся! По двое в ряд. На Вильно марш!

Из массы танцующих парами отделяются красногвардейцы, строятся в ряды. Игра музыкантов с гопака переходит на воинственный мотив.

Анна (во главе отряда кричит). Юлис, Людвиг, Станислав, мы идем на помощь!

Все. Анна, веди!

Эстер (из группы матерей). Дети, берегите Анну, возвращайтесь здоровыми!

З А Н А В Е С

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Перед митингом. С а й б л кого-то ждет.

Станислав (*подходит*). Где Юлис?

С а й б л. Сейчас будет здесь. Ходит по предместьям, призывает рабочих вооружаться.

Станислав. Хорошо. Хорошо. Неймана еще не было?

С а й б л. Нет.

Станислав. Иди в совет. Богуславского туда не пускать. Он готовит предательство. Понял? (*Оба отходят.*)

Богуславский (*к нему подходит Нейман*). Фридрих? Очень хорошо! Тебя-то я и жду.

Нейман. Мне Станислава бы увидеть надо.

Богуславский. Ты его теперь не увидишь. Он занят. Митинг. Все переговоры со спартаковцами совет поручил мне.

Нейман. Передайте Станиславу, что пулеметы еще сегодня ночью будут на дворе совета.

Богуславский. Нет, Фридрих. Положение изменилось.

Нейман. Но Станислав дал такой план.

Богуславский. Это значит — восстановить против совета всю германскую армию. Совет постановил выйти на улицу лишь тогда, когда последний германский солдат будет уже в поезде. Только при таких условиях они согласились оставить город.

Нейман. Что же мы должны делать?

Богуславский. До эвакуации германской армии — ничего.

Нейман. А во время эвакуации?

Богуславский. Отправить пулеметы в Закретьевский лес и ждать моего приказа.

Нейман. Мы — спартаковцы, и наша обязанность притти на помощь совету. Передайте Станиславу. — приказ выполним.

Богуславский. Я передал вам постановление совета. Надеюсь, вы будете действовать, как организованные революционеры. Вот вам моя рука в знак братства.

Нейман. Я верю в нашу победу.

Богуславский. Несомненно, несомненно. Без веры не сделаешь революции. Я тоже верю в нашу победу. (Нейман уходит. Входит Владек.) Расклеил?

Владек. Расклеил, но народ, все же собирается у совета.

Богуславский. Разгоним.

Владек. Но это дискредитирует ППС в глазах рабочих.

Богуславский. Не мы это сделаем. Это сделает германская комендатура.

Владек. Не попробовать ли провести нашу резолюцию на митинге?

Богуславский. Не говори глупостей! Этот митинг будет торжеством Юлиса, Людвиг, — всей банды московских демагогов. Я знаю настроение толпы.

Владек. Дубровский идет.

Богуславский. Я ему сообщу решение комитета.

Владек. Опасно. Он, кажется, работает с ними.

Богуславский. Сейчас узнаем, с кем он. Далеко не уходите.

Дубровский. Чего ты тут стоишь? Митинг скоро начнется.

Богуславский. Комитет постановил не итти на митинг.

Дубровский. Не итти? Ведь совет созывает митинг.

Богуславский. А совет не наш. Сначала я думал, что у нас там будет большинство и мы сможем использовать совет в интересах Польши...

Дубровский. Ты хочешь сказать — в интересах польского рабочего класса?

Богуславский. Я сказал то, что хотел сказать.

Дубровский. Говори ясней. Ведь ты знаешь, что я простой рабочий и не очень искушен в дипломатической гимнастике.

Богуславский. Комитет постановил, что вся организация должна быть вооружена и готова к выступлению на улицу прежде, чем немцы оставят город. Мы объединяемся с польским легионом и занимаем город.

Дубровский. Это значит — предать совет.

Богуславский. Это значит — ликвидировать его.

Дубровский. Плохая игра. Легион состоит из лавочников, шляхтичей и белых русских офицеров.

Богуславский. Если на карту ставится свобода Польши, то всякий, кто борется под польским знаменем, — наш товарищ.

Дубровский. Чудесная картина! Во главе лавочников и по-

мещиков стоит старый пепеэсовец... А кто же будет руководить борьбой польских рабочих?

Богуславский. У уже один раз объяснял. Сначала национальная польская республика, потом классовая борьба. Понял?

Дубровский. Понял. Все понял. Можешь считать меня москалем... предателем польских национальных интересов. Я остаюсь с советом.

Богуславский. Ты знаешь слишком много, чтобы оставаться с ними! *(Дает сигнал. Появляются четверо пепеэсовцев.)* Отведите его в комитет!

Дубровский. Предатели! Провокаторы!

Богуславский. Кто провокатор — это партия позже скажет. Ты пойдешь в комитет, отсюда живым не уйдешь.

Четверо пепеэсовцев вынимают наганы. Дубровский уходит, окруженный ими.

Юлис *(подходит)*. Кто это расклеил объявления, что митинг отложен?

Богуславский. Разве расклеены такие объявления?

Юлис. Кто расклеил объявления, что митинг отложен?

Богуславский. Я вам уже сказал, что не знаю... Почему мы разговариваем, как враги? Момент слишком ответственный.

Входят Станислав и Людвиг.

Станислав. Такой массы Вильно еще не видело.

Людвиг. Юлис, тебе поручено выступить от имени совета.

Станислав. Жаль что у меня нет с собой моей машинерии. Я чувствую, что сегодня ты будешь хорошо говорить, а хорошая речь, если ее не отпечатаешь, — пропала!

Юлис. Старик, я сегодня не буду говорить, а ты не будешь печатать. Смотри.

Людвиг. Что это значит?

Богуславский. Комендатура запретила митинг. Я говорил, что надо обеспечить себя разрешением. Теперь митинг не состоится.

Станислав. Он состоится! Слышишь, со-ци-а-лист?

Богуславский. Я не привык, чтобы с представителем ППС разговаривали таким угрожающим тоном.

Юлис. Вы шутите с огнем... *(Вынимает наган.)* Кто отложил митинг? Отвечай!

Богуславский *(испуганно отпрянул назад)*. Я не знаю... Я не знаю. Я отвечаю. *(Убегает.)*

Людвиг *(удерживает Юлиса)*. Ты сделал бы глупость.

Юлис. Надо было его застрелить!

Людвиг. Он получит свое.

Станислав. Что надо сделать немедленно, незачем отклады-

вать «на потом»: Эта гадина готова продаться немцам, чтобы возобновить собственное государство с собственными жандармами и тюрьмами. Я их хорошо знаю — здешних социалистов.

Юлис. Не теряйте ни минуты. Идем открывать митинг.

Начинают собираться рабочие. Среди них Марат.

Марат. Товарищи, это последняя революция... Последняя. Слушайте, что пишет Ленин.

Рауль. Выдумал еще одну сумасшедшую теорию. Что пишет твой новый пророк, Ленин?

Марат. Не твоим куриным мозгам понимать, ползучий революционер! Иди, поцелуй коменданта... куда хочешь.

Голоса. Товарищи!

— Что?

— У ворот стоят германские солдаты.

— Они повторяют пятый год!

— Где оружие?

— В совете.

— Юлис велел передать, — кто хочет вооружаться, пусть идет в совет!

Рауль. Авантюра! Ничего, кроме несчастья и деморализации, они еврейскому рабочему классу не дадут.

Голоса. А ну, убирайся отсюда, бундовский плакса!

— Сегодня будет говорить Юлис.

— Я его уже слышала. Говорит про русскую революцию, как про родную мать.

— Он будто бы в России командовал целой армией.

Рауль. Пустые рассказы. Бабыя болтовня. Герой для экзальтированных девиц.

Девушка. Он не нравится тебе, Юлис?

Рауль. Нет.

Девушка. Ну, так ты на нем не женишься!

Смех.

Девушка. Эх, социалисты! Вы только заседать умеете!

Рабочий. Добром тебе говорят — уноси отсюда свои кости.

Рауль уходит.

На балконе Богуславский, два офицера, Владек.

Богуславский. Разогнать эту банду пора.

1-й офицер. А эксцессов не будет?

2-й офицер. Совет располагает оружием, нельзя ли как-нибудь избежать столкновения?

1-й офицер. Говорят, у них военная сила.

Богуславский. Миф... миф... Два десятка мальчишек, которые и стрелять-то не умеют. Мы бы сами справились, но политический такт требует, чтоб это сделали вы.

1 - й офицер. Ага, политический такт. Понятно.

2 - й офицер. Мы здесь последнюю ночь и хотели бы избежать конфликта с советом.

Богуславский. Ну, что ж — хорошо. Сегодня большевики займут Вильно, затем Варшаву, потом Берлин

Офицеры (смеются). Ну, до Берлина еще далеко.

Богуславский. Не так уж и далеко. В германской армии есть группа спартаковцев, которые помогают совету занять город и разлагают вашу армию.

1 - й офицер. Что, что? Что такое?

2 - й офицер. В германской армии большевики?

1 - й офицер. Я запрещаю, запрещаю! Разогнать!

Богуславский (Владеку). Иди передай нашим, — чтобы немедленно, как только господин офицер отдаст приказ, — они начали бежать, чтобы создать панику. (Отходят.)

Голоса. Расходитесь, ступайте по домам! Будет кровопролитие!

— Крови боишься — сидел бы дома.

— Бежите?

— Стой на месте!

Марат. Бунд и ППС провоцируют.

Голоса. Бегите, польские легионеры идут!

— Стойте на месте!

— Выламывайте камни из мостовой!

— Бунд и ППС предали!

— Юлис, Юлис!

Юлис (с Людвигом и Станиславом на балконе). От имени совета митинг виленских рабочих объявляется открытым. Прошу выбрать председателя.

Голос. Людвиг!

Офицер (на противоположном балконе). От имени германской комендатуры запрещаю продолжать митинг.

Юлис. От имени виленского совета продолжаю митинг. Господин лейтенант, не мешайте виленскому совету вести свою работу. Поступило предложение председателем избрать Людвига Януковского.

Голос. Януковского!

Офицер. Запрещаю, запрещаю! Немедленно освободить площадь!

Юлис. Господин лейтенант, я вам слова для ваших объявлений не давал. Товарищи виленские рабочие!..

Офицер. Доннер-веттер! Что тут происходит? Я буду стрелять! Приготовить! (Появляется группа вооруженных солдат.) Я буду считать до трех. Раз...

Юлис. На кровь мы ответим кровью! Все в совет! К оружию!

Стрельба. Толпу окружают со всех сторон. Юлис и группа коммунаров успевают выбраться из толпы.

Богуславский. Окружить совет со всех сторон! Живым никого не выпускать. Город еще сегодня будет в наших руках.

З а т е м н е н и е

КАРТИНА ВТОРАЯ

Станислав, Людвиг, Сайбл вбегают в помещение совета.

Станислав. Неужели они помогали расстреливать рабочий митинг?

Сайбл. Кто?

Станислав. Социалисты Богуславского... Без них комендатура не осмелилась бы.

Людвиг. Мы напрасно тратим время. Где Юлис? Нужно немедленно перенести оружие в рабочие кварталы. Оттуда начать восстание.

Станислав. Никто не прорвался. Мы здесь одни.

Людвиг. Военнопленные помогут.

Марат (вбегает. Он ранен). Товарищи, мы окружены! Легионеры окружили совет!

Людвиг. Надо прорваться!

Входит Афросьев.

Афросьев. Мои хотят бежать. К господским собакам. На! Вот письмо от них.

Станислав. Никто не уйдет. Афросьев, скажи своим, что у совета есть чем защищаться. Иди говори, Афросьев!

Военнопленный передает Людвигу пакет.

Людвиг. Ультиматум от легионеров!

Станислав (читает). «Штаб польского легиона требует в течение получаса выдать оружие и распустить совет. В случае, если наш ультиматум не будет выполнен, легион будет вынужден обстрелять совет...»

Людвиг. Читай дальше.

Станислав. «Обстрелять совет».

Людвиг. Читай до конца.

Станислав. «Командир Богуславский...» Вот гадина!

Все. Юлис!

Юлис (вбегает, словно за ним гонятся).

Станислав. На! (Дает ему письмо.)

Юлис (читает, подходит к двери, кричит). Афросьев!

Входят военнопленные.

1-й военнопленный. Нечего звать. Мы задержали Афросьева. Он хочет новой войны. Он говорит, что надо продолжать драться...

Юлис. Афросьев!

Сайбл. Не надо, Юлис, не ходи к ним, они очень озлоблены. Беда будет, если станешь их задерживать!

Юлис (в дверях). Товарищи военнопленные, приведите сюда Афросьева! Я его сам пристрелю.

Военнопленные волокут Афросьева, держат его за руки.

1-й военнопленный. Он хочет новой войны!

2-й военнопленный. Нас нужно отправить домой!

3-й военнопленный. Мы здесь чужие!

Юлис. Спокойно, товарищи, спокойно! За что вы задержали Афросьева?

1-й военнопленный. Пора нас домой пустить. У меня дома хозяйство осталось собственное.

2-й военнопленный. Совет — дело не для нас.

3-й военнопленный. Случись у меня на селе такая собачья история, я бы голову поклял за свой крестьянский интерес.

Все. Домой!

Юлис. Домой, домой! А Афросьев не хочет домой? Афросьев, ты не хочешь домой?

Афросьев. Помещичьи прихвостни! Юлис, он господский блюдолиз. Я его еще из дому знаю. Коли хочет шкуру свою спасти — нехай идет.

Юлис. Молчать!

Военнопленные. Пусть остается здесь. У него же, окромя драных портков, и нет ничего: чорт знает, что он, а не крестьянин.

— Лодырь он, а не крестьянин!

— Мы здесь чужие!

Афросьев. Чужие? Кто это чужие? Юлис, Людвиг, Станислав? А кто нам в России отдал помещичью землю? Он врет. Большевики разделили землю всем поровну. У меня есть письмо.

Юлис. Афросьев, что надо делать?

Афросьев. Драться с легионерами.

Юлис (вынимает наган). Что, новую войну? Я тебя расстреляю тут же, на месте! (Освобождает Афросьева из рук военнопленных.) Иди туда!

Афросьев (вытягивается во фронт, по-военному. Становится к стенке). Можешь меня расстрелять, Юлис. Три года гнил в окопах. За чужое счастье рисковал головой. Пора теперь повоевать и за собственное дело.

Юлис. Станислав, Людвиг, прав Афросьев?

Станислав. Прав.

1-й военнопленный. Надо послать делегацию к легионерам.

Афросьев. Юлис, разреши, я его тут на месте!.. К кому делегацию? К помещичьим собакам? Они нас у ворот всех перестреляют!

Военнопленные. Не надо нам делегации, надо совету помочь.

— Они нас не выпустят!

— Послать делегацию!

Ю л и с. Хорошо. Можете итти. Двери совета открыты. Три года гнили в окопах, за чужое счастье клали головы. А теперь, когда нужно защищать свой совет, вы испугались? Людвиг, Станислав, Сайбл, Марат, несите сюда винтовки и патроны! А вы, товарищи, можете итти! Идите.

Марат. Братья, на вас ляжет проклятье будущих поколений. Это же последняя революция!

Ю л и с. Ну, чего ждете? Спасайте свою шкуру. Марат — за оружием! Афросьев, иди и ты с ними! Спасай шкуру.

А ф р о с ь е в. Нет, я иду с вами! *(Начинает сносить оружие.)*

1-й военнопленный. Не надо бы одних их оставлять.

2-й военнопленный. За всех же стараются, чтоб улучшение было.

3-й военнопленный. Да и землю у помещиков отобрали они.

4-й военнопленный. Нельзя их бросать.

5-й военнопленный. Пошли, ребята!

Военнопленные берутся за оружие.

Станислав. Вот так, братцы! Вот так! Теперь вижу, что вы товарищи! Веселей!.. Давай! Давай, давай, веселей!

Ю л и с. Товарищи, мы приступили к обороне совета. Мы должны продержаться, пока подоспеет отряд Богданович. Начали!

Строят баррикады у дверей и окон. Ложатся за баррикадами. Винтовки на изготовке. Песня.

ЗАТЕМНЕНИЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

1-й военнопленный *(во сне)*. Бегите, бегите, спасайтесь!

Ю л и с *(подходит в угол, где спят другие военнопленные)*. Что случилось? Перестань кричать! Никто за тобой не гонится! Успокойся!

1-й военнопленный. Уходи! Зачем ты будишь меня?

Ю л и с. Не кричи! Ты пугаешь остальных.

1-й военнопленный. Я буду кричать. Где отряд Богданович? Выдумали сказки для дураков!

Ю л и с. Отряд придет. Мы должны продержаться до рассвета. Понимаешь? У меня есть сведения, что отряд уже стоит под городом. Слышишь стрельбу?

1-й военнопленный снова ложится.

С ай бл (до сих пор стоял у окна и стрелял на улицу; теперь бросает винтовку, бежит от окна). Нет! Нет! Я больше не могу! Ма...

Ю л и с. Не кричи, что случилось?

С ай бл. Мать, мать стоит там внизу! Она зовет меня!

Ю л и с (берет его за руку, молча ведет к окну). Смотри, никого нет. Сайбл, нас здесь пятеро коммунаров, а ты это забываешь!

С ай бл. Тяжело! Не уходи отсюда!

Ю л и с. Ты еще совсем ребенок. Сколько тебе лет?

С ай бл. Шестнадцать. А у тебя есть мать, отец, брат?

Ю л и с. Не знаю. Уже несколько лет, как я оторвался от дома. Почему ты спрашиваешь об этом?

С ай бл. Так... просто так. Ты никогда не говоришь об этом.

Ю л и с. Что мне это поможет? Время такое. Ведь нельзя на заседании совета или на большом митинге начать вдруг рассказывать, что у меня есть отец, мать, брат... Ну, иди, отдохни. Я сам тут постою. (Берет у него винтовку, становится около окна. Сайбл не хочет уходить.) Иди, Хаим.

Л ю д в и г. В отряде находится моя жена, Анна Богданович.

Ю л и с. Анна — твоя жена?

Л ю д в и г. Да.

Ю л и с. Подожди, подожди! Что же нужно делать?

Л ю д в и г. Ничего не нужно делать. Я только хотел, чтобы ты это знал.

Ю л и с. Уходи отсюда. Я прикажу патрулю пропустить тебя. Одного человека они, может быть, не заметят.

Л ю д в и г (подает ему руку). Спасибо, Юлис. Я уйду отсюда вместе с вами.

Сильная стрельба. Все подбегают к окну. С ай бл вбегает.

С ай бл. Внизу опять начинается кутерьма! Военнопленные говорят, что надо сдаваться!

Военнопленные, голодные, заросшие, начинают бросать винтовки.

1 - й военнопленный. Больше нет патронов!

2 - й военнопленный. Гранат уже тоже нет!

3 - й военнопленный. Нас передушат, как котят!

4 - й военнопленный. Никто и не пискнет!

5 - й военнопленный. Спасибо еще, что они все время не бьют из орудий!

1 - й военнопленный. Жалко снарядов. Думают голыми руками нас взять.

2 - й военнопленный. Живыми отсюда мы не выйдем!

3 - й военнопленный. Никто сюда не идет. Насчет отряда — выдумки.

А ф р о с ь е в. Замолчите! Не скулите над моей головой.

1 - й военнопленный. Из-за тебя, косматая обезьяна, мы остались здесь.

Афросьев. Господские подлизы!

1 - й военнопленный. Уноси свои кости, не доводи до греха! Я тебя вот здесь, на месте...

2 - й военнопленный. Нужно сдать.

Юлис (последнему). Поди сюда! (Тот подходит.) Чтоб ты больше таких слов никому не говорил... Видишь? (Вынимает наган.) Тут лежат последние две пули. Я их оставил для себя. Я поделюсь с тобой — понимаешь?

Афросьев. Надо было его расстрелять тут же, на месте. Чтоб и домой не вернулся... Опять сядет верхом на мою шею!

Юлис. Афросьев, замолчи! Приказываю тебе молчать! Кто дал тебе право командовать ими? А? (Меняя тон.) Эх, Афросьев, и дурак же ты! Дурак, Афросьев! (Все смеются.)

ЗАТЕМНЕНИЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Встреча двух отрядов: с одной стороны Анна Богданович со своим отрядом, с другой — Богуславский с легионерами.

Легионер. Стой, кто идет?

Анна. Кто спрашивает? (Винтовки на изготовке.)

Богуславский. Виленские рабочие.

Анна. Мы идем на помощь виленскому рабочему совету.

Богуславский. Кто идет?

Голоса (из отряда Богданович).

— Тоже рабочие.

— Из Вильно!

— Из Минска!

— Из Смоленска!

— Из Ковно!

— Из Варшавы!

— Мы идем на помощь товарищам!

Богуславский. Мы с москалями не товарищи! К оружию!

Стрельба.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

В совете

Станислав (прибегает). Братья, отряд уже в городе! В городе! Они уже были у Зеленого моста, там их заметил польский патруль и начал обстреливать. Что сделали красногвардейцы? Они легли и поползли на четвереньках... (ложится на пол и показывает) к нашему берегу. Но что делает польский штаб? Стя-

гивает пол-легиона и начинает палить из орудий. А когда стреляют пушки, тут уж умным не будешь. Тут геройство не поможет! Но они сейчас будут здесь!

А ф р о с ь е в. Конечно, они будут здесь. А как же иначе? Неужто они дадут нам погибнуть?

Л ю д в и г. Товарищи, группа рабочих с окраин прорывается сюда, в совет!

Ю л и с. Товарищ, не все еще потеряно! Людвиг, есть хлеб еще? Раздай, раздай! А ты, Марат, тащи сюда самовар!

М а р а т. Я же говорил, что это последняя революция... Если взять, к примеру, генезис государственной системы, то...

Ю л и с. Не сейчас, не сейчас, дорогой, тащи самовар.

М а р а т. А ты, Афросьев, расскажи какую-нибудь веселую сказку. Стало как будто тише.

С т а н и с л а в. Рассказывай, Афросьев, рассказывай!

Ю л и с. Если старый Станислав велит, — надо слушаться.

Все группируются вокруг Афросьева с кусками хлеба в руках.

А ф р о с ь е в. Я люблю правду... Еще сызмала люблю правду... Как только на село вернусь — первый визит к Сергею Митрофановичу: «Здравствуй, Сергей Митрофанович! Я твой бывший батрак, Митька Афросьев, желаю тебе счастья и здоровья... Отец мой у тебя честно работал двадцать четыре года? Честно! Я у тебя тринадцать лет работал. Честно? Честно! Даром работал? Даром! Ну, так теперь плати, Сергей Митрофанович. Плати, собачья морда!

Стрельба. Все вскакивают. Бегут к окну

Г о л о с а. Отряд, отряд!

Афросьев ранен.

А ф р о с ь е в. Юлис, Юлис! (Умирает.)

С т а н и с л а в (выбивает стекло, хватает винтовку, кричит на улицу). За кровь Афросьева мы заплатим тебе, слышишь, Богу-славский?

Ю л и с. Товарищи, вынесите его! (Военнопленные выносят Афросьева.) Товарищи, легионеры во дворе! Спокойно! Держитесь ближе ко мне! Сейчас они будут здесь!

Трое военнопленных возвращаются.

1 - й военнопленный. Нет патронов!

2 - й военнопленный. Шестьсот легионеров стоят вокруг совета.

3 - й военнопленный. Что велишь, Юлис? Мы исполним!

1 - й военнопленный. Они нас всех уничтожат!

2 - й военнопленный. Они чувствуют, что у нас нет патронов, и потому требуют...

Ю л и с. Ясней, товарищи! Что они требуют?

1 - й военнопленный. Они требуют, чтобы мы...

2-й военнопленный. Они подожгут совет.

3-й военнопленный. Они требуют, чтобы мы выдали вас.

1-й военнопленный. Они дают пятнадцать минут сроку.

Юлис. Хорошо. Мы обсудим. Теперь оставьте нас одних.

1-й военнопленный. Что вы велите, то мы исполним. Ну, и положение!

Военнопленные уходят.

Станислав. Кто хочет слова?

Юлис. Сколько осталось патронов?

Людвиг (*показывает револьвер*). У меня пусто.

Марат. У меня один.

Станислав. У меня один.

Сайбл. У меня пусто.

Юлис. У меня два.

Станислав. У кого есть предложение?

Юлис. Прошу слова!

Станислав. Говори!

Юлис. Станислав, запиши. (*Станислав пишет*). Пусть знает партия, пусть знает виленский рабочий класс, что сегодня здесь происходит не самоубийство, а убийство. Совет гибнет потому, что ППС и Бунд предали. Большевики не сдаются, слышишь, Богуславский? Шестьсот легионеров стоят вокруг совета и ждут, чтобы мы вымаливали у них жизнь... Рабочие Вильно! Наша смерть — акт борьбы. (*Военнопленные уходят.*) Продолжайте начатое сами — вот наше последнее желание. Выполните его! Юлис Шимелевич. Станислав Бронковский. Людвиг Януковский. Янкель Марат. Димитрий Аффросьев. (*Вынимает из револьвера пулю и отдает Людвигу.*)

Сайбл. А мне?

Юлис. Ты должен остаться в живых.

Сайбл. Я хочу с вами, как коммунар...

Станислав. Хаим, партия приказывает тебе остаться. Ты передашь наше письмо.

Юлис прощается и идет вниз, в подвал, за ним Людвиг.

Марат. Иди, Станислав. Я последний.

Станислав выпрямляется, передает письмо Сайблу, целует его, опускается вниз. Последним идет Марат.

Марат. Это радость, радость! Кончить то, что начали поколения. Богуславский, это последняя революция!..

Сайбл (*остается один, прячет письмо в боковой карман, тоже сбегает вниз. Некоторое время на сцене никого нет. Звуки со двора, пение, музыка. Сайбл выбегает из подвала, влезает на стол, читает*). «Пусть знает виленский рабочий класс... сегодня здесь

происходит не самоубийство...» (Перестает читать.) Стреляйте, буржуйские собаки!

Из дверей врывается отряд Богданович.

А м д о р. Ты кто такой?

С а й б л. Коммунар.

А н н а. Где товарищи?

К о п а ч. Это Богданович!

С а й б л. Богданович?! (Подает ей письмо.)

А н н а (читает про себя). Где они?

С а й б л подводит ее к подвалу.

А н н а. ППС и Бунд предали! Мы опоздали! (Снимает шапку, красногвардейцы делают то же самое. Некоторое время Анна стоит надломленная, опустив голову, как бы в забытьи).

К р а с н о г в а р д е е ц. Легионеры опять наступают!

А н н а (выпрямилась). Во имя погибших коммунаров — Юлиса, Станислава, Людвига, Янкеля, Дмитрия — приказываю очистить рабочие предместья от легионеров. Товарищи, за мной!

З А Н А В Е С

Харьков 1930 г.

ПОЛИКАРП КАКАБАДЗЕ

Грузинский драматург. Его пьеса «Кваркваре Тутабери» в продолжение ряда лет не сходит со сцен грузинских театров и является одним из лучших драматических произведений Грузии. Автору удалось в художественной форме нарисовать яркий центральный образ Нацаркекия — болтуна, лодыря и лгунишки, воображающего себя героем Кваркваре Тутабери, которого расперявшиеся после свержения самодержавия генералы и чиновники принимают за революционера. Победивший пролетариат разоблачает Нацаркекия.

ПОЛИКАРП КАКАБАДЗЕ

КВАРКВАРЕ ТУТАБЕРИ

КОМЕДИЯ В 4 ДЕЙСТВИЯХ

Авторизованный перевод с грузинского

Е. Г. ЛУНДБЕРГА

НАЦАРКЕКИЯ ТУТАБЕРИ

УЧИНУЮЩИЕ В Д. ПЕРВОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кваркваре Тутабери, он же Нацаркекия.

Мельник.

Гултамзе — его дочь.

Какута }
Кучара } крестьяне.

Лирса — жена Какуты.

Севасти — революционер.

1-й офицер.

2-й офицер.

Писарь Н армии.

Письмоводитель.

Военный следователь, полковник.

Генерал.

Полковник.

Вестовой.

Уполномоченный Временного правительства.

Курьер.

Уездный комиссар.

Секретарь уполномоченного.

Члены ревкома.

Начальник отряда ЧК.

Цвицкви — отец Нацаркекия.

Женщина.

Арестованные.

Горожане, партизаны, солдаты, красногвардейцы, крестьяне, чекисты.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Мельница недалеко от грузинской деревни у линии русско-турецкого фронта. У очага сидит Кваркваре Тутабери, по прозвищу Нацаркекия, ковыряет палкой в золе. Мельник пробует муку и тихо напевает.

Нацаркекия. Перестань, довольно! Все мурлычешь да мурлычешь.

Мельник. А тебе что? Мешаю, что ли?

Нацаркекия *(не подымая головы)*. Думать мешаешь.

Молчание.

Мельник *(подходит к очагу погреть руки и вглядывается в золу)*. Что это ты за узоры развел?

Нацаркекия. План это. Понимаешь — план. Видишь, чудеса какие: это железная дорога, вот тут ее начало, потом она пошла сюда, а тут, видишь, подкатилась к самой горе. Куда ее теперь вести? А ну, сообрази, старый хрыч?

Мельник *(разглядывает)*. Почему я знаю!

Нацаркекия. Тут надо туннель построить.

Мельник. Туннель? Зачем?

Нацаркекия. Как зачем? Не перепрыгнет же поезд через такую гору.

Мельник. Да ведь ты же сам наворотил здесь горы. Чудак! Мешает гора, — пусти дорогу по ровному полю.

Нацаркекия. С тобой не столкнешься. Разве ты понимаешь, что такое план? Ведь не понимаешь?

Мельник. И незачем мне понимать!

Нацаркекия. Казна дорогу строит и ведет ее в обход горы. Казенные инженеры — бездельники. Куда им сообразить, что туннель сократит дорогу! *(Гордо.)* Вот представлю план по начальству да проложу под горой туннель прямо, как стрела, вот дело-то будет!

Мельник. Ты бы полегче врал. Мелу знать надо.

Нацаркекия. Подрядчиком стану первейшим. Взятки у меня, как из мешка, посыплются. Тузы ко мне так и повалят. С такой голью, как ты, и знаться перестану.

Мельник *(обиженно)*. Та-ак!

Нацаркекия. Обиделся? А ты не перечь мне. Меня, Кваркваре Тутабери, на слове не объедешь.

Мельник. Не верится что-то. Взял ты в свое время подряд на дрянной мостишко, да и то ничего у тебя не вышло. Надымил, напылил, а моста нет.

Нацаркекия. Велика мудрость — мост! Ленъ было с мелочью такой возиться — будь он проклят, в голове мутило от расчетов.

Мельник. Ну, вот и сознался, что не можешь.

Нацаркекия. Дурак! Я все могу. *(Указывает на золу.)*

Мельник *(с улыбкой)*. На золе разве?

Нацаркекия. Ты что зубы гнилые скалишь? Замолчи, а не то...

Мельник *(обидчиво)*. Вот ты как со мною разговариваешь! *(Идет к мешкам, роется в мешке.)* Тоже еще раскричался! Чья мельница, кто здесь хозяин, ты или я?

Нацаркекия *(продолжает ковырять золу. Мельница стучит жерновами впустую)*.

Мельник. А зерна-то уже нет. *(Нацаркекия)*. Чем ругаться с тобой, пойду-ка воду отведу, дам роздых мельнице. *(Уходит.)*

Нацаркекия. Э-э, и огонек тоже весь вышел! Подсадить разве эту корягу? *(Берется за корягу, нет сил ее сдвинуть.)* Тяжелая! И лодырь же старик, ждет, что я дров наколю! Рассчитывает, старый хрыч, на моих дровах бока погреть. Шалишь!

Входит мельник. Дрожит от холода. Жметя к огню.

Мельник. А что на турецкой стороне делается!..

Нацаркекия. Что?

Мельник. Ружейная трескотня еще ближе стала. Плохо наше дело!

Нацаркекия. Ты думаешь, турки сюда прорвутся и пере-режут нас?

Мельник. Наши, видно, отступают — кто знает, что будет?..

Нацаркекия *(взволнованно)*. Э-э, вздор мелешь!

Мельник *(обматывает старую шаль вокруг поясицы)*. Вот и поясица не к добру ноет.

Нацаркекия. Не каркай — не тревожь сердца. Разволнуюсь — всю мельницу разнесу, щепок не соберешь!

Мельник *(обиженно)*. Щепок не соберу?

Нацаркекия. А тебя самого в порошок сотру!

Мельник. Те-те-те, да ты что — гнать меня отсюда собрался?

Нацаркекия *(смягчившись)*. Нет, зачем гнать! *(Вздрагивает)*

от холода.) В такую погоду хороший хозяин на улицу и собаки не выгонит.

Мельник. Кто из нас собака, а кто хозяин?

На царкекия. Скоро зиме конец. Придет весна, — тогда я тебе за все спасибо скажу. Посажу тебя в холодок под дубом — лежи царь царем. *(Зевает.)* Что на свете лучше холодка в жаркую пору! На обед целого вола тебе подам, а спросишь — птичьего молока достану, — вот я какой!

Мельник. Не поймешь тебя: то собакой ругаешь, то по-царски угощать собираешься. Беспокойный ты человек.

На царкекия. Так уж вся наша жизнь устроена. Упал — встал, встал — упал. А потом — конец, эх, подлый конец человека ждет! Как подумаю, что от смерти не уйти, будто крапивой обожжет. Нет, ты скажи: что такое жизнь человеческая?

Мельник. Все к худу. В черный час родится на свет человек. *(Прибирает рукой головешки в очаге.)* Ты историю про Иова слышал? Эх, а огонь-то гаснет...

На царкекия. А ну-ка, притащи дровец.

Мельник. Говорил тебе, что поясница болит. Сам неси.

На царкекия. Чтоб я дрова таскал? Да ты в уме ли? Хоть из ружья пали — не пойду. Видишь, некогда.

Мельник. Некогда! Дров наколоть лень, а горы рыть не лень?

На царкекия. То дрова, а то горы. Я и подряд на постройку моста бросил потому, что не терплю мелких дел. *(Возмущенно.)* Нашел себе, старое дупло, дровосека!

Мельник. Вот беда, чистая беда! Трижды я вдовел, а такой беды не видывал. Пустил человека под крышу, думал — доброе слово скажет, а это татарин какой-то.

На царкекия. Брось беситься, старик. Лучше за огнем присматривай. А не то... *(Грозит кулаком.)*

Мельник. Драться будешь?

На царкекия. Я из тебя весь дух вышибу. Мы, Тутабери, таковские: раз вцепимся, ни за что не выпустим.

Мельник. Эй, уברי руки!

На царкекия. Кваркваре — я, Тутабери — я. В старину так богатырей звали. Самого дьявола не испугаюсь! *(Бьет палкой по золе.)*

Мельник *(возмущенно)*. Опять напылил. Безобразник! В собственной мельнице покою нет. *(Открывает дверь и с порога говорит.)* Правду сказала Гултамзе, что не надо пускать бродягу, лодыря. Умная у меня дочка, придет, все ей расскажу.

На царкекия *(взволнованно)*. Дочь придет? Сегодня? Что же ты стоишь на ветру, экой какой — простудишься.

Мельник *(дрожа от холода, в дверях)*. Нет, уйду я лучше, пусть знает дочка, какая у меня жизнь! *(Уходит.)*

На царкекия. Старый пес... *(Подходит к двери и зовет.)* Хозяин, давай мириться! Вернись! Заклинаю тебя иконой св. Геор-

гия, мощами св. Давида и Константина! Слышь, вернись, заболеешь.

Мельник. Не помогут святые, не призывай. Ни за что не помирюсь с тобой.

Нацаркекия. Ты сам вроде святого. Из тебя и просфор сделать можно. Брось сердиться! Расскажи-ка мне лучше про девчоночку.

Мельник. А ты думал — я один здесь? Мельницу в аренду снять она же мне посоветовала. Гултамзе умная девка. Теперь она в сестрах милосердия служит. Другой такой и с огнем не найти. Добрая она.

Нацаркекия. Верно, и красива при этом?

Мельник. Тебе с ней не столкнуться. Как рассказал я о тебе — она заладила: гони его с мельницы, чтобы и духу не было, когда приду.

Нацаркекия. Чтоб и духу моего не было? Вот она какая, твоя Гултамзе! Зубы-то у нее, как есть, лошадиные, нос — вот, зря ее хвалят.

Мельник. Потом смягчилась, правда, когда я объяснил ей, что нет у тебя ни кола, ни двора.... Пусть поживет — говорит.

Нацаркекия. Пожалела, значит?

Мельник. Сказано, добрая. Недаром она за ранеными ходит и пуль не боится.

Нацаркекия (*почти с благоговением*). И добрая, и красавица, и имя хорошее, и зубки, верно, как жемчуг.

Входят Какута и Кучара, крестьяне, бежавшие с фронта, где они рыли окопы.

Кучара. Слышь, Какута, тепло-то как, а? Наш Нацаркекия знает, где раки зимуют!

Какута (*съежившись*). Может, и хлеба дадут, Кучара. Брюхо от голода подвело.

Мельник. Откуда принесло? Можно бы и поздороваться.

Какута. Не до здорования нам... Никак с духом собраться не можем.

Нацаркекия. Что случилось? Шатаются — дурачье, никого от них проку! А еще соседи! Даже стыдно таких соседей иметь.

Кучара. Проклятый подрядчик заставил нас под огнем окопы рыть. Подработайте, говорит, избу построите. Какая тут изба! Турки как начнут палить, деревья с корнями выворачивает, — беда!

Какута. Наши давай уходить, мы с Кучарой лопаты побросали да тоже ходу. Что поделаешь? Все мы люди, все человеки.

Кучара. Пули — как пчелы над головой. Я и думаю: вот Нацаркекия...

Нацаркекия. Кто это Нацаркекия? А ну — признавайся, кто тебя научил так меня называть?

Кучара. Думаю — вот Кваркваре Тутабери человек умный, во-время подряд свой бросил. Пули маленькие, гадины, иная (показывает) не толще мизинца—щелк—и душа вон. Одна как ожжет меня, вот тут, около мякоти (щупает пальцем)—даже кожу содрала.

Нацаркекия. Чтобы жизнь прожить — ум нужен.

Какута. И тяжелую же работу дал подрядчик, все руки ободрали, а заработали — хе, — заработали всего ничего. (Кучаре.) Пожалуй, и до дому не донесем...

Кучара. Давай, сочтем еще раз. (Какута и Кучара садятся на корточки и пересчитывают деньги.)

Какута. А ну-ка еще раз.

Кучара. Что же, можно и еще... (Приостанавливается.) Считай — не считай, больше не станет. Если бы не это (показывает на сверток), вовек не добраться бы нам до дома.

Какута. Пропали бы, как голодные псы. Повезло нам, ей-богу!

Нацаркекия. Что тут у вас?

Кучара (Какуте). Не говори. (Какута прячет сверток. К Нацаркекия.) Да так, ничего, на покойничка набрали.

Нацаркекия. Покойники — на покойника?

Кучара. Покойничек — что, ему все равно, мы его и пообчистили немножко. (Какуте.) Не лезь, дай мне сказать.

Мельник. Мертвого обобрали, спаси господи! Испоганился народ, слушать тошно!

Какута. Не нашей он, видишь ли, веры.

Кучара (Какуте). Эй, эй, молчи! Мы ведь не кого-нибудь — турка ограбили.

Нацаркекия. Слепые, — а увидали. Как же вы его нашли?

Кучара. Бежали мы с другими из окопов кто куда — суматоха. Угодили в ущелье. Видим, поперек дороги турок лежит. Струсили было. Однако ничего, лежит — не дышит. И одет богато. Ну, Какуту разобрало...

Какута. И Кучару разобрало...

Кучара (Какуте). Помолчи! (К остальным.) Что же тут такого? Врага убьешь — крест дают, а тут — мертвый...

Мельник. Аукнется вам на том свете...

Нацаркекия. А ну, покажите, что награбили.

Кучара (разворачивает богатую турецкую одежду). Красота!

Какута. Галуны с ладонь.

Кучара. Коли даст кто цену хорошую — сбыть можно.

Нацаркекия (ощупывая). Продаст тот, у кого ума хватит. Я продам. (Перекидывает одежду через плечо.) Не вашего ума это дело!

Кучара и Какута (тянут к себе одежду). Оставьте!

Нацаркекия (не выпуская одежду из рук). Оставить? Эй, рассержусь, хуже будет!

Кучара и Какута (опускают руки). Ты добром отдай.

Кучара. Отдай. Не отстанем от тебя, пока не отдашь.
Нацаркекия (*угрожая*). Забыли, что я одной рукой деревья с корнями вырывал?

Кучара. Как будто не приходилось видеть.

Нацаркекия. А как с горы вот такую глыбу спустил... Это-то сами видели.

Какута. Было разве? (*Вопросительно смотрит на Кучару.*)

Кучара. Платишко-то нам не даром досталось, — отдашь, чему хочешь поверим и людям скажем...

Какута. Господином Кваркваре величать будем.

Мельник. Отдай! Грех ведь...

Нацаркекия (*как будто смягчаясь, сунул под себя одежду и сел на нее*). Доброе имя мне дороже денег.

Какута (*Кучаре*). Ничего, все по-хорошему обойдется.

Нацаркекия. Сказал вам — не приставайте. Рассержусь, схвачу за ноги да головой об жернов.

Кучара. Кого это? Соседей?

Нацаркекия. Я такой. Как накатит на меня — первого встречного убить могу, а не убью — заболею.

Какута. Да-а...

Кучара. Отдай все-таки.

Нацаркекия. Ладно, отдам уж, вы только раньше дров наколите.

Какута и Кучара. Наколем!

Нацаркекия. Не ради себя, ради старичка прошу. У входа обрубков лежит...

Кучара (*Какуте*). Целая колода!

Какута. Как сахар — кусочками наколем! (*Собираются уйти.*)

Нацаркекия. А пока наколите, подвиньте к очагу вон тот пенек.

Какута (*подхватывает пенек и без труда несет его к очагу*). Это что! Таких хоть десять подам!

Кучара. Теперь и за колоду приняться можно. (*Собираются выйти.*)

Нацаркекия. Ты куда положил? (*Указывает Какуте на пень.*) Осел!

Какута. Да я, — ты же сказал...

Нацаркекия (*раздраженно*). Куда ты его положил? Разве так надо?

Какута. Повернуть? Так, что ли?

Нацаркекия. Ступай на двор!

Какута и Кучара засучивают рукава и уходят.

Нацаркекия. Дураки, рассчитывают, что я им за работу одежду отдам.

Мельник. Неужели обманешь?

Нацаркекия. До седьмого пота наработаются, да и отстанут.

Мельник *(с досадой)*. Экой ты!

Нацаркекия. Все смотрю на дверь, не идет ли.

Мельник. Кто?

Нацаркекия. Да она... Сестра милосердная.

Мельник. Гултамзе?

Нацаркекия. Она. Ну, и имечко у нее! Имя для женщины— первое дело.

Мельник. Плохое разве?

Нацаркекия. Царице Тамаре впору! *(Снова ворошит золу. Слышны удары топора.)*

Мельник. Хорошие работники они, Кучара да Какута. Слышишь, как рубят?

Нацаркекия *(продолжает ворошить золу, не поднимая головы)*. Отстань!

Молчание.

Мельник. Рубят. Как бы топор не затупили...

Нацаркекия *(продолжает ворошить золу, не поднимая головы)*. Не мешай!

Мельник *(присматривается)*. Что еще начертил?

Нацаркекия *(подумав)*. Вот дворец. А тут площадь. Видишь — сады? Отсюда все лестницы, лестницы...

Мельник. Лестницы?

Нацаркекия. Мраморные. По ним дочь твоя — со ступеньки на ступеньку скок, прямо в эту залу — и ляжет, — развалится, как дыня на грядке.

Мельник. Где? В золе?

Нацаркекия. Не в золе, — во дворце.

Мельник. Это — дворец?

Нацаркекия. Не вдолбишь ему никак, что такое план. Знаешь, что за штука план?

Мельник. Я все знаю, что нашему брату крестьянину знать полагается.

Нацаркекия. А знаешь ты, что такое капиталист?

Мельник. Это такой человек... такой...

Нацаркекия. Капиталист — это деньги. А что такое социалист?

Мельник *(смотрит на него вопросительно)*.

Нацаркекия. Тебе, старик, скоро каюк, а от социалистов узнаешь, что не видать тебе царства небесного, как своих ушей.

Мельник. Почему же не видать?

Нацаркекия. Да потому. Будто не знаешь, что бога нет?

Мельник *(возмущенно)*. Еще что выдумал!

Ружейный выстрел.

Нацаркекия *(испуганно)*. Это что?

Мельник. Вот тебе и нет бога!

Какута и Кучара врываются вместе.

Какута и Кучара (одновременно). Слыхали?

Мельник (вскакивает). Что случилось, ребята?..

Кучара. Видно, турки прорвались, пальба — не приведи господи: трах-тах-тах...

Какута. Вон какой-то парень и девка бегут...

Мельник. Беда!

Какута. Сюда свернули...

Кучара (Какуте). Идем, брат. Убьют — не воскреснешь!

Мельник (у дверей). Спасайся, кто может...

Мельник, Какута и Кучара убегают.

Нацаркекия (хочет бежать, ноги у него подкашиваются, но он все-таки вскакивает, подбегает к двери и в страхе останавливается). На двор? Пристрелят! (Прислушивается в отчаянии). Идут! (Взгляд его падает на перекинутую через плечо одежду убитого турка.) Вот что вывезет! (Надевает, отступает к стене.) Турок турка не убьет! А ну, как спрашивать станут? Немой я, а у немого один язык для всех. (Слышны шаги.) Идут, идут... авось не зарежут, вот-то собачье счастье будет! (Прячется.)

Вбегают Гултамзе и Севастий.

Севастий (в шелку смотрит наружу). Нет никого!

Гултамзе. Видно, не заметил нас.

Севастий. Мы их сбили...

Гултамзе. Ты не ранен?

Севастий. Нет, они стреляли наугад... По кустам.

Гултамзе. Как же отец мельницу бросил? (Севастию.) Прокламации при тебе? Брось их скорее в огонь!

Севастий. Нет, все до одной роздал.

Гултамзе. Да! Пропаганда в армии и присвоение военной формы, — знаешь, чем это пахнет?

Севастий. Петлей.

Гултамзе. Какой ты неосторожный!

Севастий. Пока с рук сходило. А мне случалось среди самых отсталых частей работать!

Гултамзе. Что же теперь?

Севастий. Что поделаешь! Переберусь куда-нибудь подальше. Фронт большой. Бойне конца не видно.

Гултамзе. Как же я? Меня ведь служба держит.

Севастий. Видно, не суждено нам быть вместе. (Смотрите в шелку). Вдруг вернутся? Гиблое место — мельница эта.

Гултамзе. Некуда больше спрятаться. Ты что надумал?

Севастий. До ночи залягу где-нибудь в кусты, а там...

Гултамзе. Встретимся когда-нибудь с тобою? (Берет его за руку.)

Севастий. Кто знает! *(Обнимает ее, хочет поцеловать.)*
Нацаркекия. Э-э, да они целуются! *(Всматривается.)* Ну,
и баба!

Севастий и Гултамзе оборачиваются.

Севастий. Турок?

Нацаркекия. Турки прорвали фронт?

Севастий. Нет.

Нацаркекия *(выходит вперед)*. Так чего же вы, как угорелые, бежали? Этак и сердце от страха повредить можно. *(Про себя.)* Баба — первый сорт, лучше не бывает.

Севастий. Простите...

Нацаркекия. Что?

Севастий. Напугали мы вас?

Нацаркекия *(про себя)*. Струсил. *(В сторону.)* У меня просто: встретил кого-нибудь, — раньше всего пощупай ему зубы. Свалится, твое счастье, нет — уноси ноги. *(Севастию.)* Прощенья просишь? Ворвались, забрались в угол, целуются без всякого стеснения. Нашли место! У меня ведь тоже не вода в жилах!

Севастий. Хотите папиросу?

Нацаркекия. Что ж, давай. *(Берет папиросу. В сторону.)*
Так и есть — трус.

Севастий. В здешних местах, должно быть, много всякой дичи.

Нацаркекия. Я больше за чужой добычей охочусь. *(Смотрит на Гултамзе.)* А это кто?..

Севастий. Это дочь арендатора.

Нацаркекия. Гултамзе?..

Гултамзе. А вы кто?

Нацаркекия. Ты не замужем?..

Гултамзе. Нет...

Нацаркекия *(резко)*. Как же он посмел тебя облапить?

Севастий. А вам-то что?

Нацаркекия. Эх, такую бабу портит!

Гултамзе. Не ваше дело.

Нацаркекия *(к Гултамзе)*. погоди. *(К Севастию.)* Я с тобой посчитаюсь. Ну — выходи. Струсил?

Севастий *(готовится обороняться)*. Смотри! Со мной лучше не связываться!

Нацаркекия. Убью!

Гултамзе *(в испуге открывает дверь)*. Уйдем-ка лучше, Севастий!

Севастий. Как глупо все это...

Нацаркекия *(Гултамзе)*. Не пуцу! *(Тянет Гултамзе к себе.)* Его — в клочки: раз, раз, а сбежит — чорт с ним!

Гултамзе. Какая грубая скотина!

Севастий в исступлении бросается на Нацаркекия, тот неожиданно отбегает.

Нацаркекия (дрожа всем телом). Ладно, довольно, давай разойдемся по-хорошему.

Гултамзе (смеясь). Его скрючило от страха.

Нацаркекия (в сторону). Задушит чего доброго. (К Севастию.) Любезный, и цари мирятся, а нам сам бог велел.

Севастий. Какая дрянь!

Нацаркекия. Силы у меня — богатырю впору. Однако люблю хороших людей. Тронешь хорошего человека, а потом самому неприятно.

Гултамзе. Севастий, да это тот самый, о ком отец говорил. (Смеется.) Это же — хвастун, лентяй, дурак — Нацаркекия.

Севастий. Нацаркекия? (К Нацаркекия.) Ты кто?

Нацаркекия. Я — Кваркваре Тутабери.

Севастий и Гултамзе. Кваркваре Тутабери? (Со смехом.) Ну, и имечко!

Гултамзе. Это он, это он! Довольно! Некогда нам! (Выглядывает за дверь.) Севастий, осторожнее!

Севастий. Посмотрю, все ли благополучно. Время совсем уходить. (Севастий и Гултамзе уходят.)

Нацаркекия. Эх, неладно все вышло, да что поделаешь! Не беда! Что на бабу сильнее всего действует? Разговор. Обо всем баба забудет, все простит ради красного словца, ради ласковой речи. Одного я не понимаю. Иной сквозь землю от стыда провалиться готов. Если ты не дурак, стыда не бойся, выше голову задирай, вот как надо. (Ковыряется в золе.) Мне бы что-нибудь такое придумать, чтобы она... Рубашечка на ней, верно, беленькая, — а сама, ух, девка... обожгла, честное слово, обожгла! (Мешает золой ногой.) Кончено дело! Довольно тебе. Кваркваре Тутабери в золе копать! (Встает.) Раз жить — раз помирать. (Смело идет к двери, открывает ее и приостанавливается.) А ты умненько, Кваркваре Тутабери, — в другой раз на свет не родишься. Потихоньку, полегоньку. Всех городков одним ударом не положишь. (Осторожно выглядывает за дверь.) Они тут еще.

Входят Севастий и Гултамзе.

Гултамзе. Тебя! Они тебя ищут!

Нацаркекия. Прячется? От кого бы? (Открывает дверь.)

Севастий (захлопывает дверь, к Нацаркекия). Назад...

Нацаркекия (в сторону). От властей прячется. Вот бы скрутить такого! (К Севастию, громко.) Не бойся, не выдам — будь ты хотя вор или разбойник.

Севастий. Мне все равно. Не вор я и не разбойник.

Нацаркекия (в сторону). Значит, не то. (Севастию.) Социалистов я тоже люблю. Они дело говорят. В любой дом, говорят, заходи — ешь, пей, платить не надо. Самое для меня подходящее дело. Я бы портреты социалистов по церквям развесил. Святые они, за народ страдают. И я за народ страдаю, такой уж уродился. Ты ведь социалист?

Гултамзе (*взволнованно глядит в щелку*). Сюда идут!
Севастий. Попались!

Стук снаружи.

Нацаркекия (*в сторону, торжествуя*). Попался!..

Голос снаружи. Откройте!

Гултамзе (*дрожащим голосом*). Что надо?..

Голос снаружи. Открывайте скорей! Соппротивление не поможет!

Гултамзе прислоняется к стене. Снаружи колотят в дверь — дверь срывается с петель. Входят два офицера, несколько солдат остаются в дверях, другие снаружи окружают мельницу.

1-й офицер (*радостно указывает на Нацаркекия*). Я говорил тебе, он — здесь!

2-й офицер (*к Нацаркекия*). Я вас арестую!

Нацаркекия. Меня?

Гултамзе (*отчаяние сменяется удивлением*). Не понимаю, за кем собственно вы пришли...

1-й офицер. Разве он турок?..

Гултамзе. Нет, не турок. Это — Нацаркекия. Он переоделся...

2-й офицер (*первому*). Все улики налицо! (*Офицеры радостно смеются.*)

1-й офицер. Ясное дело — агитатор. Четыре месяца ловили мы его. Он так ловко меняет личины, что самого чорта проведет.

Севастий (*Гултамзе тихо*). Если не выдаст — уйду от них!

2-й офицер. Гоняемся за ним с раннего утра. Конечно, он преступник. Недаром этот маскарад затеял.

1-й офицер. До чего я устал!

Нацаркекия. Вот так штука! Чего они ко мне привязались! (*Безнадежно оглядывается и останавливает взгляд на Севастии.*) А-а-а-а!..

2-й офицер (*достает из кармана бутылку с водкой*). А ну-ка, могорыч!

1-й офицер. Не помешает! Тянули с горя, дернем на радости.

Офицеры быстро опустошают бутылку, не сводя глаз с Нацаркекия.

Нацаркекия. А-а-а (*делает шаг вперед*), понимаю... Вы искали...

Офицеры (*направляя на него дула револьверов*). Ни с места!

Гултамзе (*закрывая Нацаркекия рукой рот*). Молчи!

Нацаркекия. А если убьют?

Офицеры отходят к двери и отдают распоряжение солдатам.

Гултамзе (*закрывает Нацаркекия рот рукой, ласково шепчет.*) Завтра же узнают, кто ты, и отпустят, не подводи нас, прошу тебя...

Нацаркекия *(в восторге)*. Все, что скажешь, сделаю, голубка моя, пышечка! *(Тянется к ней, обнимает)*.

Гултамзе отворачивается с отвращением.

Офицеры *(Нацаркекия)*. Собирайся...

Нацаркекия. Я не тот, кого вы ищете.

Гултамзе *(поцелуем зажимает ему рот)*. Пойдет... пойдет. Сейчас пойдет!

1-й офицер. Нацеловались?

2-й офицер *(к Гултамзе)*. Вам его жалко? Вы с ним?

Гултамзе *(смотрит с мольбой в глаза Нацаркекия и одновременно отвечает офицерам)*. Нет, нет, я не с ним — я только прошу, чтобы он не сопротивлялся. Вы видите, я сама дрожу от страха.

1-й офицер. Попалась птичка, не улетит — клетка надежная!

Офицеры *(к Нацаркекия)*. Ну, снимайся с якоря...

Нацаркекия. Да ведь это не я...

Гултамзе снова зажимает ему рот рукой.

Офицеры *(кричат)*. Сопротивляться вздумал? *(Подбегают к двери)*. Ружья на изготовку! *(Выходят)*. Сюда, ребята! *(Голоса за мельницей)*.

Нацаркекия. Господа офицеры, послушайте! *(Бежит к двери)*.

Гултамзе *(удерживает Нацаркекия)*. Смотри, не выдавай!

Слышны шаги солдат. Команда офицеров.

Нацаркекия *(Севастию)*. Ты иди. Я правду скажу. Не пропадать же нам из-за тебя! *(В тоске садится у очага. К Гултамзе)*. Сядь ко мне, да поближе!

Гултамзе подходит. Она волнуется.

Нацаркекия обнимает ее.

Севастий. Довольно, Гултамзе! *(Кладет руку на плечо Нацаркекия. Решительно)*. Ступай, доноси!

Гултамзе *(Севастию)*. В петлю лезешь? Сумасшедший! *(Подсаживается к Нацаркекия. С теплотой в голосе)*. Жаль мне тебя. Ты не понимаешь, что тебе не сдобровать, если выдашь этого человека.

Нацаркекия. Так ты говоришь — не сдобровать? *(Снова пытается обнять ее)*.

Гултамзе. Революционеры убивают доносчиков.

Нацаркекия *(обеспокоился)*. И так не сдобровать, и этак не сдобровать. А ты правду говоришь?

Гултамзе. Ты ведь знаешь, какие это люди. Объявят предателем, шпионом и тотчас же убьют.

Нацаркекия. И в самом деле укокошат, укокошат, чтоб им сдохнуть! *(Встает, за ним Гултамзе.)* Влип!

Гултамзе. Лучше иди с ними. Дольше суток не продержат.

Нацаркекия. Что ж поделаешь, пойду. А ты пока перину, да помягче, припаси, не даром же мне ноги мочить, видишь, снег какой да слякоть!..

Гултамзе. Все тебе будет, ни в чем не откажу.

Нацаркекия. Смотри. Тайну вашу я знаю. Зажму в кулак — не вывернетесь!

Офицеры и солдаты окружают Нацаркекия.

Нацаркекия. Упаси бог, как бы не убили нечаянно, — я ведь тут ни при чем.

Офицеры *(солдатам)*. Легче, легче! Он нам живой нужен.

Солдаты уводят Нацаркекия, последний со страхом оглядывается на Гултамзе. Вслед за ним уходят офицеры.

Гултамзе. Пронесло! Какой он противный! *(Обтирает губы.)*

Севастий. Молодец ты, Гултамзе! Ну, пора в дорогу.

Гултамзе. Да, уйдем подальше отсюда.

Севастий. И ты со мной?

Гултамзе. Да, с тобой *(Выглядывает в дверь.)*

Севастий. Айда! *(Уходят.)*

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Секретный отдел при штабе N армии. У стола письмоводитель, немного поодаль, у другого стола, писарь. Письмоводитель усиленно роется в бумагах. Писарь пишет.

Писарь *(внезапно останавливается, повидимому, не разобрав написанного. Порывисто встает. В отчаянии подходит к письмоводителю)*. Ваше бла... благородие, на протоколе сам полковник резолюцию положил, а я не могу разобрать.

Письмоводитель. Некогда мне. *(Складывает бумагу, засовывает руки в карманы.)* Понял?

Писарь возвращается к своему месту.

Письмоводитель. Таких вот грамотеев посылают в секретный отдел! *(Плюет.)* Тебе бы в окопах гнить, а не в канцелярии сидеть!

Писарь. Никак не разобрать...

Письмоводитель *(передразнивает)*. «Не разобрать»! Пустая голова! И кто после этого поверит, что ты студент? Ей-богу, ты не студент вовсе. Вот и Пахом рассказывал, что ты по фальшивке пролез в университет.

Писарь. Пахом меня терпеть не может — за преданность мою вам, ваше благородие... *(Всхлипывает.)* А вы тоже против меня, ваше благородие... просто житья нет!

Письмоводитель. Вишь, котенок — размяукался, разжалобить хочет. Без мыла в душу лезет. Ну, иди, показывай, так и быть.

Писарь вскакивает, подбегает с бумагой, шепчет.

Письмоводитель. Это о чем протокол? О революционере, которого арестовали на мельнице. Чего же ты не разобрал?

Писарь *(водит пальцем)*. Вон тут резолюция. Ва.. Ва... благородие...

Письмоводитель (читает вполголоса, явно не разбирает). Ну, и накручено, сам чорт ногу сломит! (Швыряет писарю протокол, закрывает от него свои бумаги.) Не смей совать нос в секретные бумаги, сукин сын! Чего доброго, ты также революционер... подозрительный какой-то субъект.

Писарь (униженно). Я — революционер?..

Письмоводитель (с возмущением). Здесь не место студенту!

Писарь. Никогда не считался неблагонадежным, ваше благородие. С самого основания состою в союзе Михаила Архангела, ваше благородие...

Письмоводитель. И как ты разговариваешь со мною, а? Осел ты этакий! Дисциплину забыл, с вопросами лезешь!..

Писарь. Придут господин полковник, самое время им притти. Если бумага не будет переписана, они...

Письмоводитель. А ведь он, пожалуй, и меня взгреет! Сам распорядился снять копию?

Писарь. Так точно, ваше благородие. Следствие поручено вести господину полковнику.

Письмоводитель. Ну, и сними копию.

Писарь (плаксиво). Рассердится — что делать-то: прогонит в окопы...

Письмоводитель. Чего хнычешь, сам во всем виноват! (Топает ногой.)

Входят полковник и генерал.

Генерал. Как не помнить: бой был решительный. Противник ввел в дело основную массу своих войск. В штабе я один сохранил хладнокровие. Я бросал в огонь полк за полком, не щадя состава. Успех был полный, турки не решились продолжать наступление.

Полковник. Военные историки, ваше превосходительство, отметят хладнокровие, с каким вы бросали в огонь эти полки. Такие подвиги под силу только тому, кто самим богом призван быть полководцем.

Генерал. Не скрою, армия мне обязана своею славой. Потери же в составе уже пополнены. Мы можем вновь начать наступление.

Полковник. Разрешите заметить, одно лишь обстоятельство омрачает мою патриотическую радость: в составе армии замечены неблагонадежные элементы.

Генерал. Вот как? Надо смотреть в оба!

Полковник. Так точно, ваше превосходительство. Одну из этих подпольных крыс мы только-что изловили.

Генерал. Статья?

Полковник (тихо, волнуясь). Призыв к бунту в действующих войсках, ваше превосходительство.

Генерал (громко). Вздернуть!..

Полковник. Слушаюсь, ваше превосходительство. Нет ничего проще. Арестант здесь в подвале. (Письмоводителю.) Что, следовательно был здесь — дело уже начато?

Письмоводитель. Так точно, господин полковник.

Генерал (полковнику). Прошу на сегодняшней же вечер назначить заседание полевого суда. Председательствовать будете вы. Вы знаете их изворотливость — особенно в виду виселицы. Побойтесь о том, чтобы преступник не избежал петли.

Полковник. Ваше превосходительство, улики столь явны, что преступник вряд ли рискнет отрицать свою вину. (Письмоводителю.) Следовательно допросил арестанта?

Письмоводитель. Никак нет, господин полковник, еще не успели.

Звонит телефон. Письмоводитель, словно ища спасенья, хватается трубку и слушает.

Письмоводитель (генералу). Ваше превосходительство, вас просят к аппарату.

Генерал (берет у него трубку). А-а, забрали? Ха-ха-ха, спасибо за известие. Отменно хитрый паша. Известите главнокомандующего. Увидим. Так, так. (Полковнику.) Взят в плен Исрафиль-паша.

Полковник (в восторге). Ваше превосходительство!

Генерал. Покоя не было. Как больной зуб!

Полковник. Еще один знак отличия на груди вашего превосходительства!

Генерал. Я никогда не забываю своих помощников.

Полковник. Счастлив служить царю и отечеству под руководством вашего превосходительства.

Генерал. Да-а, а вот на германском фронте дела не столь блестящи.

Полковник. Все потому, что... окружение августейшего вождя... (Генерал и полковник уходят.)

Письмоводитель. Как станет у тебя над головой такой — в орденах, так коленки и задрожат.

Писарь. Скрыться бы куда-нибудь — хотя бы в муху обратиться и того...

Письмоводитель. Тебе по положению твоему и бог велел. Да ты что забываешься, разговоры разговариваешь! Я тебе не начальникство? Ближайшее, прямое начальство!

Писарь. Так точно, ваше благородие.

Письмоводитель (передразнивая). «Ваше благородие»! Что же я, по-твоему, до глубокой старости в этом чине ходить буду? Давно время производству быть. Меня произведут, а ты все «благородием» звать будешь?

Писарь. Никак нет. Высокоблагородием.

Письмоводитель. А сейчас?

Писарь. Ваше благородие.

Письмоводитель. А тогда?

Писарь. Ваше высокоблагородие.

Письмоводитель (*раздраженно*). А сейчас?

Писарь. Ваше благородие.

Письмоводитель (*возмущенно*). Никакой дисциплины! Никакого уважения к начальству! Цыц!

Писарь (*хнычет*). Утопиться мне, что ли!

Входит, запыхавшись, вестовой с бумагами в руках. Останавливается, чтобы отдышаться. Писарь злобно пишет. Вестовой подходит к письмоводителю.

Вестовой (*он явно взволнован*). Так что из Петрограда принята депеша особой важности. Гнал, сердце из груди рвется. Судя по всему, депеша совершенно секретная, а препровождается всем... всем... всем...

Письмоводитель. Давай сюда! (*Воззрился на него.*)

Вестовой. Все прахом пошло! Вверх ногами перевернулось! Эх, эх, мыслей не соберу!

Письмоводитель. Ты что мелешь... а? Ты член «союза»?..

Вестовой (*волнуясь*). Не могу знать. Я сам по себе.

Письмоводитель. «Сам по себе», а его до аппаратной допустили? Может быть, брат, еще из жидов будешь?

Вестовой. Вот прочти, все ясно станет. Во рту пересохло, язык, как веревочка, болтается...

Письмоводитель (*вне себя от негодования*). Чего ты-то сам разболтался? (*Принимает депешу, расписывается. Вестовой уходит и сталкивается в дверях со следователем. Письмоводитель вскакивает, не успев прочитать депешу. Писарь стоит у своего стола.*)

Следователь (*в дверях*). Введите арестованного. Материалы по делу готовы?

Писарь (*дрожа*). Так точно, ваше высокоблагородие.

Следователь. Живо!

Писарь (*подает следователю дело*). Готово... только одно место...

Следователь (*раскрывая дело*). Какое место?

Писарь (*заикаясь*). Ваш... В... высоко... б... б... благородие!

Следователь. У тебя лихорадка?

Писарь. Так точно.

Следователь (*смеется*). Сукин сын!

Письмоводитель подобострастно хихикает. Писарь глупо улыбается.

Следователь. У тебя лихорадка, у меня свои беспокойства. Вот, например, ногу проклятый сапог жмет. (*Морщится как бы от боли, писарь и письмоводитель морщатся вслед за ним.*) А ежели этой самой ногой кому-нибудь пинка дать (*толкает писаря в зад*), дам, и ничего... (*Лица слушателей расплываются в улыбку.*)

Письмоводитель. Это я понимаю. Удивительно простой и добрый человек!

Следователь (кричит). Введи же арестованного!

Письмоводитель заглядывает в депешу и ахает от удивления. Следователь и писарь оглядываются на него. Вводят Нацаркекия.

Внимание следователя отвлекается в сторону Нацаркекия.

Следователь (всматриваясь в Нацаркекия). Лбишка узенький, а сам шустрый... государственный преступник...

Нацаркекия. Зря забрали... увели из дому... Заперли... не кормят... еле душа в теле держится.

Следователь. Ах, наши порядки вам не нравятся?

Нацаркекия. Нет, нет, что вы... Только вот душа... Душу потеряешь и уж не вернешь ее.

Следователь. Где и при каких обстоятельствах вы начали свою революционную деятельность?

Нацаркекия. Разве мыслимо, господин следователь, чтобы я да против царя пошел? Мне — и вдруг такие слова! Невозможное это дело!

Следователь. Это ты брось! Меня не проведешь словесностью. Хуже будет. Советую чистосердечно признаться во всем. Признаетесь — постараюсь выхлопотать смягчение участи. Что ж, заменим повешение расстрелом — все-таки легче...

Нацаркекия. Голова моя... Все мутится...

Письмоводитель (читает депешу и громко вскрикивает). Что делается! Что делается!

Следователь. Тише! (Нацаркекия.) Раньше всего назовите ваших сообщников. Я жду, чего же вы молчите?

Нацаркекия. Вон там на улице двое крестьян. Односельчане они мои. Они расскажут вам, что я за человек. Не загубите душу невинную! Не смотрите на меня так! Посмотрите — пот из-под ногтей прошибает. Дрожьмя дрожу... в такую передрагу попал...

Письмоводитель (взволнованно). Мы в секретном отделе действительно в передрагу попали!

Следователь (в сторону письмоводителя). Я просил: тише! (Топает ногой.) Что вы прерываете меня каждую минуту?

Письмоводитель. Благоволите прочесть, а потом топайте.

Следователь. Что-о?

Письмоводитель (держит в руках депешу). Вот она и пришла — революция. Не угодно ли?

Следователь (подходя). Револ... э-э... какая революция?

Письмоводитель. Да вот такая. (Писарю.) И ты, дружок, прочти.

Следователь (удивленно). Да вы с ума сошли? (Подходит и читает. Писарь тоже хочет подойти, но несмело останавливается. Его скрючило от нерешительности.)

Следователь (читает). «Император Николай отрекся...» (Бормочет и потом, внятно продолжает прочитанное.) «Верховная власть перешла к исполнительному комитету Государственной думы». (Возмущенно.) Комитет? Дума?..

Писарь (осмелев, подходит, читает). «В Петрограде образован совет рабочих и солдатских депутатов».

Письмоводитель. Так... так... значит, все это не сон... вы те же слова прочли...

Следователь. Форменная революция! (Продолжает читать.) «Военным министром назначен Гучков».

Письмоводитель (продолжает читать). «В Закавказьи, вместо наместника, Временное правительство назначает своего эмиссара».

Следователь. Революция, настоящая революция!

Писарь. Я, как студент, могу сообщить вам под строгим секретом...

Письмоводитель (почтительно). Что именно?..

Следователь. Будьте добры...

Писарь. Что это действительно революция.

Следователь. Да?

Письмоводитель. Революция?

Писарь. И затем, тоже как студент, под строжайшим секретом сообщаю вам, что с материалистической точки зрения, раз революционеры победили, значит власть в их руках.

Нацаркекия. Голова кружится, оглох. Шепчутся, видно, вздернуть решили... Разве не бывало, что невинного человека...

Следователь (подходит к Нацаркекия, останавливается перед ним с виноватым видом. Письмоводитель и писарь продолжают читать телеграмму и шепчутся). Господин социалист, вы, повидимому, давно уже изволите работать на благо народа, подготавливая падение самодержавия...

Нацаркекия. Не губите...

Следователь (улыбаясь, прерывает его). Не беспокойтесь. Полагаю, вы — не из последних бойцов в рядах революции?.. (Конвойным, которые стоят у дверей.) Марш отсюда! К чему это — к чему ружья, человек ведь не зверь! (Караул уходит.)

Письмоводитель (доставая из ящика бумаги, писарю). Все в печку! Нет, лучше спрятать — вдруг понадобятся, кто его знает, что еще будет!

Писарь. А наша вчерашняя сводка?

Письмоводитель. Надо найти! Обязательно! (Писарь и письмоводитель поспешно уходят.)

Следователь (подобострастно). Итак, прошу запомнить: я сам снял караул... Не могу равнодушно видеть, что порядочного человека держат под стражей.

Нацаркекия. Допросите! Будьте милостивы...

Следователь. Прощу верить, что я вам сочувствую. Я в глубине души демократ и всегда был демократом. Когда прави-

тельство расправлялось с революционерами, я... рыдал... Но что делать! Время было крутое, приходилось скрывать слезы...

На царкекия. Господин следователь, я всегда ненавидел изменников царю, зачем вы испытываете меня?

Следователь. Нет. Ведь ясно, что вы подлинный социалист. Вон тут сколько доказательств. Истинный сын народа. Ваша работа в армии — образец конспирации и смелости.

На царкекия. Да я же не тот, я другой. Поймите!

Следователь. Вы другой, вы — не тот?!

На царкекия. Слава богу! Наконец-то поняли, что я не тот, что я в чужую петлю влез.

Следователь. О, это замечательный революционный прием! Вы пытаетесь спастись, чтобы затем снова служить народу.

На царкекия. Значит, вы мне все-таки не верите? (С содроганием.) Так и повесят—ни за что, ни про что!

Следователь. Что вы? Что вы? Повесить? Никогда в жизни не допустил бы! Ведь это было бы возмутительно, ужасно.

На царкекия. Неужели не повесите?

Следователь. Вы и не подозреваете, на какую высоту вознесла вас судьба. Пока я не имею права сказать вам, но если спросите — отвечу.

На царкекия. Как? Вознесла судьба?..

Следователь. Да, я — как голубь с масличной веткой после потопа. Вас ждет большая радость. Прошу вас помнить, что я первый сообщил вам о ней. Когда наступит ваш... рай на земле.

На царкекия. Ах, рай! Значит, все-таки петля?

Следователь. Нет, зачем же! Жизнь и слава.

На царкекия. Что, что?

Следователь. Разразилась революция, царь отрекся от престола. Образовано новое правительство.

На царкекия. Революция? Что он мелет! А потом что?

Следователь. Потом понятно: кого прославит, кого осчастливит своею признательностью народ, как не вас?.. Ведь вы жизнь готовы были отдать за него.

На царкекия. Э-ге!

Письмоводитель и писарь (входят). Не угодно ли вам чего, господин социалист?

На царкекия. Эге-е!.. (Поворачивается и отступает, глядя через плечо.) Вон оно что!

Следователь (письмоводителю и писарю). Вы появились так неожиданно, он рассердился, проваливайте. (Оба исчезают.)

На царкекия. Так вы говорите — революция?

Следователь. Да-с.

На царкекия. А потом что?

Следователь. Власть в руках революционеров.

На царкекия. А как же насчет моих дел?

Следователь. О, ваша деятельность проходила на глазах у всех.

Нацаркекия. Я же страдал, добро делал, теперь все это псу под хвост, так по-вашему?

Следователь. Что вы, что вы, вы — великий революционер, доказательства налицо... (подает ему «дело» об аресте.) Документальные-с. Вы — герой.

Нацаркекия. Э, да что ты знаешь! Вообразил, что перед ним вся моя жизнь как на ладони... то ли еще было!

Следователь. Нет, откуда мне все знать. Конечно, не здесь протекала ваша основная работа.

Нацаркекия. То-то и оно.

Следователь. У вас на челе печать глубоких мыслей.

Нацаркекия. Что верно, то верно...

Следователь. Как демократ, я преклоняюсь перед вами.

Нацаркекия. Ага! Значит — я уже не под арестом?

Следователь. Нет... хотя формально вы еще считаетесь арестованным. Начальник штаба сегодня же официально сообщит вам счастливую новость, которую я от вас не скрыл. Если угодно, пожалуйста в кабинет. Вот кресло и...

Нацаркекия. Ладно, придержи язык. Новость хорошая! Ты, что ли, это счастье мне принес? Когда вешать собирались, небось, думали, все даром с рук сойдет?

Следователь (с дрожью в голосе). Я думал? Человек я маленький...

Нацаркекия. Пошел прочь, если маленький. Нет у меня для маленьких людей времени!

Следователь. Да, вам теперь приходится думать о делах государственных.

Нацаркекия. Думать? Воображаешь, что Кваркваре Тутабери еще нужно о чем-нибудь думать? Он и так все знает! (Уходит в кабинет.)

Входят письмоводитель и писарь.

Письмоводитель. Про все рассказали?

Следователь. С какой стати!

Писарь. Он, значит, ничего не знает?

Следователь. Хотя я не говорил, он уже все знает.

Письмоводитель и писарь. Как же так, каким образом?

Следователь. Великого ума человек.

Письмоводитель (писарю). Пропали мы! Подложная сводка о подпольной работе, если она...

Писарь... попадетя — пропали!

Письмоводитель. Где она?

Писарь. Почему я знаю?

Письмоводитель. У полковника, должно быть.

Входит генерал, его встречают без всякой почтительности. Генерал удивлен таким приемом.

Генерал (строго). Справка?

Письмоводитель. Какая?

Генерал. Как — какая? Справка о дезертирстве в армии.

Писарь. Эту справку он только нынче потребовал.

Генерал. «Он»? Что? Как ты смеешь? а?

Письмоводитель *(прерывает)*. Ваше выс...ство... получена секретная бумага, потрудитесь прочитать. *(Генерал грозно вскидывает на него глаза)* Ваше-ство... еще раз настаиваю, чтобы вы прочли.

Генерал. Это еще что? Смирно!

Письмоводитель. Как будто все как следует...

Следователь. Конечно.

Генерал *(следователю)*. И вы туда же? Что?!

Письмоводитель *(спокойно берет телеграмму и кладет перед генералом)*. Депеша из Петрограда.

Генерал *(хочет отшвырнуть телеграмму, однако невольно начинает читать, время от времени кряхтит)*. «Государственной думы... исполнительный... Временное правительство... Петроградский совет...» *(Оседает в кресло)*. Голубчики...

Следователь. Да-с!

Генерал. Где полковник? *(Письмоводителю и писарю.)* Где же полковник? *(Наливает воду, пьет.)*

Письмоводитель. Этой депеши полковник не видел.

Генерал *(с деланным спокойствием)*. Такие-то вести.

Писарь *(развязно)*. Да, известие, можно сказать, замечательное. *(Поправляет обмотки.)*

Генерал. Продолжайте, господа, исполнять свои обязанности. *(Собирается уходить. Следователю.)* Прошу со мной. *(Генерал и следователь выходят. Письмоводитель и писарь бросают ручки и глядят друг на друга.)*

Письмоводитель. Да, не сдобровать...

Писарь. Все ты! Ты стряпал эти бумаги. Я их только переписывал.

Письмоводитель. Видит бог, не со зла.

Писарь. И какой чорт занес меня, честного студента, в секретный отдел, да еще с такою мразью, как ты... *(Топают ногами.)* Раздавить бы тебя, как червяка!

Письмоводитель. Что делать?.. Искать надо всюду... вдруг ее другие найдут...

Писарь. Да, если найдут, тогда и меня, пожалуй... Идем.

Писарь и письмоводитель уходят. Входит Нацаркекия.

Нацаркекия *(высовывается в окно и машет рукой)*. Ребята, ребята, сюда!

Какута и Кучара *(подходят к окну)*.

Какута *(Кучаре)*. Нашли-таки! Вон он где, голубчик!

Кучара *(Какуте)*. Ты погоди, я спрошу! *(Нацаркекия.)* Где добыча наша? Куда девал? Не отвертись от нас, под землю сыщем!

Нацаркекия. Вы чего сразу накинулись! Спросили бы лучше, что со мною в тюрьме случилось?

Кучара. В тюрьме?

Какута (*Кучаре*). Значит, правду говорили люди — его, мол, связали и увели.

Кучара. За что тебя?

Нацаркекия. Бунтовщиком признали меня, против царя, говорят, пошел.

Кучара. Ну, за это по головке не погладят.

Нацаркекия. Не погладят. Не только не погладят — повесят. Повесят ни за что, ни про что, и могилы никто не сыщет. Ступайте к отцу моему, Цквицкви, — скажите: сына твоего, да еще такого молодца, ты Нацаркекия прозвал, палкой из дому на большую дорогу выгнал — вот и пропал парень. Так и передайте: прямо из петли из самой — наказал — чертям собачьим твою душу!

Какута (*взволнованно*). Эх, совсем пропал парень!

Кучара. Бедняга ты, за что пропадаешь?

Нацаркекия (*гордо*). За то, что бунтовал.

Какута. Как будто не водилось за тобою таких дел.

Нацаркекия (*как ужаленный*). Как не водилось? От полиции я не прятался — а? Не вам же, болтунам, все выкладывать было, нашли тоже дурака! Вы спали, а я работал.

Кучара. Не сдобровать тебе. Мыслимое ли дело против царя итти?!

Нацаркекия. То-то и есть. Несознательные вы — чего от вас ждать? Если бы я взаправду пропал, всю бы жизнь языки на мой счет зря чесали, ничего, кроме насмешек, от вас бы не дождался. А мне повезло. Не расчешетесь. Царя-то вашего скинули! Революция!

Какута и Кучара. Как царя скинули?

Нацаркекия. А так!..

Кучара. Ну, дела!

Нацаркекия. Теперь меня народ на руках носить будет. Сами увидите.

Какута (*радостно*). Что ж. Все мы люди, все человеки!

Кучара. Ну, и повезло тебе!

Нацаркекия. Повезло? А забот сколько! Народ уму-разуму учить надо. Весь народ во всем мире.

Какута и Кучара (*вместе*). Чему учить?..

Нацаркекия. Правде — чему же больше?..

Кучара (*Какуте*). Понял? Социалисты говорят, что правда только то, что они говорят. Еще говорят, что богатые, мол, на чужой шее сидят да кровь сосут.

Какута. Знаю, знаю, про это даже в песнях поется.

Кучара (*Нацаркекия*). За правду тебя во как любить будут!

Нацаркекия. А то как же? Даром страдал я, что ли? По-

мните, как полиция за мной гонялась? Так шныряла вокруг да около — и днем и ночью.

Какута. Что-то не видали.

Нацаркекия (*передразнивает*). «Что-то не видали!»

Какута. Где уж нам...

Нацаркекия. Мы, социалисты, только правду говорим...

Какута. Ну, еще бы!

Кучара. Как же иначе!

Нацаркекия. Вот и я вам говорил, что полиция меня разыскивает.

Какута. Говорил. Честное слово, говорил.

Нацаркекия. И сколько же выстрадать мне пришлось за народ! Вы-то об этом знаете?

Какута (*неуверенно*). Пришлось...

Кучара. Раз говорит, значит было.

Нацаркекия. Вот что. Вы на мельницу заходили? Гултамзе была там?

Слышны крики.

Кучара. Караульные ругаются — смывайся скорей отсюда... Нечего с ним канителиться...

Какута и Кучара уходят.

Нацаркекия (*открывает дверь в кабинет, рассматривает мебель*). Это кресло — штука приятная: сидеть мягко, в жизни лучше не видел. Не стоит его тут оставлять. (*Выходит в кабинет.*)

Шум. Входят генерал, полковник, следователь, письмоводитель и писарь.

Полковник. Главное, удержать в руках армию. Поверьте, командный состав так и поступит. Революции нужно противопоставить силу.

Генерал. Все это общие фразы. Что сейчас делать — вот в чем вопрос?

Полковник. Арестованный нами революционер опаснее всякого динамита. Раньше всего нужно вывести его во двор и вздернуть.

Генерал. Это можно сделать и после.

Полковник. Во-вторых — не разглашать известий о революции. В-третьих, сплотить в войсковых частях всех истинно-русских людей. (*Обращаясь к письмоводителю и писарю.*) Вы нам можете, конечно?

Письмоводитель и писарь (*мнутя*).

Следователь. Только самоотверженность подлинно русских людей может спасти положение.

Письмоводитель и писарь (*вместе*). Самоотверженность?..

Полковник. Вот именно.

Генерал. Безусловно.

Входит Нацаркекия, все оглядываются, следовательно, крадучись, уходит.

Генерал. Кто это такой?

Письмоводитель (*перешептывается с остальными. Все беспокойно шевелятся на стульях и обмениваются знаками*). Тот самый.

Нацаркекия (*становясь смелее, выпрямляясь*). Чего заерзали? И отчего ваш начальник до сих пор не явился ко мне? Смелы больно! Шутить изволите?

Письмоводитель. Не до шуток!

Нацаркекия. Ну, и задам же вам жару, весь лак сойдет!

Письмоводитель (*указывая на писаря*). Мы тут ни при чем. Мы против вас ни-ни.

Нацаркекия. Все узнаю, кто в чем виноват, от меня не скроешься! Скажи по совести, кто здесь главный мой враг?

Писарь (*указывая на генерала и полковника*). Они-с.

Нацаркекия (*испуганно*). Что они хотели со мною сделать?

Генерал (*полковнику*). Все кончено!

Полковник. С таким народом ничего не поделаешь.

Писарь. Будьте благонадежны, господин социалист. Дозвольте доложить вам приятную новость. (*Подносит депешу, за ним письмоводитель, придерживая рукою угол депеши.*) В Петрограде произошло...

Полковник (*вырывая бумагу*). Не надо читать!

Генерал (*полковнику*). Не раздражайте его напрасно. Монархия рухнула, мы не в силах помочь ей.

Нацаркекия (*испуганно*). Как они смеют?! Кваркваре Тутабери, держи ухо востро, как бы не засыпаться! Они опять что-то задумали.

Полковник (*генералу, растерянно*). Прочтите вы сами, ваше превосходительство. (*Подает депешу.*)

Генерал (*Нацаркекия*). Э-э... милостивый государь... Э... гражданин, успокойтесь, я считаю своим долгом доложить вам о событии о котором вы, повидимому, уже осведомлены из неофициального источника. Мы с полным уважением и сознанием...

Нацаркекия. Уважили — нечего сказать, уважили: засадили ночью в холодную дыру.

Письмоводитель и писарь (*подают ему стулья*).

Генерал (*помогая*). Садитесь, пожалуйста. (*Полковнику*). Не совсем корректно сажать человека в такой скверный подвал.

Полковник. О, вы вполне правы!

Писарь. Господин революционер...

Генерал (*энергичным жестом перебивая его*). Государь император отрекся от престола.

Нацаркекия. Так.

Письмоводитель. Образован комитет государственной...

Писарь (*перебивая*). Исполнительный комитет...

Генерал (*перебивая*). Негодяи!

Нацаркекия. Не говорите все разом!

Генерал. А подробности в депеше.

Нацаркекия (*взглянув на депешу с улыбкой*). Все знаю
(*Складывает ее.*)

Генерал. Ах, вы уже читали это?

Нацаркекия (*нахально*). Сквозь землю вижу.

Полковник. Признаться, я не очень любил этого государя.
(*Снимает со стены портрет Николая.*)

Звонок телефона. Письмоводитель направляется к аппарату, писарь грубо отталкивает его.

Писарь (*у телефона*). Беда! Взгреет нас Временное правительство!

Генерал и полковник (*вместе*). Что еще? Что случилось?

Нацаркекия с самодовольным видом читает телеграмму.

Писарь. Все части уже признали новое правительство, только мы зеваем. Там уже все знают.

Письмоводитель (*генералу и полковнику*). Все ваши штуки.

Писарь (*в телефон*). Так точно. Мы тоже провозгласили. Очень хорошо. Да, да. У нас тут знаменитый революционер. (*К Нацаркекия.*) Спрашивают, нет ли у нас оратора, чтобы поговорить с войсками. Доложил, что у нас как-раз находится знаменитый революционер.

Нацаркекия. Оратора? Лучше меня не найдешь! Одно слово скажу — камни заплачут!

Писарь (*в телефон*). Сегодня же перед нашими частями произнесет речь один из пострадавших за свободу.

Письмоводитель. Замечательно! Замечательно! Сердца зажгутся! Слепые прозреют!

Писарь. Скорее бы начинать, господин революционер!

Письмоводитель. Мы все жаждем, все!

Нацаркекия. Небу жарко станет от моих речей! Просите речь? Будет вам речь! (*Становится на стул.*) Одни трудились — а другие их обманывали... Поп врал, богатый шкуру драл. Были слепы и прозрели. Кровь народную сосали, правды не было... (*Грозно оглядывается.*) А те, кто заточил меня, кто возвышался перед моей виселицей на гнилом троне... Нет, правда сильнее лжи, народ зубами, ногтями, руками... та-та-та-та!..

Все (*в страхе*). Пронесло бы!

Нацаркекия. Палачи! Трон рухнул. Тюремные стены в прахе. Отвечайте же мне, кровопийцы, за дела свои...

Все. Рады стараться...

За дверью музыка, шум. Писарь подбегает к дверям.

Нацаркекия. Что там?

Писарь. Узнали о перевороте, требуют огласить телеграмму.

Нацаркекия. Прочтите им! Прочтите!

Письмоводитель (*быстро подает телеграмму писарю*). Ты прочти.

Писарь (*передает телеграмму за дверь*). Наклейте на стену, чтобы каждый сам мог прочесть.

Нацаркекия (*генералу и полковнику*). А ну, пожалуйста-ка к ответу! Смотрите, смотрите мне в глаза!

Слышны звуки марсельезы.

Генерал и полковник (*отдают честь*). Виноваты!

Входят Какута и Кучара, с улыбкой поглядывают то друг на друга, то на Нацаркекия.

Нацаркекия. Повесить меня задумали?

Какута. Как повесить? Там только и разговору, что про тебя.

Кучара. Кто станет тебя вешать! От тебя, как от чудотворной иконы, все помощи ждут.

Нацаркекия. Вот эти несчастные (*указывает на офицеров*), — ничего не значит, что они сейчас на колени стать готовы.

Входят солдаты — один, другой, третий.

1-й солдат. Отдайте нам революционера.

Нацаркекия. На что он вам?

1-й солдат. Пускай речь скажет.

Нацаркекия (*улыбаясь*). Скажу — ну!

2-й солдат (*3-му*). Разве этот нам прокламации раздавал? Не этот вовсе.

3-й солдат. Агитатор-то где? Тот, что в подвале был? Это не тот, того куда дели?

Писарь (*письмоводителю*). Так кто же этот?

Письмоводитель (*солдатам*). Да этот-то кто?

Нацаркекия. Я и есть арестант, сами прекрасно знаете.

2-й солдат. Этот, этот, теперь он при своем лице, а тогда верно, лицо чем-нибудь намазал.

3-й солдат. То-то мне удивительным показалось. Ловко сделано!

Все восторженно улыбаются.

1-й солдат (*подходит к двери и объявляет*). Товарищи, революционера мы освободили!

2-й солдат (*в дверях*). Сюда его, сюда революционера!

Слышны аплодисменты, вбегает еще несколько солдат.

2 - й солдат. Скорее! Идут!

Вошедшие качают Нацаркекия.

Письмоводитель (к писарю). Гора с плеч — добрее стал. Теперь ни на шаг от него — того и гляди, помощь от него требуется.

Нацаркекия (гордо восседая на солдатских плечах, указывает на генерала и полковника). Этих негодяев арестовать!

Все. В надежных руках, не выпустим!

Нацаркекия. Я скажу речь! С балкона им скажу!

Появление Нацаркекия на руках у солдат вызывает снаружи бурные восторги и аплодисменты. Звуки марсельезы.

Нацаркекия (оглядываясь назад, Какуте и Кучаре). Видели, каков, а? Каких делов наделал...

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет одного из уполномоченных Временного правительства. На стенах портреты Родзянко и Керенского. Уполномоченный сидит у большого письменного стола и разбирает бумаги. Входит курьер.

Курьер. Господин уполномоченный, уездный комиссар хочет вас видеть.

Уполномоченный. Комиссар? Очень хорошо... А скажи, приказ, что я давеча подписал, расклеен по городу?

Курьер. Точно так, расклеен.

Уполномоченный. Хорошо. Проси.

Курьер уходит. Входит комиссар, здоровается и оглядывается.

Уполномоченный. Садитесь, пожалуйста.

Комиссар. Благодарю... *(Не садится. Оглядывается.)* Благодарю.

Уполномоченный. Как дела в вашем уезде?

Комиссар. Нет покоя от большевиков. *(Оглядывается.)*

Уполномоченный. С вами еще кто-нибудь?

Комиссар. Нет.

Уполномоченный. Так отчего же вы все... оглядываетесь? Присядьте.

Комиссар. Иду к вам, а у дворца — большевики.

Уполномоченный. Вы лучше о своем уезде расскажите.

Комиссар. Как видно, и здесь... неустойчиво. Нет! *(Взволнованно достает мандат.)* Кончено! Я возвращаю вам свой мандат.

Уполномоченный. Ах, так! Бежите с поля битвы?

Комиссар. Вы помните, с каким восторгом приветствовал я революцию! Наивность! Я думал — раз революция, все в униссон запоют. Идеалы! А на деле все пошло прахом, ничего необразишь. И денек же выдался в уезде! Зову народ к новой жизни, в ответ — рев. Тяжело. В конце концов, открываю митинг, упрашиваю потерпеть хоть до Учредительного собрания, и...

Уполномоченный. И?

Комиссар. Большевики переманили большинство на свою сторону, а меня чуть на кол не посадили, еле отпросился. Нет, я навсегда уйду от политики...

Уполномоченный. Терпение, терпение, нельзя в такое время уходить с поста. Что же делать мне, если вы все разбежитесь?

Комиссар. Вам виднее. Передо мною отныне — другая дорога.

Уполномоченный. Я вас не вполне понимаю. Уходите как-раз теперь, когда наше положение начинает укрепляться.

Комиссар. Положение укрепляется?

Уполномоченный. А вы как полагаете? Мир перевернется оттого, что большевики мутят в уезде? Как бы не так! Мы — власть, за нами сила.

Комиссар. Сила? Вы сказали — сила?

Входит курьер.

Курьер (кладет на стол пакет). Из Петрограда.

Уполномоченный (раскрывает пакет). Инструкции. (Комиссару). Да, сила. Разве если бы сила не была за нами — я решился бы сегодня расклеить по городу такой суровый приказ?

Комиссар. Разрешите узнать, что это за сила?

Уполномоченный. Вы, должно быть, знаете, что большая часть армии бежит с турецкого фронта, поддавшись большевистской провокации.

Комиссар. Вот именно — большая часть.

Уполномоченный. Вчера у нас в городе появился большой отряд. Все ожидали катастрофы. Затрещали звонки по комиссариатам. Офицеры дали орудийный выстрел из арсенала. Но опасения наши не оправдались. Солдаты мирно расположились за городом. И представьте себе, во главе отряда оказался человек, чье слово для солдат — закон. И человек этот признал наш авторитет.

Комиссар весьма почтительно слушает.

Уполномоченный. Этот железный человек говорит о своих солдатах: режьте их, жгите их — они исполнят все мои приказания до последнего.

Комиссар. В глубине души моей всегда теплилась надежда...

Уполномоченный. Да-с. Мой секретарь вел с ним переговоры и сообщил мне по телефону, что добился решительных результатов. Эта сила признала нас законной властью.

Комиссар. Вы правы: уходить с поста в столь ответственный момент не достойно гражданина. И я...

Уполномоченный. В этом отряде до десяти тысяч человек.

Комиссар. Десять тысяч! (*Ищет взволнованно в карманах.*)
Ведь мой мандат не у вас, я не отдал вам его?

Уполномоченный. Нет.

Комиссар. Да, да, здесь!

Открывается дверь, появляются двое часовых.

1-й часовой. Как бы мне смениться, барин? Устал я.

2-й часовой. Все стоим да стоим, ноги затекли.

Уполномоченный. Придет разводящий и сменит. Потерпите.

1-й часовой (*второму*). Вот те и свобода, баранья голова!

2-й часовой. Который сознательный, тот не станет терпеть. Хватит!

Уполномоченный. Вы забываетесь! Мы... да, мы — символ власти.

1-й часовой (*возбужденно*). Власть — кто?

2-й часовой. Мы такие же люди, как и вы. Ты сидишь, а мы стоим, вот и устали. Свобода, по-твоему, для тебя одного пришла?

Уполномоченный (*решительно*). Ладно! Убирайтесь! Только не задерживаться на лестнице и не горланить!

Солдаты оживляются и молодецки уходят.

Комиссар (*вскакивает*). Нет, я уйду. Вот мой мандат. (*Достает мандат.*)

Уполномоченный. Опять сомнения?

Комиссар. В наше время нужно быть готовым ко всему.

Уполномоченный. То есть?

Комиссар. Такой солдафон может всю жизнь перевернуть. Нет, уж лучше заняться философией.

Уполномоченный. Что скрывать! Сами видите, какое положение. Изворачиваюсь, как могу, но руль пока не выпускаю из рук. Не до философии, не до науки. Только путем политики можно войти в историю. Нынче последний клоп норовит обогреть своею кровью ее страницы.

С улицы доносится шум и ружейная трескотня. Комиссар жмется к стене. Уполномоченный осторожно заглядывает в окно.

Уполномоченный. Вот удача! Разогнали большевистский митинг. И досталось же им!

Комиссар (*удивленно*). Досталось?

Уполномоченный. Едва нажали на них — разлетелись, как пух.

Комиссар. Кто же решился на это? Значит, у вас есть действительно силы?

Уполномоченный. Теперь все убедятся в том, что перевес на нашей стороне. Вот что значит демократическое правительство!

Комиссар. Я — ваш. Либо — смерть, либо конец анархии. К чорту! *(Почтительно опускает мандат в карман.)*
За сценой слышен голос секретаря: «Станьте здесь и не пускайте ее ни на шаг!».

Уполномоченный. Это мой секретарь. *(Входит секретарь.)* Повидимому, привел...

Секретарь *(еще в дверях)*. Господин уполномоченный, не бывает на свете рыцарей без страха и упрека...

Комиссар. Уже предал?

Секретарь. Нет.

Уполномоченный. Войска вышли из повиновения?

Секретарь. Он говорит, что солдаты в огонь и воду пойдут за Кваркваре Тутабери, а Кваркваре-то ведь он сам.

Уполномоченный. Какую же слабость вы обнаружили у вашего рыцаря?

Секретарь. Женщину!

Уполномоченный. Вот как!

Секретарь. Да. Женщина и притом коммунистка. Перейди он на ее сторону со всеми войсками — камня на камне...

Комиссар. Вот-те на!

Уполномоченный. Господа, конечно, мы власть. Но последние двести человек наших солдат только что улизнули на север. И вот в эту минуту судьба посылает нам этого железного человека во главе десяти тысяч бойцов. Берегите его! *(Секретарю.)* Передайте ему, что он назначается командующим всеми нашими войсками. Любовь не устоит перед хмелем честолюбия!

Секретарь. Нет, это ни к чему не приведет.

Комиссар *(протягивает мандат)*. Кому охота жариться в этом пекле...

Секретарь. Не торопитесь. *(Хвастливо.)* Хитрость — вот ключ к воротам всех крепостей в мире...

Уполномоченный и комиссар *(вместе)*. Как хитрость?

Секретарь. Видели митинг перед дворцом? И большевиков? Обратили внимание на то, как они организованы?

Уполномоченный. Кто же их разогнал?

Секретарь. Отряды местных партийных организаций.

Уполномоченный *(с досадой)*. Эх, за последнее время мы всем обязаны этим отрядам! Тут наводят порядок эсеры, там меньшевики, а мы сами чего стоим?

Секретарь. Во время митинга пришлось пустить в ход оружие. Большевики обиделись и прислали делегатов с протестом. Делегатам я сказал что вы господин уполномоченный не станете разговаривать с матросней, а вот женщину, пожалуй, выслушаете. Ключуло. Как-раз та особа и ждет у дверей.

Уполномоченный. Скорее же сюда ее! И затем — в тюрьму!

Секретарь. Но об аресте ни гу-гу, — государственная тайна.

Комиссар. Ну, и ловкач! (Секретарь уходит.) Этот не обманет. Опора надежная. Не прикажете ли—я нынешнюю же ночью набросаю проектец?

Уполномоченный. Наш новый «вождь» — положительно один из сюрпризов революции.

Секретарь вводит Гултамзе.

Секретарь. Вот опаснейший из наших противников!

Гултамзе (удивленно). Что за вздор? (Уполномоченному.) Гражданин уполномоченный, час тому назад какая-то шайка напала на наш митинг. Много раненых, есть арестованные.

Секретарь (перебивает). Господин уполномоченный, ее именно следует арестовать.

Гултамзе. Меня?

Уполномоченный. Вы выступали против Временного правительства?

Гултамзе. Клевета.

Секретарь. А не вы ли огласили на митинге резолюцию «Долой Временное правительство, в штыки его»?

Гултамзе. Это допрос?

Комиссар. Вот чертовка!

Гултамзе. Допустим, что я действительно огласила эту резолюцию. Свобода слова...

Секретарь. Грабь награбленное, да здравствует гражданская война?

Уполномоченный. Возмутительно!

Гултамзе. На словах вы стоите за свободу, но на деле...

Уполномоченный. Мерзкая демагогия! И к ней прибегает человек, имеющий такое влияние на командующего нашими войсками. Возмутительно!

Гултамзе. Ничего не понимаю!

Комиссар. Я решительный противник смертной казни, но на этот раз прошу пренебречь моими принципами.

Входит курьер.

Курьер. Там какой-то человек требует, чтобы вы его приняли. Настойчивый господин!

Уполномоченный. Кто еще? (Указывает Гултамзе на дверь в соседнюю комнату). Прошу сюда. (Ее окружают).

Гултамзе. Это западня? Как глупо, что я пришла!

Гултамзе схватывают.

Гултамзе. Я делегатка, вы не имеете права, вы ответите за меня!

Уводят. В дверях Нацаркекия.

Нацаркекия (курьеру). Шире дверь, видишь — народ со мной! (Входит, оборачивается к двери.) Эй, Какута, Кучара, ноги у вас отнялись, что ли?

Нерешительно входят Какута и Кучара в шинелях, вооруженные.

Нацаркекия (курьеру). Где же начальство?

Курьер. Должно быть, вышли. Сейчас доложу. (Идет к внутренней двери.)

Нацаркекия (Какуте и Кучаре). Чего носы повесили? Гадины! Мало вам от меня прибыли?

Какута. Какая прибыль — к начальству из-за тебя попали, прямо под топор подвел.

Нацаркекия. Вам бы все без узды да без кнута жить, ослиные головы! Довольно на дорогах пограбили, будет. Здесь город, видели, пушки какие? Как ухнула вчера пушка — тише воды стали.

Кучара. Говорят, это не пушка, а провокация.

Нацаркекия. Какая, дурак, провокация?

Кучара. Так говорят. Почему я знаю, какая она, провокация?

Нацаркекия. Не знаешь — молчи.

Кучара (Какуте). Скрутят нас, последний укус выжмут.

Нацаркекия. Тут моя власть! Меня, Кваркваре Тутабери, за нос не проведешь!

Какута. А говорят, у правительства и силы-то никакой нет.

Нацаркекия. Кто говорит?

Кучара. Зря ты — пронеси, господи, — мутишь среди солдатни нашей.

Какута. Да, жилось нам спокойно, как за каменной стеной.

Нацаркекия. Не могу же я допустить, чтобы они не уважали меня!

Кучара. Лезешь в князи, а сядешь...

Нацаркекия. Собственной башкой им сапоги чистить, что ли? Небось, когда на фронте наставили на вас ружья да пушки, да когда я крикнул: «Айда, ребята, домой, не пропадать же нам от турецких пуль» — храбрость моя вам по вкусу пришлась? А потом, на дороге, когда бандиты у нас оружие отнять хотели и «руки вверх» кричали, — не я ли вас из беды выручил? А кто, как не я, вас, ослов, от голода спас, когда не стало продовольствия в пути, я же приказал: «Гони, ребята, всю скотину из деревень!» Когда угождал вам и в глаза смотрел, — небось все, до последнего, меня революционером почитали?

Какута. За это и почитали. Ничего не поделаешь... Все мы люди, все человеки.

Нацаркекия. А теперь — вот тебе, Кваркваре Тутабери, за всю твою ласку, за заботы.

Кучара. Большевики настрочили. Начальство, мол, не дает бедняку поживиться, богатых пограбить. А ты сейчас же струсил и против отряда пошел, — вот и остыли к тебе люди.

Нацаркекия. Ты что несешь? Я струсил?

Кучара. Все хвастаешь, голову задираешь, а здесь ораторы почище тебя есть. Говорят — как пишут.

Нацаркекия. Выходит, по-вашему, здешняя шушера меня переплюнет? Да я их раз (*возбужденно*) — два — взнуздаю да на колени! Узнают, каков Кваркваре Тутабери.

Входят уполномоченный, секретарь, комиссар, старательно запирают дверь от комнаты, где спрятана Гултамзе.

Комиссар. Ключ на месте? Отлично!

Секретарь (*уполномоченному, указывая на Нацаркекия*). Это — он!

Все оглядываются на Нацаркекия.

Секретарь (*горячо пожимает ему руку*). Господин уполномоченный! Счастлив представить вам этого гражданина, командующего, можно сказать, самой образцовой частью.

Уполномоченный (*жмет руку Нацаркекия*). От души рад. Вы пожаловали очень во-время.

Нацаркекия. Все знают, кто я такой. Сколько раз от петли уходил. Революция из беды выручила, а потом опять подвела. Воевать пришлось. Шутка ли одному человеку с целой армией управиться! Ничего, управился. Все поняли, что я за человек. И революцию, между прочим, провел. Уходить с фронта пришлось где по дороге, а где напропалую — ни единой души не потерял. Везде я — я один. Трудов-то, забот-то сколько?! И все для того, чтобы вам, уважаемые граждане правительство, польза была. Вам польза — а меня отблагодарить надо.

Какута и Кучара после каждой похвальбы Нацаркекия сочувственно поддакивают, явно компрометируя его. Нацаркекия беспокойно оглядывается на них во время своей речи и наконец говорит.

Нацаркекия. А вы, того, придержите языки.

Уполномоченный (*своим*). В словах его — преданность и уважение. (*Нацаркекия*.) Только история в состоянии достойно оценить героя, подобного вам.

Нацаркекия. Оно конечно.

Уполномоченный. Но и правительство, в меру сил своих, вознаградит вас за труды...

Нацаркекия. Награда награде рознь. Из-за какой-нибудь мелочишки я спину гнуть не стану.

Гултамзе колотит в дверь. Комиссар и секретарь подходят к двери.

Комиссар. Вот мерзавка!

Уполномоченный. Итак, вы назначаетесь командующим всеми нашими вооруженными силами.

Все (*вместе*). О-о!

Уполномоченный. В вашем распоряжении десятитысячный отряд, приведенный с фронта. Этого пока достаточно. Глав-

ное, держите их в ежовых рукавицах, чтобы к ним не просочился большевистский яд.

Нацаркекия. Ночей не сплю, по целым дням об этом толкую. *(Какуте и Кучаре)*. Слышите вы?

Уполномоченный. Как ночей не спите? Разве они не в ваших руках?

Нацаркекия *(радостно)*. Вот славно-то будет. А снарядов — у вас хватит?

Уполномоченный. Снарядов сколько угодно. У нас нет только надежного людского состава.

Нацаркекия. Пушки ваши не остынут у меня — день и ночь буду жарить, пока не перебью всех до единого, пока весь народ сюда на поклон ко мне не пожалует... Не успокоюсь, своего не добившись. Конечно, время для этого нужно, и вы мне подсобить должны.

Уполномоченный. Сегодня же после заседания уполномоченных мы сообщим вам наши директивы.

Входит курьер с пакетами.

Курьер. Господин уполномоченный, солдаты требуют делегатку. Они беспокоятся, не арестована ли она.

Уполномоченный. Ее здесь нет. Солдатам скажите, что делегатские времена прошли.

Курьер. Извольте пакет.

Уполномоченный *(берет пакет)*. Гнать их, а дверь на запор!

Курьер. Не уходят, толпятся, меня чуть не избили. Я-то тут при чем? *(Уходит.)*

Уполномоченный *(распечатывая пакет)*. Назначено совещание партийных лидеров Закавказья, — мне необходимо присутствовать. Пока я вернусь, мой секретарь и коллега ознакомят вас с положением дел. *(Отводит секретаря и комиссара в сторону, вполголоса)*. Покажите ему все в розовом свете, обработайте его как следует.

В дверь колотит Гултамзе.

Комиссар *(вздрагивая)*. Стучит?

Уполномоченный. Не беспокойтесь, дверь на запоре, да и я скоро возвращусь. *(Уходит.)*

Комиссар *(Нацаркекия)*. Вас и ваше оружие ждет великое, мировое будущее.

Секретарь. Я документально докажу вам, насколько упрочилось положение правительства в Европе. Что вас занимает больше — внешняя политика или внутренняя?

Нацаркекия. Все знаю — и внешнюю и внутреннюю.

Секретарь *(роется в бумагах)*. Далечно не все данные попадают в печать.

Нацаркекия *(уверенно)*. Знаю.

Секретарь (*подносит бумаги*). Особенно прочно наше положение на местах, но и в центре и на фронтах дела обстоят тоже недурно. (*Кладет перед ним бумаги. В окно влетает камень.*) Однако, как распустились эти дезертиры!

Нацаркекия с деловым видом перебирает бумаги, не читая их.

Секретарь. Может быть, вам будет угодно все-таки прочесть?

Нацаркекия (*раздраженно*). Этакую кучу?

Комиссар (*секретарю*). Не приставайте.

Секретарь. Я в курсе всех сводок. Могу разъяснить.

Нацаркекия. Очень нужны мне твои курсы! Ты, что, воображаешь, будто меня из засмоленной бочки вынули? И без тебя знаю, что на свете делается.

Секретарь (*комиссару*). Великого ума человек — не проведешь!

Снова в окно влетает камень.

Нацаркекия. Это что?

Секретарь. Солдаты еще не знают, что вы здесь.

Нацаркекия. Я им — наплачутся они у меня! (*Снова падает камень. Вздрыгнув.*) Какута, Кучара! Гляньте-ка, что там делается. Хорошенько разнюхайте!

Какута и Кучара уходят.

Комиссар. О, как прекрасна сила! (*Указывая на секретаря.*) Он, видите ли, не умеет говорить с людьми такого склада, как вы. Я — другое дело. Я ведь по натуре тоже полководец. Вопреки собственным вкусам я увлекся философией да так в ней и застрял.

Нацаркекия. Так... Застрял... А потом что?

Комиссар. Зачем философия полководцу? Впрочем, нынче полководцы попрятались в норы. У вас одного — армия. И прекрасно. Вы будете воевать, а я поведу политику в покоренных вами странах.

Нацаркекия (*гордо поглядывает по сторонам*). Жаль, послушать тебя некому. Хорошо говоришь!

Комиссар. Да-с, в нас есть нечто общее... Я открою вам большую тайну.

Нацаркекия (*с живостью*). Скорей выкладывай! Только не дрянь какую-нибудь.

Комиссар. Что есть человек? Загадка. До меня никто не постиг человека — никто глубже меня не вникал в законы жизни.

Нацаркекия. Сказать правду, люблю ученого человека послушать!

Комиссар. Людям нужно то... что им нужно. Таков закон природы. Представим себе толпу в десять тысяч человек. Пусть каждый из них будет единицею силы. Сложим эти единицы силы—

получится беспримерная силища. Но если сложить десять тысяч человеческих умов — ничего не получится, пшик, меньше одного ослиного умишка. Вот почему мы выделяем одного человека — лучшего — и его уму подчиняем остальных. Этот избранный и есть военачальник, нашим же военачальником изволите быть вы.

На царкекия. Отлично сказано, я так же думаю.

Секретарь (*отыскав какую-то бумагу*). С этой бумагой вам решительно необходимо ознакомиться.

На царкекия. Нет, ты погоди!

Комиссар. О государстве у меня самые замечательные мысли. Однако об этом в другой раз. У нас в России сто шестьдесят миллионов душ. Эти миллионы распланы до последней степени, перед вашим десятком тысяч эти миллионы лягут ковром. Завоевав Россию, вы удесятерите свои силы. Победоносные войска ваши достигнут границ, и тогда я скажу вам: «Остановитесь, не повторяйте ошибки Наполеона». Теперь время передохнуть и поглубже пустить корни в землю, да-с, корни и корни.

На царкекия. Тс-с-с... Какое слово сказал! Вот если все это сбудется, хорошее будет дело! Золотые хоромы выстрою — сначала себе, потом тебе.

Комиссар. Сбудется, сбудется. Доверьтесь моему предвидению. Ваши глаза и упрямый лоб выдают изумительную силу. Но даже вы не можете обойтись без политика, без ученого. Политик и ученый — я. Вы скрутите страну, я обращаю ее в рай. Хотите, я сейчас единым духом накатаю кодекс морального поведения человека?

На царкекия. Напиши, только чистенько, потом мне покажешь.

Комиссар. Когда этому идеалистическому кодексу будет подчинена жизнь, наступит век радости. Все станут бескорыстными и готовыми на крест за народ. Наши портреты будут висеть повсюду...

На царкекия. Эй, береги голову! Сбережешь — не будет на свете человека учнее тебя. Сбылось ведь. На золе, *у огня сложил я свои планы, а теперь они в самом деле... в жизнь проходят...

Комиссар. До чего приятно зимой у камина ворошить золу, решать судьбы человечества, мечтать о красоте, о мудрости, о счастии...

На царкекия. А-га, значит, и ты золу любишь?

За стеной слышны крики. Входит курьер.

Комиссар. Люблю.

Курьер. Солдаты рвутся во дворец, требуют делегатку.

Секретарь. Какая наглость!

На царкекия (*курьеру*). Скажи солдатам, что, если они не разойдутся по домам, — я их в кашу обращаю! Тоже еще! Вообразили, что я им позволю сесть мне на голову?!

Курьер выходит с низким поклоном. Комиссар и секретарь млеют от восторга.

Секретарь (комиссару). А ведь я все записал. Все эти ваши опасные словечки. (Показывает бумагу.) Наполеон, захват государства и прочие перлы.

Комиссар. Для какой надобности?

Секретарь. Он — дикарь, в мозгу у него копошатся совсем не демократические мысли. А вы подливаете масла в огонь. Я — демократ. Я до глубины души возмущен вашим поведением.

Комиссар. Сидеть в демократической трясине? Нет, в этом пункте наши вкусы расходятся.

Входит курьер. Снаружи доносятся голоса солдат.

Курьер. Ее требуют — делегатку. Я передал то, что вы наказали. Они так разъярились, что я едва ноги унес.

Секретарь (выглядывает в окно). Как будто дверь трещит! Да, дворец осадила огромная толпа...

Курьер скрывается. Гултамзе колотит в дверь.

Комиссар. Дело плохо. (Нацаркекия.) Надо действовать, пробил ваш час. Спасите нас...

Секретарь. Погибли, погибли, погибли...

Нацаркекия (мечется по комнате). Я-то вас спасу, а кто меня спасет?

Какута и Кучара высовывают головы из-за дверей.

Какута. Крышка, совсем крышка, не придумаю, что делать!

Нацаркекия. Да сделайте же что-нибудь!

Кучара. Ни за что, ни про что пропадать приходится!

Нацаркекия. И пропадете! Не все же мне одному пропадать!

Кучара (Какуте). Никак не уйти?

Какута. А ну, поглядим. Если ворвутся — перышка не оставят!

Кучара. Что ж, поглядим!

Какута и Кучара уходят. Гултамзе колотит в дверь.

Нацаркекия. Из-за какой-то бабы весь сыр-бор загорелся! Чорт с ней, пускай уходит! Выручайте меня!

Комиссар (секретарю). Отпустите ее.

Секретарь. Но ведь он ее увидит? От него не отвертишься!

Комиссар (Нацаркекия). Дайте роту солдат, одну только роту!

Нацаркекия. Рожу я вам эту роту, что ли? (Секретарю.)

Ни свет, ни заря свалился, как снег на голову, мы, мол, власть, где она — эта власть ваша?

Слышно, внизу взламывают двери.

Комиссар (*лезет под стол. Кричит Нацаркекия*). Лезьте сюда!

Нацаркекия. Обещал — в мировом масштабе, а сам — под стол? А как найдут?

Секретарь. Только бы не убили!

Нацаркекия (*секретарю*). Я и сам тебя в живых не оставлю! (*Выхватывает револьвер.*)

Секретарь убегает в комнату, где скрыта Гултамзе, за ним бегут комиссар и Нацаркекия. Под грохот взламываемых дверей вбегают Какута и Кучара. Наступает полная тишина.

Какута. Крышка! Как есть крышка!

Кучара. Эх, пожить бы еще!

Какута. Судьба! Против судьбы не попрешь!

Оба выглядывают в разные окна. Молчание.

Кучара. Вот так-так...

Какута. Вот так-так...

Кучара. Глянь-ка, тех самых гонят..., что нас угробить хотели.

Какута. Вишь, тихо как стало!

Кучара. Как будто пронесло?

Какута. Откуда помощь пришла?

Кучара. А кто его знает? В этом городе тысяча партий, и все друг дружку поедом едят.

Какута (*выглядывает смелее*). Пронесло! Чисто!

Кучара. Уйти бы только, а там десятому закажу с Нацаркекия связываться.

Какута. Давай за дверь — да летом!

Какута и Кучара уходят, боязливо озираясь по сторонам. Из комнаты выходит Гултамзе, за ней Нацаркекия, комиссар и секретарь.

Нацаркекия. Скажи им, пусть не орут и убираются, да поскорее. А ты оставайся. Как из яйца, голубушка, вылупилась! На стул, садись.

Гултамзе (*с величайшим изумлением смотрит на Нацаркекия. К секретарю и комиссару*). Это вы про него мне рассказали? Да это сон какой-то!

Секретарь. Это наш главнокомандующий...

Комиссар. Он стоит во главе целой армии... Кстати, мы вас освободили, так прикажите же всем этим людям разойтись. Они что-то подозрительно притихли. Взорвут, чего доброго.

Гултамзе (*энергично подходит к двери*). Почему бы и не взорвать! Подумаешь, несчастье! (*В дверях.*) Эй, товарищ!..

Нацаркекия. Плохо дело!

Комиссар. Да-а!

Гултамзе (*удивленная тишиной снаружи, смотрит в окно*). Да там пусто, где же все мои?

Звонок по телефону. Секретарь берет трубку и ахает. Комиссар и Нацаркекия подходят к секретарю.

Гултамзе (*сталкивается в дверях с курьером*). Товарищ, куда девались люди, что давеча здесь шумели?

Курьер (*его лицо в синяках, он загораживает дверь Гултамзе*). Не пуцу! Вот как из-за твоей милости изукрасили меня! А я еще пожалел тебя! Наше счастье, что меньшевики и эсеры вовремя подоспели.

Гултамзе (*убитая известием*). Вот неудача! (*К чиновникам.*) Большое вам спасибо, господа, что выяснили мою невиновность. Прикажите швейцару пропустить меня.

Секретарь (*в телефон*). Так что же мы все-таки, власть или не власть? Как же быть с десятитысячным отрядом, который привел Кваркваре Тутабери? (*Бросает трубку.*) К чорту!

Нацаркекия. Меня ты для чего приплел?

Комиссар (*секретарю*). Что случилось?

Секретарь. В Петрограде большевики!

Гултамзе (*в восторге*). Наши победили!

Комиссар (*бросает на стол свой мандат*). А ведь в сущности никто от меня худа не видел.

Секретарь. Господа уполномоченные подали заявления об отставке.

Гултамзе. То-то товарищи так рвались сюда! Сейчас, верно, организуется советская власть. (*Нацаркекия.*) Ты что за командир, каких сил?

Нацаркекия. Назначить меня — назначили, а сами — в прорубь.

Гултамзе (*смеясь, садится на письменный стол*). А ну, что еще у вас новенького, расскажите, не стесняйтесь.

Секретарь. По инициативе умеренных социалистов образовано Закавказское правительство.

Гултамзе (*встрепенувшись*). Вот как!

Секретарь. Правительственные отряды заняли главные улицы.

Гултамзе. Предатели!

Комиссар (*Нацаркекия*). Надеюсь, ваш отряд также поддерживает новое правительство? Ведь он — наиболее внушительная сила в городе.

Секретарь. Конечно.

Нацаркекия (*важно расхаживает*). Будет вола вертеть! И без меня знаете, что это так.

Секретарь. Социалисты заключат с вами соглашение.

Гултамзе. С ним? (С негодованием смотрит на Нацаркекия.)

Комиссар. История за вас. Действуйте. План действий мы с вами уже обсудили.

Нацаркекия. На что мне сдался чужой план? Планы строить я сам мастер — оттого-то и делишки наши в гору пошли. Пускай себе сменяются правительства. Все ко мне придут на поклон!

Секретарь. Судьба новой власти — в ваших руках.

Гултамзе. В его руках? Замечательно! (Нацаркекия — мягко.) Кваркваре! Кваркваре! Мне вы расскажете, конечно, обо всех ваших планах, мне, Гултамзе! (Берет его за руку.) Я всегда помнила о вас. Вы знаете.

Нацаркекия (крепко сжимает ей руки). Тебе рассказать? Ничего от тебя не скрою, ни единого словечка!

Гултамзе (вкрадчиво). Давай дружить? Хорошо? (Вырывает у него руку и трет ее.) Ой, больно! Видно, слишком нежные у меня руки. Я рада, что вы меня не забыли. Да и во мне, признаюсь вам, все те же старые чувства.

Нацаркекия. А, не забыла, лихорадка тебя возьми!

Гултамзе. Как забыть! И думала о тебе и искала тебя...

Нацаркекия (глядя ее). Никак найти не могла, пропащая душа!

Гултамзе. Пожалуй, и могла бы найти, — да ведь, знаешь, — женщины скрытны.

Нацаркекия. В сказке говорится про одну такую, как ты. И во сне приснилась мне такая, а наяву — ты одна только и есть, ты, единственная...

Секретарь и комиссар испуганно слушают и время от времени шепчутся.

Секретарь. Пропали — и сам он, и его армия! Для нас, по крайней мере...

Комиссар. Если вы окажетесь правы — я не политик.

Гултамзе. Хочешь — обвенчаемся, чтоб все как следует было?

Нацаркекия. Ох, хоть сотню лет около тебя гореть...

Гултамзе. Вот чудесно! Но разве это настоящая любовь, если у людей мысли разные? Тогда и венчаться не стоит.

Нацаркекия. Как-нибудь столкнемся!

Гултамзе. Не обещай, не подумав. Сам знаешь — в делах я любому мужчине не уступлю.

Нацаркекия. Верно! Однако смотри: по делу или не по делу, если увижу мужчину с тобою, так оттреплю за косы, что своих не узнаешь!

Комиссар и секретарь в восторге.

Гултамзе. Горячая кровь — любимой радость. Какие у меня мужчины — так, двое или трое большевиков.

На царкекия *(вспылив)*. Что? Большевики? Попробуй только заговорить с большевиком — убью! Довольно я от них вчера и сегодня натерпелся! *(Смотрит на нее с восторгом.)* Чижик ты мой! Сокровище мое! *(Хочет ее обнять.)* Желанная моя!

Гултамзе *(резко отстраняет его)*. Вот что: ты с кем воевать задумал? Поведешь свой отряд против рабочих?

На царкекия *(ласково)*. Пышечка!

Гултамзе продолжает отстранять его.

На царкекия. Ангелочек — а сердится!

Гултамзе. И сколько же ты народу обморочил!

На царкекия. Брось, не огорчайся. Путаница тут вышла. Тебе не огорчаться, а радоваться надо. Ведь моя орда так и норовит перейти к большевикам.

Гултамзе. Что-то не верится!

На царкекия. Правду говорю, голубок. Вчера они на меня немножко взъелись — «не большевистская, мол, у тебя программа». Сострою им большевистскую рожу, и опять будет мне почет и уважение. Ты насчет программы их что-нибудь знаешь? Подучиться бы малость надо. Помоги мне, соловушка мой.

Гултамзе. Хорошо.

Секретарь *(растерянно шепчет комиссару)*. Командир попал в лапы роковой женщины!

Комиссар. И после этого пишут о смысле жизни!

Гултамзе. Много солдат у тебя?

На царкекия. Много. Захотят — город разнесут. Да еще ногами утопчут!

Гултамзе. А где они?

На царкекия. За городом.

Гултамзе *(кладет ему руки на плечи)*. Далек отсюда?

На царкекия. Если вот так в обнимку итти — и не заметишь, как дойдешь.

На царкекия и Гултамзе уходят.

Секретарь *(поспешно)*. Надо остановить их! Или — мы погибли! Большевики утопят город в крови!

Комиссар. Что же делать?

Секретарь. Надо предупредить Закавказское правительство. Центральная, центральная... Телефон испорчен! Судьба города в моих руках! Бегу спасать его! Теперь я нужен стране! *(Хватает фуражку и убегает.)*

Комиссар *(задумчиво стоит над своим мандатом)*. Призвание философа — проникнуть в смысл жизни... Взять мандат или нет?..

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Здание бывшего волостного правления. Балкон, с балкона лестница на площадь. Слышен глухой шум. Входит Нацаркекия, вооруженный с головы до ног. За ним два партизана с награбленными вещами.

Нацаркекия (*говорит, обратясь в ту сторону, откуда доносится шум*). Прикладами их, прикладами... Да покрепче наддай... По черепку их, ребята, по черепку... жарь! Так! Притихли, небось! В подвал их, всех туда же, в подвал... Эй, ты... вон того долбани хорошенько по башке... Вбей ему, наконец, в голову, что настала новая жизнь. (*Шум.*) Заткни ему глотку... В зубы его... А того посильнее... еще... еще... Любо-дорого! Замолчал, небось! А это еще что за птица?.. (*Слышны чьи-то невнятные слова.*) Ах, вот как, ты не виноват! А кто же по-твоему виноват, — уж не я ли? Тоже контрреволюцией занимается!.. Заткни-ка и ему глотку... И тащи к остальным! Э-э... куда?.. И их туда же... чертей полосатых! Одним словом, ребята... всех в одно место... всех до одного... никого не выпускать... Дверь на запор... Да стеречь как следует... Вот так... Народ у нас темный... сколько ни бей по башке, ни черта не понимает. Ведь не для себя же я — для них стараюсь... Темный народ, беда с ним!

1-й партизан. А это куда отнести, товарищ? В ревком?

Нацаркекия (*подходит и рассматривает*). Ведь это я для себя отобрал? Где же остальное?

2-й партизан. Да вон целый воз стоит.

Нацаркекия. Ясно: то, что на возу, неси в ревком. А это лично мне подарено, потому что я революции служу. Вы все в ревком утащить рады! Никакого понятия...

Партизаны. Да куда же это сложить прикажешь?

Нацаркекия. Да хотя бы... Видишь забор... Под забором сложите. Полушубок где, что князь мне подарил?

1-й партизан. Здесь полушубок...

На царкекия. Подай-ка его мне. Что-то свежо становится. Впрочем, погоди уносить, сам разберу, что куда.

Уходят. Входят Гултамзе и предревкома.

Гултамзе. Я бы не стала возражать против этих мер, если бы нам угрожала хоть малейшая вспышка контрреволюции, но при создавшемся положении, по-моему, не было никаких оснований посылать в уезд карательный отряд.

Предревкома. Никто из нас никакого карательного отряда в уезд не посылал.

Гултамзе. Как не посылали? Откуда же взялся отряд, разгромивший соседние деревни? Во время налета избиты многие из наших партийных товарищей...

Предревкома. Возможно, что произошло какое-нибудь недоразумение. Мы здесь всего-навсего несколько дней и даже друг друга как следует не знаем. Вот что может быть: один из членов ревкома подобрал отряд партизан, — как он объяснял, — для того, чтобы поддержать порядок в уезде. Уж не он ли таким способом поддерживает порядок? Или, может быть, люди его малость переборщили, а потом пошли всякие сплетни и преувеличения?

Гултамзе. Нет, тут не в преувеличении дело. Кстати, мне передавали, будто он спрашивал обо мне и разыскивал меня по уезду. А я его совсем не знаю. Я подобрала ряд документов, характеризующих его безобразное поведение. Кто он такой? Откуда взялся?

Предревкома. Вот что, товарищ Гултамзе: с такими делами медлить нельзя. Давайте сейчас же разберемся в ваших документах.

Предревкома и Гултамзе уходят в ревком. Входит На царкекия.

На царкекия. Это что за рев? Ни к чорту не годятся мои люди! Каких-то калек мне дали...

Партизан. Товарищ, народу в подвале столько... не умещаются.

На царкекия. Дверь запер?

Партизан. Конечно, запер.

На царкекия. Раз дверь закрылась, значит места хватило... не подохнут, не бойся!

Партизан. Дышать нечем. Я хоть отдушину открою.

На царкекия. Нет, уж лучше не отворяй. А что как в отдушину выползут?

Партизан. У кого слабое сердце — не выдержит.

На царкекия. Не нужны нам люди со слабым сердцем! От них революции одни беспокойства. Ты мне по чистой совести скажи: ты хочешь, чтобы революции беспокойства были?

Партизан. Нет, не хочу.

На царкекия. Значит и стереги, как приказано.

Партизан. Ладно, товарищ.

Появляется женщина.

На царкекия. Э-э... это еще кто?.. Ну, и бабеч — прелесть, а не баба! Ты зачем сюда?

Женщина. У меня дело в ревком.

На царкекия. Я и есть ревком. Мне расскажите, что, собственно, вам угодно?

Женщина. У вас тут один человек сидит. Освободите его, пожалуйста. Арестовали его совершенно напрасно. Я очень вас прошу, если можно...

На царкекия. Что ж, я могу.

Женщина. Буду вам очень благодарна. Ведь он совсем, совсем ни в чем не виноват.

На царкекия. Кто он? Прикажите только — сию же минуту отпущу. Как же! Для такой красавицы чего не сделаешь! Что арестованный! Собственную душу за такую бабу отдать можно! *(Подходит к ней ближе.)*

Женщина *(отстраняясь)*. Это мой муж.

На царкекия. Муж? Так бы сразу и сказала! Он тут такую контрреволюцию развел, я не могу из-за него против закона идти... как бы не так!

Женщина. Что вы? Быть этого не может! Ничего он худого не сделал, все это знают...

На царкекия *(приближаясь к ней)*. Нет уж, голубка, не видать его тебе, как своих ушей...

Женщина. Как не видать? Ах ты, негодяй! Ты думаешь, я для того к тебе пришла, чтобы ты надо мной издевался?!

На царкекия. А, ты вот как? Да ты знаешь, кто я такой? Или, по-твоему, ты так меня околдовала, что я позволю тебе издеваться надо мной и властью?.. Что ты против моей любовницы? Ведьма, и больше ничего. Моя девка солнца краше.

Женщина. Так... так... понимаю... Я все понимаю. Ну, не со мной одной такое несчастье приключилось. Все мы сегодня же придем в ревком и добьемся правды... *(Уходит.)*

На царкекия. Как вспомню Гултамзе — так, чорт бы меня взял... точно пар какой мозги туманит. Из-за тумана этого я и бабе дерзости ее спустил... Арестовать бы следовало. Ну, в уезде я все-таки навел порядок... Теперь и в ревком не стыдно показаться. Садись, брат, за стол, решай дела, пыли всем в глаза, что есть мочи, сделал на грош — показывай на рубль. *(Медленно поднимается по лестнице.)*

Входят Какута, жена его Лирса и Кучара.

Кучара. Гляди, Какута, да ведь это наш Нацаркекия, то есть Кваркваре Тутабери, идет.

Какута. Он, верно, и что идет — верно. Да нам от того какая польза? Стыдно ему на глаза показаться!

Кучара. Ничего не стыдно! Откуда нам было знать, что так обернутся его дела?

Лирса. Он же вам товарищем был. Подойдите к нему и попросите, о чем хотели.

Кучара. Нет, не товарищ он нам... он всегда над нами был.

Лирса. Над вами?.. А ты мне уши прожужжал — товарищ да товарищ.

Какута. Силой ему, конечно, со мною не сравняться, да что поделаешь... все мы люди, все человеки...

Кучара. Конечно, ты сильнее его... да что поделаешь... Хитер, дьявол... ловок... как ни вертись, — проведет, сквозь землю видит...

Какута. Да что говорить, все мы люди, все человеки!

Нацаркекия скрывается в здании ревкома.

Лирса. Вот и ушел!

Кучара. Ничего, опять выйдет. Дай, дух перевести.

Какута. Говорить с ним придется, без этого не обойтись. На наше счастье он разгромил и сжег усадьбу нашего барина.

Лирса. Пускай отдаст нам господскую землю.

Кучара. Не вам одним — мне тоже.

Лирса. И тебе, будь по-твоему. Ты скажи ему: товарищ, мы с тобою были... в чем же дело... А ты чего-то хвост поджал от страха, злосчастный ты человек! Себе на голову связалась я с тобою... Остаться бы мне в девках — меньше горя увидала бы!

Какута. Вот дела-то какие... Все мы люди, все человеки...

Кучара. Я, ты думаешь, почему храбрости набрался? Все от нее. Увидит, думаю, человек ты женатый, к женатому все-таки нельзя без уважения. А я промежду вас между прочим... сбоку-припеку, уж если даст, так обоим дать должен.

Лирса. Должен дать. Все говорят, нынешняя власть бедным людям мирволит... А вы кто будете? Самые что ни на есть бедняки... ни кола, ни двора... на свою голову связалась я с тобой... Жениться, никудышный, вздумал! Разве можно такому? Только грех на душу взял...

Какута. Что правда, то правда.

Лирса. Мужик ты, слава богу, здоровенный. Вон какой стал... Обмыла я тебя, обчистила, грязь из ушей выскребла... одежонку кое-какую у соседей выпросила... Пускай дадут землицы хоть с ладошку — настоящий хозяин из тебя выйдет — первым будешь в деревне.

Какута. Ты баба, тебе виднее.

Кучара. Мне тоже полагается.

Какута. Полагается. Такое уж дело.

Кучара. Как же иначе? За бобыля ни одна девка не пойдет. Тебе повезло, сиротка бездомная подвернулась, а за меня какой чорт пойдет? Да никто и не отдаст девку, ежели у тебя ни дома, ни хозяйства, ни гроша за душой... Эх, пора бы и мне возле бабочки погреться... Ростом я не вышел, а по годам старше тебя годов на десять, верно. (Жметя к Лирсе. Какута отталкивает его.)

Какута. Все мы люди, все человеки, ничего не поделаешь...
Нацаркекия *(выходит из ревкома и спускается по лестнице)*. Я все Гултамзе да Гултамзе, а она, оказывается, здесь. Председатель дверь закрыл — ничего, я и в щелку могу, увидел ее все-таки. Две недели ищу... Неподходящее здесь место — нам бы где-нибудь на лужке или в рощице повстречаться, уж я бы ей напомнил прошедшие дела! Обнявшись мы тогда из дворца вышли... повела она меня... а потом насмех подняла. «Где, говорит, твоя армия? И не герой, говорит, ты вовсе, и не полководец, все это, говорит, враки, пустые разговоры, все, говорит, курам насмех». Оттрепать ее следовало хорошенько, да не успел. Погоди, я до тебя доберусь, ты только выйди! Наброшу я на плечи княжеский полушубок, выстрою ребят своих да как взгляну на нее! Как губку, выжму ее всю, до капельки. Чорт — хороша девка, хоть куда! Приворожила, ведьма... *(Замечает Какуту и Кучару.)* Этих откуда чорт принес?

Кучара *(подобострастно)*. Господин Кваркваре...

Нацаркекия притворяется, будто не видит их. Какута и Кучара вьются вокруг него. Нацаркекия отворачивается.

Какута. Все мы люди... Ты послушай, нам тебе кое-что сказать надо.

Кучара. Кваркваре, господин Кваркваре!

Нацаркекия. Господин? Нет здесь господ! Я их всех вот так... *(Растирает землю ногой.)*

Какута и Кучара *(увиваются вокруг него)*. Кваркваре... Квар...

Нацаркекия *(делает вид, что узнает их)*. Вы откуда?

Какута и Кучара. Товарищ Кваркваре...

Нацаркекия. Что-о?.. товарищ?.. Это я вам товарищ?.. Вы меня в революционной борьбе покинули, а теперь товарищем зовете? Ни стыда у вас нет, ни совести, подлые вы люди...

Кучара. Ты уж прости нас, родной! Не осуди! Виноваты мы перед тобой, как есть виноваты! А теперь, видишь, трудно жить стало. И пришли мы с поклоном к твоей милости. Не губи, родименький, просьбу нашу исполни...

Нацаркекия. Просьбу исполнить? Ну, ну, выкладывайте. Напляшетесь у меня!

Кучара. Видишь, беднячок этот Какута женился — по доброй своей воле в петлю полез. Просим мы тебя — господский дом ты ведь сжег, — чтобы, значит, землю господскую ты нам отдал. Вот о чем просим... Сам знаешь, горькая у нас жизнь... жена — обуза немалая... за душой гроша медного нет... не то, что бы роскоши какие, хлеба купить не на что.

Нацаркекия. Какой дурак девку за него отдал? Бездельник он и растяпа!

Какута. Что поделаешь, все мы люди, все человеки...

Кучара *(негромко)*. Баба — кровь с молоком!

На царкекия. А ну... покажи... может, и мне понравится... Эта? Вот дьявол... и подцепил же уродину, нечего сказать! Дурак! Как ута. Сиротка она... бездомная... ну, и выдали за меня.

На царкекия. Сиротка... младенец, подумаешь.. Да она, пожалуй, и родить уже не может. Тебе сколько стукнуло, карга?

Лирса отступает, удивленная.

На царкекия. Падаль... Стоило тоже... Не баба — колода какая-то.

Как ута. Что ты, что ты!

Кучара. Сказал тоже: колода. Все-таки баба... теплая.

Лирса. А про вас, господин Кваркваре, мне сказывали, что вы...

На царкекия. То-то! Господин! Над господами господин... Захочу — в порошок сотру, следа не останется...

Лирса. Некому за нас заступиться — вы один... Двадцать лет прожила я в доме, барину верой и правдой служила — неужто мне теперь без угла оставаться?

Кучара. Обо мне тоже не забудь, Кваркваре, милый ты человек...

На царкекия. Так... Пора мне с вами счета свести. Ну-ка, ступайте за мною, все вы арестованы...

Все. Арестованы?! За что?

На царкекия. За что? Тут революция, а вы попрятались... Вот... Потом — женился на девке, которая барину двадцать лет верой и правдой служила... И какому барину? Тому самому, усадьбу которого я сжег. Вот... Вдобавок, как я понимаю, вы к барину этому еще сожаление чувствуете... (Становится в ораторскую позу.) Еще за то арестую я вас, что вы норовите разжиться на революции, а передо мною виноваты... А потому, как я на вас сердит, как вы ко мне на глаза явиться осмелились, как я вам себя доказать должен, — поэтому и потому всех троих, как упорных контрреволюционеров, арестую. (Зовет.) Ребята! (Какуте, Кучаре, Лирсе.) Цыц, ни одного слова! (Входят партизаны.) Взять всех троих туда же, в подвал!

Партизан. Никак, товарищ, не поместятся. Некуда их девать...

На царкекия. Тащи, не рассуждай!

Партизан. Народ в подвале осатанел... Откроешь дверь, так валом и валят... Удержать нельзя... задыхаются...

На царкекия. Ты за пролетариат стоишь?

Партизан. Да.

На царкекия. Ну, так бери их!

Кучара. За что же в подвал?

Лирса (отступая). И куда же вы меня привели окаянные!

Кучара (с мольбой). Кваркваре!

На царкекия. Прочь, не рассуждать!

Лирса. Милый ты наш, родной, не губи... (Мужу.) Да чтоб ты

пропал, проклятый... к товарищу, говорит, поведу! Хорош товарищ, нечего сказать!

Как у та (зло). Кучара, чорт... твоя это затея... обещал, обласкает, озолотит... вот и озолотил, нечего сказать!

На царке кия (строго). Живей... чего топчетесь на месте...

Все уходят. Входит Севастиий. Он энергичными шагами поднимается по лестнице. Из ревкома выходят Гултамзе и председатель ревкома. Сталкиваются на лестнице с Севастием.

Гултамзе (с волнением). Севастиий, ты!

Севастиий. Я... я... Вот кого не ожидал здесь встретить!

Гултамзе. Да и я не ждала. Чудо какое-то, правда? (Внезапно меняет тон.) Познакомьтесь. Это председатель нашего ревкома.

Севастиий. Председатель?.. Вас-то мне и нужно...

Гултамзе. Каким ветром занесло сюда?

Севастиий. До центра дошли слухи, что у вас тут не вполне благополучно. Вот и прислали меня с особыми полномочиями порядка наводить.

Председатель ревкома. Правильно! Не все у нас благополучно. Я только-что узнал о проделках одного из членов нашего ревкома. Под его командой оказался наскоро им же составленный отряд. Он каким-то образом добыл, от ревкома будто бы, поручение обследовать только-что занятый нами уезд.

Севастиий. И «обследовал» по-своему?

Председатель ревкома. «Обследовал». Досадно, что я только сегодня узнал об этом.

Севастиий. Ну, что же, дело поправимое. А мы боялись, что вы еще не разобрались, как следует, в обстоятельствах и что нам придется...

Председатель ревкома. Это еще что такое?..

Секретарь. А что?

Севастиий. Что это за люди? И кричат, как безумные?

1-й арестованный. Товарищи, начальник вашего отряда арестовал нас без всякого повода и загнал в тесный подвал! Мы задыхнулись бы, если бы не удалось взломать дверь... Я же не преступник какой, я — свой, да и остальные арестованные — кто партийцы, кто честные беспартийные. Нельзя же так!

Голоса арестованных. Подать его сюда!.. Пусть ответит!..

Севастиий. Успокойтесь, товарищи. Мы все выясним, и негодяй будет наказан. Где же он?

Председатель ревкома (партизанам). Где начальник отряда?

1-й партизан. Как только арестанты взломали дверь, он испугался и утек.

Секретарь. Товарищи, да это просто контрреволюционер! И провокацию с отрядом он провел совершенно сознательно. Уж не подослан ли он какой-нибудь тайной организацией?..

Председатель ревкома. Глядите-ка, он попался все-таки!

Севастий. Где?

Председатель ревкома. Вон ведут.

Гултамзе (удивленно). Да ведь это как будто Нацаркекия...

Севастий. Конечно, Нацаркекия! (Председателю.) А где же тот другой — герой всей этой авантюры?

Председатель. Да он же и есть.

Севастий (Гултамзе). Нацаркекия! Помнишь?

Гултамзе. Ха, ха... Нацаркекия... этакое ничтожество, этакый байбак! (Смеется.)

Председатель ревкома. Какой Нацаркекия?

Гултамзе и Севастий. Да он же, он, несомненно!

Входят чекисты. От группы их отделяется начальник.

Начальник отряда ЧК. Товарищи, в вашем уезде появился какой-то крупный авантюрист. Насколько нам известно, он вошел даже в состав ревкома и своими действиями подрывает доверие крестьян к советской власти... Это какой-то Кваркваре Тутабери.

Председатель ревкома. Вот он, вот, этот герой...

Севастий и Гултамзе. Поистине, герой! (Смеются.)

Нацаркекия. Не пойму, за что вы все на меня взъелись... Мало я, что ли, с контрреволюцией боролся, а вы меня же за что-то наказывать собираетесь.

Какута и Кучара выглядывают из-за дверей.

Кучара. Про его делишки нас спросите... Юлит, лисица... улизнуть надеется... а мерзость вся от него завелась... Вредный он человек...

Председатель. Вы его знаете?

Какута. Как не знать! Знаем...

Кучара. Да, как не знать... насквозь знаем... Хитер, бестия... дохнуть не давал. Какая бы власть ни приходила—он тут как тут, и всякий его своим считает.

Председатель ревкома. Опасный перебежчик!

Севастий. Опасный? Он? Нацаркекия? Ни за что не поверю!

Начальник отряда. Видимо, мнения о преступнике расходятся... Я хотел бы точно выяснить, кого я арестовываю и какие данные имеются для следствия...

Председатель ревкома. Пойдемте, товарищ, со мною, я передам вам все материалы...

Начальник отряда. Следовало бы также допросить и свидетелей...

Севастий (Гултамзе). Ни за что не поверю, чтобы Нацаркекия мог совершить какие-нибудь серьезные преступления.

Начальник отряда ЧК. Всех, кто знает этого человека,—прошу со мною. (Уходят.)

Кучара. Убьют его, не иначе.
Лирса. Туда ему и дорога... Нас-то как обидел.
Какута. Убьют, да.
Кучара. Да, брат, по головке не погладят!
Какута. Что поделаешь? Все мы люди, все человеки!
Кучара. Наплачется отец его досыта. А впрочем, жестокий он человек, не человек,— камень... В тот день, как жена у него померла, он на винограднике работал... хоть бы что...
Какута. Что поделаешь, все мы люди!
Лирса. Как что поделаешь, дурак ты этакий? Выходит, умри я, ты все равно на виноградник пойдешь? И в самый день моей смерти?
Какута. Ежели ты умрешь, я тоже жить не стану.
Кучара и Какута. Да вот и сам он идет — Цквицкви...
Цквицкви. Здесь мой сын?
Кучара. Здесь, отец, здесь, а что?
Цквицкви. Да ничего. Народ нынче глупый стал, Нацаркекия себе на шею посадил. Впрочем, мне жаловаться не приходится, кое-что и мне перепадет. Парень, говорят, не промах, дочиста обобрал народ. Мне много ли нужно, малую толику сюда в мешок, переложу. А заартачится — дубинкой его по спине. Вы его напрасно боитесь. Нечего ему одному награбленным добром владеть. Я-то знаю, меня не проведешь. Он у меня шелковый станет, уж я его обработаю...
Кучара. За что, дяденька?
Цквицкви. Следует. Кому и знать его, как не мне.
Кучара. Правда и то, отец, что палок для него ты никогда не жалел. Да ведь нынче засадили его.
Цквицкви. Засадили?
Какута. Начальство арестовало. Что поделаешь, все мы люди, все человеки!
Цквицкви. Сына моего арестовали?.. Поделом ему, чтоб не сидел на шее у народа, да не дрался почем зря...
Кучара. Да, взяли его в оборот.
Цквицкви. Не перевелись еще на свете умные люди... Не все дураки!
Кучара. Арестовали его и убьют, надо думать.
Какута. Убьют сердечного... что поделаешь, все мы люди, все человеки!
Цквицкви. Убьют? За что же убивать такого?.. Сами на шею себе посадили... Вот он и раздулся, как пузырь, да полетел. На его месте каждый бы раздулся...
Секретарь. Тише, товарищи! Слушайте.
Председатель. Товарищи. Нам удалось выяснить истинное лицо этого авантюриста.
Нацаркекия. Прощай, моя головушка, прощай, жизнь... Тепленькая была ты, как печь, сладенькая, как сахар...

Ц к в и ц к в и. Эх, не во-время родился ты на свет, бедняга, не знал ты удачи!

Председатель. Тщательно разобравшись в наличном материале, мы пришли к самым неожиданным выводам. Вот каково наше решение: освободить этого глупого и темного человека, Кваркваре Тутабери, по прозвищу Нацаркекия, от всякой ответственности и отпустить его на все четыре стороны.

К у ч а р а. Он и ревком провел!

Г о л о с а. Это ошибка!

Ревком ошибся!

Не надо его отпускать!

Нацаркекия. Не ошиблись они, нет... вот вам крест, не ошиблись!

Севастий. Товарищи, Кваркваре Тутабери при ближайшем рассмотрении оказался просто-напросто скудоумным человеком, или, еще верней, умалишенным.

Г о л о с а. А дел-то сколько за ним? Зла сколько этот человек принес? И все ему даром сойдет?

Севастий. История этого человека очень проста. Накануне революции его арестовали вместо меня... Благодаря этой случайности колесо истории высоко вознесло Нацаркекия... То обстоятельство, что Нацаркекия не побоялся подняться на такую высоту, этакая его смелость объясняется, кроме умственного его убожества, еще той неразберихой, которая царила здесь до нашего прихода. Мы решили освободить его, чтобы наглядно показать народу, кто вершил дела в только-что минувшую эпоху. Мы сорвали с него маску, пускай он ходит теперь по свету в настоящем своем виде — в виде Нацаркекия.

Г о л о с а из толпы:

1 - й г о л о с. Значит, нами правил дурак?

2 - й г о л о с. Да, умалишенный.

1 - й г о л о с. Легко отделались, если так!

2 - й г о л о с. Могло и хуже быть!

1 - й г о л о с. Однако этот дурак обошел со своим отрядом весь уезд. И пушки у него были.

2 - й г о л о с. Убил он кого-нибудь?

1 - й г о л о с. Обобрать—обобрал многих, а убийств как будто не было.

2 - й г о л о с. Ну, черт с ним, тогда пускай живет!

Нацаркекия. Эх, хорошо... А я простился уже с жизнью... Да с какой жизнью...

Севастий. Нацаркекия... Мы сохранили тебе жизнь и свободу, но унижен ты, как мало кому на свете униженным быть приходилось. Осмеяли тебя. Притом перед Гултамзе.

Нацаркекия. Теперь я понял, что жизнь теплее и слаще всякой Гултамзе... Будь баба хоть золото, а жизнь дороже ее во сто раз. Не печалься, не падай духом, Нацаркекия. Осмеяли... Опо-

зорили... унизили... эка важность... Умру я от стыда?... Как бы не так... Я еще выплыву...

Ц к в и ц к в и. Ну, сынок, от смерти ты спасся... да смотри, Кваркваре, ко мне ни ногой... Не подпущу к дому... собак на- травлю...

Нацаркекия уходит.

К а к у т а. А вы чего носы повесили? Господскую землю-то вам новая власть оставит...

К у ч а р а. Земля землю, а стыда сколько хлебнуть пришлось. Кто теперь согласится девку за меня отдать?

К а к у т а. Какого стыда?

К у ч а р а. Да как же. Сам посуды: ежели Нацаркекия дураком признали, то кто же мы с тобою будем?..

З А Н А В Е С

ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН

Армянский поэт и беллетрист. Род. в 1876 г. Печататься начал еще в 90-х гг. прошлого столетия. В драме-сказке «Храбрый Назар» автор воспользовался известным сказочным сюжетом (на русском языке он известен по сказке «Храбрый портняжка»), и создал яркую сатиру на самодержавие, высмеял образ так называемого «национального героя». «Храбрый Назар» до сих пор не сходит с репертуара армянских театров.

ДРЕВНИЙ КАМЕНЬ

В древности этот камень был известен под названием «камень жизни» и считался чудотворным. В настоящее время он известен под названием «камень жизни» и считается чудотворным. В настоящее время он известен под названием «камень жизни» и считается чудотворным. В настоящее время он известен под названием «камень жизни» и считается чудотворным.

ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН

ХРАБРЫЙ НАЗАР

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА
В 5 ДЕЙСТВИЯХ
С ПРОЛОГОМ

Перевод с армянского
А. А. МАЛАТЯНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Поднимающий занавес.	
Назар.	
Устиана — жена его.	
Дьячок.	
Сако.	
Воскан.	
Тамада	}
Поп	
Учитель.	
Гункианос	
Кум Тота	
Бодрящийся старик.	}
Тигр.	
Хозени	}
Дангиз	
Феришана	
Хоронти	
Горо-Буга	
Хара-Гура	
Гуз-Гун	}
Арча-Тотош	
Глашатай.	}
Дворецкий	
Назир	
Визирь	}
Военачальник.	
Казначей.	
Ключник.	
Три царицы.	
Дети, дурашкинцы, мироеды, при- дворные, музыканты, войска.	

ПРОЛОГ

Поднимающий занавес (улыбчатый, полненький и добренький человек в восточном халате. Выходит на авансцену и обращается к публике).

Почтенной публике, старым и малым в добрый час низкий поклон. Имеем честь сообщить уважаемым зрителям, что храбрый Назар прибыл и находится сейчас в театре. Только-что он приехал со своей свитой из страны Назаростана и города Назарограда и в героическом поту сменяет рубаху. И если от бешеных порывов его храбрости не провалится пол на сцене, то доблестнейший Назар окажет всем вам со сцены царский прием.

Заверяем вас в его особой любви к вам. И пока августейший самолично выйдет на сцену и осчастливит всех своим присутствием, он собственными устами приказал передать вам свой привет.

Кланяются вам сам храбрый Назар, жена его, ханума Устиана, и полоумный дьячок. Еще кланяются вам мироеды: грозный Сако, трезвый тамада, пергаментный учитель, славословец-поп и другие.

И еще челом бьют вам семь великанов титаностанских: мудрый Горо-Буга, ума палата Дангиз, Хозени, Арча-Тотош, Хара-Гура, Хоронти, Гуз-Гун и сестра их Феришана.

Кланяются чудоумные герои из Дурашкина.

Кланяются также: велеречивый дворецкий, назир и визирь, придворные, войско, народ, тигр и все остальные.

И наконец шлет вам свой привет автор настоящего эпоса, который в данную минуту в театре отсутствует. По совету своих критиков он пошел взять урок пения у петушка.

По окончании урока он не преминет явиться в театр. Теперь он стал очень скромн. И если сегодня вечером он не будет бит, а наоборот, подобно своему герою, неожиданно удостоится счастья слышать ваши рукоплескания, — он скромно выйдет на сцену в последнем акте, чтобы выразить вам свою благодарность. (Низко кланяется зрителям и, поднимая занавес своим длинным посохом, удаляется.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ХРАБРЫЙ НАЗАР ДОМА

Сцена представляет двор Назара. Слева изба с навесом, с одним окном и дверью. Прямо — стена, огораживающая двор. Заворачивая справа вперед, она образует угол, в котором помещается калитка. Далее стена кончается таким образом, что справа образуется маленькая площадка. С левой стороны избы — черный ход на задний двор. За стеной прямо и справа — лес. На стене развешано разноцветное белье. Слева в углу, между дверью и навесом, прислонена молотильная доска, образуя сзади пустое пространство. День клонится к вечеру. Двор залит заходящими лучами. Во дворе растет тенистое чинаровое дерево. Издали слышен лай собак.

Назар (крупный пожилой человек с длинными усами. Волосы всклокочены, подбородок острижен. Движения ленивы. Он прилег во дворе на овечьей шкуре и, полусонный, замечтался. Очнувшись и не глядя на избу). Устиана!

Устиана (грубая и толстая баба со злым лицом, варит пищу в торне — врытой в землю печи). Приказывай, барин!

Назар. Никак, Устиана, день клонится к вечеру?

Устиана. Ведь не ослеп, сам видишь.

Назар. Да вот я и говорю.

Устиана. Коли так, чего ж болтаешь зря?

Назар. Да вот, матушка, говорю, не пойти ли в село да не принести ли домой награбленной добычи?

Устиана (заинтересовавшись). Добычи? Где ж она? Что ж, тащи!

Назар (почесывая затылок). Говорю, что... (Встает, волочит шкуру, на которой лежал, к торне, бросает ее здесь и вновь валится на нее).

Устиана. Что ж ты свалился, как колода?

Назар. Я ж о том и говорю. Пойти, что ли, посмотреть, на селе ли ребята, да послать их в горы, авось там встретят караван.

Устиана. Не пойму я, что ты мелешь. Ты же говорил, что принесешь уже награбленное?

Назар. Какое там награбленное!..

Устиана. Чтоб ты лопнул! Чего же ты врал?

Назар. Да не то, матушка. Говорят, в село прибыли молодцы Кер-оглы разбойника. Пойду-ка, погляжу, как это они отважились.

Устиана. Что? Опять идешь ротозейничать в деревню?

Назар. На то я и удалой молодец, чтоб бывать в селе.

Устиана. Хорош удалец! Да ты труслив, как заяц!

Назар. Но, но! Полегче.

Устиана. Чтоб тебе ни дна, ни покрышки! Да кто ты такой, чтоб мне быть «полегче»? Каковы твои заслуги? Где ты что награбил и когда принес в дом? Скажите, пожалуйста! И это вместо того, чтоб работать да меня содержать!

Назар. Будет вздор молоть! Я должен тебя содержать, или ты меня?

Устиана. Ты почему не работаешь?

Назар. И как это у тебя язык повернулся? Назар — да чтоб трудился? Ведь люди узнают и засмеют тебя!

Устиана. Чтоб ты окошел! Да ты кто такой, чтобы не работать?

Назар. Да уж, конечно, не лапотник, а из благородных дворян.

Устиана. То есть как из благородных? Это что за новости?

Назар. Разве это новость? Отец ведь сельский князь. В грамоте писано. А дед прапрадеда — царь. Весь наш род благородный.

Устиана. Чтоб деду твоему в гробу перевернуться! Кто же из нас благороднее: ты или я?

Назар. Вот чудеса! И ты оказалась из благородных?

Устиана. Не будь я благородной, отец бы не сказывал.

Назар. Послушай-ка, «благородная». По одежке протягивай ножки. Не смей при Назаре этого повторять! А пуще всего говорить мне о работе! Привыкла ругать меня. Мое имя гремит по свету. Сама ведь видишь, — Кер-оглы разбойник к селу приблизиться не смеет. Это благодаря кому? Вот где моя работа! Где тебе, дурехе, понять и оценить? Да ну тебя! Заговорила и от дел отбила. Небось, в селе сейчас кипит бой. Выйду-ка, покажусь этим дагестанским головорезам, а то как бы они не причинили вреда селу. *(Поднимает шкуру и волочит к двери, где вновь ложится на нее.)*

Устиана. Посматривай лучше за курами, чтоб во двор не влезли. не то, смотри *(показывает на угол)*, видишь, вон там дедовскую дубину? Башку тебе разобью!

Назар *(заглядывая в комнату)*. Ну, погоди же! Дай покончить с этой битвой. тогда я разделаюсь с тобой!

Соседка *(входя с черного хода)*. Устиана! А Устиана!

Устиана. Кто там? Ах, это ты, Гюллизара? Входи!

Соседка. Что подельваешь, соседка? Как случилось, что муженька нет дома?

Устиана. А куда его нелегкая понесет? Вон дрыхнет там за дверью.

Соседка (*понижив голос*). Никак опять без дела?

Устиана. Как можно, чтоб он работал! Чужие мужья весь мир грабят, домой волокут, а мой, дармоед, сиднем сидит. Ни на что негож, — ни на честный труд, ни на грабеж.

Соседка. А вот обществу нужен пастух, не пойдет ли?

Устиана. Назар, да чтоб пошел в пастухи? Ты предложи ему быть князем, меликом, сардаром, ханом, а то — пастухом! Как бы не так!

Соседка. Что ж дальше-то будет?

Устиана. Почему я знаю! Вон лежит, как куль, и с утра до вечера от него только и слышно, что князь да султан.

Соседка. А чем чорт не шутит, соседушка: вдруг да станет князем? Поговорит вот так, смотришь — и стал.

Устиана. Кто? Вот этот сопляк? Да он носа вычистить не умеет, куда ему до князя?

Соседка. А по-моему, быть ему князем.

Устиана (*подумав*). Князем? С чего это ты взяла?

Соседка. Ты не хочешь этого?

Устиана. Почему бы и не хотеть? Разве из меня плохая княгиня? Но не быть этой тряпке князем! Ох, зачем меня батюшка выдал за него! В девках я и впрямь была княжна. Не то, что сейчас: куска хлеба нет.

Соседка. Ну, раз он никудышный, работай сама.

Устиана. Да как же, родная, работать-то? Родитель мой всем селом вертел, к лицу ли мне работа?

Соседка. Ума не приложу, что с вами будет.

Устиана. Что будет? Я вот ему башку размозжу, а заставлю работать. Тогда посмотрим, кто из нас князь. Позволю я разве, чтоб он меня, дворянку, так содержал да себя еще князем величал? Не он, а я благородная!

Соседка. Ну, что ж, будь по-твоему. Соседушка, не пособишь ли чем ребенку — расхворался с испугу. Пожалуйста, удружи.

Устиана. Пойдем. Я и то собиралась выйти в село. (*Уходят с черного хода. Пауза.*)

Назар дремлет, прислонив голову к двери. Дети-озорники тихонько подкрадываются и пускают ему в нос гусара.

Назар (*вскакивая*). Кто здесь? (*Вбегает в комнату.*)

Дети (*убегают. Издали*). Сопливый Назар!

Назар. Молчать, щенята! Достанется вам от Храброго Назара. Я вас!

Дети. Трусливый Назар!..

Назар. Погодите, выпорю я вас!..

Дети убегают.

Назар (*ложится*). Мухи начинают донимать его. Отгоняет их).

Кш! (Лениво позевывая.) Не дадут, проклятые, уснуть!.. Эх!.. Чортова баба, поди же, отгони мух, неужто и это я должен делать? (Заглядывает в комнату.) Ушла? Устиана! А Устиана! (Хочет поднять шкуру и войти в избу, но ему лень, — снова ложится.) Ох, устал я что-то! Сил нет встать. (Пауза.) Скоро стемнеет. Неровен час, заберутся сюда. Мало ль тут рыскает воров-разбойников? (Обращаясь к мухам.) Да ну вас! Мало у меня горя, вас только недоставало! (Подталкивая шкуру телом, ползет в комнату.) Ну, кш! Тварь! (Злясь.) Да вы с кем дело имеете? (Ударяет себя по лицу.) Вот вам! Вот вам! Вот вам, проклятые! Что, подохли? Так вам и надо! Знайте же, что у Храброго Назара что сказано, то сделано! (Рассматривая убитых мух.) А сколько их? Раз, два, три, четыре, пять... (Лень дальше считать.) Да что их считать-то! Тысячи — и баста! (Кричит.) Я — Храбрый Назар! Ударю раз — кладу тысячу!

Полоумный дьячок тощий, как спица, растрепанный, подмышкой пергаментное священное писание. На поясе висит чернильница. Вваливается в комнату.

Назар. Кто здесь? (Вскакивает.) А, дьячок!

Дьячок (подпрыгивая на месте обеими ногами). Бросить — ловить! Ловить — бросить! (Заметив Назара.) Привет тебе, братец Назар. Чего это ты бьешь тысячу одним ударом?

Назар. И-и-их! Мир. Да лень встать и уничтожить его.

Дьячок. Се знамение времени.

Назар. Я решил разрушить весь мир. Вот начал с мух.

Дьячок. Се знамение времени.

Назар. Гляди-ка. Вот одним ударом уложил тысячу.

Дьячок. Се знамение времени! (Рассматривает мух.) О, Назар! Не суть мухи — мухи, а богатыри! (Вдохновляясь и все быстрее.) Страшный богатырь явился мне во сне: в деснице меч, а в шуйце — знамя. Явился он, как огонь небес, и тысячу сразил богатырей. Милостью божией богатырь тот — ты. Да сбудется сон мой! Да воцаришься ты, о, Назариас, над вселенной! И все цари затрепещут пред тобою! (Открывает священную книгу и, сделав один круг, начинает смотреть в нее и бормотать). Истинно говорю вам: и явился я, обрел, узрел и признал с помощью господней. День сей велик, и сон к добру. Да признаю я, предскажу и разъясню. Вот они. (Считает мух.) Раз, два, три, четыре, пять, — сиречь тысяча. (Глядя в книгу.) Признак — истинный. (Подходя к висящей на стене белой тряпке.) Да начертаю я и миропомажу. И да станет ведомо всему миру. (Мокая пальцем в свою чернильницу, пишет на тряпке. Читает.) «Непобедимый Назар, Храбрый Назар, чей тысячу сражает единый удар!» (Потрясая тряпкой в воздухе.) О, знамение господне! Таинство непостижимое! Знамя, небом ниспосланное. Сим во славу Божию ты победишь весь мир! (Привязывает тряпку к копыю Назара.) На! (Смотрит пристально Назару в глаза.) На! (Приближается к нему.) На!..

Назар. На что мне? *(Пятится назад.)*

Дьячок. Бери знамя сие и рази несметные свои врази.

Назар. Да, но мне сейчас лень! Поставь пока там в уголочек, утром встану и сокрушу весь мир.

Дьячок *(ставит знамя в угол)*. И возложу его в угол ризницы и да исполнятся слова пророка *(поет)*: «Рабы премудрые да низвергнут господ своих неразумных!» *(Вынимает из кармана талисман.)* Се — некий талисман. *(Берет с земли две-три песчинки.)* А се — прах великана. *(Заворачивает песчинки в талисман и протягивает Назару.)* На!

Назар. Это что? На что мне?

Дьячок. Положи талисман сей за пазуху и побеждай супостатов. *(Назар берет. Дьячок, подпрыгивая на месте, посмеивается.)* Бросить — ловить! Ловить — бросить! *(Убегает.)*

Назар. Эй, дьячок, дьячок! Побудь со мной, а то я могу повредить людям. *(Хочет встать и итти за дьячком, но ему лень. Ощущая страх, подбадривает себя.)* Стемнело. Держись, брат Храбрый Назар! *(Внезапно испугавшись, вбегает в избу.)* И куда пропала эта чортова кукла? Устиана! *(Удаляясь.)* А Устиана! *(Снова вбегает в комнату, захлопывает дверь и запирает. Тотчас же слышится стук в дверь.)* Кто там? *(Прислушивается.)* Хаджи-Мурат? *(Молчание.)* Это ты, Гомеш-Патран?

Устиана. Что? Чтоб черти тебя заели!

Назар *(выходя из избы)*. А ты не лайся! Знаешь ведь, время какое. Чего опоздала? Где шлялась?

Устиана. Тебя не спросила!

Назар. Жена удальца так не отвечает.

Устиана. Что-то удалец этот вбежал в комнату в таком испуге, словно за ним разбойники гнались.

Назар. Разве я хуже других, чтоб за мной разбойники не гнались? А убегать — мастерство! Конечно! Понадобится, — я и деру дам, и в бегство обращу, и побью, и сам буду бит! Мы, храбрецы, таковы! Ладно уж. Будет тебе. Собери-ка что-нибудь пожрать.

Устиана. Чтоб тебе подавиться! Что приказываешь-то? Не царевич!

Назар. Знаю сам, что делаю. *(Садится у торны. Устиана зажигает свет, несет поднос с хлебом и едой и накрывает под чинарой к ужину.)* Стемнело уж. Гм... Эги не видать. Должно быть ночью будет нападение, а изба наша на самом краю села. Ну, жена, держи саблю наготове!

Голос *(издали)*. Эгей!

Назар *(вбегая в комнату и высовывая из дверей голову)*. Посмотри-ка, кто это! Да на засов запри дверь!

Устиана спокойно ест.

Голос *(приближаясь)*. Иду, иду, иду!

Назар. Ворот не открывай, гляди в щелку! *(Голос удаляется.)* Ушел! *(Голос еще более удаляется.)* Пусть посмеет еще раз явить-

ся, я ему покажу! Видно не знал, у чьего дома орет! *(Прислушивается.)* Эх, удрал! Знать, в селе сказали ему, что Назар здесь. *(Выходя из избы.)* А ведь голос дагестанца. Вероятно, это был лезгин Хаджи-Мурат. То-то слышу, — голос знакомый. Эх-хе-хе! Хорошо мы время проводили с ним! Ведь вот не хватило у тебя вежливости пригласить его к ужину, как это подобает жене удалца! Ну, да ладно, завтра сам поднимусь в горы и приглашу. *(Садится, начинает есть.)*

Устиана. Ох, и счастье мне привалило: муж — удалой молодец, а сама я в золоте купаюсь!

Назар. А ты вот береги мужнину честь, тогда всего будет вдоволь.

Устиана. Такого мужа не иметь вовсе — беда невелика!

Назар. Кого это ты себе подцепила, что я тебе уж не мил? Все в лес волком смотришь. Смотри, глаза выколю! Вспомни, что зовут меня «Ага Назар». И не выводи меня из терпения, не то, знаешь, не долго ведь и дубинку схватить из угла.

Устиана *(разозлится)*. Это ты-то грозишься дубинкой? Шалишь! *(Вскакивает, хватая из угла дубинку и нападает на Назара.)*

Назар. Ну, ну, ну! *(Вскакивает и начинает бегать вокруг чинары, стараясь избежать удара.)* Ну, не бойся, я ничего не сделаю. Дай сюда дубинку!

Устиана. Нет, ты постой, постой!

Назар. Баба чтобы била мужика?! Ну, мыслимо ли это? *(Убегает и прячется за молотильную доску. Выглядывая оттуда.)* Погоди, куда ж ты убегаешь? Я тебя, подлая баба? Дай сюда дубинку!

Устиана. А ну, выходи! Разобью тебе башку и хоть душу отведу! Выходи!

Назар. Не выйду!

Устиана. Как не выйдешь?

Назар. Я настоящий мужчина и хозяин своего слова. Сказал, — не выйду!

Устиана. Ну, коли ты мужчина, то и сиди в этой дыре. Чтоб ты лопнул, бахвал этакий! *(Отходит.)*

Назар *(высовывая голову)*. Положи дубинку, не то выйду!

Устиана. А ну, выйди *(Наступает на Назара.)*

Назар вновь прячет голову. Устиана садится на место.

Назар. Послушай, баба! Поставь дубинку на место. Характер у меня крутой. Боюсь, кровь бросится в голову и я изобью тебя. Потому-то я и залез сюда. Хочешь, чтоб люди судачили, — поднял, мол, на жену руку? *(Пауза.)* Стало быть, дубинку не поставишь на место? Ну, ладно! После этого будь проклят тот, кто не сдержит слова. Не выйду, да и только! Оставайся там и хоть сдохни! *(Прячет вновь голову. Пауза. Устиана бросает дубинку. Назар выглядывает.)* Положи дубинку на место, видишь, я злюсь уже!

Устиана. Дубинка на месте.

Назар. Дай ее сюда!

Устиана. Поди сам возьми.

Назар (*видя, что дубинка стоит на месте, и расхрабрившись*). От злости я готов лопнуть! Чур меня, сила нечистая! Боюсь ее искалечить. Ах ты, подлая баба! (*Выбегает из засады, но к еде подходит спокойно*.) Ладно уж, не охота мне драться. (*Садясь*.) Весь наш род благородный: на женщину руки не поднимем! (*Берет ложку и ест*.) Ничтожество ты! Будь ты порядочная женщина, разве я позволил бы тебе на себя дубинку поднять? Ведь вот, сидишь ты, дура, в четырех стенах и хоть бы раз в горы поднялась, чтоб видеть, как я там рублю разбойникам головы. Не велика важность дома за дубинку браться!

Устиана. Не будь у тебя длинного языка, что случилось бы с тобой!

Назар (*почесывая затылок и зевая*). Говорят тебе,— не охота драться. Убери-ка ужин, да приготовь постель. Надо раньше лечь, чтоб пораньше встать. Завтра в Чахмахлинских горах будет бой с Кер-оглы. Надо будет пойти.

Устиана. Языком трепать мастер! На словах тебе все нипочем: и мир и люди.

Назар. Мир, люди... Нашла о чем говорить! Да все это ногтя моего не стоит. Весь мир — это мои пленники. Пока я отпустил их на волю. Коли захочу — мигом затопчу!

Устиана. Это ты-то мир затопчешь?

Назар. Я. Неужто ты равняешь меня со всякой деревенской дрянью?

Устиана. Лопнуть можно: никто ему не нравится!

Назар. погоди, лопнешь тогда, когда увидишь меня в большом почете.

Устиана. Знатным лицом станешь — всем на диво!

Назар. погоди, вот увидишь — назло тебе разгромлю весь мир и вознесусь выше тех знатных лиц, которых ты знаешь. Хочешь, хоть сейчас воцарюсь над миром?

Устиана. Вы только поглядите, сколько бахвальства скрыто под его сопливым носом!

Назар (*делает движение избить ее*). Да ты что? (*Но ему лень*). Ладно, отложу до завтра. (*Снимает армяк-чеху и собирается лечь спать*.) Досадно мне, что ты непочтительна к такому удалцу, как я. (*Ложится. Пауза*.) А вот посуду-ка... однажды прибегают ко мне, — напал, дескать, враг. Собираю я войско, сажусь на коня, саблю в руки и — прямо на врага. Эх, молодчина Назар!

Устиана уносит посуду.

Назар (*вскакивает*). Куда ты?

Устиана. Нападай же на врага. Чего за мной-то идешь?

Назар. Куда ж ты одна? погоди, и я с тобой, чтоб тебе не было страшно.

Устиана. Да уж валяйся тут! (Уходит.)

Назар (следуя за ней). Как, в такую пору, когда кругом воры-разбойники, я позволю, чтоб женщина вышла одна из дому? А люди-то что скажут?

Устиана входит в комнату.

Назар (следом за ней). Вот так! Не бойся! Я здесь!

Устиана хочет вновь выйти и приближается к выходу.

Назар (идет за ней. Но Устиана, раздумав, возвращается. Собирается итти запереть калитку). Вот что, Устиана. Пока ты не легла, придержи-ка дверь, чтоб было светло, а я пойду осла посмотрю, есть ли овес у него.

Устиана нехотя исполняет просьбу.

Назар (выходит. Его слышно со двора). Смотри, не закрывай двери, стой там! (Издали.) Что это? Разве корма не дали ослу? (Пауза.) Не бойся, я здесь. (Молчание. Восходит луна.) Луна взошла! (Пауза.) Эх, жена! Ночь-то, ночь какая! Самое время, чтобы громить караваны. Дай-ка оружие, пойду я, ограблю караван дагестанского хана!

Устиана (пренебрежительно). Вытри лучше нос да засядь в дыру, горе-грабитель!

Назар. Эй, баба, не выводи меня из терпения! Говорят тебе, дай оружие, я пойду грабить!

Устиана. Локти готова кусать, такое зло берет! За словом ведь в карман не лезет, леший! (Решительно.) Так ты хочешь грабить караван?

Назар. Конечно!

Устиана (входит в комнату и запирает дверь). Так иди же и грабь караваны!

Назар. Ой, ой, ой! Дверь-то, дверь! Что ты делаешь?

Устиана. Проваливай!

Назар. Открой дверь, бить не стану!

Устиана молчит.

Назар. Открой дверь, бить не стану!

Устиана. Ты — меня — бить? Ах, чтоб ты сдох! (Молчание.)

Назар. Устиана, открой дверь, разбойники идут!

Устиана. Хоть лопнешь, не открою!

Назар (подходя с другой стороны). Открой дверь, пришли разбойники, я хочу взять оружие!

Устиана (снимает со стены заржавленную саблю Назара, берет знамя и чеху и все это выбрасывает на двор). На, и убирайся вон!

Назар. Куда же мне итти в такую темень?

Устиана. Иди в Дагестан. Не жена я тебе больше! (Ложится спать.)

Назар (надевает чеху. Привязывает оружие, берет в руку

знамя). Устиана, пришли! (Смотрит в сторону леса и прячется у дверей). Ой, пришли! Б... б... б... (Громче.) Б... б... б... б... (Еще громче.) Б... б... б... б... На кого нападаете?! Изрублю я вас! Б... б... б... б... (Убегает за дом налево.)

Сако (входит справа из-за деревьев. На голове белая папаха). Помогите, бога ради! Сбились мы с пути. Помогите!

Воскан (входит за ним, тоже в белой папахе). Да ты привяжи лошадь, посмотрим, куда попали.

Сако. Ну, Воскан, пропали наши головушки!

Воскан. Бог милостив, не бойся, Сако!

Назар (подходит слева, но его еще не видно). Я — Храбрый Назар, одним ударом тысячу бью...

Сако. Ой, Воскан! Что это еще за Храбрый Назар?

Воскан. Не знаю. Сиди, молчи! (Прячутся в кусты.)

Назар. Амбо, где ты, на башне? Смотри в оба, — идет караван. Если это Кер-оглы, — разгромим. Завтра к сардару на обед зван. Подарочек отнесем. Седлаю коня. Ребята, готовьтесь! (Молчание. Сам себе задает вопрос.) С кем это ты, Храбрый Назар? (Отвечает сам же.) Я, братец, устал рубить банды Кер-оглы! Беру вот ребят с собой. Поедем, разгромим их гнездо! (Спрашивает.) Жалко, Кер-оглы пощади! (Отвечает.) Ну, нет! Я должен его доконать! (Прислушивается.) Эй, кто там? Амбо, там кто-то стоит, подслушивает. Посмотри, кто это, и давай его сюда! Поймал? Сорви голову! Сорвал? Хорошо! Брось ее! Вот так!

Сако. О, господи! Неужто и нам конец здесь?

Воскан. Молчи!

Назар (грозно). Э-э-э-п-п!..

Сако (бормочет быстро). Исусе Христе!

Назар. В пух и прах разобью! (Молчание.) Остался еще кто-нибудь? Дали-Аслан, заходи-ка оттуда. А ты, Геджа-Куши, отсюда, Вот так! Сажусь на коня!

Сако. Бежим, Воскан!

Воскан. Куда ты? Путь загражден.

Назар. Сел, еду! Эй, Караван-Гран, нагоняй! Джамуш-Патран, бей их! Держите, ребята! Ату! Эге-ей! Раскрошу! (Бежит справа на авансцену. Воскан прячется в кусты. Сако выбегает из кустов. Ошеломлен. Назар сталкивается с Сако и падает. Бормочет.) Гм... гм... гм!

Сако. Гм! гм! гм! Храбрый Назар?

Назар. Кер-оглы?

Сако (схватывает Назара и кричит). Эге-ей!

Назар (в свою очередь охватывает Сако и орет). Эге-ей!

Сако (кричит). Пусти!

Назар (кричит). Пусти!

Оба внезапно отпускают друг друга и убегают. Назар налево за дом, а Сако направо в кусты.

Воскан (выходя из кустов). Сако, тягу! (Бежит направо).

Сако. Ой, пресвятая богородица! (Бежит за ним.)

Молчание.

Назар (лежит ничком на земле. Воскан и Сако перепрыгивают через него и скрываются направо. Назар продолжает лежать. Постепенно приподнимается. Начинает разглядывать лошадь Сако. Немного придя в себя и осмелев). Ну, коняга! Хозяин твой удрал или еще вернется? (Молчание.) Нет, не видать! Бежал! (Самоуверенно.) А ну, кто говорил, что я не храбрец? (Кричит.) Эге-е-ей! ударю вас — тысячу бью! (Подходя к двери.) Устиана, а Устиана! Отопри дверь! (Молчание.) Ну, коли так, будь я не мужчина, если после этого буду знаться с женщиной! Я поехал. Эге-е-ей! Дорогу! Берегись! Едет Храбрый Назар! (Прислушивается. Устиана молчит.) Ладно. Пусть рассветет, — побью тебя и тогда уеду! (Молчание.) Ну, я поехал, чортова баба! (Садится на коня.) Эге-е-ей!

Устиана (вскакивает. Хватает дубину, выбегает). Ты опять меня изводить? (Бьет дубинкой Назара и лошадь.) Вот тебе, старый пес!..

Назар. Ой, ой, ой! Лошадь понесет! (Лошадь несет его.) Понесла-таки! Ай, ай, помогите! (Голос его удаляется и замирает.)

Устиана (входя обратно). Иди теперь и подыхай! Ну тебя к лешему! (Готовится ко сну.)

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ХРАБРЫЙ НАЗАР В ДУРАШКИНО

Лесная поляна. Прямо, направо и налево ведут тропинки. Вокруг ска-
терти собрались дурнистанские властелины, мироеды и пи-
руют. Им прислуживают крестьяне селения Дурашкино, которые
стоят позади кутящих в готовой к услугам позе и ждут их прика-
заний. Играют музыканты-зурначи.

Гости. Их!.. их!.. их!..

Бодрящийся старик (*изгибаясь, пляшет гоголем, сам бьет в ладоши, отбивая и путая такт. Захмелел*). Иим... тара... нии... нийнам!.. Иим!.. тара... нии... нийнам! (*Обращаясь к одному из гостей.*) А, кум Татос!.. Иим... тара... нии... нийнам!.. Ну, как, молодцом, кум Татос? То-то, будь молодцом, не то я тебе задам!.. Иим... тара... нии... нийнам!..

Один из дурашкинцев (*развеселясь, толкнул товарища*). Во-о?! хи! хи!

Другой из дурашкинцев. Да-а! Во-о! (*Хлопает в ладоши и хихикает.*)

Гости (*пляшущим*). Ай да кум Гункианос! Ай да молодец!..

Один из гостей. Молодцом, кум Гункианос! Садись, братец! А ну, поднесите-ка куму Гункианосу винца! (*Усаживают бодрящегося старика. Дурашкинцы наливают Гункианосу вина.*)

Тамада (*распорядитель пира*). Властелинам села бьем челом! Наполняйте-ка чарки!

Один из гостей. Челом бьем нашему знатному избраннику — тамаде! Приказывай, ты нам господин и повелитель!..

Тамада. Пожелаю всем, чтоб господь сохранил непоколебимо нашу силу и мощь над общинами. А эту чару выпьем за здоровье нашего нового кума и старейшины нашего села Татоса-Матоса!..

Гости. Ура, ура, ура, ура! Будь здоров, кум Татос! (*Пьют.*)

Дурашкинцы (*бьют в ладоши и хихикают*). Ура! ура! Хи-хи! Хи-хи!..

Мироеды. Ай, и дурачки! Ой, и дурачки!

Один из мироедов. И отчего вы такие дурни?

Один из дурашкинцев. Отчего? От ума. От большого разума.

Другой из мироедов. Где же ваш разум-то?

Один из дурашкинцев (*выплясывая*).

Разум-то наш упорхнул,
Пташкой крыльями взмахнул.
Задним умом крепки мы, небось,
Упорхнул, но прилетит авось.

Мироеды. Ай, и дурачки! Ой, и дурачки!

Один из дурашкинцев (*выплясывая*).

Мы все шуточки да прибауточки.
Правду-кривду не понять. Все тары да бары мы.
Их, пляши-ка дурень под дудки-дудочки.
Не век тебе хлеба, а сыту быть барину...

Слышен шум.

Дурашкинцы (*подбегая к тамаде*). Дядюшка-мироедушка, Конный!..

Тамада (*к прислуживающим дурашкинцам*). А ну, дурачки, посмотрите-ка, кто это там, что за конный?

Дурашкинцы. Хи-хи! Хи-хи! Проезжий!

Тамада. Проезжий — божий гость. Пригласите его к трапезе и помогите слезть с коня.

Идут и приводят Назара, который подходит со знаменем в руке, опоясанный мечом, испуганно и хмуро оглядывает гостей. Гости в свою очередь недоверчиво разглядывают его.

Тамада (*глядя с подозрением на его внешность и знамя*). Милости просим! (*Обращаясь к сидящим рядом гостям*.) Ребята, дайте дорогу, пусть гость пройдет сюда! (*Дают дорогу*.)

Назар неуверенно, но грозно оглядывает всех, со знаменем в руке проходит и садится рядом с тамадой, учителем и стариками. Молчание. Кашляет. Тамада тоже кашляет. Назар делает движение чтобы бежать.

Тамада (*заметив движение Назара*). Прошу, отведай!

Гости (*немного успокаиваются и продолжают есть*).

1-й гость (*сидящему рядом*). Кто это такой, что за человек?

2-й гость. Да-а! И знамя! И меч!

3-й гость. А сам будто в рот воды набрал!

1-й старик. Коли он так расселся со знаменем и мечом — тут что-то кроется!

Молчание.

Назар (кашляет). Кхмм!

Все (смотрят на него).

1-й гость. Что он сказал?

2-й гость. Сказал: «Кхмм»!

3-й гость. Что он сказал?

4-й гость. Сказал: «Кхмм»!

По очереди все задают друг другу тот же вопрос вплоть до первого старика.

1-й старик. Ежели он, сказал: «Кхмм», — стало быть, это сам Кер-оглы!

2-й старик (приложив руку ко лбу и разглядывая Назара). Нет, это внук Кер-оглы!

Молчание.

Назар (гордо). Ребята! Хотел бы я знать вот что. Вы кто будете, — дагестанцы?

Тамада. Нет, мы здешние мироеды!

Назар. Страна-то как зовется?

Тамада. Дурнистан.

Назар (важно покачав головой). Дурнистан? Отлично! Это-то я и хотел знать. (Крутит ус. Молчание. Кашляет.) А как, ребята, на Индостан путь идет?

Тамада. Не знаем.

Назар (важно покачав головой). Не знаете? Мда. Ладно. Это-то я и хотел знать.

Молчание.

Тамада. А милость-то ваша из каких краев?

Назар. Из страны Назаростана, из города Назарограда.

1-й старик. Из Назарограда? Знаю, знаю. И дед мой оттуда же.

1-й гость. Узнайте, кто он сам-то.

2-й гость (соседу). Узнай, кто он.

Поочередно, а иногда пропуская нескольких, спрашивают: «Кто он?» — вплоть до попа, сидящего рядом с Назаром.

Последний гость (попу). Узнай-ка, батюшка, кто он, что за человек.

Поп (прочтя надпись на знамени Назара и придя в ужас, обращается к задавшему ему вопрос последнему гостю и произносит вполголоса).

Храбрый Назар,
Непобедимый Назар,
Чей тысячу сражает единый удар.

Последний гость (своему соседу, а тот своему, и так по очереди до 1-го гостя).

Непобедимый Назар, Храбрый Назар,
Чей тысячу сражает единый удар.

Тамада. Гм!

Все. Гм!
Дурашкинцы. Во!
Назар (кашляет). Кх-ыым-м!

Сако подходит хмурый и гордый.

Гости. Ого! Сако! Здорово, Сако! Пожалуйте!

Сако (серьезно). Здравствуйте!

Тамада. Прошу! Садись, братец! Каким это ветром занесло?

Сако. Погодите. Очень устал.

Гости. А где лошадка-то?

Сако (садится и глубоко дышит). Да вот косил я, как траву, вражьи полчища, а эта проклятая холера вдруг споткнулась и села подо мной. Пришлось пехом переть.

Гости. Эге! Бой, что ли, был?

Сако. Эх, что было! Такая бойня, что рука отваливается! Страсть сколько перебил!

Тамада. Помилуй, что ты говоришь?

Сако (набивает трубку. Так и подмывает его продолжить рассказ. Все ждут с нетерпением. Зажигает трубку, дымит и начинает самоуверенным тоном). Так вот, братцы мои, ехал я в Думанлу-Чамлубель. Было дело это к полуночи. Вдруг, смотрю, попал я в чортов бор Каранлухских лесов...

Дурашкинцы. Во-о...

Сако. Обратился я весь в слух, держу вожжу крепко, кнут наготове, еду. А тут еще такая тьма, — хоть глаз выколи! Вдруг, чу! Слышу какой-то звук. Должно, думаю, зверь или разбойник. Прислушиваюсь. Ой, нет, это не зверь и не разбойник. Прет на меня что-то, точно поток. Батюшки, думаю, что же это? И вдруг что же я вижу? Несется войско, как буря. Спрашиваю, что это за войско? Молчок. Обнажил я саблю, пришпорил коня, врезался в самую гущу и давай их колошматить! (Курит трубку и поправляет табак.)

Воскан, видя, что все увлечены рассказом, чтоб не мешать, проходит тихо и становится позади Сако. Заметив Назара, узнает его, в недоумении толкает сидящего рядом одного из гостей и с ужасом смотрит на Назара).

Сако. Бил я их этаким манером, вдруг слышу—во тьме какой-то конный кричит: «Лови, Сахкал-Тутан! Бей, Джамуш-Пастран».

Назар приподнимается с места. Внимание остальных сосредоточено на Сако.

Сако. Только-что я его увидел, пришпорил коня, нагнал, схватил вместе с конем и хлоп о землю!

Назар (волнуясь). Б... б... б... б!..

Воскан тревожно смотрит на Назара.

Сако. Бросился тут он мне в ноги и только успел крикнуть:

«Ой, Кер-оглы, пощади!» — как я начал, братцы мои, топтать его, бить по чем попало: по животу, по голове, по спине!.. По спине, по голове, по животу, словом, превратил в кашу. Тут всплыла луна...

В с е. Кто ж это был? Кто был-то?

С а к о. Тут вошла луна. Смотрю — Храбрый Назар.

В с е (испуганно). Послушай, глянь сюда, глянь сюда! (Кашляют.)

В о с к а н. Да ты никак рассказываешь про нашу оказию?

С а к о. Превратил я его в кашу.

В о с к а н. Сако, глянь, Храбрый Назар, Храбрый Назар! (Моргает ему, показывая на Назара.)

С а к о (совершенно смутившись). М-да! Да! М-да! (Вдруг заметив волнение Назара.) Б... б... б... б...

Н а з а р (тоже смущенный). Б... б... б... б...

С а к о. М-да!.. Не то знамя было в руке, не та сабля, не та. Как напал он на него! Эх, молодчина Храбрый Назар! И ну его лупить по животу, по спине, по голове, по голове, по спине, по животу... Превратил он его в кашу... Б... б... б... б...

В о с к а н. А мы тягу дали!

Д у р а ш к и н ц ы (хихикают). Хи-хи-хи-хи...

С а к о (продолжает). Да, была потеха!.. Б... б... б... б... (Тихо к соседям.) Кто это? Откуда?

1 - й г о с т ь

2 - й г о с т ь

3 - й г о с т ь

} Храбрый Назар.

С а к о (в ужасе смотрит на Назара и садится). Так, что же вы молчите? Б... б... б... б...

Д у р а ш к и н ц ы (хихикают). Хи-хи-хи-хи!

Н а з а р тоже садится и с подозрением поглядывает на Сако.

Г о с т и. Так как же это было? Кто же бил?

С а к о. Известно кто, — Храбрый Назар! Да и мы приняли участие в бою. (К сидящим рядом, тихо.) Откуда этот храбрый Назар?

С о с е д. Назароградский.

С а к о. И то ведь — это Назар Назароградский. Ах, как он изменился! Сразу я его и не узнал!

Т а м а д а. А разве ты знаком? Чего молчишь?

Г о с т и. Вы знакомы?

С а к о (Назару). Слышишь, Храбрый Назар? Спрашивают, знакомы ли мы. Да мы в дагестанских боях пять лет дрались вместе, как два брата!

Н а з а р (угрожающе). Гм! (Смотрит на Сако. Сако отворачивается и съезживается.)

Т а м а д а (к Назару). Ну, братец, Храбрый Назар, добро пожаловать! (Подает ему руку.) Слышать о тебе слышали, но видеть не приходилось. Выпало нам большое счастье, — наконец-то удостоились увидеть.

Г о с т и (поочередно встают и, подходя к Назару, пожимают ему руку). Добро пожаловать, братец Храбрый Назар!

1-й гость (к Сако). И как это ты его узнал?

Сако. Как узнал? Эх, братцы! От Дагестана до Индостана знавал я лишь двух богатырей: один — Храбрый Назар, а второй... а второго назовет сам Храбрый Назар.

2-й гость. Теперь ясно, зачем он явился в наши края. Так оно и есть!

Голоса. А зачем явился?

2-й гость. Скажу после.

Бодрящийся старик. Я знаю, зачем! *(Мигает Назару.)* Мы с тобой знаем ведь?

1-й старик. Ну, а я пока молчу. Погляжу, угадаете ли вы, кто такой Храбрый Назар.

2-й старик. Кто же не знает Храброго Назара? Весь мир его знает. Сорок лет уж в наших горах гуляет Храбрый Назар.

Гости. Ай да молодец Храбрый Назар.

Тамада. Ну-с, братец Назар! Мы все болтаем, а ты доселе не вымолвил ни слова. Кто знает, по каким полям, садам витали твои мысли. А ну, посмотрим, что хорошенького принес ты нам из этих садов? Откуда бог несет милость твою?

Назар *(гордо кашлянув)*. Еду, братец, из Кафростана. А ездил я туда за головой Багир-хана, отрубил и вот возвращаюсь. Задом по дороге отсек и голову Керим-хану.

Дурашкинцы. Во-о!

Тамада. Исполать тебе, добрый молодец! Ну, а с народом как, его тоже уничтожаешь?

Назар. Как мух: ударю раз — кладу тысячу.

Дурашкинцы. Во-о! Это как же?!

Тамада. Стало быть, отсекая ханам голову и уничтожая народы, гуляешь себе по свету?

Назар. Такова уж привычка. Других занятий не имеем. Наше дело — громить.

Тамада. Значит, если бог даст, разгромишь весь мир?

Назар. Так и намерен.

Тамада. Желая мощи молодецкому плечу! Если это так, то есть у меня просьба.

Назар. Говори, слушаю.

Тамада. Почти каждый из нас, кого ты видишь, — владетельный князь. Народ Дурнистана подвластен нам. Дурнистанцы работают, а мы мироеды, едим. Да что за радость, если мы рабы наших соседей!

Назар. Как так рабы?

Тамада. Да так — рабы! Рабы, братец Назар. Не хотят они свою страну отдать нам. Разорили нас.

Назар. Не хотят вам отдать своей страны? Как так? И я, Назар, должен это спокойно слушать? *(Вскочив и топая ногой.)* Так вот как вы содержите мой народ. *(Все вздрагивают.)* Для того разве предки мои были царями, чтобы вы народ мой держали в такой нужде?

Все встают и снимают шапки.

Назар. Ну, скажете ли, кто они?

Тамада. Семь великанов.

Назар (*испугавшись*). Семь великанов? Б... б... б... б... (*С беспокойством.*) Где они?

Голоса. Далеко.

Назар (*успокоившись*). Ах, далеко?! (*Осмелев.*) Как же они смеют быть так далеко? (*К Сако.*) Где они? Эй, холуй! А ну посмотри, где они, да тащи их сюда — живьем проглочу! (*Сако отходит и прячется за деревьями.*) О скольких они головах, что так притесняют вас? Неужто они не знают, что я сокрушитель великанов? Недавно тысячу их разгромил в пух и прах и по ветру развеял. Только и осталось от них следа, что эти две пылинки. И их я сохранил в этом талисмани. (*Показывает талисман.*)

Все (*удивленные, устрешенные*). Ах!..

Поп. Дай, божий человек, одну пылинку селу нашему на память.

Назар (*раскрывает талисман и дает одну песчинку попу*). На! (*Остальным.*) Погодите, вот превращу в прах и этих великанов, тогда каждому из вас подарю по пылинке. Так вот, от меня приказ властителям моего народа. Все земли соседей жалую вам. Поняли?

Все. Поняли, Храбрый Назар!

Учитель (*человек, похожий на пергамент*). Наступила великая эпоха! Появился национальный герой!

Тамада. Браво, учитель, браво!

Поп. Таинство глубочайшее, непостижимое, безначальное!

Тамада. Да будет благословен твой сан! Говори, батюшка, изрекай!

Сако возвращается.

Назар. Чур меня, злой сатана! Чтоб они, великаны, смели так обижать вас? Разве я умер? (*К Сако.*) Эй, холуй, скажи, пусть дадут коню овса! Встану вот, поеду, разгромлю их!

Сако (*дурашкинцам*). Скажите, пусть дадут овса!

Дурашкинцы. А ну! А ну-ка! (*Уходят.*)

Все. Хвала тебе! Хвала тебе!

Учитель (*вскочив*). Почтенное общество, народ, нация! Пробил час! Доблестнейший Назар ради святого дела предпринял поход на Индостан, чтобы отвоевать землю наших предков. Великий Назар должен сесть на престол. Он идет против всех народов, против всего мира.

Поп. Мы из племени Храброго Назара. Стало быть, слава богу, мы превыше всех народов!

Бодрящийся старик. Дудки!.. Разве мы позволим, чтобы на наш народ какой-либо другой народ смотрел косо? Развеем в прах!

Учитель (*прерывая его, вскакивает*). Встать! Смерть индо-станскому царю! Да здравствует Храбрый Назар!

Все (*встают*). Да здравствует Храбрый Назар! Хвала тебе, доблестный Назар! (*Садятся.*)

Тамада. Ну, Храбрый Назар! Как же быть нам с великанами-то?

Назар. Я стер их с лица земли, конечно, нет больше великанов! Готовьтесь в поход! Идем уничтожать великанов!

Сако вновь прячется.

Тамада. Идем!

1-й старик. И я иду!

Все. И мы идем!

Кум Татос (*вопросительно*). А?

Все. Кум Татос, идем уничтожать великанов!

Кум Татос. И я иду!

Тамада (*к музыкантам-зурначам*). А ну, сыграйте-ка мотив «Храбрый Назар».

Дудочки (*играют*).

Сако возвращается.

Учитель (*декламирует под музыку*).

Да здравствует наш Храбрый Назар,
Чей тысячу сражает единый удар.
Живи и славься и бей врага в кровь,
Режь их нещадно, как редьку, морковь.

Тамада. Так, так, молодчина наш учитель! Сыпь-ка перлы красноречия!

Гости. Ай да учитель, молодчина!

Тамада (*под музыку*). Храбрый Назар, выступаем, стало быть? (*Пьет.*)

Назар. Выступаем, папаша, выступаем. (*Пьет.*)

Поп (*прочищает горло и начинает петь на импровизированный им мотив, который затем подхватывают музыканты и гости*).

Из престольного Назарограда,
Из-за крепостных, неприступных стен
Красно-солнышко зарождается — то лев Назар.

Гости. Ай да батюшка!

Бодрящийся старик. Храбрый Назар, сотрем с лица земли?

Назар. Сотрем, папаша, сотрем!

Тамада. Кум Татос, идем в поход?

Татос. Идем, идем!

Гости. Ура! ура! ура!

Музыка перестает играть.

Учитель. Наполняйте чары! Я хочу предложить священный тост. Выпьем за нашего непобедимого Назара!

Все. За здоровье доблестного Назара! Будь здоров, Храбрый Назар!

Пьют. Музыка играет туш. Затем наступает полная тишина.

Назар *(важно и гордо вставая с места)*. Благодарю свой народ! *(Пьет и садится.)*

Тамада. Пей на здоровье!

1-й старик. На доброе здоровье!

Все. На здоровье!

Назар. Будьте здоровы!

Поп. Братцы! Отныне производите больше мальчиков! Буду всем нарекать имя «Храбрый Назар».

Назар *(захмелел)*. Гм... Живьем проглочу! Спешите!

Один из гостей *(взглянув случайно налево)*. Что это там еще за человек?

Все *(пьяными голосами)*. Чего?

Крестьянин *(из глубины леса справа)*. Ой, помогите!

С а к о м и г о м у л е т у ч и в а е т с я .

Все *(с беспокойством)*. Что случилось?

Крестьянин *(подбегая)*. Живей! Помогите, тигр в лесу!

Тамада *(раскатисто хохочет)*. «Тигр в лесу»!

Все *(тоже хохочут)*. «Тигр в лесу»!

Крестьянин *(недоумевая)*. Чему вы смеетесь? Дело говорю! Тигр в лесу появился!

Тамада *(со спокойной улыбкой)*. И пусть себе появляется. Ведь стрелок тигров Назар — здесь!

Крестьянин. Какой еще там Назар? Не до шуток, спешите, нападет на село!

Назар. Ребята, напоите-ка коня. Я уже встаю. *(Обращаясь к крестьянину.)* Откуда будешь, дружище?

Крестьянин. Из Самодуровки.

Назар *(важно качнув головой)*. Да! Ну, в чем дело? Что за тигр? Где он? И как он осмелился попасть в ваш лес?

Крестьянин. Не в наш лес, а вот в этот! И сейчас верно будет здесь.

Назар *(вскочив и кашляя)*. Ну, ну!

Тамада. Ну, Храбрый Назар, на ловца и зверь бежит. Повезло же тебе!

Назар. Повезло. *(Озадаченный ходит взад и вперед.)* Б... б.. б... б... *(Крестьянину.)* С какой стороны он идет?

Крестьянин *(показывая вправо)*. С этой.

Назар *(громко кашляя, готовится к побегу)*. Разобью в пух и прах! *(Убегает налево.)*

Все. Куда ж это он? Куда он?

Та ма да (слева). Да тигру наперерез! Какие вы, право, бес-толковые! Загородите путь тигру вы, а он пойдет на тигра. Ну, живее, сюда! (Мироеды становятся в противоположную от Назара сторону. Дурашкинцы, хихикая, смотрят на них. Вдруг один из них кричит, и мироеды бегут налево. Зайдя Назару в тыл, став стеной, мешают ему бежать.) Ты, Храбрый Назар, иди на тигра, а дорогу ему загородили мы!

Голоса (слева). Ой, идет уже! идет сюда! (Большинство слева бежит направо.)

Дурашкинцы (смеются над ними). Ну, побежали!

Голоса (справа). Ой, идет сюда, идет!

Смятение. Часть бежит налево, часть прямо, а часть направо.

Назар. Б... б... б... б... (Бежит прямо.)

Бегущие прямо (бегут обратно). Да он сюда идет!

Дурашкинцы (смеются). Ой, теперь сюда!

Назар (бежит вновь налево). Б... б... б... б!..

Убегает. Все бегут за ним. Назар вбегает обратно на сцену и бежит направо, а потом опять выбегает на сцену.

Голоса. Ой, идет! Идет!

Та ма да. Пустите Назара вперед! Пустите его вперед!

Все прячутся за Назаром.

Тигр показывается справа. Назара толкают на тигра, а сами убегают налево. От ужаса и смятения Назар стоит, как вкопанный. Вдруг лезет на дерево. Тигр приближается и прячется в кусты под тем же деревом.

Голоса (издали). Бегите, бегите!

Молчание.

Назар (в ужасе кричит). Ой-ой-ой!

Тигр рычит. Обезумев от страха, Назар смотрит на тигра и весь дрожит. И вдруг падает с дерева прямо тигру на спину. С испуга он крепко цепляется за него. Тигр пугается, делает прыжок и убегает, унося на спине Назара. Дурашкинцы, хихикая, убегают за ним и снова возвращаются.

Дурашкинцы (к тамаде). Дядюшка-мироедушка! В коту преобразил и сел верхом! В коту преобразил и сел верхом!

Та ма да. Ребята, спешите! Он поймал тигра, он поймал тигра! (Подгоняя дурашкинцев хворостинкой.) Скорей, скорей!

Дурашкинец. А ну, жару! Айда!

Дурашкинцы бегут за Назаром.

Та ма да (налево). Держи его, Храбрый Назар, держи крепче! (Дурашкинцам.) Нагоняйте! Убейте!

Тигр вбегает на сцену с левой стороны с Назаром на спине. Дурашкинцы преследуют тигра с лопатами, кольями и камнями. Окружают его и нанося отовсюду удары, убивают. Оцепенев от ужаса, Назар продолжает держаться за тигра. Молчание.

1 - й г о л о с. Да он без сознания!

2 - й г о л о с. Тише! От злобы он вне себя.

3 - й г о л о с. Он разрывает шкуру!

4 - й г о л о с. Снимайте его, чтобы не рвал!

Т а м а д а. Не рви шкуру, оставь на память!

В с е (Назару). Слезай, Храбрый Назар! Будет! (Снимают его с тигра.)

1 - й дурашкинец (с удивлением смотрит на товарища). Во-о! И как это случилось-приключилось?

2 - й дурашкинец (также удивленно смотрит на первого). Во-о! Да! Преобразил в кота и сел верхом! Хи-хи!

Т а м а д а (бьет их по башке). Молчать! Сдирайте шкуру с тигра!

Дурашкинцы оттаскивают тигра в глубину, чтобы снять с него шкуру.

Н а з а р (приходя в сознание). Где тигр?

В с е. Убили!

Н а з а р (смотрит на тигра, кашляет и про себя). Да! Гм! Вот как! (Рассматривает тигра). Спасся ты, брат, и на сей раз! (Вдруг кричит на дурашкинцев.) Что вы сделали?

Д у р а ш к и н ц ы (смеясь). Хи-хи! Убили, дядюшка!

Н а з а р. Зачем убили? Кто вам велел?

Д у р а ш к и н ц ы (недоумевая). Не надо было убивать? А как же?

Н а з а р. Разве я сам не мог убить? Досада какая! Едва успел сесть и поскакать, как на коне. Да разве тигра можно убивать? Самое безобидное животное!

О д и н и з д у р а ш к и н ц е в. Убили по глупости! Мы, дурачки, можем!

Д у р а ш к и н ц ы. Не знали, дядюшка! Прости дурачков, дядюшка!

С а к о (вбегает слева с дубиной в руке). Где тигр? Какой тигр? Говорят, был тигр?

Т а м а д а. Опоздал, братец! Храбрый Назар прикончил!

С а к о. В пух и прах раскрошим! А как бы вы думали?

Д у р а ш к и н ц ы (снимавшие шкуру, приносят, распластав на руках шкуру тигра). Во-о!

Т а м а д а. Давайте сюда! Расстелите под ноги Храброму Назару! (Расстилают.) Да здравствует Храбрый Назар, наш спаситель, наш повелитель! Желаю тебе весь мир вот так положить под ноги. (К гостям.) Ну, теперь двинемся в поход и истребим великанов!

В с е. Идем!

Учитель. Вставайте!

Поп. Вставай, паства!

Учитель. О народ! Идем за Храбрым Назаром, добудем себе свободу и покроем себя ореолом славы!

Все. Ну, могучий Назар, вперед! Подайте коня Храброму Назару! *(Подводят коня. Прикрывают коня тигровой шкурой, подсаживают Назара, дают ему в руки знамя и, окружив его, собираются двинуться в путь налево.)*

Тамада *(к музыкантам)*. А ну, давай зурну!

Музыканты играют на зурне.

Назар *(горделиво выпрямляется на коне)*. Ну, холопы, вперед, я за вами!

Тамада *(остальным)*. Вперед! *(Сам отстает.)*

Сако *(дурашкинцам)*. Вперед! *(Сам отстает.)*

Тамада *(идет вперед)*. За мной! *(Но тотчас же сам отходит назад.)*

Учитель. Вперед! *(Идет вперед, но тотчас же сам отстает.)*

Поп *(пятясь назад)*. К оружию, вперед!

Все. Эге-е-ей!.. *(Стоят на месте.)*

Назар. Пустите народ вперед!

Тамада *(гонит хворостиной дурашкинцев)*. Ну, дурачки, вперед! Идите!

Один из дурашкинцев.

Ну-те-с, дурачки...

Дурачок, ты руби,

А мироед, — победи!

А ну, валяй! айда!

Дурашкинцы. Айда! *(Со смехом и криком влекут вперед Назара. Тамада и остальные мироеды идут за ними. Музыканты играют.)*

Голоса мироедов *(вбегая с противоположной стороны)*. Ну, ребята, будет чем поживиться!

— Захватите мешки!

— Гони, брат!

— Догоняй! *(Бегут.)*

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ХРАБРЫЙ НАЗАР В ТИТАНОСТАНЕ

Дремучий лес. Толстоствольные деревья затемняют глубину. Прямо — поляна, где возвышается циклопическая крепость великанов. От крепостной стены ведет вниз каменная бесформенная лестница. Направо и налево тропинки.

Хозени (разбухший великан с большими глазами. Непокрытая бритая голова. На макушке торчит чуб. Длинные усы доходят до ушей и дальше. Дыхание, словно мехи. Иногда издает какие-то звуки, похожие на хрюканье свиньи. Высовывает голову из-за крепостной стены и смотрит по сторонам. Хрипло откашливается). Кхо-о-ом-м!

Дангиз (ленивый, медлительный гигант с заспанными большими глазами. Из глубины крепости тянет). Хо-зе-ни-и-и!

Хозени (тоже тянет). Ч-е-г-о-о-о?

Дангиз. Слышь! Эй, Хо-зе-н-и-и-и-и!

Хозени. Ну, че-го-о-о-о!

Дангиз. Погляди кругом, не видать ли зверья, людей, караванов?

Хозени. Лаа-а-д-но-о-о! (Озирается кругом, зеваает, потягивается и хрипит). Кха-кхо-о-ом-м!

Дангиз (из глубины крепости). Эй, Гуз-Гун! Горо-Буга! (Высовывая голову из-за стены.) Хара-Гура!

Хозени. Их нет здесь! Нет их!

Дангиз. Где же они?

Хозени. На охоте! На охоте! На охоте!

Дангиз с трудом понимает. Затем вбирает голову в плечи, прячется.

Хозени (наклонившись внутрь крепости). Послушай, Ферисана!

Феришана (наивная девушка-великан с крупными глазами. Тянет из глубины крепости до выхода наружу). Ч-е-г-о-о-о т-е-б-е-е?

Хозени. Сейчас старший брат воротится с охоты. Поставь котлы на огонь.

Феришана. Л-а-д-н-о-о-о! (Тянет до тех пор, пока не скрывается в глубине крепости.)

Хозени хрипит, крутит тус и оглядывает все кругом.

Дангиз (из глубины). Хо-зе-ни!

Хозени. Ч-е-г-о-о-о?

Дангиз. Я гол-оо-ден!

Хозени. Иди, съешь буйвола.

Дангиз (выбегает из крепости, впивается зубами в камни крепостной стены и грызет). Где? Давай!

Хозени (титанически и длительно хохочет). Ха-ха-ха-ха! Хи-хи-хи-хи! Хо-хо-хо-хо! (Не может никак удержаться.)

Дангиз. Кончай хохотать, дело есть. Перестань, я скажу что-то.

Хозени предлагает хохотать.

Дангиз. Кончай! (Хлопает его по животу.)

Хозени (выпускает дыхание, словно из мехов). Кончил! Говори!

Дангиз. Горо-Буги нет здесь?

Хозени. На охоте.

Дангиз (остановившись и о чем-то думая). На охоте, говоришь? (Продолжает думать.)

Хозени. Ну, как? Понял?

Дангиз (долго думая). Да, понял! (Скрывается в крепость, но тотчас же высовываясь.) Я съем большой котел!

Хозени (орет.) Ого-о-о-о! Еще чег-го-о-о! (Хлопает его по башке.) Вот тебе! (Дангиз скрывается вниз.) Кхо-ом-м-м!

Феришана (выбегает из крепости и начинает нюхать воздух.) Человечиной пахнет!

Хозени. Человечиной? Кхо-ом-м!

Феришана (нагибаясь вниз). Хоронти! Человечиной пахнет!

Хоронти (косой гигант с рыжими волосами. Высовывая голову). Человечина? (Нюхает воздух.)

Хозени (указывая налево). Идут старший брат Горо-Буга и Хара-Гура.

Феришана. Братец воротился! Братец воротился! (Хлопает в ладоши.)

Слева входят великаны. Горо-Буга и Хара-Гура. Первый — стремнейший титан с густыми бровями. Второй — немного поменьше. Головы обоих бриты. Лишь на макушке торчат чубы. Принесли с охоты медведей и другую дичь.

Горо-Буга (сопит, скидывая ношу). Кха-кхо-ом-м!

Хара-Гура (тоже сбрасывает ношу. Хрипло откашливается). Кхо-м-м!

Феришана. Братец, а мы что-то знаем!

Горо-Буга. Кхо-м-м! Что же?

Феришана. Человечиной пахнет.

Горо-Буга (указывая налево). Кхо-ом-м! Вон Гуз-Гун несет. Нашли в пути. Кхо-ом-м!

Гуз-Гун входит слева. Несет попа.

Феришана. Это что?

Горо-Буга. Зачем ты его притащил? Еще болезнь занесет. Выбросьте вон!

Феришана. Братец, дай мне, я буду играть!

Арча-Тотош. Нет, мне!

Хозени подходит к попу. С улыбкой и любопытством рассматривает его. Потом хватает и бросает в объятия Хоронти.

Хоронти бросает в объятия Гуз-Гуна.

Арча-Тотош (Гуз-Гуну). Дай мне!

Гуз-Гун (бросает Хара-Гуре).

Хара-Гура (бросает Дангизу).

Феришана (плачет). В-е-а-а-а!

Арча-Тотош (тоже плачет). В-е-а-а-а!

Дангиз. Тьфу! Мертвечиной пахнет! Брось его!

Хара-Гура. Бросьте в воду, пусть уносит!

Горо-Буга. Нет, подождите! Надо расспросить.

Поп. Ой, благословенные, отпустите душу на покаяние!

Горо-Буга. Нет, стой! Что ж это вы? Больше не хотите быть соседями? Уж сколько дней не несете нам соли. Кхо-ом-м!

Все (вместе). Кха-кхо-ом-м!

Поп (подпрыгнув). Всю соль в жертву принесли, благословенные! Не осталось ничего!

Горо-Буга. В жертву? Какую жертву?

Все (вместе). Кха-кхо-ом-м?

Поп (подпрыгнув). К нам некий храбрец заявился. Так приносили богу жертву, чтобы он избавил от него.

Горо-Буга. Кто такой? Как звать?

Поп (подпрыгнув). Храбрый Назар!

Горо-Буга. Храбрый Назар! Хара-Гура! Храбрый Назар! Хоронти, Храбрый Назар! Хо-хо-хо-хо! (Титанически хохочет. Хохочут и остальные великаны.)

Поп. Вам смешно, благословенные. А вот Храбрый Назар заполонил нашу страну. Громит вся и все.

Хозени. Ха-ха-ха-ха!

Горо-Буга. Хо-хо-хо-хо!

Хара-Гура. Ха-ха-ха-ха! Как же он громит? Кхо-кха-ом-м?

Поп. Вам легко говорить, благословенные! Нам-то каково?

Хозени (встает и улыбаясь подходит к попу, с любопытством хватает его за бороду и ощупывает ее). Что это?

П о п. Кончик бороды моей, благословенный!

Х о з е н и. Жидка больно.

П о п. Немощные мы, едим мало.

Х о з е н и. Мало едите? Ой, бедный! *(Держа за бороду, таскает попа из стороны в сторону.)*

П о п *(тихим плаксивым голосом)*. Да, благословенный. Мы — наместники бога. Едим мало, чтобы легче было вознестись на небо с грехами людскими к господу богу. Мы слуги мира. Творим молитвы при несчастиях и за это собираем с миру по нитке: немного пшена, немного маслица, живем скромненько. А случится война — оплакиваем павших. Вот так. *(Плачет.)* Ме-а-а-а!

Г о р о - Б у г а. Стало быть, вы хорошие люди?

П о п. Да, благословенный, хорошие.

Г о р о - Б у г а. Почему же этот Храбрый Назар громит вас?

В с е *(вместе)*. Кхо-ом-м?

П о п *(подпрыгнув)*. Нас не громит. Великанов громит!

Г о р о - Б у г а. Вот оно что?

П о п. Раз ударит — тысячу сразит!

Г о р о - Б у г а. Ну-у? Как же так?

П о п. В руках у него знамя, надписанное святыми:

Непобедимый Назар, Храбрый Назар,
Чей тысячу сражает единый удар.

(Собираясь плакать.) Ах, благословенные! Это адское пламя! Это огонь неугасимый!

Х о р о н т и. Пугаешь?

П о п. Боже упаси, благословенный! Сущяя правда! Истинный бог! Храбрый Назар сильнее вас.

Г о р о - Б у г а. Да ну-у?

П о п. Да, благословенный! Бегите, пока не поздно!

Г о р о - Б у г а. Врет-то как!

П о п. Правда, благословенные! Сущяя правда! Бегите, спасайтесь! Знали вы великанов, но не видали Храброго Назара! Храбрый Назар идет искоренить род великанов. Истинно говорю вам! Говорю бо то, что видел оком своим и внимал ушами. Видение умопомрачительное: пятьсот великанов разгромил он при мне в пух и прах и развеял по ветру! *(Вытаскивая из-за пазухи дароносицу, а оттуда пылинку.)* От них осталась только вот эта пылинка. И ту я взял себе на память. *(Плачет.)* Ме-а-а-а!

Г о р о - Б у г а *(хватаясь за голову)*. Обморочил голову. *(К попу.)* Обморочил? Кхо-ом-м?

П о п. Нет, избави бог!

Х а р а - Г у р а *(подходя к попу)*. Говорил я тебе — не пугай! Раздавить?

П о п *(прячась за Горо-Бугу)*. Проклянну!

Г о р о - Б у г а. Ну, ну, ну! *(Отступает назад.)*

П о п. Проклянну, чтоб Назар и вас стер с лица земли и прах положил в дароносицу. *(Пытается вылезти из цепи великанов.)*

Дайте-ка, прошу вас, дорогу! Тут что-то жарковато. *(Тяжело дышит от ужаса.)*

Хара-Гура. Дудки! Ты нас околдовал. *(К Горо-Буге.)* Он тебя околдовал. Держи его и не пускай, пока колдовство не пройдет!

Горо-Буга. Ну? *(Схватывает попа.)*

Хозени *(посмотрев налево)*. Братец, братец, кто это там? *(Показывает налево.)*

Горо-Буга. Где?

Поп. Ой, ой, ой! Храбрый Назар!

Великаны. Кха-кхо-ом-м!

Хара-Гура. В крепость! *(Бежит в крепость, остальные за ним.)*

Горо-Буга взваливает на себя попа и уносит.

Все великаны скрываются в крепости. Слева входят: Назар, тамада, Сако, бодрящийся старик, учитель, Гункианос и другие мироеды, которые гонят впереди себя дурашкинцев. Назар и другие пьяны, поют, а впереди идут музыканты-зурначи.

Гункианос. Поп наш, ребята, пошел искать великанов и сам пропал.

Учитель. Пошел на подвиг и приял мученический венец. За отечество вперед!

Тамада. Ну, ладно, исчез, скажем, поп, а великаны-то куда запропастились?

Назар. Великаны исчезли? Головы всем снесу, если не найдете их! Ведете сюда самого Храброго Назара и великанов теряете? *(К Сако.)* Эй, холоп, беги скорей и тащи великанов! Мой вам приказ: как только найдете их, ждите меня, не смейте нападать! А уж я свое дело знаю! Поняли! Ну, живо!

Учитель. Ну, Сако, иди!

Сако. Сию минуту! *(На каблуке поворачивается кругом и остается на месте. Остальным.)* Идите, братцы!

Остальные *(прочим)*. Идите, ребята!

Все стоят. Никто не движется с места.

Тамада *(Назару)*. Ну, сынок, садись-ка, подкрепимся!

Учитель. Садись, герой, садись! Пусть пыл храбрости твоей немного остынет.

Тамада. А ну-ка, сюда бурдючок с вином!

Приносят, ставят перед Назаром, тамадой, учителем и некоторыми другими. Те садятся и начинают есть и пить.

Назар. Вина мне! Не можем найти великанов, и грустно что-то на душе!..

Тамада *(кричит)*. Эй, великаны! Куда запрятались? Выходите!

Назар. Тсс... Тише, не ори! Убегут!

1-й голос. Верно много, Назар, ты громил великанов?

Назар. Великанов? Как мух бил!

1-й голос. Молодчина, Назар! И не боишься?

Назар. Бояться? Что такое страх? (Пьет.)

2-й голос. А что такое храбрость? Вот все вы храбрецы говорите на один лад.

Назар. Храбрость? Сущие пустяки. Вот так хватаю великана, а вот этак наношу удар и сношу голову. Разве это храбрость? Храбрость в том, чтобы познать страх. (Пьет.)

1-й голос. Молодчина! Так вот почему ты бесстрашен в бою.

Назар. В бою? А кто сражается? Бой идет сам по себе. В бою и в мыслях не бывает, что сражаюсь.

Хара-Гура выглядывает из крепости. За ним Горо-Буга и другие. Тамада, учитель замечают великанов и делают беспокойное движение.

Назар (вскакивает). Что? Великаны?

Тамада. Нет, продолжай.

Назар. Храбрость проявляется сама собой. Пфу! Вот храбрость. Ты задумай громить. А там уж по щучьему велению, глядишь, все разгромлено: и люди, и звери, и великаны!

Учитель. Слушай, народ! Слушай!

Назар. Недавно, ребята, бой был в стране Гога-Магога. Шли на меня великаны. Сотня пришла, — искрошил. Тысяча пришла, — искромсал. Пошли они целым потоком: идут — стреляю! Идут — громлю! Дал волю молодецкому плечу: что хошь — делай! Громил их так в пух и прах, глядь — докатился до Арабстана. Тут только я опомнился. Вижу, всех как есть в прах превратил, по ветру пустил. (Достает завернутую тряпочку.) От тех великанов осталась на память лишь вот эта пылинка. Другая такая же у попа.

Великаны высовывают головы и с любопытством смотрят на пылинку.

Назар. Вот снесу головы этим великанам, и тогда баста!

Великаны прячут головы.

Тамада (орет). Великаны! Эй, куда попрятались, вылезайте!

Назар. Тише! Спугнешь — убегут!

Тамада. Боюсь, уже убежали!

Учитель. Победа! Враг бежал! Блестящая победа!

Тамада (музыкантам-зурначам). Зурну!

Зурначи играют веселую.

Назар (вскакивает, водружает знамя и начинает мелодекламировать).

Дайте сюда — их я живьем проглочу,
С хрустом косточки зубами смолочу!
Дайте сюда, — в порошок их превращу
И бесследно прах их по ветру пущу!
Эй, гиганты, вызываю! Где же вы?
Вмиг оставлю вас, злодеев, без главы!

Все. Молодчина! Молодец! Ай да Назар!
Назар. Назар я доблестный, Храбрец Назароградский!

Рода знатнейшего, — прапрадед был царем!
Как молния блеснул — зажег пожаром адским,
Воспламенил весь мир губительным огнем!
Эй, гиганты, вызываю, где же вы?
Вмиг оставлю вас, злодеев, без главы!

Все. Ай, да молодец! Ай, молодец! Молодец!
Назар. Ну, холопы, давайте же сюда великанов, разгромлю,
развею по ветру!

Тамада. Как назло не видать их!

Назар. Еще бы. При таком шуме-гаме разве великаны останутся на месте? (К Сако.) Ну, что скажешь?

Сако (входя). Все вверх дном поставили — не нашли!

Остальные. Храбрый Назар, великанов нет!

Назар. Нет? Как же так? Привели в такую даль Храброго Назара и еще смеете говорить — нет? А ну, кайтесь перед смертью! (Хватает плеть и начинает бить Сако и других.)

Сако. Прости, Храбрый Назар!

Тамада. На этот раз прости!

Назар. Ну, нет! Я должен их прикончить! (Бьет Сако и других.)

Все. Пощади, Храбрый Назар!

Горо-Буга высовывает голову из крепости.

Сако (заметив его). Ой, бегите! (Убегает.)

Тамада. А! (Убегает.)

Остальные. Ой! Ай! (Убегают.)

Дурашкинцы с любопытством и удивлением приближаются к Горо-Буге и начинают хихикать. Тот в ужасе от их смеха делает движение, чтобы убежать, но затем подбегает к Назару и падает перед ним на колени.

Горо-Буга (подпрыгнув). Ба, ба! Кхо-м-м!

Остальные великаны следуют его примеру и, окружив Назара, падают перед ним ниц. Дурашкинцы хохочут. Назар бежит к Горо-Буге.

Горо-Буга. Кхо-м-м! (С жестом мольбы ползет к Назару.)

Назар. А-а-а! (Бежит к Хоронти.)

Хоронти. Кхо-ом-м (Подползает к Назару.)

Назар. А-а-а-а! (Бежит к Гуз-Гуну.)

Гуз-Гун. Кхо-ом-м! (Ползет к Назару с распростертыми руками.) Пощади!

Назар. А-а-а! (В ужасе бежит из стороны в сторону и вдруг в страхе кричит.) Эге-е-ей!

Горо-Буга (*выпустив попа, на коленях ползет к Назару*).
Храбрый Назар!

Назар (*стучит зубами*). Б... б... б... б...

Остальные великаны (*ползая на коленях*). Храбрый Назар!.. А-а-а!

Поп. Помилуйте их, Храбрый Назар!

Назар (*увидев попа*). А?

Поп. Они побеждены, пощади виновных!

Великаны. Пощады просим, Храбрый Назар!

Назар (*недоверчиво смотрит то на попа, то на великанов, но, смекнув, в чем дело, овладевает собой*). Так вот оно что! Ай да Храбрый Назар! Молодчина! (*Боязливо поглядывает на Горо-Бугу.*)

Горо-Буга (*несколько раз кланяясь Назару в ноги и ударяясь лбом о землю*). Слышать слышали о тебе, Храбрый Назар, но не видывали. Умоляем, будь нашим повелителем, а мы твоими рабами! Повели — разрушим весь мир и бросим к твоим ногам! Только пощади нас!

Назар. Страна ваша, холопы, как зовется?

Поп. Титаностан.

Назар. Титаностан? Ладно. Пощадим!

Поп (*крестясь*). Мир всем! Аминь! (*Про себя.*) Едва спаслись! Да благословит тебя господь, о храбрец!

Молчание.

Горо-Буга. Позволишь ли встать, повелитель?

Назар. Встать? (*Думает.*) Встаньте. Только подальше станьте.

Горо-Буга. Обнажи свой меч и пропусти нас под ним!

Назар вынимает со страхом из ножен меч, и все великаны проходят под мечом. Молчание.

Поп (*поднимаясь на крепостную башню, делает оттуда рукой знаки убежавшим*). Идите, благословенные, идите! Победа, идите!

Появляются: тамада, Сакко, бодрящийся старик, учитель, Гункианос и другие мироеды. Последние с удивлением смотрят на эту сцену и, постепенно расхрабрясь, подходят к Назару и великанам.

Один из дурашкинцев. И как это случилось-приключилось?

Тамада (*дает ему тумака*). Молчать!

Дурашкинец съеживается и умолкает.

Горо-Буга. Что теперь повелишь делать?

Назар. Ничего не повелю. (*Оглядывается по сторонам — куда бы убежать. Прохаживается.*)

Горо-Буга (ходит за ним по пятам). Как будет угодно? Здесь или там, в крепости, хлебом-солью попотчевать?

Назар (сомневаясь). Здесь, здесь!.. Там... будет темновато.

Горо-Буга. Слушаюсь, повелитель! (Ходит за Назаром.) Не сядешь ли, Храбрый Назар? Кхо-ом-м?

Назар. А? (Садится и с опаской поглядывает на великанов.)

Горо-Буга (садится рядом; к остальным великанам). А ну приготовьте обед! Кхо-ом-м!

Великаны. Сейчас! (Уходят.)

Горо-Буга (вслед уходящим великанам). Поджарьте медведей на вертеле! (Громче.) Кхо-ом-м. Сварите буйволов! (Еще громче.) Приготовьте верблюдов на жаркое! Кхо-ом-м.

Назар при каждом выкрике великана подскакивает на месте.

Великаны. Сжарим, братец! Сварим, братец! (Гигантскими шагами бросаются в лес, титаническими движениями вырывают с корнями деревья, таскают колоссальные камни, — готовятся развести костер. Бегают в крепость, выносят оттуда громаднейших размеров ложки, ножи и пр.)

Назар (напуган со страху). Братец великан...

Горо-Буга (в беспокойстве). Кхо-ом-м?

Назар, испугавшись его, молча садится на место.

Феришана, случайно поскользнувшись, падает на одно из деревьев, которое ломается и валится перед Назаром. Назар подскакивает. Хозени хохочет. Другие заражаются смехом. Вдруг прыскает и Горо-Буга. И поднимается буря титанического хохота. В ужасе Назар отступает назад. Великаны перестают хохотать. Только Хозени не может сдержать хохота. Великаны нападают на него и начинают колотить и приговаривать: «Кончай хохотать, кончай хохотать!» Затем они продолжают работу.

Арча-Тотош хочет сорвать большую ветку над головой Назара.

Феришана (останавливает его). Не надо, не надо, гнилая! (Отшвыривает Арча-Тотоша в сторону.)

Великаны кончают ломать деревья и ставят котлы на костер.

Горо-Буга (заметив озабоченность Назара). Не терпится? Хочешь, принесу медведя, — позабавься, рви на части.

Назар (ужаснувшись). Нет, не надо!

Горо-Буга. А то есть хорошие, крупные. (Обращаясь к великанам.) Кхо-ом-м! Несите же обед!

Великаны. Несем! Кхо-ом-м!

Хара-Гура, Гуз-Гун несут колоссальный котел и ставят перед Назаром. Феришана, засучив рукава, лезет руками в котел и мешает половником.

Великаны с топотом садятся вокруг.

Горо-Буга (Назару). Кхо-ом-м. Кушай, любезный, на здо-

ровье! Что душеньке угодно: быка? Кхо-ом-м! (Громче.) Верблю-
да? Кхо-ом-м? Слона Кхо-ом-м! (Засучив рукава, вытаскивает
огромнейшие куски мяса и подает Назару.) Кушай, милейший, на
здоровье! (Обращаясь к великанам.) Ешьте! (Сам берет себе боль-
шущий кусок. Другие тоже, засучив рукава, набрасываются на
котел и начинают есть.)

Горо-Буга. Кхо-ом-м! Глашатай, сообщи царю, пусть идет
воевать с нами. Скажи, не будем больше платить дани! Пусть идет
воевать!

Глашатай. Слушаюсь! (Поднимается на крепостную баш-
ню.) Эй, государь, внимай! Дани платить не станем! Не царь ты
нам больше! Иди с нами воевать!

Горо-Буга (вскакивает). Кхо-ом-м!

Назар (вздрагивает). Отложить бы на другой раз? А?

Горо-Буга (в нетерпении мечется по сторонам. Настроился
воевать. Великанам). Вооружайтесь получше! Зададим бой! Кхо-
ом-м! (Надевает с лязгом оружие. Остальные тоже. Поднимается
на крепостную башню и оттуда начинает озирать окрестности.
Бежит вниз и опять мечется в нетерпении.)

Назар (ходит за ним по пятам). Э-э-э-э, послушай, братец!
Мир все же лучше, а?

Горо-Буга (повторяет машинально). Мир все же лучше.
(Бежит наверх и обратно.) Кхо-ом-м! Идут!

Глашатай. Гонец от царя!

Назар (кашляет). Кха-кхо-м-м!

Гонец (входит слева).

Кого это вы призвали
Вами править и владеть?
Царю вовсе знать не дали,
Смели честь его задеть?
Немедля же свергнуть его!
Заковать в цепи всего!
А царь самолично спешит
И над ним уж свой суд свершит!

Назар (дрожа от страха, стучит зубами и мечется по сто-
ронам). Б... б... б... б... Вот тебе и крышка! Выкручивайся теперь!
Горо-Буга.

А ну, проваливай, урод!
Царя вы своего лишь знали
Да его никчемный сброд,
Назара мощь не испытали.
Оглобли поворачивай назад
Да передай царю ты своему,
Что наш отныне вождь Назар
И верны мы лишь ему.

Гонец.

Сообщу царю я тотчас.
Пусть едет, проучит вас!

Назар (*ищет, куда бы убежать*). И куда это девали моего коня?

Горо-Буга.

Живей, к оружию, бойцы!
Не отставайте от Назара!
В ряды стройся, молодцы!
Зададим царю мы жару!

Затрубили трубы.

Глашатай. Враг наступает!

Горо-Буга. Подать скорей коня Назару!

Назар. Братцы, нельзя ли отложить? (*Кашляет.*) Ну, и нашли время!

Великаны. Скорей Назару коня, показались вражьи силы!

Поп. Да здравствует наш вождь, Храбрый Назар, чей тысячу сражает единый удар!..

Все с оружием двигаются направо. Великаны, за исключением Горо-Буги, поднимаются на крепостную башню. Издали слышны трубные звуки, а постепенно и крики войск. Мироеды и дурашкинцы прячутся за камни. Некоторые дурашкинцы поднимаются на крепостную стену и со смехом наблюдают.

Глашатай. Идет войско! Ай-ай-ай-ай!..

Великаны. Идет войско! Ой-ой-ой-ой!..

Горо-Буга. Храбрый Назар с нами!

Великаны. Бежать надо, — тьма их, ой-ой!

Горо-Буга. Куда бежать, чертенята? Шкуры с вас сниму! Позволит разве Храбрый Назар бежать вам? Кхо-ом-м! Крепче держите палицы!

Великаны. Братец, поднимись, посмотри, сколько их!

Горо-Буга (*поднимается на крепостную башню*). Ох! Что это? (*Бежит обратно и бросается Назару в ноги.*) Горе нам! Спаси нас, Храбрый Назар!

Назар. Ой-ой-ой!

Великаны (*бросаясь в ноги Назару*). О, горе нам, Храбрый Назар!

Назар. Ой-ой-ой! (*Без оружия убегает.*)

Горо-Буга. Куда он бежит без оружия? Удержите его!

Великаны ловят его, приводят обратно и вооружают.

Горо-Буга. Коня давайте! (*Подводят.*) Подсадите! (*Подсаживают.*)

Назар (*страшно волнуется. Озирается кругом, ища, куда бы*

убежать. Говорит про себя, но от страха постепенно повышает голос). Война! Ну, молодец, выручай себя!

Горо-Буга. Сейчас, миляга, сейчас! Погоди малость!

Но Назар ищет путей к побегу. Вдруг он замечает над своей головой гнилую ветку, делает движение, чтоб взобраться туда. Издали слышен шум, который, приближаясь, усиливается.

Голос царя. Где мятежник наглый? Подать его сюда!

Горо-Буга (обращаясь в ту сторону). Держись крепко, вон сам царь едет! (Назару.) Ну, Храбрый Назар, покажи себя!

Великаны. Смелей в бой, Храбрый Назар!

Тамада (гонит дурашкинцев в бой). А ну, сволочье, идите, гоните врага!

Дурашкинцы. Что ж, погоним и этих.

Окружают царя и движутся вперед.

Назар (орет от страха). Эге-е-ей! (Хватается за гнилую ветку. Ветка ломается и остается в руках Назара. Великаны кричат. Дурашкинцы движутся вперед. И Назар вместе с ними верхом несет на врага. Слышен крик Назара.) А-ай-ай!

Горо-Буга. Враг бежит, догоняй!

Великаны нападают на войско неприятеля.

Войско. Спасайтесь, несется Храбрый Назар...

Горо-Буга. Бей их!..

Сражение. Шум. Смятение. Постепенно все отдаляется. Мироеды, набравшись храбрости, поднимаются на крепостную стену и оттуда следят за боем.

Мироеды. Ай да Назар! Молодец! Как он их гонит! Как он вырвал дерево! Как он рубит! Бегут! Бежали все как есть!

Молчание. Ведут Назара. Голоса постепенно приближаются. Вскоре входят великаны.

Тамада. Возьмите из его рук дерево. Снимите с коня. От избытка гнева он без памяти! Да здравствует Назар!

Назара снимают с коня и отбирают у него ветку.

Тамада.

Давайте подушки! Стелите ковры!

Пусть князь наш Назар скорей отдохнет!

С поля брани добычу сюда пусть несут!..

Поп (выходя из крепости). Для жертвоприношения котлы на огонь ставьте!

Учитель. Для всенародного пира скатерти стелите!

Г о л о с. Гонец от бежавшего врага!
Г о р о - Б у г а.

Кхо-ом-м!.. Небось
Туго пришлось?
Сюда зовите,
Шею сверните!

Вводят гонца.

Г о н е ц. От побежденного, разбитого доблестного войска, народа и страны я с просьбой к Храброму Назару.

Г о р о - Б у г а. Кхо-ом-м! Говори!

Г о н е ц. Царь наш пал в бою. Народ и страна остались без правителя. И вот уцелевшие остатки войска и вся страна просят Храброго Назара присоединить нашу страну к вашей и стать царем обеих стран.

Г о р о - Б у г а (Назару). Не хочешь ли, Храбрый Назар, стать царем?

Н а з а р (приходя в сознание, еле слышно). Что ж, давайте, стану.

Г о р о - Б у г а (гонцу).

К войску ты своему скачи,
Народу и стране скажи:
Властитель-де, наш Назар,
Отныне ваш и наш царь.

Г о н е ц.

К войску я назад поспешу,
Народ, страну оповещу...

У ч и т е л ь.

Да здравствует спаситель и царь наш Назар,
Чей тысячи сражал и сразит еще удар!

В с е. Да здравствует царь Назар!..

Дурашкинцы (удивленно). Во-о! И как это случилось-приключилось? Счастье!..

— Да-а... Во-о... Хитрая штучка!..

— Штучка или счастье — покажет конец. Гони, брат, посмотрим, куда дойдем! Во-о...

Т а м а д а (давая им по шее). Вот вам за все! Ну, айда, дурачье-сволочь! (Обращаясь к великанам.) Вперед! Айда!

Великаны в испуге идут впереди. За ними дурашкинцы и Назар, окруженный великанами, мироедами и дурашкинцами. Играют музыканты-зурначи.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ХРАБРЫЙ НАЗАР—ЦАРЬ

Зал во дворце, обставленный в восточном стиле. Справа царский трон. Прямо задрапированный вход. Слева застекленный балкон, выходящий на площадь. В углу, между левой стеной и стеной прямо, — второй крытый маленький балкон. У трона на стене висит шкура тигра.

Дворецкий (сухой человек с быстрыми движениями и мелкими шажками. Мышиные глаза. Движения и манеры механичны и церемонны. Входит и останавливается у занавески в позе, застывшей для поклона).

Назир (входит и отвешивает глубокий поклон дворецкому).
Господин мой!

Дворецкий (кланяясь по-персидски). Господин мой!

Назир становится напротив дворецкого.

Визирь (входит и кланяется отдельно дворецкому назиру).
Господин мой!

Дворецкий } (в свою очередь). Господин мой!
Назир }

Входят другие сановники и, кланяясь друг другу таким же образом, становятся в два ряда и ожидают с трепетом в застывшей для поклона позе.

Назир (дворецкому). Изволил ли проснуться августейший? Дворецкий. С вечера соизволил уснуть в опочивальне на своем ложе и безмятежно почивал до зари. Встал с первыми лучами солнца и вот сейчас, лучезарный, осчастливит нас.

Назир. Вечно памятные дни! Что являл собою наш государственный корабль во времена потерпевшего поражение прежнего царя? Палубу во время бури!

Визирь. И точно. С тех пор как августейший победил нашего скупого, хворого царя, — я от счастья глаз не смыкаю.

Назир. И я не смыкаю глаз. И подлинно, Назар покрыл славою государство. Осчастливил его. И сейчас, по справедливости, он имеет полное право немного отдохнуть.

Один из придворных. Счастье согнало сон и с моих глаз. Я наслаждаюсь длительным бодрствованием, которое подобно райскому сну.

Назир. О блаженство! Это не царь, а манна небесная! О долгожданный! За дни его царствования я присоединил шесть округов к своим владениям.

Визирь. А я присоединил четыре.

Военачальник. А я стал помещиком. О чем и мечтать не мог при прежнем царе.

Один из придворных. И духовенство порядочно жирку набрало.

Назир. Словом, все мы прекрасно поправили свои дела.

Визирь. Терпение, ваше сиятельство! Мы поправим свои дела еще лучше!

Один из придворных. Господь велик! Будем молить его, чтобы он послал нам еще одну войну!

Назир. Всевышний, пославший нам одну войну, отечески пошлет и вторую.

Военачальник. Благодарение богу, царь наш к тому же оказался храбрецом. Будем ждать новых побед!

Назир. Итак, господа, поможем же царю в его великих обязанностях!

Все. Поможем, поможем!

Назир. И бог да хранит царя!

Дворецкий *(с беспокойными манерами и движениями выбегает из зала и, заглянув обратно)*. Его величество!

Все падают ниц и остаются в таком положении.

Дворецкий *(вбегая и дрожащими руками раздвигая занавески)*. Проникнитесь трепетом!

Входит царь Назар. Гордо и торжественно проходит он мимо павших ниц к трону и останавливается перед ним лицом к придворным. За ним так же важно шествует Сако, в новом одеянии, со знаменем в руках, и становится позади Назара.

Дворецкий. Счастливая встреча свет-государю Назару! День царствования тридцатый. Подходите все с благоговением и трепетом. Боже, царя храни!

Все *(становятся перед Назаром полукругом и смиренно кланяются)*. Аминь! *(Продолжают оставаться павшими ниц.)*

Дворецкий *(выступает вперед, раскрывает свернутый трубочкой лист бумаги, отвешивает низкий поклон Назару и начинает)*. Доблестный государь! О солнце справедливости! Море разуму! Длань всемогущества! Уста правдивости! Осмелюсь я за-

честь фирман, кой повелено было составить к сегодняшнему знаменательному дню. Оный гласит: «Непостижимой милостию божией мы, Назар тысяча первый, царь и духовный глава Назаростана, Дурнистана, Титаностана, Гога и Магога, Ачуча и Пачуча, победоносец и владыка мира и прочая, и прочая, и прочая, пове-леваем, указуем, устанавливаем и узаконяем: да восходит и днесь солнце с востока и заходит на запад. Да рождаются люди и умирают. И все дела человеческие, кои творятся на земле, да продолжают совершаться. И да исполнится слово господне и закон человеческий: «Во устах царя глас с небес бысть». Собственноручно на подлинном начертал: «Назар тысяча первый». С подлинным верно: секретарь секретарей Багахорик.

Назар делает рукой знак удовлетворения.

Дворецкий. Осмелюсь я поднять глаза на лучезарный лик твой в ожидании новых приказаний, о, центр мироздания?

Молчание.

Назар (вынимая из кармана ключ и передавая дворецкому). Изюму принеси.

Дворецкий. О, воплощение тончайшего вкуса! Повелишь подать гроздья винограда индостанского или арабстанского?

Назар. Что болтаешь-то? Подай изюму какого-нибудь!

Дворецкий. О, уста истины! Слушаюсь и повинуюсь! Стало быть, принести все равно какого изюму?

Назар. Да, да, да! Именно все равно какого. Ну, марш, скотина!

Дворецкий уходит.

Назар (полулежит, благодушествуя на троне. Правая нога расположена высоко, а левая полуспущена вниз. Махнув четками в сторону придворных). А ну, сюда! Все ли благополучно в государстве? Нет ли каких ошибок? Эй, назир-визир?

Визирь }
Назир } Все идет по закону, державный государь!

Назар. А войска как, военачальник?

Военачальник. Храбры, доблестный государь!

Назар. Казначей, а казна как?

Казначей. Счета в полном порядке, всебогатеиший царь!

Назар. Так вот что: подите, за всем хорошенько присмотрите. Чтоб все было в порядке: войско, богатство, за всем присмотрите, как следует. Не то, сволочи, головы всем снесу! Мой вам указ: чтоб воровства ни боже упаси! Все награбленное хорошенько спрячьте, чтоб не растаскали! Поняли?

Все. Поняли, царь-государь!

Дворецкий (входя). О, буря негодования! Новоявленные князья ждут аудиенции.

Назар. А?

Назир. Мироедский князь тамада и наместник Гого-Буга с дружиной.

Назар. Что дальше?

Дворецкий. Князь Мирогрabsкий, Боров-Бугай, с дружиной своей, а также чудашкинцы.

Назар (беспокойно). Да кто там, наконец? Скажи, пусть войдут!

Дворецкий приглашает тамаду, Горо-Бугу и других великанов, а также несколько дурашкинцев.

Назар (при виде их). Ба! Так это же Тамада, Горо-Буга. Так бы давно и сказали! (Обращаясь к вошедшим.) Пожаловали-таки?

Тамада. Явились, царь.

Назар. Ну, как живете-можете?

Тамада. Слава богу, государь.

Назар. Всем вам, мироедам, я пожаловал титулы князей: Дурнистанского, Титаностанского, Гога-Магога, Ачуча и Пачуча. Земли и людей получили?

Все. Получили, государь.

Назар. Так вот вам мой указ: всем вам, мироедам, остаться при дворе. Земли оставите на управляющих. Дурашкинцы будут работать, а вы кушать. И нет вам указа работать. Теперь уж вы дворяне. Поняли?

Тамада. Поняли, государь.

Назар. И вы, великаны, тоже останетесь во дворце и будете телохранителями. Чтобы охранять мою персону. Понял, Горо-Буга?

Горо-Буга (испуганно). Понял, Кхо-ом-м... Государь...

Назар. Тише! Издавай звуки поприличнее! Хоромы тут, а не конюшня, скотина! (Обращаясь к дурашкинцам.) А вы, два дурашкинца, тоже останетесь при дворе, чтоб шутки шутить, мою личность потешать.

Один из дурашкинцев. Да, во-о...

Скоморох-дурачок,

Шут гороховый...

Айда! Гоп! Гоп!

Подпрыгивая, убегают вдвоем.

Дурашкинцы (тамаде). Ударили мы, дядюшка-мироедушка, на врага. Как только они увидели Храброго Назара, в ужасе все бежали сломя голову. Хи-хи-хи!

Назар (всем). Ну, а теперь проваливайте! (К Сако.) Князь Сако, оставь знамя.

Сако водружает знамя у трона.

Придворные низко кланяются и уходят. Сако идет за ними. Дворецкий за последним.

Назар (разлегся на троне в свое удовольствие). Эх, разлюли-малина!

Дворецкий входит с пажом, несущим на подносе изюм. Дворецкий делает знак пажу, чтоб поднести царю. Паж делает различные выкрутасы, становится на правое колено и подносит изюм царю.

Назар (давая пощечину пажу). Что кривляешься, как обезьяна? Давай изюм, что ли!

Паж ставит изюм на трон.

Назар. Пошел вон!

Паж уходит с кривляниями.

Назар. А ты чего торчишь, как осел?

Дворецкий. О, воплощение красоты! Лик твой царственный не приял еще сегодня омовения и помазания.

Назар. Чего это?

Дворецкий. О, отражение солнца! Угодно будет освежить себя розовой водой или иными благовонными маслами?

Назар. Не поняли мы!

Дворецкий. О, снег чистоты! Сегодня ты еще не изволил совершить омовения.

Назар. И что за напасть каждый день омываться? Скала я морская, что ли? Или лохань? Нельзя ли не умываться?

Дворецкий. О, сокровищница законности! Таков ритуал царей. В знак того, что пролитая царями кровь к рукам их не пристаёт.

Назар. Ослиный ритуал! Каждый день, знай, умывайся!

Дворецкий. О, глас благовещения! Не соблаговолишь ли пройти в ванную?

Назар. В баню, что ли?

Дворецкий. Да, повелитель, в баню!

Назар. Да чего там! Намочи полотенце и дай сюда. Вот и сказке конец! Неохота с места двигаться!

Дворецкий (низко кланяясь). Будет исполнено в точности. Других распоряжений не следует, о, перо небесное?

Назар. Ох, и надоел! Проваливай! (Дает ему пинка.)

Дворецкий кланяется и уходит.

Назар. В баню захотел! Вот осел вислоухий!

Дворецкий (входит с двумя пажами, из которых один несет благовонные масла, а другой перекинутые через руку полотенца и салфетки. По указаниям дворецкого они сперва мокрыми полотенцами обтирают лицо Назару потом, надушив его, натирают благовонными маслами. Дает указания). Надушите сперва нос солнечной красоты! Так. А теперь накапайте на лик источника грации семь капель индоостанской розовой воды. Так. Салфетку. Три капли арабстанского ладана на благородный затылок. Так. Салфетку! С превеликой осторожностью и трепетом дайте трижды по три капли ширазского розового масла на тучеподобные брови и усы. Так. Салфетку!

Назар (сморщив физиономию и моргая глазами). Пойдите, скоты, пойдите, глаза заело!

Дворецкий. Минутку перерыва!

Назар (принюхиваясь). Гм... ничего. Запах хороший. Налейте мне малость вон в ту кружечку. (Подают. Выпивая.) Знатно! Чего же вы его зря изводите? Не смейте больше! Не надо. Приносите каждый день, буду пить. А теперь — айда!

Пажи убирают пузырьки и полотенца и уносят. Дворецкий следует за ними. Сако возвращается.

Назар (полулежа и кушая изюм, начинает напевать. Ему вторит Сако). Ам-ан, ай-джан-джан! Эй, ам-ан, ам-ан!

Дворецкий (входя). О, ухо милости! Какая-то простолоудинка просит аудиенции.

Назар. Ну, а дальше что? Ослиная голова!

Дворецкий. Явилась какая-то простолоудинка. Удостоишь ли увидеть твой лучезарный лик?

Назар. Не пойму, о чем говоришь. Поди скажи (нараспев): д-а-а.

Сако (нараспев). По-ди ска-жи: да.

Дворецкий уходит. Устиана входит с дубинкой в руке, с котомкой за плечами и останавливается у входа. Назар не замечает ее, продолжает петь. Устиана делает шаг вперед.

Назар (посмотрев в ее сторону). А? Кто это?

Устиана (подходя ближе). Не хочешь и признавать? Это я, Устиана.

Назар. Да ну?! Так это ты, Устиана? Подходи, подходи!

Устиана. Так это правда? Или сон? (Приближается и с удивлением смотрит на Назара.) Ты что же, муженек, здесь делаешь?

Назар. Сама видишь: держу мир единою рукою!

Устиана. Господи, люди сказывали, не верила. Неужто правда это?

Назар. Правда, ханума Устиана, правда. (Внезапно повернувшись к ней.) Говорила ты, — ничего, дескать, из меня не выйдет. Видишь? Говорила, что я труслив. А ну, скажи, кто теперь храбрее меня? Кто умнее? Кто богаче? А? Знаешь ли ты, что державы трепещут передо мной? Знаешь куда идут границы моего государства? (Приблизив нос к ее носу). Ну как? Захлопнешь перед носом дверь? Так вот же тебе! Теперь я царь! Что, съела?

Устиана глядит на него исподлобья.

Назар. Смотри, смотри получше! Глазам-то своим веришь? Царь я, или нет?

Устиана. Что греха таить, правильно! Царь ты!

Назар. То-то же! Царь я, и мир передо мной трепещет! Ну, умная головушка, что скажешь теперь?

Устиана. Что уж говорить...

Назар. Да нет, уж ты скажи: умна ты была или нет?

Устиана (*смущенно*). Что говорить! По моему по бабьему уму, не должно было этого случиться. А на деле выходит — не больно я умна.

Назар. То-то же. Ну, иди, иди, целуй мою ручку да становись царицей при царе.

Устиана (*вне себя от радости*). Неужто правда? Пригожий ты мой! (*Целует Назару руку.*) О, господи! Рассудка лишусь! Я — царица!

Назар. А теперь смени одежду. Да и разум заодно смени: старый-то не надобен. (*Наружу.*) Эй, дворецкий!

Сако (*подражая ему*). Эй, дворецкий!

Дворецкий входит.

Назар. Для ханумы Устианы в верхнем складе велишь выбрать хорошее платье из платьев прежней царицы. Понял?

Дворецкий. Почтительнейше понял, о, рупор приказаний! Только скажи, о, бездна разума: платье предназначается для помазанницы или для наложницы?

Назар. Поди-ка сюда! (*Дворецкий подходит. Назар дает ему по шеям.*) Вот тебе за язык! Ох, этот проклятый язык! (*Толкнув ногой.*) Пошел вон! (*Дворецкий выбегает. Назар и Сако грубо гогочут.*)

Дворецкий (*возвращается*). Приказ передан по назначению, о, дождь живительный! Платье с молниеносной быстротой будет здесь.

Назар. Ладно. Накинь-ка на меня соболью шубу да поди, принеси для ханумы Устианы сладостей, пока приготовят платье. Принесешь на золотом блюде! Пусть видит! (*Дворецкий уходит и возвращается с пажими, которые несут Назару царскую порфиру. Одновременно подают на золотом блюде разные сладости и сушеные фрукты. По указанию дворецкого пажи накидывают на плечи Назара порфиру, а блюдо ставят перед Устианой, которая угощается.*) А теперь поди принеси мою золотую корону. (*Дворецкий уходит. Назар растягивается на троне.*) Благодать! Хорошо быть царем? Что может быть лучше? Дурака я сваял, что зря околачивался в деревне. Палец о палец не ударяешь. Ешь, спи, пей, вставай. пройди по садику. приходи, кушай обед, а потом приляг на подушки да покуривай кальян. (*Поет.*) Ам-а-а-н! Ай-джан!

Дворецкий вносит корону и с церемониями надевает Назару на голову. Назар продолжает петь.

Назар. Не дави же так, скотина! (*К Устиане.*) Так-то, матушка! С утра сажусь на трон и повелеваю до самого обеда. Приносят обед. И чего-чего только не ставят: хорошее масло, сладчайший мед, пышки, плав с жареным барашком. Ешь себе на здоровье!

Устиана. Не то, что я. Подчас маковой росинки во рту не бывало!

Назар. Палаты мои, матушка, это море богатства. Вот в этом только верхнем ящичке одних постельных принадлежностей сложено сто пять тысяч пар — все из шелка-бархата. (К дворецкому.) А ну, холоп, дай-ка мне в руки земной шар!

Дворецкий уходит. Возвращается вместе с пажами, которые приносят взамен державы глобус и подают Назару. Уходят.

Устиана. Ой, как хорошо! Стало быть, теперь будем жить да поживать?

Назар. Не жить-поживать, скажи — пировать будем! (Поет.) Ам-ан, ам-ан, ай-джан!

Сако подтягивает.

Устиана. Как же это произошло? Прямо похоже на сон. Станем жить и впредь слова в обиду друг другу не скажем. Ведь нам, супругам, делить нечего. Ты царь, я царица. Не подстать нам теперь, подобно простолюдинам, ругаться, ссориться и прочее такое.

Назар. Что и говорить! Жизнь сложилась хорошо, Устиана. Очень хорошо. Жаль только, что этого раньше не случилось. Так ты говоришь — все это на сон похоже? И правда. (Наружу.) Эй, холоп, дворецкий! (Входит дворецкий.) Подойди-ка сюда. (Дает ему пощечину.) Ну?

Дворецкий растерялся.

Назар (хватает его за нос и трясет). Ну? (Ждет.) Больно? Дворецкий. Больно, повелитель!

Назар (хватает дворецкого за ухо. К Устиане). Смотри, вот! (Сжимает дворецкому ухо. Тот пытается сдержать гримасы лица, но от боли то скрючивается, то вытягивается, то садится, то поднимается). Разве это сон? (Все трое гогочут. Назар, обращаясь к дворецкому.) Пошел вон! (Дворецкий уходит.) Нет уж, дорогая, это не сон, а истинная правда. Знай себе, пируй! (Поет.) Ам-ан, ам-ан, ай-джан! Чудесно! (Ощущая от безделья скуку.) Ну, что ж дальше-то делать? А? (Наружу.) Уй, назир-визир!

Назир } (влетают оба и у двери сталкиваются друг с дру-
Визирь } гом). Повели, царь-государь!

Назар. Эй, военачальник! Казначей!

Сако (подбегая к двери). Эй, военачальник! Казначей! (Возвращается на свое место.)

Военачальник (влетает). Повели, царь-государь!

Молчание.

Казначей }
Назир. } Что прикажешь, свет-государь?

Назар. Что прикажу? (Произносит с расстановкой.) Ни-че-го не при-ка-жу. Идите!

Все уходит.

Устиана. Зачем звал-то?

Назар. Низачем. Так просто, прихоти ради (*Гогочет. Ему вторят Сако и Устиана. Поправляя порфиру и любуясь собой.*) Ну, видали, как все юлят передо мной? (*Гогочут с Сако. Наблюдает, как ест Устиана.*) Кушай вдоволь, Устианушка! Не бойся, много еще есть. Да в карман положи, поешь после, гуляя по бахче. Вот отменная хурма багдадская.

Устиана. Так, стало быть, и домой больше ворочаться не будем?

Назар. Домой? А какого рожна мне надо дома-то? Дому конец! Был дом и сплыл! Вот дом, — так это уж действительно был сон. Настоящий сон!

Дворецкий (*входит со служанками, несущими платье для Устианы*). Если царице благоугодно будет облачиться, служанки к ее услугам.

Назар (*коверкая и передразнивая*). Бе-бе-бе! бе-бе-бе!

Сако и Устиана гогочут.

Дворецкий. Что же повелишь, о, законодатель благопристойности, касательно распоряжения своего?

Назар (*показывая ему язык и передразнивая*). Бе-бе-бе-бе-бе-бе! Ох, и язык! Ох, и язык! Чего тебе?

Дворецкий. Платье царицы готово, государь!

Назар. Так бы и сказал, осел! (*Толкает его ногой. Сако и Устиана гогочут. К Устиане.*) Ты переодевайся, а я поднимусь пока наверх посмотреть, все ли в стране благополучно. Кончишь, дай знать, пойдем пройдемся на бахчу. (*К Сако.*) Князь Сако, бери-ка знамя! (*Сако берет знамя.*) Эй, казначей, ключник!

Казначей

Ключник

} (*влетают*). Повели, царь-государь!

Назар. А ну, вперед! Пойдем поглядим, как обстоят государственные дела.

Ключник и казначей, согнувшись, идут впереди. Назар следует за ними, выходит и поднимается на балкон, откуда начинает смотреть во все стороны. Сако держит за ним знамя.

Устиана (*встает, чтобы итти, но, что-то вспомнив, останавливается и манит к себе пальцем Сако. Сако подходит*). А чем ты, парень, был в своей стране?

Сако. И я был царем! Как братец Назар. Да и тут мы, как два братца-соправителя, царим. Случится что серьезное, тотчас братец спрашивает совета у меня: «Ну, братец царь, как быть?» А я отвечаю: «Быть вот так-то». И так и бывает.

Устиана. Ладно, а почему же и ты хоть изредка не садишься на царский престол?

Сако. Да боюсь, как бы вся сила из меня не вырвалась и не взорвала царства. (*Услышав покашливание Назара.*) Б... б... б... (*Убегаёт к нему.*)

Устиана (дворецкому неосторожно-громко). Послушай-ка, эй! Дворецкий. Уши мои отверзлись, дабы выслушать приказания твои.

Устиана. Не знаешь ли ты, как он стал царем? Дома мой Назар был малость трусоват.

Дворецкий (в ужасе, улыбаясь). Уши мои не слышат, о, скромнейшая царица!

Устиана (громко). Муж-то, говорю, трусоват был прежде. Как царем-то он стал? Опять не слышишь?

Дворецкий. Не слышал вновь! О, пресветлейшая! Пощади, меня здесь нет! Я не существую!

Устиана (подзывая к себе одного из дурашкинцев). Послушай-ка, может ты знаешь, как случилось-приключилось, что Назар царем стал?

Один из дурашкинцев.

Скок сюда — гоп!..

Поскок туда — гоп!..

Так и случилось-приключилось!..

Устиана. Да вы что, дурачки, что ли? Что говорите-то?

Один из дурашкинцев. Так точно, царица. Дурачки мы!..

Устиана (направляясь к двери). Провались я на месте, если хоть что-нибудь понимаю! (Дворецкому.) Сюда, что ли, итти-то?

Дворецкий. Истинно изволили указать. Именно в эту дверь, о, блаженство вселенной!

Устиана. Говорю же я, что это сон. (Уходит. Дворецкий за ней.)

Назар (кричит с балкона кому-то). Эй, эй, эй! Кто эта сволочь? Налога не платит, а тащит целый вьюк? Расквасьте ему башку, я сейчас спущусь!

Дворецкий возвращается обратно и свернувшись, как летучая мышь, ждет у занавески. Входят назир, визирь, а за ними постепенно военачальники и другие придворные

Назир (кланяясь дворецкому). Господин мой!

Дворецкий (отвечая поклоном). Господин мой!

Визирь и другие, кланяясь дворецкому, обмениваются тем же приветствием.

Назир (дворецкому). А где же изволит быть августейший?

Дворецкий. Соболаговолит подняться на балкон, чтобы самолично обозреть государство.

Назир (тихо). Нет ли слухов о войне?

Дворецкий. Абсолютно.

Назир. А что говорил августейший, когда изволил с новоявленной царицей вкушать сладости?

Дворецкий. Ничего особенного. Вчера одна рисинка пилава попала августейшему в нос. Божественный чихнул и изволил при-

казать отсечь голову повару. Приказ был исполнен. Тогда царь сказал с угрозой: «Всех поваров надо истребить!»

Назир. Итак, господа, не будем бездействовать! Идем помогать нашему царю в выполнении его тяжелых обязанностей. Поднимемся на балкон и будем наблюдать за государством.

Все. Идемте. (*Откланиваясь Дворецкому.*) Господин мой!
Дворецкий (*отвечая им поклоном*). Господин мой!

Все уходят и скрываются за стеной. Дворецкий выходит, но тотчас же возвращается и отдергивает занавески. Входит Устиана в одеянии царицы, проходит медленно, важно и садится на трон. Дворецкий скрючивается у занавески. За сценой слышен шум. Дворецкий спешит туда.

Голос глашатая (*похожий на певучий голос банщика, требующего из глубины сводчатой бани простыни*). Тревога! Вставайте! В колокола!

Слышатся трубные звуки.

Назар (*вбегает. Сако за ним*). Ребята, что это? Жена, что такое?

Устиана. Не пойму!

Назар (*к Сако*). Посмотри, что случилось?

Сако боязливо подходит к занавескам, выходит и тут же прячется за занавеской, но так, что остается виден.

Дворецкий (*вбегая*). О, длань победы, прибыл гонец!

Сако (*вбегая за ним*). Сущя буря!

Назар. Что за буря?

Дворецкий. Волнение!

Назар. Ступайте узнайте толком, скоты! (*Сако и дворецкий уходят. Вбегают назир, визирь, военачальник и придворные*). Ну, что за шум?

Назир. Храбрый царь! Прискакал гонец с сообщением. Враждебные нам цари, числом десять, поправ обет соседства, собрали войско и наступают на нашу страну с юга, севера, востока и запада.

Назар. Да ну? Я стал царем — и баста! Чего еще хотят от меня?

Назир. Хотят забрать себе нашу страну и твою корону!

Назар. Мою корону? Как так? (*Снимая корону и передавая дворецкому.*) Эй, холоп! Спрячь. Я им покажу корону!

Военачальник. Доблестный царь! Повелишь собрать войско, или ты вновь единолично разгромишь дерзкого врага? Что повелеваешь?

Назар. Что повелеваю? Идите воевать!

Военачальник. Как? Нам итти воевать, доблестный государь?

Назар. А что же, мне воевать, что ли?

Военачальник. О, храбрый государь! Я хотел сказать, что ты возглавишь войско, а оно пойдет за тобой.

Назар (свистит). Фьють! Баста! Назар на войну больше не ходок! Что хотите — делайте!

Военачальник. Изволил истинно повелеть, доблестный государь. Но если ты не пойдешь, войско должно само итти на врага.

Назар. И пусть идут! Всегда, что ли, я должен ходить?

Назир. Воля твоя, государь. Но есть одно затруднение.

Назар. Какое?

Назир. Погибнет масса народу.

Назар. Пусть гибнет. Для войска дело привычное. Меня это ничуть не тревожит.

Назир (обрадовавшись). О, значит разрешаешь?

Все (страшно обрадованные). Все складывается прекрасно!

Военачальник. Погибнет примерным счетом тысяч сорок человек.

Назар. Сорок тысяч? А сколько всего народу-то в стране, коли должны погибнуть сорок тысяч?

Визирь (открывая записи и справляясь). Ровно сто тысяч плюс несметное число дурачков и тысяча девятьсот пять простых.

Назар. Если так, пусть гибнут! Идите и прикажите, пусть воюют!

Все страшно радостные: «Помилуй бог царя!». Кланяются и уходят. За сценой слышны трубные звуки, шум, возгласы глашатая: «Война!»

Назир. Слушай, народ! Война! Все мироеды, станьте в одну сторону, чтоб остаться в тылу. Все дурашкинцы — в другую, чтоб итти воевать.

Дурашкинцы. Конечно, дурачки мы! Конечно, — умрем!
— Коли дурачки мы, — пойдем умрем.

— Ну, айда! Пойдем еще раз, пока сегодня мы еще дурачки.
А завтра — кто знает?

Входит Назар. Слышится шум удаляющегося войска и народа, который постепенно утихает.

Назар. Да, свой долг царя я исполнил. Пусть они воюют, а мы займемся своим кейфом. (Наружу.) Эй, холоп! (Входит дворецкий). Принеси корону да немного сладостей. (Дворецкий уходит. Назар, развалившись на троне). Эх, раздолье! (Поет). Ам-ан, ам-ан, ай-джае!.. (Ему вторит Сако.) Ну, Устиана! Царицей стала? Кто теперь тебе ровня? (Глядит на нее.) Что же ты молчишь? А? Душенька твоя теперь довольна? Ишь, куда взлетела-то!

Устиана (серьезно). Бога нечего гневить. Исполнилось желание знатного моего батюшки. Иначе и быть не могло, — я же из благородных.

Назар. Опять, жена, запела, про свой благородный род?

Устиана. Послушай, муженек, я все же хотела бы знать, как это ты царем стал?

Назар. Божией милостью! В фирмане так и значит: «Непо-сти-жи-мой божией милостью».

Устиана (*крестится*). Да будет воля твоя, господи! И я божией милостию царица.

Дворецкий входит с пажами, которые несут фрукты и подают Назару с Устианой. Уходят.

Устиана. Так ты, муженек, толком и не сказал, как это случилось.

Назар. Да что ты заладила: «Как случилось, да как случилось?» Ну, так и случилось!

Устиана. Воевал с кем-нибудь?

Назар (*свистнув*). Фьють! Еще как!

Устиана. Что, туго пришлось?

Назар. Очень даже. Прошел сквозь огонь и воду, и медные трубы. Шутка ли! Были битвы, когда весь мир трещал по всем швам.

Устиана. Но ведь все это дело храбрости, ума, и...

Назар. Ну, конечно. Ум и храбрость своим чередом. (*Думает.*) И-и-и, матушка! Какая там храбрость, какой там ум! Все дело в счастье! Есть у тебя счастье,— пируй во-всю, твой весь мир. Покрутит этак ветер и наметет тебе несметные богатства. Смотри. Война вот, люди гибнут, как мухи. А спроси их, чего ради они гибнут? Ради Назара! Они гибнут, а мы тут вкушаем пищу. Кончится война, если все погибнут,— наплевать, мне что? Если же не погибнут, то кому честь и слава? Конечно, Назару. При чем же тут мой ум, моя храбрость? Все — дело счастья!

Устиана. Счастья, говоришь?

Назар. Хочешь знать правду? Было время, когда я в беде трусил немного. А потом вижу, что всякий раз выхожу из воды сухим. Да и теперь вот: гуляй, чорт побери, напропалую! Люди так глупы, что везде и всюду тебя выручат. Глуп мир, дурачки люди. С сотворения своего мир был глуп и таким останется до скончания веков!

Устиана. Ну, а народ-то как гибнет?

Назар. Как во сне. Очень просто гибнет. Вот как. (*Показывает, поет.*) Аман! Аман! Ай-джан! (*Гогочет. Гогочут также Сако и Устиана. Хлопает в ладоши. Входят два дурашкинца. Им.*) А ну, дурачки, пляшите! (*Напеваает.*) Эй, дурачки! Ай, дурачки!..

Сако. Эй, дурачки! Ай, дурачки!

Один из дурашкинцев (*пляшет*).

Ай, тара-ни-ни!.. Ай, тара-на-на!..

Дурачку хлебать. — мироеду быть сытым...

Ай, тара-ни-ни!.. Ай, тара-на-на!..

Мироеду хлебать, а дурачку быть сытым...

Устиана. Доколе же вы будете дурачками-то?
Назар (*напеваёт*). Эй, дурачки! Ай, дурачки!...
Другой из дурашкинцев.

Дотоле, — доколе мы дурачки!
Ай, дурачки мы! Ой, дурачки мы!..

Один из дурашкинцев (*добавляет*).

Разумом-то мы крепки,
Да только, вишь, задним.
Отлетел разум с пташкой, — воротится еще!
А теперь айда, — улетай!..

Другой из дурашкинцев. Теперь айда, — улетай!..
(*Порхая, убегают вон*).

Назар. Эй, дурачки! Ай, дурачки!..
Глашатай. Тревога! В колокола!

Слышится шум, который постепенно приближается.

Назар (*вскакивая*). Эй, холопы! Дворецкий! (*Дворецкий входит*.) Холоп, что это там?

Дворецкий. Перемена судьбы, государь!

Назар. Что ты болтаешь? Зови сюда телохранителей!

Дворецкий выбегает, тотчас же возвращается вместе с тамадой,
Горо-Бугой и другими великанами.

Назар. Пришли? Станьте здесь. Посмотрим, в чем дело.

Назир (*входя*). Сражение разгорелось, о, царь царей! Момент решающий! (*Убегает*.)

Назар (*остальным*). Выходите и станьте тут же у дверей!

Тамада, Сако, Горо-Буга и другие уходят.

Устиана. Несчастье-то какое! Неужто эти собаки должны были напасть как-раз тогда, когда я царицей стала?

Назар (*беспокойно*). Сволочи! Так же нельзя! (*Собирается бежать*.) А? (*Шум усиливается*.) Вошли в город? (*Схватившись за живот, мечется по сцене*.) Ой-ой-ой-ой!

Устиана. Что с тобой?

Назар. Будь оно проклято, это царство! Ой-ой-ой-ой! Настоящая буря! Не государство, а кавардак!

Устиана. А государство? (*Бегает по сторонам, сует по карманам различные драгоценные вещи. Вдруг останавливается и прислушивается*.) А? (*Шум усиливается*.) Нет, усиливается! (*Продолжает класть за пазуху разные вещи*.)

Назар. Ой-ой-ой-ой! (*Мечется, схватившись за живот*.)

Дворецкий (*вбегая*). О-о-о! Государь! Поспешите на помощь!.. (*Убегает*.)

Сако (*вбегает*). Б... б... б... б...

Назар (*не узнавая Сако*). Кто это? (*Бегает*.)

Сако (срывает знамя и бежит за Назаром). Б... б... б... б...
Назар (убегает от него из зала). Б... б... б... б...

Сако бежит за ним.

Назар (от ужаса кричит). Эге-ей! (Продолжая кричать, поднимается на балкон.)

Голоса (за сценой). Храбрый Назар! Храбрый Назар!

Военачальник. В атаку!

Голоса. Убегайте! Удирайте!

— В атаку!

Устиана. Царица небесная! Заступница, спаси! (Крестится.)

Шум усиливается, Назар, не успев подняться на балкон, тотчас же бежит обратно в зал, прячется под трон. Сако бежит по залу.

Голоса. Победа! Победа! (Стучат в дверь.)

Назар (высовывая голову. К Сако.) Послушай... Пришли? Б... б... б... б... (Прячет голову.)

Сако, дрожа от страха, идет запирать дверь. Устиана отдергивает занавес, чтобы взглянуть наружу.

Назири другие (стучатся в дверь). Победа, храбрый государь!

Дворецкий. Победа, доблестный царь!

Устиана. Муженек! Говорят, — победа.

Назар. А? Кто победил?

Дворецкий (входя через другие двери). Наша победа, государь! (Уходит.)

Назар (успокоенный и вытирая пот, вылезает из-под трона). Да? Хорошо сделали, что победили. Не то я уж готов был весь мир разрушить! (Кашлянув.) Кхо-ом-м!

Народ (за сценой). Победа! Да здравствует наш царь!

Два дурашкинца (вбегают и начинают плясать и петь).

Их, их! Дурачок наш победил!

Победил, себя сгубил,

Себя сгубил — победил!

Айда, — улетай... (Убегают.)

Назар. Эх, и прет же тебе, Назар! И этих ты разгромил! Ну, Устианушка, ты только смотри теперь, чего-чего не натаскают сюда!

Устиана (в телячьем восторге). Ой, как хорошо царствовать!

Назар. То-то же! Пир горой это и называется. (К Сако.) Эй, холоп, открой дверь!

Сако открывает, возвращается, берет знамя и становится у трона Назара.

Дворецкий (входит в форменном головном уборе и с осо-

быми церемониями). О, царь царей! Назир, визирь и придворные просят аудиенции!

Назар. Повелеваю им войти!

Дворецкий уходит. Входят назир, визирь, военачальник, мироеды, великаны и другие придворные.

Назир. Многая лета нашему царю! Хотим возрадовать царское сердце великою радостью! Коварный враг разбит!

Назар. Очень рад слышать, холоп.

Назир. Не успел враг увидеть твою величественную грозную персону, — его и след простыл. Все десять царей убиты на поле брани. Благодаря твоему царскому уму, мудрости и храбрости, наше доблестное войско беспримерным натиском опрокинуло врага.

Назар. Очень рад слышать, холоп.

Визирь. Да здравствует наш доблестный царь!

Все. Да здравствует доблестный царь!

Назир. Доблестнейший государь! Народ сторает от нетерпения узреть твой неземной лик. Он молит тебя в сегодняшней великий день твоей победы хотя бы раз осчастливить его и лично выслушать его приветствия.

Назар. Ладно. *(Встает и поднимается на балкон. Его сопровождает Сако со знаменем.)*

Сако *(народу)*. Да здравствует наш храбрый царь!

Назир и другие *(прослезившись)*. Какое счастье!

Народ. Ура-а!

Назар *(делает рукой знак народу, чтобы он слушал)*. Дать войску и народу обед!

Назир. Слушай, народ! Всемиловивейший государь наш не только победил врага своей храбростью, но и блеснул еще своей щедростью. Идите обедать и благословляйте царя. Ура! Ура! Ура! Да здравствует всемиловивейший царь!

Народ. Ура-а-а!

Визирь *(выступая вперед)*. Ваше величество! Куда повелишь свезти военную добычу?

Назар. На склады.

Визирь. Приказ премудрейший. *(Наружу.)* Царь повелел всю добычу сложить в склады!

Назар. погоди, холоп! Принесите немного из этой добычи сюда, покажите царице Устиане.

Дворецкий выбегает и вскоре возвращается с пажками, которые несут различные шелка, шали, атлас, платья, золотую утварь и прочее.

Назар. Ну, Устиана ханума, бери, что душе угодно. Добыча хороша!

Устиана *(рассматривает, ошеломленная)*. Да, боюсь, что это сон...

Назар. А ты прикуси палец.

Устиана прикусила палец, в восторге рассматривает награбленное.

Н а р о д (поет).

Непобедим герой,
Храбрый Назар,
Чей тысячу сражает
Единый удар.

Н а з а р (Назиру). Холоп, скажи, пусть убираются!

Назир хочет идти на балкон, но Сако опережает его и идет сам.

С а к о. Эй, народ, подойди ближе! (Народ собирается.) Слушайте, холопы! Вам приказ от князя Сако! Смотрите мне на руку! Подаю знак — соберетесь! Подаю знак — разойдетесь! Понятно?

Н а р о д. Понятно.

С а к о. Ну, так айда отсюда, сволочи!

Народ расходится.

Н а з а р (испугавшись). Бе... бе... царем, что ли, хочет стать?

Н а з и р. Князь Сако!

С а к о возвращается.

Н а з а р (оба испуганно смотрят друг на друга). Бе... б... б... б...
Ну, что?

С а к о. Ни-ни-ни... чего!

Н а з а р (в ужасе). Ну, пошел вон, сволочь!

Сако убегает.

Н а з и р. Осмелюсь спросить, о, дождь живительный, можно ли удалиться?

Н а з а р. Постойте, холопы. Придете утречком: хочу сказать всему государству свое царское слово. А теперь повелеваю: ступайте!

В с е. Бог да хранит царя! (Уходят.)

Устиана после их ухода встает и тотчас начинает что-то искать по всем углам. Найдя свой мешок и веревку, несет на середину зала, раскрывает его и начинает что-то укладывать в него.

Н а з а р. Чем это ты занялась, жена?

У с т и а н а. Лучше уж я собственноручно соберу и где-нибудь в уголке сохраню. Хоть ты говоришь, что это не сон, а кто его знает. Всяко бывает. Вдруг да окажется сном. Хоть что-нибудь сберегу...

Н а з а р. Знай, себе, матушка, гуляй! Счастье даст нам все! (Поет.) Ам-ан! ам-ан! Ай-джан!

У с т и а н а (затягивая веревкой мешок). Не время, батюшка, песни петь. (Передает ему конец веревки.) А ну, затягивай-ка. Завяжем узелок. Затягивай! (Тянут вместе.)

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КОНЕЦ ХРАБРОГО НАЗАРА

Тот же зал во дворце. Назар восседает на троне. Позади него Сако держит знамя. Назир, визирь, военачальник, придворные, поп, тамада, Горо-Буга и другие великаны и мироеды стоят против Назара и в страхе ждут его слова. Молчание. Под руководством дворецкого пажи с различными церемониями воскуряют перед Назаром фимиам из имеющихся в их руках ладанниц, а затем осторожно и боязливо удаляются вместе с дворецким. Назар сосредоточенно перебирает четки. Он очень серьезен и стоит пред принятием важного решения. Движения его необычны. Он откашливается и начинает.

Назар. Внимание, холопы! Хочу дать вам указ и сказать царское слово. Во многих войнах я участвовал. Много воевал и много побеждал. Из последней войны вы, слава богу, это сами видели, мы также вышли с победой. Что это означает, холопы? Это означает, я вижу сам, холопы, что тут замешан перст божий. И в этом законе божьем особенно писано обо мне, что я всегда должен побеждать.

Поп. Тому свидетель бог!

Все преклоняются в знак глубокого благоговения.

Назар. И вот, холопы, я устами своими даю вам указ: род мой святой. Народ рождается для меня и умирает ради меня. А потому я желаю, чтоб имя мое было признано церковью. И чтобы я был причислен к лику святых.

Поп. Да будет, да будет и да будет!

Все с трепетом преклоняются.

Назар. А теперь слушайте, холопы. До сих пор мне помогал бог. Отныне же моя рука владыка. Отныне всех я буду побеж-

дать. Хочу теперь, чтоб все на свете делалось так, как мне заблагорассудится. Захочу, чтоб гибли, — пусть гибнут. Захочу, чтоб жили, — пусть живут! Захочу, чтоб было этак, — пусть будет этак! Захочу, чтоб было сяк, — и пусть будет сяк! А потому, холопы, я желаю теперь, чтоб весь мир был у меня под пятой. К чему столько государств и столько царей? Довольно и меня одного!

П о п. И да будет!

В с е. Аминь!

Н а з и р. О, тень господня! В царственной голове твоей зародилась счастливая идея. Повели — осуществим!

Н а з а р. Так вот вам мой царский указ. Подите соберите войско и от моего имени прикажите ему пойти войной на весь мир, ограбить его и все принести мне. А народу мой приказ: пусть платит новые налоги. Поняли?

В с е. Поняли, святой царь!

Н а з а р (попу). Отец духовный! А ты поди собери все духовенство, чтоб повести меня крестным ходом в церковь. Хочу сотворить молитву о спасении вселенной. (Всем.) А теперь — айда! Хочу с женой иметь царский совет.

В с е. Бог да хранит царя!

Все уходят за исключением назира и визиря.

Г л а ш а т а й (наружу). Во-й-н-а-а-а!

(Слышится шум, а затем звуки зурны.

Н а з и р (выходит на балкон). Ну, дурачки! Вы, которые всегда умирали за царя, идите опять умирайте за отечество!

Д у р а ш к и н ц ы. Во-о... Опять? Не довольно разве?

— Будет уж, ладно...

— Умирать не надо...

Н а з а р (из комнаты). Кто это там? Кто там? Дать им по башке!

М и р о е д ы (гоня дурашкинцев). Ну, айда, дурачки...

Д у р а ш к и н ц ы. Айда и на этот раз! Пока еще мы дурачки...

Слышатся звуки военных труб, песни, зурна, лязг оружия; постепенно звуки удаляются.

Н а з и р. Слушай, войско и народ! Наш святой царь-освободитель избавил нашу страну от врагов. Теперь он с помощью святого духа поднимается для освобождения всего мира от недостойных царей. Строжайше повелено, чтоб народ платил налоги, а войско завладело всем миром. Успеха царю и победы вам!

М и р о е д ы (снаружи трижды провозглашают). Да здравствует наш храбрый царь! Ура-а!

Слышатся звуки военных труб, песни, зурна, лязг оружия. Все постепенно удаляются.

Дурашкинцы. Ну, айда, покуда мы дурачки! А завтра — кто знает?

Дворецкий (входя). О, улыбка гостеприимства! Царица жалуется на прием.

Назар. А?

Дворецкий. Сюда жалуется царица.

Назар. Ну, и пусть идет. А чего забежал вперед, будто осел в стаде? (Дворецкий уходит.) «Царица». Голубиное яичко! Неровен час — разобьется!

Входит Устиана в одеянии царицы.

Устиана (важно и жеманно шествуя к Назару и ища рядом с ним подушку, но не находя, зовет дворецкого). Эй, дворецкий! (Дворецкий входит.) Куда подушка моя девалась, старый хрыч?

Дворецкий. О, боже, подушки-то и не принесли!.. (Весь дрожит.)

Назар (бьет скипетром дворецкого). Ах ты, сукин сын! Сама царица Устиана идет сюда, а вы смеете ее подушку забыть?

Дворецкий (падает на колени). О, град гнева! Виноват постельничий, прости!..

Назар. Обезглавить его!

Дворецкий уходит.

Устиана. Прости, господи! Сама царица идет садиться, а ей подушки не подадут! Могу я разве на голой земле сидеть?

Дворецкий (входит). Господь да хранит царя! Отсекли постельничьему голову.

Устиана. И хорошо сделали! Туда ему и дорога! Подумать только, — наглость какая!

Один из дурашкинцев (хихикая). Отсекли одну, остались другие! Хи-хи!

Дворецкий уходит и возвращается с пажами, которые несут подушку и кладут для Устианы.

Назар. На будущее время приносите более мягкую подушку. Телеса царицы Устианы слишком хрупки!

Молчание.

Устиана. Что это ты расстроен?

Назар. Не расстроен я.

Устиана. Со вчерашнего дня как будто не в своей тарелке?

Назар (несколько обиженный). Не шутка ведь, Устиана! Государство создаю. Ум необходим. Глаза всего мира обращены на меня. Каждое мое движение, каждое слово, ум, честь — для всех примером служат. Что ни день, ума набираюсь. Теперь я уже не тот.

Устиана. Дай-то бог!

Назар (потягиваясь). Да! Нынче была уйма государственных дел. Устал! Кутнем, что ли, малость? Эй, холоп, дворецкий! (Входит дворецкий). Обедать давай! (Дворецкий уходит.) Покушаем на славу. Что скажешь, Устина-ханума?

Устина (очень серьезно). Если хочешь—давай.

Входит дворецкий, — за ним пажи несут обед из разнообразных блюд, цветы и прочее. Блюда ставятся перед Назаром и Устианой. Два пажа становятся позади них с полотенцами и салфетками в руках и ждут, пока те приступят к еде.

Назар. Вот это хорошо! Одно удовольствие! А ну, давайте-ка сюда лавашу. (Подают тонко раскатанный хлеб-лаваш.) В такой лаваш люле-кебаб сам собой просится! Подвиньте-ка сюда люле-кебаб! (Ест. Устина тоже.) Хорошо! Налейте-ка вина! (Наливают.) Пей, Устина! Вино знатное. (Пажи раскрывают салфетки. Когда Назар или Устина хотят почистить рот или пальцы, то полуоборачиваются или протягивают руки назад, и пажи вытирают их салфетками.) А ну, дайте-ка сюда пилав! (Подают. Он хватает целую горсть и запихивает себе в рот). Наслаждение!

Устина. Если бы еще войско, дай бог, победило!

Назар. Пусть хоть передохнут все, — но победят. Есть о чем думать! А вот у меня так иная забота...

Устина. Какая же?

Назар. Гм... шутка ли? (Пьет.) Эх, тяжело дело государственное!..

Устина. Неужто тяжело? Передай и мне часть, я выполню.

Назар. Голову потеряешь.

Устиана. Опять ты не в духе?

Назар. Да нет же, матушка! О будущем все думаю.

Устиана. О чем же это?

Назар. Да о наследнике. Как быть-то? Столько завоевываю стран — не оставлять же все это всяким проходимцам? Наследник нужен!

Устиана. Не царь ты, что ли? Повели, — пусть будет!

Назар. Нет, матушка, надо подумать, так нельзя! (За сценой шум.) А? Что это?

Глашатай (за сценой). По-о-о-бе-да-а-а!

Назир }
Визирь } (входят). По-о-о-бе-да-а-а!

Назир. Прискакал гонец и сообщил, что мы покорили пять государств. Войско с беспримерной храбростью стремится потоком во все страны мира!

Назар. Что прикажу? (Произносит с расстановкой.) Ни-че-го Сако. Айда отсюда! (Гонит их.)

Назир }
Визирь } Бог да хранит царя!

Назар. Так-то! Да-с! (Назир, визирь уходят.) Говорил же

я, что война — вещь хорошая. (К пажам.) А ну, подайте жаркое из соловьиных язычков. (Подают.)

Назир (поспешно входит). Доблестный государь, северная армия пришла в замешательство. Разбито тысяча семьсот полков!

Назар. И охота им была. Гнали их пилав есть, что ли? (Молчание.) Почему они разбиты?

Назир. Не могут воевать, государь.

Назар. Что же мудреного в войне, что не могут? Идите и прикажите, пусть воюют. Князь Сако!

Сако (испугавшись). Повели, государь!

Назар. Ступай, разгроми врага! Ну? Царем, вижу, хочешь стать? Ну, что стал, как осел?

Сако. Б...б...б...б... Итти?

Назар. Ступай! Айда! Прохвост!

Сако выходит и прячется у дверей.

Военачальник (входит). Государь, повели запасным частям выступить.

Назар. Повелеваю. Пусть выступают.

Назир
Военачальник } (обрадованные). Господь да продлит твою жизнь, милосердный царь!

Назир (выходя на нижний балкон). Эй, глашатай, вызвать войска запаса!

Глашатай. Эй, слушай приказ. Войскам запаса собраться! Марш!

Шум, гам, сборы новых частей, звуки труб.

Миреды. Святой государь, покажись войску.

Назир (возвращаясь). Святой государь! Войско молит тебя произнести отеческое слово. Не откажи!

Назар. Уф! (Встает, чтоб подойти к окну.)

Устиана. Это же ни на что не похоже! Пилав простыл у царя, а вы подняли его из-за пустяка!

Назар (кисло). Что поделаешь. Благо народа. Один раз можно и без обеда остаться. (Подставляет рот пажам, чтоб почи-тили, и подходит к окну.)

Устиана. Господи, прости! Это же просто несчастье! У бедного моего Назарушки нет ни минуты покоя.

Назар подходит к окну и кашляет.

Народ. Слушайте, слушайте!

Назар (громко). Идите, воюйте для славы отечества!

Миреды. Ураа!

Назар. Ну, идите, идите! Марш отсюда! (Все выходят.) О чем бишь я? Ослы вислоухие! Дадут разве человеку с мыслями собраться? Да, вот что! Дайте-ка еще немного пилава! (Подносят. Ест.) Вина налейте!

Вбегают назир, визирь, военачальник и придворные.

Военачальник. Доблестный государь! Из войска легло еще сто тысяч человек. Враг продвигается вперед!

Назар (*испугавшись*.) Сюда идет?

Военачальник. К границам нашим приближается!

Назар. А войско что делает?

Военачальник. Отступает! Гибнуть не хочет!

Назар. Не пойму никак, почему не хочет гибнуть?

Назир. Да что там разговаривать! Гоните народ на фронт! Для народа гибнуть — плевое дело! Гоните вперед! Народ привык умирать! (*Молчание*.) Так что же повелишь, государь?

Назар. Повелеваю: погнать на фронт народ! Пусть воюет! А это негодное войско пусть гонят ко мне! Посмотрим, в чем дело.

Назир. Тотчас пошлю народ. (*Подходит к окну*.) Эй, глашатай! Новый приказ! Созвать народ!

Глашатай. Эй, собирайся! Новый приказ!

Шум и возгласы народа: «Идите, идите!»

Назир. Наш доблестный царь покоряет мир ради вашего спасения! Он строжайше повелел, чтобы вы шли на помощь нашим храбрым войскам!

Дурашкинцы. Ого!.. В-о-о-о-о! Будет!.. Довольно!..

Назир (*возвращается, растерянный*). Государь!..

Назар. Ну, теперь убирайтесь и не смейте больше надоедать! Меня ждут государственные дела. Кушанья остыли. Я занят! Я должен обедать! Поняли, скоты? Если войска наши будут биты, — шлите новые части. Еще побьют, — шлите еще. Если еще хоть раз посмеете притти сюда и заговорить о войне, всем башку снесу! Поняли?

Все. Поняли, о, тень господня!

Назар. Айда, сыпьте отсюда! (*Уходят*.) Ну, займемся делом!

Устиана. Так ты говоришь, народ легко гибнет?

Назар. Шкуры моей не касается, — стало быть, легко. (*Дворецкому*.) Эй, холоп, убери обед! А мы, Устиана, пойдем посидим немножко на крыльце и кальян покурим. (*Дворецкому*.) Скажешь, чтоб подали кальян. (*Зовет Сако*.) Князь Сако, бери знамя! (*Уходит вместе с Устианой*.) После их ухода дворецкий зовет пажей и велит прибрать со стола. Те прибирают и уходят. Но дворецкий тотчас же возвращается и согнувшись становится у занавесок.)

Военачальник (*вбегая*). Где храбрый государь? Войско бросило фронт и отступает!

Дворецкий. Августейший изволит курить кальян во славу отечества.

Военачальник. Немедленно надо сообщить ему! Народ отказывается идти на войну! И поскольку храбрый царь под страхом смерти запретил нам говорить ему о войске, я бы умолял вас из любви к отечеству самому пожертвовать собой. Сообщите весть царю!

Дворецкий. Непременно! Я хранил свою жизнь лишь для

отечества, чтоб в нужную минуту пожертвовать ею. Но сообщить эту весть не могу сейчас, поскольку только что погас первый огонь закуреного кальяна. Сообщу, как только он покурит еще.

Военачальник. Значит, могу я надеяться на вашу самоотверженность?

Дворецкий. Положительно, господин мой!

Военачальник уходит. Дворецкий садится в углу. Входят назир, визирь.

Назир }
Визирь } (кланяясь дворецкому). Господин мой!

Дворецкий (кланяясь). Господин мой!

Назир. Надеюсь, вы уже сообщили весть царю?

Дворецкий. Мне ничего не известно. Вы что-нибудь знаете, господин мой?

Назир. Абсолютно ничего.

Дворецкий. О какой же вести вы изволите говорить, господа?

Визирь (дворецкому). Простите. Как будто вы сообщили какую-то весть?

Дворецкий. Нет! Положительно вы ослышались!

Назир. А что же вам известно, господин мой?

Дворецкий. Я туговат на ухо... ничего... но...

Назир }
Визирь } А?

Дворецкий. Вы что-то сказали, господа?

Назир }
Визирь } Ничего!

Визирь. Как изволите себя чувствовать?

Дворецкий. Как счастливейший из смертных! Господь да хранит царя! (Молчание.) Здоровы ли вы, господа?

Назир }
Визирь } В полном здравии.

Дворецкий. Тогда разрешите на минутку удалиться и сообщить царю, что никаких вестей нет.

Назир. Попали в самую цель, господин мой.

Дворецкий уходит, тотчас же прячется за занавески и начинает оттуда подслушивать. За занавесками видна его фигура.

Назир (тихо визирю). Не ушел, подслушивает!

Визирь (тихо). Тем лучше. И, видно, знает весть!

Дворецкий выглядывает из-за занавесок.

Визирь. Ах, как бы нам сообщить царю, что мы не верим этим слухам?

Назир. Ну, вот, ваше сиятельство. Разве я говорю, что народ восстал против царя?

Визирь. Нет! А я разве говорю, что толпа собралась у дворца и хочет прорваться внутрь?

Дворецкий смотрит в щелку из-за занавески. Назир и визирь смотрят на него. Все трое встречаются взглядами и, попавшись, цепенеют.

Дворецкий входит.

Назир. Как изволит себя чувствовать царь царей?

Дворецкий. Безмятежно, как морское дно.

Визирь. Слава богу!

Назир. Поскольку есть страны, где народ восстает против царей...

Дворецкий. Бывают кой-где волнения, бедствия там разные...

Назир, визирь откланиваются.

Дворецкий. Господин мой! (Кланяется. Назир и визирь удаляются. Вслед ушедшим.) Сорвалось? (За занавесками слышны голоса. Дворецкий прячется в складках.)

Два дурашкинца (вбегают и начинают плясать и петь).

Кукареку, государь,
Дурачок-то наш идет,
Ум воротился, — он идет,
Айда... улетай... (Выбегают.)

Назар (поет). Ам-ан, ам-ан, ай-джан!.. (Возвращается с Устианой.)

Дворецкий входит и ждет с улыбкой.

Назар (ему). Что ты бегаешь взад и вперед, как крыса? Чего тебе надо? А? Вон отсюда, сволочь!

Дворецкий стоит неподвижно.

Назар. Слышишь, старый хрыч?

Дворецкий. О, источник жизни! Три вдовы царей, павших в прошлую войну, жаждут узреть твой лучезарный лик.

Назар. Три царицы? Что им надо?

Дворецкий. Об этом знает назир, державный государь.

Назар. Поди зови назира. (Дворецкий уходит.)

Устиана. Охота тебе? На что тебе царицы эти сдались? Спровадь их.

Назар (восседает на троне). Офф!.. Ну, Устиана, я становлюсь царем мира! Что скажешь, а?

Дурашкинцы заглядывают в зал.

Назир (входит и, приблизившись к Назару, негромко). Святой царь! Вдовы убитых на войне царей, узнав о твоей храбрости и уме, влюбились в тебя, пришли поклониться тебе в ноги и умолять о взаимности.

Назар (отводя назира в сторону). А хороши бабенки-то?

Назир. Как месяц ясный!

Назар. Пойдешь и передашь этим царицам, что я очарован ими и прошу их пожаловать.

Назир уходит.

Устиана. Послушай-ка... Нельзя ли не звать их?

Назар. Нет. Как можно! Долг царя. Они — коронованные особы.

Устиана. А что такое, батюшка, коронованная особа? Царица — царица и есть.

Назар *(спокойно)*. Нет. Разные бывают царицы: коронованные и простые. Коронованная — это всем царицам царица.

Устиана. Кто там их разберет! Вот что, — спровадь-ка их.

Назар. Нет уж, это мой долг царя. Хоть убей, а я его выполнить должен.

Устиана. Хорош долг, нечего сказать! И что за долг, нельзя ли узнать?

Назар. Ох, не люблю я, когда ты вмешиваешься в дела, в которых ни бельмеса не смыслишь!

Устиана. Это я-то не смыслю? Отлично все понимаю!

Назар *(с нарочитой деловитостью и просто)*. Послушай-ка, Устиана. Пройди в соседнюю комнату, — у меня дело государственной важности.

Устиана. Прости, господи! Зовет смазливых баб, — и это государственное дело! Разве ж это государственное дело?

Назар. Да, ханума Устиана, да!

Устиана. Да что — да? Ты говоришь так, словно не царица я тут, прав никаких не имею!

Назар *(сердито)*. Царицы вот-вот войдут. По государственному делу. Не задерживай! Ступай в другую комнату! *(Молчание. Назар ждет ухода Устианы. Дворецкий подглядывает из-за занавески. Назар замечает это и кашляет.)*

Устиана *(другим тоном)*. Послушай-ка, Назар, коронованной царицей мира пусть буду я.

Назар. Не можешь.

Устиана. Могу!

Назар. Нет!

Устиана. Ишь ведь! Да что тут особенного, почему не могу?

Назар *(напевает себе тихо под нос)*. Ам-ан, ам-ан, ай-джан! *(К Устиане.)* Эх, тяжела ты, царская доля! *(Дворецкому.)* Эй, холоп! *(Дворецкий входит.)* Принеси-ка немного благовонной воды да опрыскай меня. *(Дворецкий убегает.)* Эх! *(С деланным огорчением.)* На бедного Макара все шишки валятся. То-и-дело требую: научи уму-разуму, прояви храбрость, сделай то, сделай се! Дайте же, чорт побери, одному остаться, с мыслями собраться! Дворецкий прибегает вместе с лакаями, которые, надушив Назара, поспешно уходят.

Устиана. Не ко двору я, что ли, пришлась, что приводишь сюда других?

Назар *(в знак отрицания цокает языком.)* Ццы!..

Устиана. Так почему же?

Назар. А потому!

Устиана. Нет уж, ты скажи, почему?

Назар. Я должен взять себе жену благородной породы, чтобы окончательно облагородить свой род.

Устиана. Побойся бога! Не дело ты затеял!

Назар. Мы делаем все, что хотим, ханума Устиана!

Устиана. Не допущу!

Назар. Ну, не зли меня! Не то кровь ударит в голову. Встану и... Говорят тебе, я должен облагородить кровь! Некогда, ступай!

Устиана. Да что ты выдумал: «благородную кровь» и всякую чепуху? Хочешь другую жену — так прямо и скажи! Ты понимаешь, что ты делаешь?

Назар. «Мир всем». Короче!

Устиана. Жениться решил на них, вот и все! При чем же тут коротко или долго? *(Молчание.)* А что же я буду делать?

Назар. Что хочешь. Дам денег, имущества, — поезжай к себе в деревню.

Устиана. Ну, нет! Отсюда я ни на шаг!

Назар. Поедешь, Устиана, ханума, поедешь!

Устиана. Не поеду! Скандал устрою!

Назар. Какой скандал?

Устиана. А вот скажу, что ты трус.

Назар. Я трус?

Устиана. Да, ты!

Назар. Вот так трус! Целые страны привожу в трепет!

Устиана. Все это, батюшка, пустяки, одно жульничество! Бог знает, какие ты там штуки выкидывал. А что, если я все это на свежую воду выведу?

Назар *(нападая на Устину)*. Да я тебя сейчас...

Входят назир, визирь, дворецкий, придворные, тамада, мироеды, Горо-Буга и другие великаны, сопровождаая трех цариц, которые, кокетничая и улыбаясь, подходят к Назару и в приветственной позе останавливаются перед ним.

Назар *(обращается к Устиане с кислым лицом и нарочито деловым тоном)*. Устиана, сейчас у нас совет, — мы заняты, поди-ка в ту комнату.

Устиана *(внешне соблюдая приличие)*. Ах, совет? Ну, что ж. *(Встает и направляется к выходу направо.)* Чтоб тебе счастья не видеть! *(Зло смотрит на Назара.)*

Назар *(великанам)*. Вы оставайтесь, не уходите! *(Недоверчиво смотрит на Устиану и что-то хочет предпринять, но вид цариц его ослепляет, и он, глядя на них, забывает об Устиане.)*

Устиана *(уходя направо, еще раз оглядывается на цариц и бормочет)*. Стервы этакие, ишь влюбились! Чтоб вам сдохнуть! *(Уходит.)*

Дурашкинцы *(заглядывают внутрь)*.

Назар *(улыбаясь)*. Так вот они, царицы-то! Какие пухленькие! Садитесь. *(Царицы садятся.)* Сейчас накроют на стол в са-

дике, устроим там кейф среди цветов! (Дворецкому.) Эй, холоп! Пусть накроют на стол и подадут отборных сладостей. Позвать музыкантов-сазандаров! (Дворецкий уходит и сейчас же возвращается. Назар к придворным.) А вы проводите нас в садик, а тогда пойдете по своим делам. Хорошенько управьтесь с государственными делами. Чтобы все было в порядке! Не то шкуры велю с вас снять! Поняли, сволочи?

Все. Поняли, о, центр мироздания!

Горо-Буга (громко кашлянув). Кхо-ом-м! Поняли!

Назар. А тебя кто просил орать при царицах, осел этакий? (К царицам.) Ну, как живете-можете, ханумы? Как самочувствие, настроение?

Царицы кокетливо смеются. Входят музыканты-сазандары и низко кланяются Назару.

Назар. Сыграйте мотив «Эйрати». Ну, ханумы, идемте! (Надевает корону набекрень. Царицы хихикают. Сазандары играют и поют мелодию «Эйрати».)

Устиана (войдя, слушает музыку. Сазандары играют «гяф» из финала «Эйрати», постепенно ослабляя звук. Устиана подходит к авансцене). Видали этого сопляка Назара? Раньше ни на что негодный, корм двум ослам поровну разделить не умел. А какой власти достиг! Я вот все думаю, ломаю себе голову: как чудно на свете все деется. Ума не приложу. Счастье да и только! (Сазандары играют шутку, постепенно затихая.) Видали, как он одурачил мир и сам же смеется над ним? Мир, дескать, с сотворения своего был глуп и таким останется и до скончания веков. Подумать только, как эти дурачки превратились в мышей перед котом! Ох, и прет же счастье! (Сазандары играют финал, постепенно затихая. Царицы хихикают.) Ишь, важным делом заняты! Бесстыжие! А он-то, срамник! Стыда-совести нет! (В раздумьи качает головой.) Диву даешься, как может везти человеку... Прет счастье да и только! (Сазандары играют плясовую. Царицы поочередно пляшут.)

Назар. Их!.. их!.. их!.. (И сам пляшет.)

Устиана. Ну, погоди же! Покажу я тебе, где раки зимуют! (Берет из угла свою дубинку.)

Назар (поет). Ам-ан, ам-ан, ай-джан!

Устиана (подбегает к нему с дубинкой). Так вот какой у тебя государственный совет! (Бьет его по голове.) На ж тебе за это, блудник!

Царицы и музыканты убегают. Дурашкинцы заглядывают в комнату.

Назар. Бе... бе... бе... бе... (Бежит. Устиана гонится за ним. Но, увидя входящего дворецкого, сдерживает себя и отходит назад. Назар садится на трон, поджав под себя ноги.) Эй, холоп,

дворецкий, зови-ка сюда назира-визиря! У меня есть жалоба вла-
стям. *(Дворецкий уходит.)* Куда делись великаны, пусть идут сюда!

Устиана. Чтоб тебе сквозь землю провалиться с твоей цар-
ской башкой!

Дворецкий возвращается вместе с назиром, визирем, воен-
начальником, придворными, великанами и мироедами.

Назир. Ждем твоих приказаний, о, центр мироздания!

Назар. Повелеваю... *(но сдерживается и умолкает, поймав на себе злобный взгляд Устианы.)* Гм... *(Выходя из себя.)* Бе... бе... *(Вскакивает с места.)* Что ж это? Царь я, или нет? Неужто я дол-
жен заткнуть себе глотку?! *(За дверью слышен шум. Дверь полу-
открывается, и в комнату заглядывают два дурашкинца, а за ни-
ми остальные дурашкинцы. Они смотрят на Назара.)* Эй, холо-
пы, что это за дурашкинцы? Кто они? Чего торчат здесь? Не
пошли на войну?

Назир. Нет, государь.

Назар. Что он говорит! Слыханное ли дело, холоп, чтоб царь
повелел, а народ не пошел на войну? *(Дурашкинцы постепенно
входят в комнату.)* Эй, вы, дурашкинцы, что же вы, сукины дети,
на войну не пошли?

1-й дурашкинец. Войны больше не нужно! Хи-хи!

Назар. Как это не нужно?

2-й дурашкинец. Ку-ка-реку! Довольно!

За дверью слышен шум и смех. Назара передергивает.

Назар. А там кто? Кто еще не пошел на войну?..

Назир. Войско и народ, государь. Не идут!

Назар. Немедленно казнить всех! Сако, ступай казни!

Сако. Б... б... б... б... Пойти?

Назар. Ступай, говорят тебе, мерзавец, негодяй! Марш впе-
ред!

Все. Князь Сако, вперед!

Сако *(уходит)*. Ребята! Б... б... б... Царь велел, — казнитесь!
Б... б... б... *(В ужасе бежит обратно.)* Ой-ой-ой! *(За ним входят
дурашкинцы и садятся у стен.)*

Назар *(придворным)*. Это еще что? Выгоните их вон! Идите
вешать народ! Дворецкий, ступай! Военачальник, ступай! Назир-
визирь!..

Устиана *(хлопая его по голове)*. Сам иди, окаянный! Куда
их-то посылаешь?

Назар со страхом смотрит на Устиану, придворные в ужасе, от Назара
ждут, что он предпримет.

Устиана. А вы-то хороши! Нашли кого бояться! *(С дубин-
кой набрасывается на Назара и бьет его.)* Вот тебе, старый хрыч!

(Назар убегает. Устиана гонится за ним. Великаны в ужасе смотрят на него.)

Назир. Господа, что это? Он испугался?

Визирь. Быть этого не может! Тут какая-то тайна. Сейчас свершится чудо!

Назар (вбегает обратно, Устиана за ним). Бе... бе... бе...

1-й придворный. Сейчас свершится чудо!

Устиана (ударяя дубинкой по голове Назара). Чтоб тебе околоть!

Назар убегает направо.

Дворецкий (подбегая к Устиане). Всемилостивейшая царица!

Назар. Хлопну так, что искры из глаз посыплются! (Убегает налево.)

2-й придворный. Сейчас свершится чудо!

Дворецкий (подбегая к Назару). Храбрейший царь!

Устиана (гонясь за Назаром, продолжает бить его). Чтоб тебе сдохнуть!

Дворецкий (бегая за Устианой). Всемилостивейшая царица!

Назар. Изрублю на кусочки! (Убегает и прячется под трон.)

Дворецкий (подбегая к нему). Доблестный царь!

Устиана (тычет палкой под трон). У, чтоб тебе лопнуть!

Назар (выбегая из-под трона и схватив палку). Хватит тебе, бесстыдница!

Устиана. Бесстыдник сам, а не я! (Оба запыхались. Назар садится на трон.) Досталось, небось, твоей царской башке?

2-й придворный. Сейчас свершится чудо!

Назар. Что это было? Как это случилось?

1-й дурашкинец (подпрыгивает, приближаясь). Хи-хи! Во-о! Во-о!

Дурашкинцы с подпрыгиванием выступают вперед, проходя перед Назаром и придворными и, делая примасы по их адресу, начинают, играя в чехарду, перепрыгивать друг через друга: «Хи-хи! Во-о! Во-о!

Как случилось?»

1-й дурашкинец (сбросив с головы Назара корону). Гоп! Как случилось?

2-й дурашкинец (ложась на спину и надев корону на ногу, вертится волчком). Гоп-ля! Как случилось?

Дурашкинцы (играя все вместе короной как футбольным мячом). Как случилось?

Горо-Буга (который в изумлении смотрел на эту сцену, вдруг как бы очнулся). Эге! Горо-Буга! Гуз-Гун! Ха-ха-ха! (Разражается хохотом.) Хо-хо-хо-хо!

Придворные ждут в изумлении.

2-й придворный. Сейчас свершится чудо!

Один из дурашкинцев (стоявший сзади Назара, вдруг перепрыгивает через него, как в чехарде). Гоп-па! Как случилось?

Назар. Б... б... б... б... (Выбегает из зала). Ой-ой-ой-ой!
Придворные. Вот тебе и чудо!

Придворные начинают грабить дворец.

Устиана (запихивая в свой полный мешок новые вещи, спешит уйти). Говорила я, что это сон!

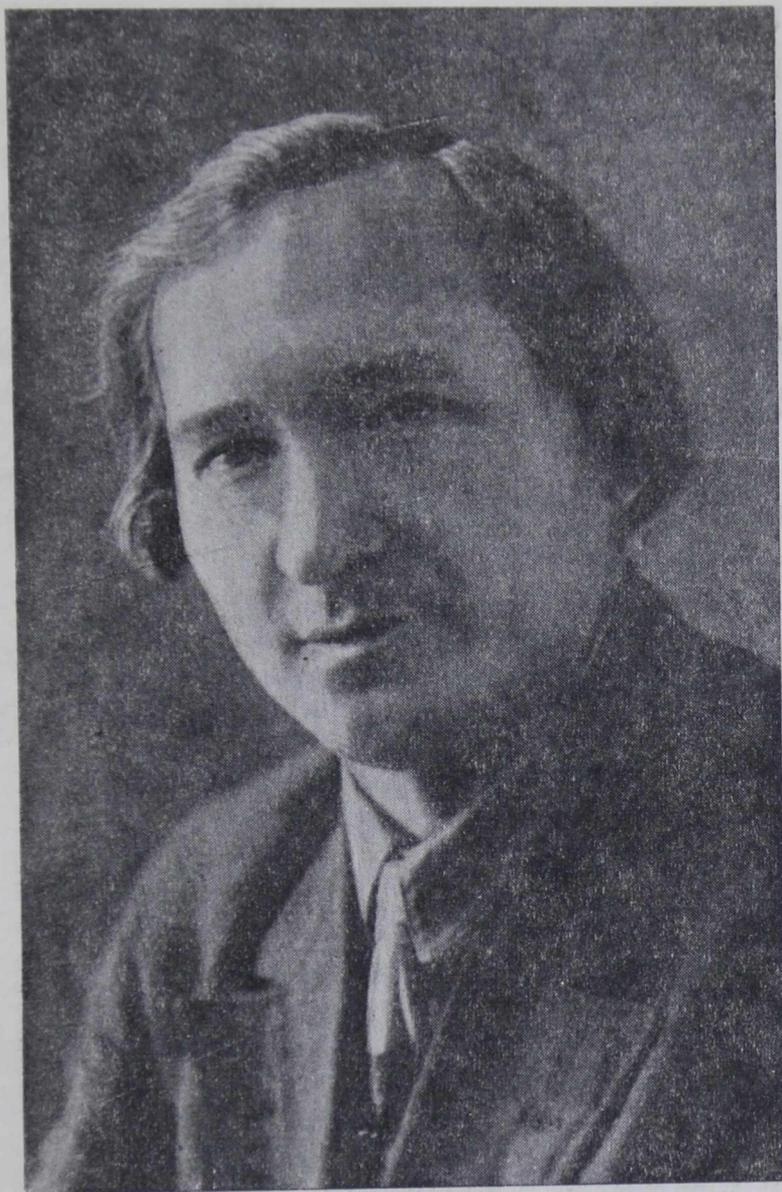
Дурашкинцы начинают, как в чехарде, перепрыгивать через придворных, через Устиану и великанов. Последние убегают. Дурашкинцы преследуют их. Сцена на минуту остается пустой. Справа вбегают Назар, Сако, дворецкий, назир, визирь, военачальник и другие придворные, тамада, бодрящийся старик, Гункианос, поп и другие мироеды, великаны, царицы, служанки, паж и прочая дворцовая челядь. Все они набили свои карманы дворцовыми драгоценностями и продолжают набивать. За ними вприпрыжку и со смехом гонятся дурашкинцы и войско. Назар и другие убегают налево. Их преследует войско и дурашкинцы. С титаническим хохотом вбегают и убегают Горо-Буга и Гуз-Гун.

Устиана (входит со своим мешком на сцену. Она собирает еще несколько предметов и, засовывая в мешок, останавливается в замешательстве). Недаром же я говорила, что это сон!.. (Засовывая вещи в мешок.) Вот беда-то! И не впихнешь! (Старается впихнуть вещи.) Не влезает да и только! Это тоже счастье! (Поспешно взваливает мешок на спину и убегает.)

Опускающий занавес (появляясь из глубины и подойдя к рампе).

Не счастье тут, Устиана, головушка умная,
А пугало, извороты хитроумные.
Это сказка старая, злой, кошмарный сон,
Было и сплыло, — кинуто из жизни вон!
Какой там царь! Какой Назар! Нет боле этих врак,
Только дуну, погрузится вся сцена во мрак!

З А Н А В Е С

ФАДХИ БУРНАШ

Татарский поэт и драматург. Род. в 1898 г. Начал печататься с 1917 г. Написал ряд пьес, обошедших все площадки татарских театров. Его последняя пьеса «Соколы» показывает борьбу татарского красноармейского отряда с басмачами, рисует яркий образ храброй девушки Каракыз, — узбечки — помогающей этому отряду.

Пьеса была показана в татарском гостеатре.

ФАДХИ БУРНАШ

СОКОЛЫ

**ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ
В 5 ДЕЙСТВИЯХ**

Перевод с татарского
Г. Х. ШАПИРОВОЙ

Поэтическая обработка **А. М. АРГО**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- К а р а к ы з — девушка-красноармейка, 18 лет.
К р а с н о я р о в — командир батальона.
С а ф а р о в — комиссар батальона.
Т о р с о н б а е в — командир эскадрона, секретарь ячейки.
К а р а т а е в — командир роты.
Т у т а ш — сестра милосердия.
Б е р е к е
А р с и к
К е б и р
1 - й д ж и г и т
2 - й д ж и г и т
Х а с а н — татарский крестьянин.
Г е л ь с я х е р — его жена.
Д е у р а н — начальник партизанских отрядов.
Ш и р а з
Н и а з
Х е м е т — пулеметчик.
С т а р у х а — крестьянка.
А ф т а р — ее дочь.
Б у л ь б у л ь — подруга Афтар.
Н а р о д н ы й п е в е ц.
Р е ш а т - б е й — правитель басмачей, поддерживаемый интервентами.
Г е н е р а л — начальник штаба Решата.
А т а б е к — председатель дивана.
М у с т а ф а — родственник Решат-бея, европеизированный узбек.
Э с ф е н д и а р — брат Мустафы, управитель Решат-бея.
П о л к о в н и к Л е н с б е р р и — английский советчик.
Г а з и — басмач.
Т о й г у н — молодой крестьянин, партизан.
К р а с н о а р м е й ц ы , б а с м а ч и , п у л е м е т ч и к и , к у р ь е р ы , п л я с у н ы , у л и ч н ы е т о р г о в ц ы , т о р г о в к и и т . д .

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Красноармейский лагерь в степи. На переднем плане палатка в разрезе, в ней столик, несколько табуреток, с двух сторон убранные койки, по стенам одежда, утварь, оружие. Слева палатка закрытая, справа скамейки. Красноармейцы сидят меж палаток, Кебир играет на гитаре, Арсик чинит рубаху.

Песня

Запевала.

Трудная дорога,
Тяжелые пути —
Песчаные бураны
Никак не пройти!

Хор.

Высокие горы,
Бурлящие воды,
Безлюдные просторы
И жар и зной.
Подыдем наше знамя,
Покончив с врагами,
К себе домой вернемся,
Как птицы весной!

Запевала.

В небе ходят звезды,
Ходят облака,
А годы проходят,
Проходят века!

Припев

Запевала.

Свалятся горы,
Высохнет вода,
Но память о героях
Будет жить всегда!

Припев

Запевала. Одни только звезды
Будут вечно жить.
Одни лишь коммунары
Не будут тужить.

Припев

Арсик. Кебир, довольно!
Не звенит, как прежде,
Твоя гармонь, и боевой напев
Нам бодрости обычной не дает!
«К себе домой, как птицы, мы вернемся»!
Вернешься! Тут не то что бы вернуться,
А просто вырваться из этих мест
Не хватит всех аэропланов мира!

Кебир. Ты, Арсик, больно уж нетерпелив.
И года не прошло, как мы в походе,
А уж тебя к Наташе¹ потянуло!
Нет, милый друг, пожалуйста, прости,
Но дом Наташи далеко отсюда!

Арсик. Эй, корноухий! Придержи язык!
От песни от своей ты опьянел
Или воды украдкой наакался?
Смотри, браток, когда трепаться будешь,
Вне очереди быть тебе дневальным!

Кебир. Дневальным! Это дело! Превосходно!
Дадут двойную порцию воды!
За сутки в горле пыли понаселело,
По крайней мере, жажду утолю!

1-й парень. Эх, братцы, если бы она пришла!
Пришла б сюда, красавица-тростинка,
Улыбчатые губы, как наперсток,
И руки протянула бы ко мне,
А в тех руках — кувшин речной воды...

Кебир. Ай, хороши слова твои, голубчик.
Досадно, что достались дураку.

Смех.

2-й парень. А если бы действительно пришла
Красавица невиданная, если б
Стройна она была, как пень-колода,
И, как рогожа драная, чиста,
И если б голова у ней лукошком
И уши, как у молодой ослицы,
И если б суковатыми руками

¹ Наташей на Востоке называют всякую русскую женщину.

Она бы мне в батмане поднесла
Чистейшие помои — я сказал бы:
Красавица, спаси тебя аллах!
Благодарю!

Смех.

Кебир.

Ребята, болтовню
Пора бы бросить! Если до помоев
Мы докатились — можно утонуть!
Давайте переменим разговор.
Взгляните-ка на Арсика. Герой
Повесил нос — глядит он на песок
И сам о сахарном песке мечтает!
Товарищи, не надо унывать,
Окончится песчаная пустыня,
Мы в горы врежемся и погрузимся
В студёные потоки горные!

Джигит

Кебир, ты заговариваешь зубы!
И это ни к чему. Уж если нет
Воды — тогда пускай хоть песня льется.

Из-за сцены доносится песня — женский голос поет, издали, постепенно приближаясь:

Желт песок и небо сине,
Пересохла все ключи,
Стихли соколы пустыни,
Приумолкли епанчи!

Появляется Каракыз — стройная, черноглазая, смуглолицая, в красноармейском.

Джигиты.

Кто там идет?
Кто песни распевает?
Ну кто еще? Конечно, Каракыз!

Каракыз.

Ну вот и я! Джигиты! Здравствуйте!
Эй, Арсик! До чего ж себе ты верен!
Перед собой так кисло ты глядишь,
Что если б кринка молока стояла
Перед тобой, то вышел бы айран!

Арсик.

А ну, ребята, хватит болтовни!
Трепаться бабье дело, не мужское!..

Каракыз.

Эх, милый друг, сказала б я тебе,
Да бог с тобой, пусть скажется в другой раз,
А я пришла к друзьям.

Джигит.

Иди сюда,

Кебир.

Садись и будь своя между своими!
Ну и шальная ты у нас девчонка!

К а р а к ы з. Хитер ты, гармонист, да я не зла:
 Не ждали вы, а я пришла без стуку.
 Кто знает, сколько времени я шла,
 Чтоб раздобыть для вас (из-под полы шинели
 вытаскивает арбуз) вот эту штуку!

К е б и р. Ах, Каракыз, да ты же просто птичка!

Д ж и г и т. Арбуз! Мы спасены!
 Ура, джигиты!

К е б и р. Ай, золото девка — сойти с ума —
 Помогает голодным людям:
 Налейся и стань, как арбуз, сама,
 А мы охранять тебя будем!

Д ж и г и т. Ну-ка разрежь, сестричка!
 Да ровней!
 Да покруглей! Да так, чтобы с верхушкой!

К а р а к ы з. Постойте, не толпитесь — мы разделим
 Все поровну, чтобы хватило всем.
 Эй, постелите кто-нибудь шинель!

Разрезают арбуз, едят, выражая удовольствие.

К е б и р. Дорогая моя Каракыз,
 Ты каждый день нам готовишь сюрприз!
 Сегодня арбуз достала опять,
 Давайте за это ее качать!

К а р а к ы з. Не надо, не хочу! Кебир, не смеешь!

К е б и р. Качать, качать! Не убежишь! Качать!

Подбрасывают ее несколько раз со смехом и шумом.

К а р а к ы з. Довольно, перестаньте, а не то
 В другой раз ничего не принесу вам!
 Вот как история произошла:
 Нам голод, а завхозу горя мало.
 И вот я утром запрягла осла,
 Приехала к завхозу и сказала:
 — Осел три дня не пил воды
 И мы три дня кувшин не подносили ко рту.
 Давай арбуз — туды и растуды —
 Не то осла зарежу к чорту! —
 Завхоз ругался безобразно,
 Был вне себя от дерзости моей,
 Но я держалась неотвязно
 И заработала трофей!
 Врагам назло —
 Вот что со мной произошло!

К е б и р. Ай, Каракыз, мое почтение —
 Сегодня мы тебя благодарим.

А если хочешь угощения,
Так завтра угостим.

Смех, шум, кто-то наигрывает на гармони, кто-то пританцовывает.

Каракыз. (Арсик). Чего грустишь?
Арсик. Впилися в брюхо черти!
Три дня, три дня без хлеба и воды!
С досады бабьим делом занялся —
Чиню рубаху...

Каракыз. Не горюй, а лучше —
Найди меня сегодня вечером:
Есть где-то у меня краюха хлеба.

Арсик. Не врешь?

Каракыз. Тсс! Вечером! Я уйду!
Вы не видали, где наш комиссар?

Ушла. Пляс продолжается. Входит Краснояров.

Краснояров. Отставить!

Арсик. Командир!

Краснояров. Все по местам!
(Арсик.) Ты что?

Арсик. Да вот чиню себе рубаху.

Краснояров. То у тебя рубаха, то штаны.
Где Береке?

Арсик. Не знаю.

Краснояров. Значит, нужно
Пойти его позвать!

Арсик. Сейчас пойду.

Краснояров. Да поскорей, штаны потом починишь.
(Арсик уходит.)
Пора вам подтянуться!

Входит Сафаров.

Сафаров. Краснояров!

Краснояров. Здесь, комиссар!

Сафаров. Вернулся Торсонбаев!

Краснояров. Вернулся? Ну?

Сафаров. Сейчас придет сюда.

Расспросим. Хорошо, что он вернулся.

Разведка, если только удалась,

Поможет нам во многом разобраться.

Входит Торсонбаев.

Торсонбаев. Здорово, Краснояров!

Краснояров. Торсонбаев!

Заставил ждать!

Торсонбаев. И тем еще досадней,
Что ездил долго, а привез немного.

- Сафаров. Как, неудача? Говори скорее
Нам правду — мы готовы ко всему!
- Торсонбаев. Догадлив ты и чуток, комиссар,
Твоя готовность облегчает мне
Тяжелую задачу.
- Сафаров. Не тяни.
Рассказывай, что видел, Торсонбаев!
Что перенес в пути и что привез?
- Торсонбаев. Я видел степь — куда ни погляди,
Песок и впереди и позади.
Дыханья не хватало у меня,
И вязли ноги моего коня,
И потерял, где запад, где восток.
Я думал — это смерть! Настал мой срок!
Но лишь зажглась вечерняя звезда,
Я путь нашел — и прискакал сюда.
- Сафаров. Так значит — ничего?
- Торсонбаев. Да, ничего —
Песчаный путь да ветер кочевой.
Так ехали, и вдруг я невзначай
Заметил кустик — это карагай!
Так значит — есть какое-то жильё,
Так значит — есть еда и есть питье!
И бросился к нему я во весь дух.
Но карагай рассеялся, как пух.
То был мираж... Все пусто и мертво.
- Сафаров. И больше ты не видел ничего?
- Торсонбаев. Я не нашел ни одного следа,
Ни одного ползучего куста.
Один песок зыбучий, что ни шаг,
Один лишь ветер, воющий в ушах!
- Сафаров. Товарищ Торсонбаев — долг партийца
Ты выполнил как нужно, отдохни —
Ты заслужил, — покушай и поспи.
Об эскадроне ты не беспокойся.
Хоть мы с самим сошлись бы
Решат-беем, —
Он голыми руками не возьмет нас!
- Торсонбаев. Кто знает! Между прочим, на пути
Я встретил партизан. Они
Разыскивали нас, чтоб к нам примкнуть.
- Сафаров. Что? Партизаны?
- Торсонбаев. Да, они со мною
Приехали. Начальника отряда
Я позову сюда
- Краснояров. Зови, зови!
Пускай придет.

Торсонбаев. Сейчас. (Ушел.)
Сафаров. Ну, Краснояров,
Догадываешься ли ты о ходе дела?
Что и к чему? Нам нужно торопиться.
Придется снарядить еще одну
Разведку посильнее, а потом
Ударить главной силой на Решата!

Краснояров. Что ж, я готов...
Сафаров. Ну, нет! Ты здесь нужнее.
Ты подготовишь части для прорыва,
А на разведку я поеду сам.

Краснояров. Ты комиссар — ты не имеешь права!
Тобою мы не можем рисковать.
Сафаров. Рискуй, чем хочешь ты, а я сказал —
И этого довольно.

Торсонбаев. Я тебе,
Конечно, верю. Если ты сказал,
Что нужно, значит нужно. Только время.
Опасное — при трудном испытании.
Задачу усложнять...

Сафаров. Ты успокойся,
Товарищ Краснояров, — я все взвесил,
И лучший выход будет нами найден.

Входят Татуш, Арсик, Кебир, Каратаев и джигиты Ту-
таш — стройная белокурая девушка в костюме сестры милосердия.

Туташ. Нужна ли я, товарищ комиссар?
Сафаров. С тобою после переговорю,
Когда освобожусь. Сядь, подожди.
И вы, джигиты, тоже будьте здесь —
Не уходите. Все вы мне нужны.

Входят Торсонбаев, Деуран.

Торсонбаев. Входи, джигит.
Сафаров. Добро пожаловать,
Уртак!¹

Деуран. Селям Сафарову!
Сафаров. Селям
Горячий партизанскому бойцу!
Деуран. Вот мой мандат, вот подпись и печать —
Я Деуран-Мурат, организатор
Отряда.

Сафаров. Красной армии селям!
Нас мучили несправедные вали².
Навязывали беки власть свою,
И час настал: мы, как один,
восстали,

¹ Товарищ, друг.

² Судьи.

Чтоб победить иль умереть в бою!
 И мы дрались в железном окруженьи,
 И нашу силу испытал Решат,
 Но если сила есть и нет вооруженья,
 Как бытьтогда — пусть мудрые решат.
 Вот потому-то, если это надо,
 Мы вам доверить до конца должны
 Не только участь нашего отряда
 Но и освобожденье всей страны!
 Сафаров. Живи и здравствуй много лет, Деуран,
 С могучими своими храбрецами:
 Мы рады будем слить в единый клич
 Селямы наши боевые. Отдых
 Сейчас необходим джигитам. Сокол
 Устал с полету. Пусть же отдохнут.
 Деуран. А мы с тобой, товарищ Деуран,
 Поговорим о предстоящих планах!
 Мои джигиты много испытали,
 Но с боевой опасностью сжились:
 Они при первом же сигнале
 Метнутся соколами ввысь.
 Краснояров. Эй, Каратаев!
 Каратаев. Слушаю!
 Краснояров. Ступайте
 И крепкую организуйте встречу!
 Кебир и Арсик! Разыскать завхоза,
 Пускай коней накормит, да обед
 Пусть изготовят праздничный сегодня!
 Каратаев. Есть, командир!
 Краснояров. Ступайте. Да еще.
 Джигитам выдать чистое белье. (К Деурану.)
 Пройди ко мне в палатку. (Уходят.)
 Кебир. Эх, лошадки!
 Арсик. Как посмотреть, так грива до колен!
 Айда сюда, ребята!
 Уходят все, кроме Сафарова и Туташ.

Сафаров. Наконец-то
 Туташ. С тобой, Туташ, могу я говорить!
 Я днями целыми тебя не вижу.
 Когда бы жили разное мы с тобой,
 То письма я бы чаще получала...

Сафаров. Ну, что сказать — на первом месте долг.
 В моих руках жизнь целого отряда.
 За жизнь людей я должен отвечать —
 И каждую минуту личной жизни
 Краду я от общественного дела.
 (Кричит в кулису.)

А, Береке! Иди сюда! Ты кстати.
Разведка Торсонбаева успехом
Не увенчалась... Ехать самому
Придется мне. Поправлю ли я дело?
А? Как по-твоему?

Береке.

Скажу открыто:
Испытанная верность бескорыстна,
Чистосердечен искренний совет.
Но все ж я о поездке комиссара
Без страха думать не могу... Геройство
Твое известно, но известно также,
Что от геройства до могилы шаг.
Что будет с нами?

Сафаров.

Что за пессимизм?

Береке.

Все решено.
Ну, что ж, тебе виднее,—
Большим делам необходим большой
Размах, а боевому сердцу нужны
Великие дела, и если ехать
Так поезжай как можно поскорее.

Сафаров.

Недолго спорил ты на этот раз.
Ты, Береке, с окрестностью знаком,
Я заберу тебя в отряд с собою,
И будешь ты у нас передовым!

Береке.

Уж если я поеду впереди
Разведки, то я вестником удачи
Наверно буду. Голову сложу,
А послужу погибели Решата!

Сафаров.

Готовься!

Береке.

Через пять минут готов!

Ушел. Входит Каракыз.

Каракыз.

Есть разговор, товарищ комиссар.
Какое время ты мне уделишь?

Сафаров.

А, Каракыз! Я слушаю тебя.
Но погоди — в сторонке посиди ты
Да мысли собери. Здесь ждут меня.
(Обращается к Туташ.)
Иди сюда.

Туташ.

Ну, знаешь ли, товарищ
Сафаров, — надо очередь устроить
Для тех, кто хочет до тебя дорваться!
Сегодня больше дела, чем всегда.

Сафаров.

Туташ.

Сафаров.

Каракыз.

Так каждый день.
Ну, ладно. Вот в чем дело... (в сторону).
Ага! Шайтан возьми — всегда он с нею!
Нет радости и нет надежды мне!..

Сафаров. Без санитарной помощи отряду
Придется туго.

Туташ. Я еще больна...

Сафаров. Я отменить приказа не могу:
Ты выедешь.

Туташ. Больная?

Сафаров. Не имею
Другого выхода, пойми сама.
В подобном деле нужен человек
Особого доверия.

Туташ. Так значит?..

Сафаров. Так значит — ты готовиться должна.
Туташ. Сегодня?

Сафаров. Не сегодня, а сейчас.

Туташ. Сколько стрелков?

Сафаров. Я буду сам двадцатый.

Туташ. Кто мне помощник?

Сафаров. Справишься сама.

Туташ. Все будет сделано. Я приготовлюсь.

Сафаров. И правильно. Ты умница. Не мешкай,
Ступай. Я буду ждать тебя в палатке.
Мы остальное там договорим.

Туташ уходит.

Каракыз. Ну, наконец, пришел и мой черед.

Сафаров. Иди сюда — я слушаю тебя.
Как обжилась? Привыкла ли к ребятам?
Не жалуешься ли на что-нибудь?
Следят ли за ослом твоим как надо?
И есть ли до меня какая просьба?

Каракыз. Аллах! На что мне раньше отвечать?
Мне этого не нужно ничего,
Я о другом хочу поговорить.

Сафаров. Ты все свое... Приспичило тебе
Работать в штабе. Надо подучиться.
Вот будешь пулеметчиком...

Каракыз. Не то,
Совсем не то хотела я сказать!

Сафаров. Тогда проси.

Каракыз. Голубчик комиссар,
Мой дорогой эке...¹

Сафаров. Ну, умница,
Ну, говори...

Каракыз. Возьмите и меня!

Сафаров. Куда?

Каракыз. С собой.

¹ Уважаемый.

Сафаров. Как?
 Каракыз. Так.
 Сафаров. Но едем мы —
 Сегодня.
 Каракыз. Ну, так что ж?
 Сафаров. Ты хочешь с нами?
 Каракыз. А хоть с шайтаном, только бы поехать!
 Сафаров. Брось, умница, оставь...
 Каракыз. Я не оставлю!
 И не останусь! Почему не хочешь?
 Сафаров. Подумай лучше, что тебе там делать?
 Каракыз. А что мне делать здесь?
 Другие едут...
 Сафаров. Они рискуют жизнью.
 Каракыз. Разве жизнь
 Моя такая скверная, что ею
 Не стоит рисковать?
 Сафаров. Пойми, голубка,
 Мы выбрали по строгому разбору
 Лишь тех, кто храбрость выявил
 свою!
 А ты, мой друг хоть и полна задору,
 Но все же не испытана в бою!
 Каракыз. Товарищ комиссар — ты человек
 что надо!
 Ты умная, большая голова!
 К чему тебе ненужные слова?
 Ты говоришь про лучших из отряда?
 Понятна мне твоя игра!
 Пойдет борьба, и небу станет жарко.
 Но неужели так она храбра,
 Твоя желтоволосая татарка?
 Сафаров. Возьми обратно слово, Каракыз,
 Ты забываешь, с кем ты говоришь!
 Каракыз. Ты комиссар — а я боец!
 Я слушаюсь, а ты даешь приказы, —
 Так почему ж меня ты наконец,
 В сражение не выпустил ни разу?
 Сафаров. Эх, Каракыз, — какая ты шальная!
 Ты над собой не чувствуешь узды.
 Ты думаешь, что битва — это скачки.
 Нет, ты себя напрасно беспокоишь.
 Каракыз. А почему ты не берешь меня?
 Она годится — это безусловно,
 А Каракыз ни к чорту не нужна!
 Сафаров. Что делать — не нужна! Ты не привыкла
 К лишениям походным. А Туташ

Поедет с нами в качестве врача.
В походе врач необходим.

К а р а к ы з. — Ах, так!

Всем дело есть, бойцы дерутся смело,
А доктора оберегают жизнь.
А до меня — кому какое дело,
Кому нужна такая Каракыз?

С а ф а р о в. Будь умницей и рассуждай спокойно,
Не рвися в бой на бешеном коне,
А лучше покажи, что ты достойна
Жить в обновленной трудовой стране.
Учись, учись! Ты знаешь очень мало.

Когда уразумеешь, что к чему,
Тогда, клянусь, по первому сигналу
Тебя с собой я на коня возьму.
И вид твой страх в противниках пробудит,
Ты искрошишь их просто в решете!

К а р а к ы з. Ты врешь — войны тогда уже не будет!
Я не останусь ни за что!

(Убегает в слезах.)

С а ф а р о в. Прошу взглянуть — грудной ребенок
Туда же лезет из пеленок!
(Уходит.)

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Там же. Красноармейцы сгруппировались между палатками, в центре Торсонбаев с приказом в руке. Идет оживленное обсуждение только-что прочитанного приказа о выступлении.

1-й джигит. Вот это верно! В самый аккурат!

2-й джигит. Слова расшиты пламенем!

Кебир. Ты слышал?

Вот это называется приказ!

Арсик. Эй, замолчи, Кебир, не тараторь!

Торсонбаев. Послушайте... Кебир, да, не шуми ты!
С приказом этим, — слышите, джигиты, —
Увязаны важнейшие дела.
Мы выступим в поход через неделю
И показать обязаны на деле
Борьбу за то, что наша власть дала!
Долина, пламенем охваченная цепким,
Могилой будет басмачам.
Но все же наш успех зависит от разведки —
Тут партия свое доверье нам
Оказывает полностью: от центра
Мы бесконечно далеки сейчас.
Ждать помощи нельзя. На сто процентов
Героем должен каждый быть из нас.
Смерть и позор там позади — за нами,
А впереди — дорога напролом!
И этой неизбежности сознание
Нам будет путеводным маяком!
Победа там — и нет пути обратно —
Так честный долг, так партия велит.

- И будет так! И тот, кому понятно,
Пусть остальным, как может, объяснит!
- Жаратаев. Мы старые рабочие. Привычно
Нам тяжкий груз на плечи подымать.
Клянемся мы, что пулям не дадим
Лететь напрасно. Это наступленье
Последним будет!
- Кебир. Верно, Каратаев!
Одно из двух — победа есть одно,
А поражение — это не победа!
Не знаю, как по-вашему, по мне
Они различны только в позе:
Победа скачет на коне,
А поражение — в обозе!
- Арсик. Но комиссар уж больно задержался.
Скорее бы отправиться в поход!
Джигиты, в путь! Держитесь, басмачи!
(Торсонбаеву.)
Ты секретарь — так передай ответ наш
На комиссарский боевой приказ:
Мы их раздавим как клопов!
- Торсонбаев. Подумай.
Не больно ли ты легок на победу?
О ком ты говоришь — о басмачах.
Они разбойники, головорезы —
Но кто за их скрывается спиной
И кто на нас науськивает их?
Все те, кому опасна власть Советов —
От бывших ханов, баев и вельмож
До империалистических палачей, —
Снабдили их своим вооруженьем
И сделали оружием своим.
Они обыкновенные наймиты,
За их спиною свергнутый режим.
Запомни это, Арсик, и пойми ты
И постарайся разъяснить другим!
- Арсик. Никто из вас понятия не имеет,
На что способен Арсик!
- Кебир. Почему?
Твое геройство не пустая фраза.
Смотрите, братцы, на него:
Он выстрелил в трех зайцев сразу
И не попал ни в одного.
- Арсик. Молчать, ублюдок!
- Кебир. Ладно, остальное
После разведки доскажи.
- Торсонбаев. Итак,

Товарищи, с сегодняшнего дня —
В походе. Ждать сигнала! (Уходит.)

Каратаев.

Кто-нибудь

Пойдемте вместе в книжную палатку,
Я дам литературы на дорогу.

Ушел. Остаются красноармейцы, разбиваются на группы.

Кебир

(поет частушку).

Кому какой
Жребий достанется,
Кто поедет в бой,
Кто не дотянется!

3-й джигит.

Я чувствую, я знаю, я поеду!

4-й джигит.

Я не поеду, полечу, как птица,

Схвачу за гриву быстрого коня...

(В своем воодушевлении он доходит
до припадка.)

И по пустыне... По волнам песка

Раскину руки парусами... Влага...

Нагнусь... И зачерпну воды. Напьюсь. (Падает
без сознания, бойцы подбегают к нему.)

Голоса.

В чем дело?

Что случилось?

— Заболел.

Вот — без памяти лежит.

Арсик раздвигает толпу.

Арсик

(подошел, смотрит на упавшего).

Что ж, ничего особенного. Солнце

И жажда сделали свое. Удар.

Очнется. Отнесите в лазарет.

Больного уносят — джигиты его провожают. На сцене остается один
Арсик; он принимается чистить сапоги. Входит Хасан-Али и его
жена Гельсяхер.

Хасан.

Не ходи, жена, не ходи за мною.

Отстань, отстань от меня поскорей!

Гельсяхер.

Хасан-Али! Подумай немного —

Зачем ты распряг своих лошадей?

Ведь мы погибнем!

Хасан.

Боишься напасти!

А кто мне жить не давал, например?

А теперь приехали — здрасте и слазьте!

Мы здесь останемся, Гельсяхер!

Гельсяхер.

Хасан, пожалуйста, мне не хочется

С места на место гонять опять.

Хасан.

Молчать, жена! Довольно морочиться.

Стоп машина — будем стоять!

Гельсяхер. Ой ты, дурак! Ой ты, паскуда!
Ой, живу я с тобой на беду!
Что ты будешь делать?

Хасан. Ничего не буду —
В Красную армию пойду.

Гельсяхер. В Красную армию! Чтоб черти взяли
Твои слова на адское дно!

Хасан. Я с этим согласен, но нельзя ли
Взять со словами и тебя заодно.

Гельсяхер. В красную! Эх, голова дурацкая!
Проси у аллаха хоть каплю ума!

Хасан. Довольно мы с богом вашим цацкались,
Долой религиозный дурман!

Гельсяхер. О, господи боже!

Хасан. Я уезжаю,
Да будет известно тебе, на войну
И тебе, как жене своей завещаю
Все, что имею: солнце и луну,
Весь мир, все небо и все планеты —
А больше ничего у меня нету.

Гельсяхер. Хасан! *(Плачет.)*

Хасан. Не плачь, дорогая дура моя,
Я не могу говорить подробно,
Но кругом расцвет молодого житья,
И нам с тобой отставать неудобно.
Напрялим шинель да запустим дым —
Дадим очко вперед молодым!

Гельсяхер. Хасан-Али! *(Плачет.)*

Хасан. Валяй, валяй, нечего плакать,
На чистом месте размусоливать слякоть.
Поди в обоз — да скорей вали!
Сведи мою лошадь...

Гельсяхер. Хасан-Али!

Хасан. ...почисть хорошенько да выдай овса,
Мы едем в поход через полчаса.
(Выпроваживает ее и возвращается; к Арсику.)
Селям алейкум, красный комиссар!

Арсик. От командира слышу — алейкум
Селям.

Хасан. Еще бы! станешь командиром
От путешествия такого — как же!
Вся борода рассохлась от жары.
Земля тут не земля совсем, и ветер —
Не ветер. И зачем я увязался,
Зачем припер!

Арсик. Ну, не горюй, старик!
Такой, как ты, нигде не пропадет!
Вот погоди — прогоним басмачей,

Тогда увидишь — будешь ты гулять
Вдоль берегов Аму-Дарьи советской
Да грызть инжир.

Хасан. Инжир?

Тут можно сдохнуть!

И в самом деле, что за толк для нас
В стране, где нужно разрывать песок,
Чтобы найти хоть капельку водицы!
Нет, если уж сюда меня загнало,
Я должен сделаться красноармейцем —
И больше ничего!

Арсик. Ну, борода,

Ты, видно, парень боевой.
И на жаре и на морозе
Ты будешь форменный герой,
Но не в сраженьи, а в обозе!

Постепенно из палаток выходят красноармейцы, с интересом
прислушиваются к курьезному разговору.

Хасан. Ты, комиссар, не смейся — все равно
Я если буду даже и в обозе,
Там сделаются первые ряды!

Арсик. Ну, ладно, ладно, нечего болтать!

Хасан. А вот куда бы, значит, обратиться,
Чтоб записаться мне в ряды бойцов?

Кебир. Ах так — ну что ж, тогда пойдем со мною,
Я покажу тебе дорогу в штаб.

Хасан. Пойдем, товарищ комиссар!

Хасан идет, Кебир указывает ему дорогу.

1-й джигит. Стой, Арсик, — командир сюда идет!

4-й джигит. Сейчас, братва, решается судьба,
Кому остаться лагерь охранять,
Кому нестись на ветре-иноходце!

Входит Краснояров, начинается перекличка.

Краснояров. Джаббаров!

1-й джигит. Есть.

Краснояров. Так. Галкин!

Арсик. Я.

Краснояров. Остаться придется.

Арсик. Вот, опять не повезло!

Краснояров. Джангуров.

Кебир. (возвращается). Вот он!

Краснояров. Яхин!

2-й джигит. Яхин — это я.

Краснояров. Крепчук!

Джигит. Есть, комиссар!
Краснояров. Вот кто поедет.
 Чтоб кони были взнузданы, чтоб было
 Готово все чрез пять минут! Пора!
 (Уходит.)

Джигиты остаются, оживленно реагируя на предстоящее выступление.

3 - й джигит. Ну, разгуляемся в степи, что надо!
4 - й джигит. Эх, конь, мой конь, товарищ, долгогрив,
 Всыпь басмачу по первое число!
1 - й джигит. Уж полетим к тирану Решат-бею
 Да отомстим за тысячи обид!

Кебир возвращается с шинелью в руках.

Кебир. Ну, Арсик, будь здоров!
Арсик. Везет тебе,
 Кебир! Ты едешь?
Кебир. Не завидуй, Арсик,
 Моя удача может повернуться
 Обратной стороной, но если только
 Мы победим — я привезу Решата,
 А ты ворота шире распахни!

Все уходят, Арсик остается один.

Арсик. Какой нахал — все подвиги проделать
 Торопится, чтоб не оставить мне!
 А мне сидеть без дела! Чорт-е что!
 А тут еще проклятый Краснояров!
 Наштемпелует за день сто приказов,
 Ему, шайтану, никакого дела
 Нет до того, что сохнет здесь джигит!

Входит Береке.

Береке. Где комиссар?
Арсик. Здесь нету.
Береке. А куда
 Пошел?
Арсик. Не знаю. Мне не говорил.
Береке. За что ты сердишься?
Арсик. Не бреди
 Мне душу — не расспрашивай меня.
Береке. Так не годится, дорогой товарищ.
 Ты почему-то злишься на меня,
 А я к тебе расположен всем сердцем!
Арсик. Вот привязался! Сказано — отстань!
 (Ушел.)

Входят Сафаров и Краснояров.

Сафаров. Ты здесь!

Береке. Я нужен вам?

Сафаров. Придется
Тебе при Красноярове остаться.

Береке. Я так хотел сразиться со врагом,
Чтоб оправдать доверье комиссара!
Но — дисциплина нам важней всего.
Когда прикажете, отдам я душу,
А если нет — я прикрываю тыл! (Ушел.)

Сафаров. Пусть Береке останется. Со мною
Поедет Деуран. Он знает местность
И спутником незаменимым будет.
Ну, ладно, Краснояров, нам пора.
Твою распорядительность я знаю
И с чистым сердцем оставляю вас.

Краснояров. Стальная дисциплина батальона
Не снизится — ты можешь быть спокоен.
Хотел бы я спокойным быть за вас!

Сафаров. Будь выдержан и хладнокровен... Если
Задержка вдруг произойдет... Все может
Случиться... Если не вернемся в срок...
Пусть Каратаев двинется на помощь.
А ты не двигайся... Ты третья смена.
Ты нанесешь решительный удар.
Ну, ладно. Будь здоров. Прощай! Живи!

Краснояров. Вот и джигиты!

Сафаров. Эти не сдадут!

Слова команды доносятся, на заднем плане проходит отряд. Запевают песню.

Свалятся горы,
Высохнет вода,
Но память о героях
Будет жить всегда...

Песня затихает вдали. Входит Каракыз — печально смотрит вслед.

Каракыз. Уехали, и я опять одна...
Уехали — а я им не нужна...
Песнь где-то льется... Конь куда-то скачет —
А я одна, одна, и сердце плачет.

Ложится на край палатки в унынии. Входит Береке.

Береке. Что, Каракыз? Все плачешь ты, бедняжка,
Ужели кто-нибудь тебя обидел?

Каракыз. Оставь меня! И без тебя мне тяжело!

Береке. Зачем ты так хотела ехать с ними?
Смотри ты на меня, ведь я джигит.

Я так хотел участвовать в сраженьи,
 А если не пришлось, так что поделать?
 Не ахать, и не охать, и не ныть,
 И вообще не растравляй досаду.
 Подумаешь — забава для девицы
 Слоняться по долинам!

К а р а к ы з (про себя). Комиссар!
 Уж очень ты настойчивый и крепкий.
 Но Каракыз настойчивей тебя.
 Посмотрим, кто поставит на своем,
 Я или ты?

Б е р е к е. Послушай, Каракыз...
 На-днях должны... произойти события...
 Мне кажется... и значит очень нужно
 С тобою мне условиться. Давай
 Поговорим на утреннем обходе.
 Уж если наш осуществится план —
 Ты станешь настоящей героиней.

К а р а к ы з. Ступай! Покойной ночи!
 Б е р е к е. Доброй ночи.
 Пусть будут сны твои легки. (Уходит.)

К а р а к ы з. Напрасно
 Ты, комиссар, обидел Каракыз!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Открытая степь. Чуть волнуются песчаные валы. Куст саксаула подчеркивает беспредельность простора. Ни души. Справа появляются Береке и Каракыз.

Б е р е к е. Ну вот пришли. Теперь поговорим.
 К а р а к ы з. Зачем в степи?
 Б е р е к е. Степь сохраняет тайну.
 Здесь за версту увидишь человека,
 И значит некому подслушать нас.

К а р а к ы з. Но это ведь граница?
 Б е р е к е. По порядку
 Все расскажу тебе — не торопи.
 Мы вышли на проверку караулов.
 Тут демаркационная черта,
 И если что — мы первые увидим
 И сразу переброситься мы сможем
 Туда.

К а р а к ы з. Не понимаю, для чего?
 Ну, все равно, рассказывай, какое
 Нашел ты средство, чтоб меня утешить.

Чтоб униженье мне свое забыть,
 Тоску рассеять. Если не нашел ты —
 Мне не о чем с тобою говорить.
 Я возвращаюсь — приведи коня.
 Береке. Когда тебя Сафаров оскорбил,
 Когда тебя он чем-нибудь обидел,
 Я не прощу, я осрамлю его,
 И страшное найду я наказание
 За сердце оскорбленное твое.
 Каракыз. Ты понял, что мне нужно, Береке,
 Ты мне поможешь отомстить ему,
 Надменному и злому комиссару!
 Уж он запомнит, он не позабудет,
 Как он джигитку оскорбил...
 Но только —
 Береке. Запомни, Береке, чтоб жизнь его
 Не пострадала. Опалить его
 Своею мезтью — это я согласна,
 Но сжечь — нет, ни за что!
 Так. Но зато
 Береке. С татаркой... с ней... не будем мы стесняться.
 На площадь выставим на посрамленья
 К позорному столбу!
 Каракыз. Ах, Береке!
 Когда случится это, ты получишь
 Все, что захочешь, от меня...
 Но только
 Береке. Любви моей не требуй, Береке...
 Я подготовлю все для наших планов,
 Но мне нужна уверенность в одном...
 Каракыз. В чем?
 Береке. В том, что мы с тобою на одной
 Дороге.
 Каракыз. На одной дороге? Как?
 Ты думаешь Сафарова догнать?
 Береке. О нет, мой гиацинт, такая мера
 Нам не нужна. Следов твоей ноги
 Пески пустыни не запечатлеют.
 (Значительно.)
 Нет, мы должны на родину пробраться.
 Каракыз. На родину? Пробраться?
 Береке. Да! довольно
 Терпели мы позор...
 Каракыз. Довольно мы...
 Ты думаешь... О чем ты говоришь?
 Не ошибается ли твой язык?
 (Вдруг неожиданно мысль ударяет ей в голову.)

Иль, может быть, ты схватишь Каракыз,
И выдашь басмачам?

Береке. Субхан-Алла!
Зачем дались мне басмачи?

Каракыз. Тогда...

Не понимаю... Неужели ты...
Как ты посмел! Предатель... Если так,
То страшная губительная кара
Ждет сына твоего отца!

Береке. Нет, нет!

Есть у меня на родине друзья,
Они стремятся присоединиться
К нам. Я хочу совета твоего.
Спросить...

Каракыз. Ну то-то! Я уж думала...
Кто знает помыслы твои?

Береке. И мысли

Мои и все дела мои чисты,
Но об одном прошу я, Каракыз,—
Наш разговор пусть будет между нами:
Ты не слыхала, я не говорил...
Не нравится мне это...

Каракыз. Мы болтали,
Береке. О революции, о нашем деле
И о победе — больше ничего.

Каракыз. А если я скажу...
Береке. То я отвечу,
Что ты нахально врешь. Ну, а теперь
Пойдем в обзор — мои посты направо,
Твои налево. Если ты не дура,
Подумай вновь об этом предложеньи.

Уходят направо. Каракыз — одна. Тяжело переживает только-что
происшедшую сцену).

Каракыз. Вот что ты сделал со мной, комиссар!
В мыслях безумие, в сердце — пожар.
Нет мне веселья, и счастья не знаю —
Все потому, что тебе не нужна я.
Мысли, не путайтесь, сердце, терпи!
Где ты, несчастная, в этой степи,
С кем говоришь ты? Сама с собою!
Споришь ты с кем? Со своею судьбою!
На чем ты строишь? На этом песке!
Что мне сейчас предлагал Береке?
О какой такой говорил дороге?
И зачем от меня он ждет подмоги?
Куда я бежать отсюда могу?
К какому другу? К какому врагу?
Вернуться на родину? Домой? Обратнo?

Мне это странно и непонятно —
Чтоб я понеслась на родину вскачь
И там бы повесил меня басмач.
Подумаешь, радость! Подумаешь, прибыль —
Домой возвращаться на верную гибель!
Нет, если вернуться мне суждено —
Так с Красною армией заодно,
Всех басмачей и бандитов прогнав,
Тогда, комиссар, мы увидим, кто прав!
Где конь мой? Где конь? Я сейчас же еду.
Мой дом — это лагерь! Поспею к обеду!
(Убегает налево.)

Справа через некоторое время появляются Джемаль - эфенди и
Мустафа.

Джемаль. Мы заблудились, кажется. С дороги
Мы сбились.

Мустафа. Глупость! Разве можно сбиться
С дороги в этой пакостной стране?

Джемаль. Здесь нет путей, нет разницы в пейзаже.
Куда ни глянь — везде одно и то же.

Мустафа. Мы на войне — покуда хватит сил.
Даны на выбор — смерть или победа.

Джемаль. Таков фирман высокого дивана.
Какой такой высокий там диван!

Мустафа. Он просто низкая кушетка — вот что!
Все вяло, скучно. Завели б шарманку —

Джемаль. Хоть бы немного стало веселей!
Диван... Фирман! Высокие слова.

Мустафа. Будь осторожен с ними, Мустафа!
Такие шутки просто недостойны

Джемаль. Сподвижника великого Решата!
Когда бы родина моя была

Мустафа. Моею родиной, когда бы ею
Не овладели красные злодеи,

Джемаль. То кто-нибудь другой бы ею правил
И, может-быть, совсем не Решат-бей...

Мустафа. Правитель нужен ли стране?.. Страна
Нужна правителю!

Джемаль. Молчи! Не стану
Тебя я слушать и сейчас уйду!

Мустафа. Ведь это правда!
Но аллах накажет!

Джемаль. Подумаешь — уж сколько лет прошло,
Как ты не видел бога, на тебя

Мустафа. Он тоже не глядит — и вы живете,
Друг другу не мешая. Почему

Джемаль. Ты вспомнил вдруг...

Джемаль

Довольно, перестань!
Сюда идут... (Вгляделся в идущего человека.)
Да это Береке,
При нем не надо — он религиозен.
Входит Береке.

Мустафа.
Береке.

Ну, наконец-то! Где ты задержался?
Мы вечность ждем тебя!

Я тоже ждал
Нетерпеливо, чтобы не пропал
Наш вечер даром.

Джемаль.
Береке.

Ну, скорей, что слышно?
Во-первых, вам письмо. Прочтите. Мне
Доставили нарочно из Ургенча
Для вас.

Джемаль.

Казань. Отлично. Очень кстати.

(Читает.)

Береке.

От Мир Сейда. Так. Спасибо, друг.
Давно я ждал известий от джигитов.
Теперь рассказывай, как здесь дела?
Большие новости. Я с нетерпением
Ждал встречи.

Джемаль.
Береке.

Говори.

Вы подоспели
В горячую минуту: если мы
Не потеряем, не упустим время —
То вознесутся наши имена
До облаков, овеянные славой!
Ну, дальше что?

Джемаль.
Береке.

Отряд вчера ушел,
Чтобы пробиться в тыл. Я план их знаю.
И проследить их будет нам легко.
Тогда-то неожиданным ударом
Мы с ними кончим. Нужно собираться,
Мы в двое суток путь им перережем —
И передушим, как слепых щенят...

Раздается выстрел.

Джемаль.
Береке.

Стрельба!

Откуда?

Мустафа.

Вот так неприятность!

Джемаль.

Дозор! Бегите!

Мустафа.

Где тут убежать?

Уже светает.

Джемаль.

Живо к лошадям!

Они стремительно убегают. Короткая перестрелка — через некоторое время дозорный красноармеец выносит на плечах раненого товарища.

Раненый. Оставь меня!
Красноармеец. На, выпей.
Раненый. Нет, не надо.
Красноармеец. Ну, знаешь, перевяжем рану — может
И полегчает.
Раненый. Нет, не полегчает...
Горит... горит...
Красноармеец. Откуда налетели?
Раненый. Воды...
Красноармеец. Возьми, родной.
Раненый. Теперь не мешкай!
Скорее в часть... Увидишь командира —
Скажи ему... что налетел дозор...
Басмаческий, три человека... Я...
Был на посту... И ранен в грудь... И все...
Красноармеец. Ох, тяжело... Смерть, глупая, как ветер —
Одна, одна страданья облегчает...
Раненый. Я умираю... Передай селям
Добыть победу... Передай селям
Мой тем, кто жив и борется. Еще
Скажи ты им... что только что в степи...
Я видел Каракыз... (Теряет сознание.)
Красноармеец. Что? Каракыз?
Зачем ей здесь?.. Наверно ты ошибся?
Постой, дыханье стихло... он погиб...
Он умер, но живет невянущая слава,
Как яркие лучи, как огненная лава,
Она перенесет в грядущие века
Кровь нашего большевика!

Покрывает тело бойца шинелью. Светает

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Лагерь. Перед красноармейскими палатками Арсик сидит и чистит наган. Каракыз ходит, не может найти себе места.

Каракыз. Арсик! Ты почему-то на меня
Не смотришь даже? (Подходит к нему.)

Арсик. Ты еще сырая.

Эх, Каракыз, ты ничего не знаешь!
А для меня три года пролетели,
Как выпущенная стрела. Трех дней
Без боя не бывало. словно птица
Над облаками, словно рыба в море —
Так Арсик в пламенном бою пытается
Свою судьбу!

Каракыз. Я слишком истерзалась...

Отряд готов, а я одна осталась...
Одна, одна, в бездействии, в тоске...

Арсик. Я мучаюсь не меньше твоего...

Конечно, скучно дома оставаться,
Когда собрался в путь.

Каракыз. Не утешай!

Арсик. А ты, голубка, не сердись, не надо!
Ведь раньше времени он не вернется,
А во-время придет.

Каракыз. Ты пустомеля!

Не о Сафарове ль ты говоришь?
Откуда взялся этот белолицый,
Желтоволосый?..

Арсик. Ты спроси у сердца,

Откуда взялся — пусть ответит сердце.

К а р а к ы з. Пусть комиссар пойдет в подарок
Для самой желтой из татарок!
Меня полюбит удалой джигит,
Быстрее коня, стройнее трости!
Как поцелует — сердце задрожит,
Обнимет — затрещат все кости!

А р с и к. Ой, Каракыз, ведь сердцу не прикажешь!
Иной раз в сладком нет ни радости, ни смысла,
А тянешься к тому, что горько или кисло!

Входит Х а с а н.

Х а с а н. Здорово, комиссар!
А р с и к. А — командир!..

Х а с а н. Повадился!
Братишка, не шути,
А выслушай хотя б разок! Возьмите
Меня к себе. Пустите хоть с начальством
Поговорить. Не примете — спасибо
За угощенье, если ж подойду,
То сам пойду — и лошадь, и жену,
И всю семью с собою на телеге
Приволоку!

А р с и к. Но главный комиссар
Ушел.

Х а с а н. Вот тебе раз — как это так?
Ушел?

А р с и к. Вот так. Придется подождать...

Х а с а н. Ну, это невозможно. Я спешу.
Нет времени. Ведь если дожидаться,
Так высохнут мозги. Кто комиссара
Здесь заменяет?

А р с и к. Привязался дядька!
Постой-ка, я покличу. Торсонбаев
Здесь был недалеко. (Уходит.)

Х а с а н. Ступай, ступай.
Вот видишь, девка, так всегда бывает,
Когда послушаться жены.

К а р а к ы з. Ну что же,
Ты станешь нашим гостем дорогим,
Ты будешь пить вино и кушать фрукты,
И для тебя мы приготовим плов
Узбекский, знаменитый.

Х а с а н. Ай-ай-ай!
Какие, девка, у тебя слова,
Их прямо хочется на хлеб намазать!..

А р с и к возвращается с Торсонбаевым.

Торсонбаев. О нем ты, что ли, говорил?

А р с и к. О нем.

Торсонбаев. Здорово, друг!
Хасан. Брат комиссар, здорово!
Торсонбаев. Казанский будешь?
Хасан. Да, брат, чистопольский.
От голода бежал я, а когда
Не вышло толку — в армию толкнулся:
Уж здесь накормят...

Торсонбаев. Сколько лет тебе?
Хасан. Я не считал — да и при чем лета,
Все дело в сердце, хе-хе-хе!..

Торсонбаев. Да, верно —
Хасан. А как тебя зовут? *(Вынимает список.)*
Хасан-Али
Батыргалиев сын, Сафаргалиев —
Вот как меня зовут!

Торсонбаев. Ружье умеешь
Хасан. В руках держать?
Как не уметь? Умею —
Не зря ходил в Японскую войну.

Торсонбаев. Ну, значит, старый, опытный вояка!
Хасан. Ну, как у вас в деревне, как хозяйство
И как живется?
Хасан. Лучше...
Торсонбаев. Значит лучше?
Хасан. Нет, лучше ты не спрашивай. Три пуда
Муки я получил за все добро, —
Корову съели, продали, что было,
И еле на дорогу сколотили.

Торсонбаев. Ну, хорошо. Останешься у нас.
Хасан. Служи и будь правдив. От нас не скроешь
Ни слов своих, ни мыслей, ни поступков.
Увидишь сам, браток. Хасана знает
Уезд недаром. Я не допущу
Здесь власти никакой, кроме советской!

Торсонбаев. Пойдем, ага, со мною. Мы устроим
Хасан. Тебя, и, если сладишь ты с работой,
Определю тебя я в эскадрон!

Хасан. Братишка! В эскадрон — так в эскадрон!
А чтобы мне не слишком скучно было,
Определи со мной мою кобылу!
(Уходит.)

Каракыз *(ложится у палатки).*
И до чего же я устала, Арсик!

Арсик. Перегулялась.
Каракыз. Нет, не от гулянья,
От мыслей. Скука и тоска!

Арсик. Пожалуй,

Тоска и скука — это слишком много.
Одно из двух — иль скука, иль тоска!
Мне очень тяжело, а ты смеешься —
Не по-товарищески!
(Сигнал за сценой.)

Каракыз.

Что такое?

Арсик.

Тревога!

Каракыз.

Неужели?

Арсик.

Факт! Скорей!

Арсик убегает. На сцену вбегают бойцы, на ходу застегиваясь, занимают места, выстраиваются в должном порядке.

Голоса.

Первая рота, становись!

Голоса.

— Готово!

— Есть!

— Третья рота, становись!

— Готово!

Входит Каратаев.

Каратаев

Вторая рота, становись!

(Красноармейцы выстраиваются.)

Равняйся

Направо.

Входит Краснояров.

Каратаев.

(Красноярову). Рапортую: на тревогу

Вторая рота вышла.

Краснояров.

Здравствуйте,

Красноармейцы!

Бойцы

Служим трудовому

Народу!

Краснояров.

Вольно!

Каратаев.

Вольно!

Краснояров.

Ваша рота

По праву боевою подготовкой
Гордиться может... Вражье нападение
Врасплох вас не застанет... Отмечаю
Я это с радостью. Но вместе с тем
Тяжелое известие я должен
Вам сообщить. Вчера ушел отряд
В разведку с комиссаром во главе.
Мы получили сведения. Они
В опасности. Враг выведal их план —
Они отрезаны. Я обещаюсь
Все силы приложить, чтоб из беды
Их выручить, но лишь от вас зависит
Спасение товарищей. Пойдете
Вы иль нет?

Каратаев.

Ответ единомушен!

Арсик.

Опалим шерсть проклятым басмачам,
Чтоб не 'осталось на земле советской
Ни одного басмачского следа!

Масса общим оживлением подтверждает слова Арсика

Краснояр о в.

Итак, геройские наши части
К победе пойдут напролом, напрямик!
Нет такой силы, нет такой власти,
Пред которой склонился бы красный штык!
И двинемся мы сплоченной ратью
Лавы кипучей, горячей,
Освободим товарищей-братьев
И страну отвоюем у басмачей!
От нас зависит судьба миллионов,
Судьба революции пред нами встает —
Все ли готово у батальона?
Ждите команды! Едем в поход!

Б о й ц ы.

Даешь поход на басмачей! Долой
Разбойников!
Под ноготь интервентов!

Краснояр о в.

А теперь, товарищи, еще одна весть,
Которой нет ни хуже, ни гаже:
В нашем стане предатель подлый есть
Есть агент шпионажа.

«Общее движение».

Вам это больно, и мне тяжело
Стоять с предателем рядом.
Враг накопил последнее зло,
Враг напился последним ядом!
Но это дело во-время вскрылось,
Взрезан нарыв и хлещет гной.
На вражью злость, на гнусную гнилость
Мы даем ответ боевой!
Да, вам тяжело, и мне это больно.
Предатель здесь, подлец налицо!
Так пусть же он выйдет добровольно,
Нет ему места среди честных бойцов!
(Краснояр о в. делает выжидательную паузу,
бойцы смотрят друг на друга, но виновным
никто себя не признает.)

Каратаев.

Не хочет, боится за свою жизнь.
Выведите из строя Каракыз!
Есть! Рота! Смирно! Каракыз — вперед —
Два шага!

Краснояр о в.

Никто не думал, на что способны
Подлые предатели и злые враги! —

Что? По песку ходить тебе удобно?
Но остаются следы от ноги! (Каратаеву.)

Ведите в штаб шпионку!

Каратаев.

(Арсик). Отберите

Оружье у нее и отведите

В штаб!

Краснояров.

У моей палатки подождите.

Изменница!

Арсик.

Направо шагом арш!

(Уводит Каракыз.)

Каратаев.

Так. (Командует.)

Рота, смирно! На ремень!

Налево!

Шагом марш!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Штабная палатка. Штаб. Стол, стул, полевой телефон.

Каракыз и Арсик, ее караулящий.

Каракыз.

Ай-ай! Какой товарищ Краснояров!

Недобрый человек! Как рассердился,

Вдруг стал совсем, как будто сумасшедший.

Как он ругал меня, как осрамил

Пред всею ротой!

Арсик.

Что там говорить!

Следы остались — значит, не шути

Так с Красной армией. Не проведешь!

Каракыз.

Чего ты пристаешь? Твердишь одно —

Предательство, обман. Суд только будет —

Там выяснится правда. Каракыз

Ни в чем не виновата.

Арсик.

Что слова!

Нет места слову там, где преступление.

Всем очевидно!

Каракыз.

Арсик!

Арсик

(кричит). Арсик, Арсик!

Довольно! Кто нас предал басмачам?

Каракыз.

Неправда!

Арсик.

Правда! Думаешь, не знаем,

Кто наши планы, цифры и маршруты

Им передал?

Каракыз.

Кто это говорит?

Кто смеет говорить про Каракыз?

Арсик

А кто посмеет закрывать глаза

На то, что очевидно!

Каракыз. Нет, неправда!
 Арсик. А вот когда успеют басмачи
 Сафаровцам дорогу перерезать,
 Когда останется от всей разведки
 Лишь горсть костей среди песков сыпучих,
 Тогда лишь выяснится...

Каракыз (вскочила, растерянно). Арсик! Арсик!
 Что ты сказал? Отряд в опасности?
 Арсик. Да — если твой осуществится план!
 Каракыз. Сафарову грозит опасность?
 Арсик. Брось!
 Не знаешь разве ты, на что идешь?
 Твой Береке сбежал, ты не успела!
 За двух предателей — один в ответе!
 Каракыз. Так вот зачем крутился Береке
 Вокруг меня! Так вот как я попалась
 В расставленные сети! Арсик, Арсик!
 Что я наделала! А почему?
 Все потому, что не хотели взять
 Меня в поход!

Арсик. Тебе-то поделом,
 А я за что на этом пострадал?
 Из-за тебя — я сам останусь дома...

Входит Хасан.

Хасан. Ну, комиссар, дела у нас — малина!
 Сегодня клюнуло и у меня.
 Вот погляди, каков Хасан-эке!
 Ничуть не хуже командира.
 Видишь,
 Красавица? Что скажешь, комиссар?
 Ай-да Хасан! Теперь тебя не купишь
 За тысячу целковых!
 Арсик (шутя). Что, забрили?
 Хасан. Еще бы нет! Руками и ногами!..
 Никто ни слова против не сказал.
 Фамилию и имя записали,
 От головы до пяток осмотрели,
 Затем одели с ног до головы
 И даже поясом перетянули.
 Ты тоже в эскадроне?
 Да, в эскадрон!
 Теперь Хасан — кавалеристом будет.
 Арсик. Научишься — на лошади гонять
 Не больно мудрено.
 Хасан. Уж научусь,
 Посмотришь! Дай скажу я Гельсяхер,
 Уж я ее пугну!..

Входит Каратаев.

- Каратаев. Постой-ка, старина!
Хасан. Товарищ командир! (Становится «смирно».)
Каратаев. Возьми вот это! (Дает ему винтовку.)
Хасан. Зачем она мне?
Каратаев. Ты красноармеец!
Хасан. Едва на плечи платье натянул,
Уже сражаться! Я еще не кушал!
Каратаев. Чудак! Ты можешь требовать от нас,
Чтоб мы тебя в сражение пустили —
Не пустим.
Хасан. Ну, тогда, другое дело —
Тогда давай винтовку, комиссар!
Каратаев. Ты сменишь часового Каракыз.
Хасан. Как? Мне? Ее? Стеречь?
Каратаев. Да, стереги.
Арсик. Спасибо, Каратаев!
Хасан. Мне стеречь?
Что ж, я согласен. Есть такое дело!
Бывало, при осаде Порт-Артура...
Каратаев. Оставь в покое Порт-Артур. Бери
Ружье и стереги ее. Ходить
Отсюда и досюда можешь. Арсик,
Пойдем со мною, скоро нам в поход.
Хасан. Ступай, ступай. Уж я покараулю!
Арсик. Ну хорошо — посмотрим. (Каракыз.)
Ну, а ты —
Ты не волнуйся так, не убивайся,
Я о тебе комбату доложу.
Уходят Арсик и Каратаев.
Хасан. Вот так история... Попал в герои...
И карауль... и отвечай... Пожалуй —
Не шуточное дело... Нарядиться —
Пустяк, а сбросить с плеч не так легко...
Эй, девушка!.. Эй, как тебя зовут?
Каракыз. Чего шумишь? И без тебя мне тошно?
Хасан. Не понимаю, что с тобой случилось?
Вчера была, как птичка, весела
И вот теперь, скажи на милость,
Попалась за какие-то дела.
В чем дело?
Каракыз. Эх, старик! Сама не знаю —
А вот стряслась над головой беда!
Хасан. Откуда? Почему? Ты девочка шальная. —
Как ветер носишься — туда, сюда,
А поглядеть — всегда, где только шалость,
Там и беда приходит вмиг.
Ну, признавайся!

Каракыз. Нет, старик!
 Когда бы это все одной меня касалось,
 То я бы плюнула — беда не велика!
 Не в этом главная моя забота,
 И не о том гнетет меня тоска!
 Эх, если бы ты знал...

Хасан. Насчет чего ты?
 Скажи мне, дочка, про свою беду —
 Лекарство, может, я найду.

Каракыз. Сафарова ты знаешь?
 Хасан. Кто не слышал!
 Каракыз. Какой джигит, какой храбрец в бою!
 Вчера он на разведку вышел,
 И я сегодня утром узнаю...
 Что наш один... Он мне известен в доску..
 Я не ждала измены от него...
 И вот он видел нашу переброску...
 Он басмачам их выдал с головой...

Хасан. Ах, матушка!
 Каракыз. Предатель гнусный
 Героев наших выдает врагу
 И, выполнив свой замысел искусно,
 Скрывается...

Хасан. Нет, я так не могу...
 Джигитов жалко... Вырежут в пути...
 Или ты думаешь, нельзя спасти?
 Каракыз. Есть средство верное...
 Хасан. Ну, говори же!
 Каракыз. Единственное — подойди поближе...
 Хасан. Я слушаю!.. Как сохранить их жизнь?
 Кто это может сделать?

Каракыз. Каракыз.
 Хасан. А ты не врешь?
 Каракыз. Я жизнь отдам за это!
 Хасан. Так что же ты здесь мечешься в тоске?
 Берись за дело — торопись!..

Каракыз. Ну, где там—
 Мне не поверят!
 Хасан. Чушь на языке!
 Ты делай дело! Докажи примером!
 Предупреди Сафарова, а там —
 Они нагреют пятки басмачам,
 Чтоб их взяла четырежды холера!

Каракыз. Все это так. Задача мне видна,
 Но не могу я в путь итти одна!
 Хасан. Вот глупости — чего же ты молчала —
 Ты мне во всем открылась бы сначала.
 Уж я тебя доставил бы!

Каракыз. Хасан,
 Подумай, что ты говоришь: когда бы
 Открыла я тебе свой план,
 Со мною ты поехал бы до штаба?

Хасан. Да, чтоб спасти такую часть
 Не жалко и на каторгу попасть!

Каракыз. Тогда друг друга мы пойдем!
 Поедем мы с тобой вдвоем!

Хасан. Вот это так! Все это превосходно!
 Поехать можно, не об этом речь!
 Но ты здесь под замком! Ты, значит, не
 свободна..

А я поставлен, чтоб тебя стеречь...
 Так как же быть? Такой уж случай...

Каракыз. Как быть, Хасан? Меня послушай:
 Когда поедешь ты со мной —
 Ты возвратишься, как герой.
 А если нет, тогда, пойми —
 Что будет с нашими людьми!

Хасан. Ну, хорошо. Ну, ежели удача —
 Тогда мы выскочим за совесть и за страх..
 А если выйдет как-нибудь иначе?..

Каракыз. Хасан-ага — подумай о бойцах!..
 Товарищ — пожалей джигитов!..

Хасан. Жалею я и сам — об этом не проси ты..
 Но я здесь не для жалости стою,
 А чтобы пленницу стеречь свою!

Каракыз. Меня стеречь? Какая честь!
 Куда как весело и мило!
 Ты можешь больше выгоды принести
 Как боевая, как живая сила!
 Мы бросимся с тобою
 В кровопролитный бой —
 И ты добьешься в мировом масштабе
 Великой славы, как герой,
 А не как часовой при бабе.
 И если уж доедем до утра
 И перебьем дорогу белым гадам —
 Нас встретят музыкой и криками «ура»,
 Когда вернемся мы с отрядом.
 Увидишь, как нас поблагодарят
 За то, что, план басмаческий расстроив...

Хасан. С отрядом, говоришь?

Каракыз. При нас придет отряд!

Хасан. С «ура» и с музыкой?..

Каракыз. Нас встретят как героев..

Хасан. Не знаю, что бы сделал кто другой,
 А я рискну!

Ж а р а к ы з.

Спасибо, дорогой!
Итак, мы закрепляем вмиг
Союз наш боевой!
Отныне я твой командир,
А ты мой вестовой!
А как мы вместе прикатим
Туда, во вражий тыл,
Тогда я буду вестовым,
А комиссаром ты!
Скорей, Хасан, преобразись!

Х а с а н.

Ж а р а к ы з.

Прими достойный вид!
Ну и девчонка Каракыз!
Скорей, земля горит!
(Уводит его за ширму; их не видно, доносятся реплики.)

Меняй штаны — да поскорей!

Надень, брат, сапоги!..

Немедля бороду побрей!

Да волос подстриги!

Вот комиссара френч висит

И всякий прочий хлам —

Бери немедленно, старик —

Оно согдится нам!

(Выходят из-за ширмы. Хасан в комиссаровском платье, ромбы, нашивки, ордена Красного знамени и т. д. Каракыз в простом красноармейском.)

Вот комиссарская печать —

И вот наш круглый штамп.

Мандаты нужно написать —

И марш во вражий штаб!..

(Каракыз убегает, Хасан остается и с видимым удовольствием ощущает свое новое превращение.)

Х а с а н.

Ну, Гельсяхер-голубушка, держись!

Теперь я покажу, на что способен

Хасан! Когда обратно мы приедем —

Героями мы станем, чорт возьми!

Ж а р а к ы з

(приводит своего осла). Что разболтался?

Надо торопиться! (Оглядела Хасана.)

Ах ты! — действительно теперь тебя

За тысячу рублей никто не купит!

Ну едем, что ли?

Х а с а н.

Ехать на осле?

Я — на осле! На ишаке! Позор!

Ж а р а к ы з.

Наверно ты боишься — не поймут,

Где ты, а где осел. Совсем не важно.

Знай лишь одно, — осел трехдневный путь

Закончит к завтраму. Садись — и едем!
Поехали! Шайтан один лишь знает,
Что будет с нами завтра!

Хасан.

Каракыз.

Погоняй!

Езжай, Хасан, — вези с собой поклажу!
Клянуся честью женщины, бойца,
Что если я ошибку не заглажу,
День не увидит моего лица!
(Уезжают.)

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор, по середине двора хауз (бассейн). Справа мужская половина дома, слева женская, наверху терраса. В глубине сцены видна улица: большое каменное здание, высокий минарет и ряд строений по склону гор. Вечер. Вокруг хауза сидят Деуран, Шираз, Тойгун, Кебир и еще несколько джигитов. В отдалении сидит Афтар. Ее мать готовит ужин на жаровне, кормит джигитов, после чего удаляется.

Деуран.

Итак, товарищи, — на том решим:
Здесь будем выступленья батальона
Мы ожидать. Когда настанет час, —
На северной позиции займу
Я базу — и отрежу путь врагу.
А там на юге, где напора меньше,
Пускай стоят ширазовы бойцы.

Шираз.

Деуран, стой! Мои бойцы слывут
Героями не даром и способны
На более ответственное дело.

Деуран.

Шираз! Не возражай — штаб приказал,
Там знают лучше. Каждый из отрядов
Имеет свой участок. Если ты
Удержишься — ты облегчишь победу
Для нас, а если дрогнешь, весь наш фронт
Сломается. А батальон нажмет
По всем фронтам — и с севера и с юга!
Так! Срок настал. Сегодня августа —
Двадцатое. Весь план готов. Должны мы
Отправить сообщение в батальон.
Письмо готово. *(Берет пакет.)*
Пусть Кебир поскачет.

Кебир.
Деуран.
Шираз.
Деуран.

Пакет доставлен будет завтра утром!
Твои дела окончены, Шираз,
Все ли бойцы покинули кишлак?
Все, как один,— теперь они, должно быть,
Уже подтягиваются к Змеиной
Горе.

Все хорошо. Лучше не надо.
С зарей пойдет машина в ход — а завтра,
Ох, завтра будет жарко в кишлаке!

Вбегают мать в смятении.

Мать.
Бегите — басмачи!..

Все вскочили.

Деуран.
Тсс — осторожно!
Без паники! Идите на посты.
Спокойствие, и выдержка, и долг —
И долг бойца во что бы то ни стало!

Расходятся в разные стороны. Афтар останавливает Тойгуна.

Афтар.
Тойгун.
Афтар.
Тойгун.
Афтар.

Тойгун — желаю славы!
Афтар, не беспокойся!
Не забудь
Меня в дороге трудной.
Я вернусь,
И мы тогда отпразднуем победу.
Ты отомстишь за брата моего
И за отца!

Тойгун.
Прощай, прощай, Афтар!
В лучах победы я сюда вернусь!
(Ушел.)

Мать.
Опять они приходят, духи смерти,
Опять по улицам польется кровь!
И лучшие из нас погибнут...

Афтар.
Мама!
Они по нашей улице идут.

Мать.
Дитя мое, уйди!
Афтар.
Уйди со мною,

Мать!
Я останусь... Я привыкла... Я вытерплю...

Афтар.
Уйдем

Мать.
Пойди и спрячь
Оружие, оставленное братом.
Оно Деурану пригодится. Ну!
(Афтар уходит. Мать поднимается наверх.)
Идут герои и гремит ура —
На площади из мертвых тел гора!

Входят Гази, Эсфендиар с басмачами.

Эсфендиар. Вот где их штаб!
 Гази. Эй, чортова старуха!
 Куда ты грешников упрятала?..
 Мать. Мне их грехов не надо. Одиноко
 Я прохожу последние ступени
 Той жизни, что осталось мне прожить...
 Эсфендиар. Ну, что?
 Гази. Вот большевистская берлога!
 А эта ведьма, старая хрычовка,
 Не говорит, где спрятаны бандиты.
 Мать. Я не видала их.
 Гази. Ты нагло врешь!
 Мать. Я не видала — я почти слепая.
 Гази. Хитришь, старуха! Ловко прячешь в воду
 Концы! Ну, говори, куда же ты
 Спроведила штаб красных сволочей!
 Эсфендиар. Скажи нам просто, где Деуран?
 Мать. Деуран?
 Где он? Спроси на улице, где ветер?
 Имя его я слышала не раз,
 Хотя ни разу в жизни не видала.
 Но все, кто зедсь живет, и все, кто дышит,
 Все молятся за то, чтобы аллах
 Дал силу Деурану!
 Гази. Где их штаб?
 Мать. Зачем допытываться у несчастной
 Старухи? Лучше помолитесь богу —
 Он вам откроет тайну!
 Эсфендиар. Ты дерзить?
 Возьмите старую! Спустите шкуру!
 Да переройте двор, дом обыщите!
 Камня на камне не оставьте в этом
 Гнезде предателей!
 Несколько басмачей берут старуху. Остальные рыщут по комнатам и
 по двору.
 Мать. Богатыри!
 Гази. Молчи!
 Мать. Справляй над женщиной победу...
 Гази. Где красные — сейчас же говори!
 Мать. Что ж делать мне: молчать иль говорить?
 Гази. Ты скажешь!
 Мать. Я скажу одно лишь слово;
 Проклятье!
 Гази. Собачья смерть тебе,
 Помощница шайтана! Ну?
 Мать. Проклятье!

И в третий раз — проклятье! Ничего
Другого вам не слышать от меня!

Эсфендиар волочит за собой Афтар.

Эсфендиар. Оставь старуху — мы добыли дочку!

Афтар. Они тебя избили, мама? Как?

Старуху? Палачи!

Мать. Меня возьмите!

Оставьте дочь!

Гази. А ну-ка, всыпьте девке —

Пусть угощенье за большевиков

Она получит!

Эсфендиар. Бить? Зачем? Не надо!

Она ведь молода и недурна —

Пусть молодость ее пойдет в награду

Героям нашим!

Афтар. Мама!

Мать. Не терзайте

Вы сердце матери!

Гази. Держите крепко!

Афтар. Мама!

Мать. Вы — звери — мужа моего

Повесили и расстреляли сына!

И дочь мою!.. единственную дочь..

Проклятье!..

Гази. Не отпускайте!

Афтар. Мама!

Гази. Цыц!

Мать. Палачи!

Гази. Ты будешь ли молчать?

(Сшибает старуху с ног одним ударом.)

Ведите девку!

Афтар уводят. Мать некоторое время лежит без движения, потом очнулась, приподнялась — медленно приходит в себя, собирается с мыслями, видит на земле обрез и патронташ.

Мать. Кто это оставил?

(Подымает их, прячет и уходит, хромая, наверх.)

Входят Гази, генерал, за ними ведут связанного Кебира.

Генерал. Ну, сукин сын, откуда?

Кебир. Не скажу!

Генерал. Какая часть?

Кебир. Не знаю...

Генерал. Сукин сын!

Сейчас же скажешь!

Чем больше будете меня вы бить —
Тем лучше отомстят вам за меня
Товарищи!

Гази бьет его по голове рукояткой нагана. Кебир падает без сознания.

Генерал. Что? Дышит?
Гази. *(послушал дыханье)*. Жив еще!
Генерал. Пока довольно. Обыщите двор!
 Всех подозрительных ко мне доставить!
 А этот... Уж когда придет в себя,
 Так я его заговорить заставлю...

Басмачи уходят, Кебир лежит один на дворе.

Мать *(спускается сверху, подходит к Кебиру, смотрит с нежностью на него)*.
 Какая мать героя породила?
 Какая грудь вспоила молоком?
 Откуда мощь, откуда эта сила —
 В таком юнце, в беспомощном таком?..
 (Целует Кебира в лоб, вливает в рот ему несколько капель воды, мочит в хаузе тряпку, кладет на лоб ему.)
 Ждет, бедная... Тоскует дни и ночи..
 Не плачь, родная, он приедет сам —
 Приедет он с победою рабочих
 И с гибелью проклятым палачам!
 (стонет). А-а...

Кебир Что, мой сынок?..
Мать. Мать...
Кебир. Что тебе, родной?
Мать. Воды...
Кебир. Испей, голубчик... Полегчало?
Мать. Как будто лучше...
Кебир. А теперь довольно.

Мать. Передохни.
Кебир. Спасибо, матушка...
Мать. Где палачи?
 Они ушли, но скоро
 Вернутся.
Кебир. *(вдруг вспоминая)*. Мать!..
Мать. Что тебе, дитя мое?
Кебир. Сегодня ведь уже двадцатое...
 Сегодня утром наши выступают —
 Я должен донесение доставить...
 Во что бы то ни стало...

Мать. Но ты болен...
Кебир. Я должен...
Мать. Сын мой...

Ке бир.

Голова кружится...
Постой, постой, терпенье... Дай воды..
Так... Я живу... Дышу... и значит силы
Есть... а дело важное... большое...
(Поднимается.)

М а т ь.

Успех зависит от него! Прощай!..
Но это же безумие — тебя
Узнают сразу... Ты переоденься —
Возьми мою одежду.

Ке бир.

Это мысль!
Спасибо, мать! (Надевает на себя верхнее
платье старухи.)

М а т ь.

Накройся паранджой.
Пускай хоть раз оружие угнетенья,
Терзавшее и мучившее нас,
Послужит для освобожденья
Народных угнетенных масс!

Ке бир закутывает себя паранджой старухи. Она его благословляет. Старуха следит за ним, облегченно вздыхает, когда он исчезает из виду.

М а т ь.

Теперь они его уж не догонят!
Хвала аллаху! (Раздается стук в внешнюю
дверь.)

Постучи еще!..
Да посильней... Попробуйте — войдите...
(Снимает со стены винтовку.)
Теперь сведем мы счеты. (Целится.)
Раз — за мужа! (Выстрел.)
За сына — два! (Выстрел.) За дочь мою!
(В дверь вламывается басмач — и падает уби-
тый ее выстрелом.)

Готово!
А это... За себя!

Из-за стены раздается выстрел. Старуха падает, убитая. Дверь взломали, врывается генерал с басмачом.

Г е н е р а л.

Где негодяй?
Он убежал! Ты помогла ему!
Теперь они получают сообщенье!
Всю местность обыскать!.. Ищите, черти!

Наверху, на стене появляется Решат-бей, в военной форме, в чалме, с обнаженной шашкой в руке.

Р е ш а т.

Отрезать все пути! Поджечь постройки!
Пускай огонь охватит весь кишлак!

Со всех концов показываются языки пламени, освещая фигуру Решата на стене.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дворец Решат-бея. Направо дверь. Налево маленькая дверь — внутренняя, наверх ведут две лестницы на хоры — там две двери во внутренние покои. В широкие окна видна даль — улица, горы. Ковры на полу, на стенах. Слева кресло на возвышении, там сидит, курия сигару, полковник Ленсберри, резидент иностранной державы, перед ним в почтительной позе Решат-бей.

Решат. Змея раздавлена! Большевикам
Конец!

Ленсберри. Вы думаете?

Решат. Я не знаю.

Как на других участках — наш избавлен
От красной нечисти.

Ленсберри. Не предавайтесь.

Чрезмерной радости — живуча гидра.

Решат. Я знаю, что я говорю.

Ленсберри. Посмотрим!

Вбегают, запыхавшись, Эсфендиар.

Эсфендиар. Могучий повелитель!

Решат. Что случилось?

Эсфендиар. Парламентеры от большевиков!
Под белым флагом — двое... Помоложе
Один, другой постарше.

Решат. А мандаты

Предъявлены?

Эсфендиар. Вот их бумаги.

Решат. (взглянув на мандат). Сам
Сафаров! Что я говорил, милорд?

Ленсберри. Чего ж они хотят?

Эсфендиар. Договориться
С могучим повелителем, с опорой
Корана...

Ленсберри. Пропустите титул. Дальше.

Эсфендиар. Насчет условий мира.

Решат. Ну, теперь

Что скажете?

Ленсберри. Скажу, что было б странно
Другого ожидать — ведь мы-то знали,
Что делали. *Встает.*) Итак, мой дорогой,
Вступайте в мирные переговоры,
Но в то же время будьте осторожны.
Сегодня же чтоб были все отряды
Готовы к бою.

Решат. Так, эффенди.

Ленсберри. Кстати,
Сафаров — их герой? Он стар иль молод?
Решат. Не знаю, я ни разу не видал
Его. (Эсфендиару.) А ты?
Эсфендиар. Сегодня я впервые
Его видел — в жизни б не сказал,
Что это сам Сафаров.
Решат. Почему?
Эсфендиар. Совсем невзрачный старикашка.
Решат. Правда?
Эсфендиар. А адъютант его — тот боевой
Мальчишка.
Ленсберри. Это пустяки. Вступайте
Немедля в мирные переговоры
И выгадайте время. (Уходит.)
Решат. Эсфендиар!
Пойди и позови мне генерала!
(Эсфендиар уходит.)
Хитер полковник Ленсберри! Не верит
Большевикам и нам не доверяет.
Победу хочет приписать себе,
А неудачи нам. Откуда веру
К чужим войскам он может ощущать,
Когда свои, английские отряды
С трудом удерживает?

Входит генерал.

Генерал. Ваша светлость,
Желаю здравствовать.
Решат. А, генерал!
Рассказывайте поскорей, какие
Вы меры приняли?

Генерал. Отряд в пятнадцать
Штыков отправлен мною для конвоя.
Решат. Поставьте самых храбрых в караул.
Шайтан их знает, что они хотят.
Мы приложить должны к тому усилъя,
Чтобы на хитрость ихнюю в ответ —
У нас своя готовая была бы.

Генерал. Мы, ваша светлость, будем наготове.
Решат. Не забывайте: главный эмиссар —
Полковник Ленсберри. С ним нужно ладить.
А если не поладим — он нас выдаст
Большевикам. Вы поняли? Потом —
Рекомендую привести героев
В приличный вид: их грязные лохмотья
Недопустимы.

Генерал. Отдан мной приказ —

Снять ст них чалмы и выдать сапоги;
А также чистое белье!

Решат.

Недурно.

Пусть видят большевистские враги,
Насколько наша армия культурна.

Генерал уходит. Входит Атабек.

Решат.

Без дела вертишься?

Атабек.

Селям главе

Ислама!

Решат.

Вечно пьян?

Атабек.

Гласит коран

Так: человек грешит, аллах прощает.

Решат.

Где эти ты нашел слова?

Атабек.

А разве

Их нет? Так верно старое издание.

Решат.

Вот я тебя прощу, так ты запомнишь.

Смотри ты мне, бездельник, чтоб сегодня
Плетьми согнать диван!

Атабек.

А для чего?

Решат.

Увидишь.

Атабек.

Ты сказал — мы исполняем!

Решат.

И передай ты своему дивану,
Чтобы они хоть раз вели себя достойно,
Как следует мужам совета. Если
Нажрется кто-нибудь из них гашишу
Иль принесет с собою анашу,
Иль запах водки где-нибудь услышу,
То я им всем такое пропишу!..
Я каждый волос выдеру отдельно
Из их поганных крашенных бород.
Великому Решату беспредельно
Мы преданы душой.

Атабек.

Решат.

Ступай, урод,

И позови сюда Эсфендиара.

(Атабек уходит поспешно.)

Что будет с нами всеми? Не пойму!
Я столько лет работал — и задаром.
Я столько сил потратил ни к чему.
Я получил английское оружие
И генералов русских ввел в войска.
Все хорошо, все правильно снаружи,
Но держится на острие штыка.
Союзники — на день иль на минуту,
Тот интриган, а этот мелкий плут,
А я средь этих жуликов и плутов
Веду себя, как настоящий шут.

Входит Эсфендиар.

Эсфендиар. Мой повелитель звал?
Решат. Необходимо
Заняться встречей парламентаров.
Я это возлагаю на тебя,
Но только постарайся воздержаться
От воровских своих проделок — слышишь?
Эсфендиар. Клянусь душой и кровью!
Решат. Кровь собакам,
А душу в ад! Куда ты дел добычу?
Сколько украл и сколько тайно продал?
Какие слухи на собраниях тайно
Ты обо мне успел уж распустить?
Где почести? Где слава, музыканты,
Поэты и певцы, которым должно
Меня превознести превыше неба?
Где девушки, которых ты доставить
Мне обещал?

Эсфендиар. Брат и повелитель!
Клянусь тебе — меня оклеветали!
Решат. Наглец! Вот кто работает с Решатом!
Когда бы мне не доводился братом,
Я твоему отцу бы показал...
Иди и приготовь немедля зал!
Пусть в самые роскошные покои
Войдут мои вчерашние герои!
Греми в литавры, в бубен бей!
Пусть видят все враги Ислама,
Как празднует победу Решат-бей!
А ты, дитя продажности и срама,
Из уворованных тобою кошельков
Мечи монету — грязный боров!
Я ожидаю для переговоров
Больших начальников большевиков!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Парадная зала, разукрашенная по-праздничному. Полно народу — в общей массе русские, турецкие, персидские и английские военные мундиры перемешаны с узбекскими и туркменскими национальными одежаниями. Слева стоят члены дивана во главе с Атабеком. Наверху, на хорах — оркестр. При поднятии занавеса военный марш.

Эсфендиар *(бегает, повсюду, наводя порядок)*.
Эффенди! Потеснитесь! Соблюдайте
Порядок! Слушайте меня: лишь только
Правитель выйдет, все тотчас кричите:
«Селям, селям правителю Ислама!»

Входят Решат-бей со свитой.

Решат. Всем верноподданным моим — селям!
Все. Селям, селям правителю Ислама!
Решат. Единство Туркестана, честь Ислама
И благо верноподданных — вот цели,
Которые стоят передо мной.
И вот сегодня в ознаменованье
Победы нашей — мы парламентариев
Со стороны врага должны принять.
Слуга. Великий повелитель — эмиссары
Большевиков.
Решат. Скажи им — наши двери
Для безоружного всегда открыты.

Музыка. Марш. Входит четкой походкой Каракыз в красноармейском, за ней Хасан верхом на осле — они под эскортом из четырех решатовских солдат. Дойдя до середины, Каракыз вытягивается во фронт перед Решатом.

Каракыз. Селям непобедимому Решату!
Великолепной армии народной
Начальнику — селям от комиссара
Красноармейских удалых частей
Сафарова.
Решат. Достойному врагу,
Стяжавшему в боях великих славу,
Внушающему страх врагам и радость
Своим друзьям — мой глубочайший
Привет и уважение.

Хасан. Мое
Почтение.
Каракыз (тихо). Молчи!
Хасан (так же). Молчи сама!
Каракыз. Великий повелитель, мой начальник
И комиссар вам просит передать,
Что он язык наш любит и обычай
Наш ставит очень высоко, но мало
Их знает—и заранее извиниться
Он хочет, если скажет что не так.
Поэтому он будет предложенья
Чрез переводчика вам излагать,
А переводчик при его особе —
Его бессменный адъютант и ваш
Слуга покорный Карабаш.

Решат. Селям
Такой же адъютанту, как вождю.
Каракыз. Нет большей ценности, чем уваженье,
Такого человека, как Решат.

Хасан.
Каракыз.

И от меня примите...

Не болтай!

(Дальнейший разговор идет между ними тихо и быстро.)

Хасан.
Каракыз.

Ну, это слишком...

Живо слезь с осла!

Хасан.
Каракыз.

Ты не командуй!

Или я стащу...

Хасан.

То ей не нравится, то не по вкусу!

Зачем ты привела меня сюда?

Каракыз.

Слезай с осла, а то не разберут,
Где ты, а где осел. *(Стаскивает Хасана с осла, после чего обращается к Решату.)*

Угодно ль повелителю Ислама,

Чтоб мы сказали коротко и прямо —

Пред ним, как перед истинным вождем,

Зачем пришли мы и чего мы ждем

От славного Решата?

Решат.

Пусть свободен

Язык твой будет, как и голова.

Мы счастливы хотя бы в переводе

Услышать драгоценные слова.

И обещаю к данному вопросу

Вниманье всех министров и двора!

Приготовились слушать. Хасан тем временем скрутил цыгарку и закурил.

Каракыз.

Ты что? В своем уме?

Хасан.

А что?

Каракыз.

Махра!

Хасан.

А что?

Каракыз.

Возьми уж лучше папиросу, —

Ты как-никак военный атташе!

А мне махорка больше по душе!

Хасан.

(Демонстративно курит самокрутку.)

Каракыз

(к Решату.)

Степь широка и воздух раскален,

И не найдешь ни ветерка, ни влаги,

Ни хлеба. Истомленные бойцы

Впервые задали вопрос, — зачем,

Из-за чего идет война? Ужели

Мы общего не можем языка

Найти, не проливая братской крови?

Нам показалось, что совсем не нужно

Решать вопросы силой, если есть

Возможность меж собой договориться.

Мы на врага идем и в то же время

Мы уважаем доблесть во враге!

Когда правитель может согласиться
С условиями нашими, то мы
Готовы руку протянуть.

Решат.

Какие

Еще причины побуждают вас
Начать переговоры?

Каракыз

(отводит в сторону Хасана, делает вид, что с
ним советуется).

Что скажете, или, верней, что скажем?

Хасан.

Пускай вопрос он при себе оставит —

Ответом залепи ему глаза!

Валяй, валяй во-всю, верни с походом, —

Пусть помнит наших!

Каракыз

(Решату). Доблестный правитель

Осведомлен о нашем положении:

Большая часть солдат — магометане.

Им очень трудно на единоверцев

Игти. В бою между собой враги —

Мы думаем во время передышки

Одно и то же.

Решат.

Эта постановка

Вопроса удовлетворяет нас.

Единственное, что нам остается —

Заняться выяснением условий,

Которые хотите предложить

Вы нам. Тогда диван определит,

Как будет дальше.

Каракыз

(Хасану). Речь насчет условий

Сказать ли им, иль показать письмо?

Хасан.

Ты покажи, да только не письмо,

А покажи такое, чтоб спина

У них намокла. Говори, не бойся —

Так, мол, велел великий комиссар!

Каракыз

(вынимает бумагу, читает).

«Мы, враждовавшие до этих пор

Две стороны — и прочее и прочее —

Между собой вступаем в договор

По следующим пунктам. Двоеточие:

Пункт первый: от сегодняшнего дня

Окончена взаимная резня —

Нет никаких сражений и пожаров,

И в жизнь проходит новый мирный строй,

Чего вам всем желаем.

Пункт второй:

Красноармейский комиссар Сафаров

Всех тех, кто возвращается в Ислам,

Не хочет силой никакой

Удерживать. И третье — это сам,

Сам комиссар кончает на покое,
На мирной пахоте, а не в бою
Жизнь боевую храбрую свою.
И пусть на том помирится впервые
С могучей Красной армией Ислам. —
Вот, господин, условия какие
Мое начальство предлагает вам.
И если это предложение кстати
Для вас в такой же мере, как для нас, —
Тогда приложим с двух сторон печати
И издадим двойной приказ.
Я деловое ваше предложение
Встречаю с полным удовольствием.
Да будет мир над нашею страной!
Но чтоб войти во все детали плана,
Прислушаемся к мнению дивана.
Эй, вы, чего заснули — марш за мной!

Решат.

Решат-бей уходит, члены дивана за ним.

Эсфендиар. Прошу господ отведать угощенье —
Дары садов родимой стороны.

Слуги обносят гостей.

Каракыз. Какие фрукты! Прямо слаще меда!
Хасан (берет). Ай, хороши, товарищ Кара... баш.
Так слюнки и текут, когда посмотришь.
Каракыз. Не выбирай и пальцами не щупай
И не чешися, как баран!

Хасан. Девчонка!
С кем говоришь ты! Взвешивай слова!
Эсфендиар. На случай, если дорогие гости
Томятся жаждой, мы вас угостим
Кукчаем. Он один лишь утоляет
Ту жажду, что рождает наше солнце
Палящее!

Подает кукчай.

Каракыз. Я видел и вдыхал
Не раз кукчая аромат — сегодня
Впервые я попробовал настой!
Хасан. Да это ведь не чай, а так — трава.
У нас такого поила для скотины
Не подают.
Каракыз. Ты портишь всю игру.
Хасан. Не хочешь пить — ешь фрукты и заткнись.
Каракыз. Эй, адъютант!
(навытяжку). Товарищ комиссар!
(Тихо.) В чем дело?

Хасан. Дело в том, что...
 Каракыз. Говори!
 Нужда какая?
 Хасан. Вот нужда какая
 Немалая: чего-то мне скрутило
 Живот.
 Каракыз. Терпи!
 Хасан. А если вдруг я лопну?
 Каракыз. Пустяк! Лишь бы не лопнула затея!

Входят Решат-бей и члены дивана.

Решат. Ваш договор стал нашим договором.
 Условия ваши приняты диваном.
 Приветствуйте Сафарова, как друга,
 И вместе с тем приветствуйте победу
 Знамен исламовых!
 Каракыз. Ура! Ура!
 Хасан. Ну, я и говорю: Мура!.. Мура!
 Народ *(многократно)*. Ура!
 Решат. Довольно битв, довольно братской крови!
 Мы сгладили враждебные черты!
(Осушает бокал. Общее ликование, после чего Решат подзывает к себе генерала, отводит его на авансцену и говорит ему четко и раздельно.)
 Вам, генерал, приказ: быть наготове,
 Удвоить караульные посты.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорация та же. Пиршество в разгаре. Огни, музыка, на столе яства и напитки. В центре Решат-бей, по левую руку его Хасан и Каракыз.

Решат. В честь дорогих гостей я подымаю
 Свой кубок!
 Эсфендиар. Много лет гостям!
 Все. Ура!
 Эсфендиар. Такие вечера—не каждый день,
 Так пррсидим хотя бы до зари.
 Наполнен вечер песнею,—певцы,
 Гостям свое искусство покажите.

Музыка. Певец поет.

Песня

Певец.

1

Родина наша воду берет
Из потоков Аму-Дарьи.
Родина наша из дальних веков
Берет преданья свои.
Родина, родина! Слезы в очах!..
Потух ли на родине мой очаг?
Скажи мне, песня моя!

2

Скоро пройдет седая зима,
Солнце пригреет нас опять,
Но разве может забыть народ,
Как пришлось ему страдать?
С гор понесутся ли снова ручьи?
Будут ли петь в кустах соловьи?
Скажи мне, песня моя!

3

Безграничны наши пески,
Беспределен пустынь простор,
Лишь безудержный ураган
Над пустыней руку простер.
Кровью залиты наши поля,
Будет ли нашей наша земля?
Скажи мне, песня моя!

Плясовая песня

Певец.

Пусть наши девы пляшут так,
Чтоб тростникам было стыдно!
Пусть наши песни льются так,
Чтоб стало соловьям завидно!

Хор.

Чтобы не было печали,
Чтобы гости не скучали —
Запируем весело!

Певец.

Пускай глаза играют так,
Чтоб луна остановилась,
Пускай улыбки блещут так,
Чтоб солнце на небе затмилось!

Хор.

Чтобы не было печали,
Чтобы гости не скучали —
Запируем весело!

Певец. Пускай вино струится так,
 Чтоб каждый тут же поперхнулся,
 Пусть голова кружится так,
 Как будто мир перевернулся.

Хор. Чтобы не было печали,
 Чтобы гости не скучали —
 Запируем весело!

Решат. Довольно! Эта песня не по вкусу
 Мне и гостям! На торжестве таком
 Унынию нет места!

Каракыз. Повелитель!
 Как отблагодарить тебя за честь?
 Твое здоровье!

Все. Славному вождю
 Ислама — много лет!..

Хасан. Живем, ребята!

Каракыз. Кто, как не мы!
 (тихо). Остановись, дурак,
 Ты осовел!

Хасан. Чего?

Каракыз. Молчи!

Хасан. Молчи

Ты сам — девчонка-мальчик, а не то я
 Все расскажу!..

Эсфендиар. А почему нет танцев?
 Кто получить желает первенство
 За танцы?

Музыка. Танцоры сходят с верхней галереи, начинаются пляски.

Ленсберри (поднимается с места).
 Я поднимаю тост за королевство
 Английское! Оно несет культуру,
 Свободу и цивилизацию
 Народностям отсталым. Коммунисты
 Нам всем враги, но великобританцы
 Врагов ценить умеют. Комиссару,
 Известному Сафарову — привет!

Все. Да здравствует Британия! Ура!

Хасан (берет два бокала, один тычет Решат-бею и
 говорит уже заплетающимся языком).
 Давай поьем и попоем. Голубчик
 Султан!.. Чего же ты не пьешь? Не бойся —
 Пей, хватит всем...

Каракыз (тихо). Дурак — сиди спокойно!
 Ты слышишь?

Хасан. Сказано, не приставай,
 А то как дам... (Отходит от нее.)

Эсфендиар. Приходят и уходят зори-звезды;
 Рождаются и умирают, пляски
 Веселые идут на смену песням.
 Сейчас артисты будут танцевать!

Хасан. А почему меня не просят петь
 Иль танцевать? Уж я вам показал бы!

Каракыз. Не смей!

Решат. В честь адъютанта Карабаша
 Я осушаю кубок!

Эсфендиар. Карабашу
 Ура! Да здравствует наш Карабаш!

Все. Ура!

Хасан. Ты слышишь, адъютант?

Каракыз. Начальник,
 Я слышу

Хасан. Ну, так здравствуй. Это значит —
 Чтоб ты здоров был.

Каракыз. Слышу, комиссар.

Хасан. И чтобы мы здоровы тоже были,
 И чтоб мы пили сладкое вино,
 Когда нам хочется!

Каракыз. *(заменяя разговор)*. Есть, комиссар!

Хасан. Так, а теперь ступай... Довольно! Вольно!

Начинается балетный номер национальных танцев «Воды Аму-Дарьи».

Во время исполнения Хемет отзывает в сторону Каракыз.

Хемет. Иди сюда!

Каракыз. Зачем?

Хемет. Я знаю все!

Каракыз. *(хватается за наган)*.

Хемет. Остановись — я друг!

Каракыз. Так ты...

Хемет. Такой же
 Басмач, как ты. Сафарова я знаю:
 Он не похож на старика.

Каракыз. Где наши?

Хемет. Уж силы собраны — мы ждем сигнала.
 Там в наступленье перешли.

Каракыз. Спасибо

Хемет. За весть.
 Но до конца еще далеко.
 Ищи спасенья: если самозванство
 Раскроется — тебе не сдобровать.

Каракыз. А где они? Где наши? Где Сафаров?
 Ну, говори?

Хемет. Теперь не время думать
 О них. Начнется наступленье.

Каракыз. Значит,
 Они и живы, и боеспособны?

Хе мет. Но ты должна бежать — и поскорее.
У хауза будут через полчаса
Ждать лошади. (Уходит.)

К а р а к ы з. Вот каковы дела!
Х а с а н (поет). Я без чаю не скучаю,
Водки, пива не желаю,
Не хочу вина вагон,
Мне милее самогон.
Не сердись, Биби,
Извини, Биби,
Прощай, Биби,
Будь здоров, Биби!

К а р а к ы з (тихо Хасану). Наклокался! Послушай ты,
скотина, —
Мы провалились!..

Х а с а н. Адъютант, молчать!
С кем поворишь ты? С комиссаром!

К а р а к ы з. Слушай!
И понимай: беда!

Х а с а н. Какая?
К а р а к ы з. Все
Пропало! Надо удирать!.. Не то —
С плеч голова!

Х а с а н (протрезвел). Ну, доигрались!..
К а р а к ы з. Будь
Готов к отъезду.
Торопливо входит генерал.

Г е н е р а л. Позвольте, ваша светлость, доложить...
Р е ш а т. В чем дело? В это время?
Г е н е р а л. Ваша светлость!
Когда бы не опасность, я не стал бы
Тревожить общее веселье. С фронта.
Получены тревожные известья.
Что?

Р е ш а т. Красные сегодня повели
Г е н е р а л. Обстрел по фронту.
Общее движение.

Р е ш а т. Что вы говорите?
Г е н е р а л. А мирные условия?
При чем
Тут мирные условия — окружили
Нас, словно кабана!

Р е ш а т. Что скажешь ты?
К а р а к ы з. Сафаров — кто в ответе?
Х а с а н. Началось!
Нет, кончилось!

Каракыз. Могучий повелитель,
 Не надо близко к сердцу принимать
 Простое недоразуменье. Мы —
 Мой комиссар и я — мы отвечаем...
 Тут налицо предательство иль, может
 Быть, провокация. Сам комиссар
 Поедет выяснить.

Хасан. Зачем? Куда?
 Каракыз. Поедешь, если надо!
 Решат. Уполномочиваю генерала
 Сопутствовать Сафарову до ставки
 И выяснить на месте.

Хасан. *(Каракыз).* Что же будет?
 Каракыз. Товарищ комиссар немедля едет
 К своим войскам. Все трудности готовы
 Мы побороть во имя мира. Едем!
 Готов ли генерал? За нами дело
 Не станет! *(Тащит упирающегося Хасана, и в
 это время появляются Береке и Мустафа.)*
 Береке. Не уйдете!
 Решат. Береке!
 Береке. Я Береке — а это самозванцы!..
 Когда б Сафаров был и стар и глуп,
 Как этот старый хрыч — не трудно было б
 Бороться с ним.

Каракыз. Попались мы, дружок!
 Хасан. Засыпались!
 Береке. Мы только что оттуда,
 От красных, мы бежали, и за нами
 Гналась погоня — и Джемаль-эффенди
 Убит, и ранен Мустафа.

Решат. О, горе!
 Береке. Они — злодеи — выгадали время
 И к битве подготовились уже.
 Идет стрельба и, если мы сегодня
 Не сможем удержаться, все погибнет.

Решат. Все по местам. Готовьтесь к бою!
*(Все разбегаются. Решат обращается к за-
 держанным Хасану и Каракыз.)*
 Крови
 Твоей не хватит, чтобы расплатиться
 За преступленье!

Береке. Славный повелитель,
 Ни гнева твоего, ни наказанья
 Он не достоин — это мелкий жулик.
 Таких в обоз у красных не пускают,
 Вся сила в ней!

Каракыз.

Теперь мне все равно —

Мы наступаем!

Решат.

Кто она такая?

Береке.

Бездомная бродяжка, что скиталась
Вдоль берегов Аму-Дарьи, пристала
К красноармейским бандам — и сюда
Проникла, как шпионка, самозванка.
Вот кто такая девка Каракыз!

Решат.

Так что ж они стоят передо мною?
Чего им ждать? Какое наказание,
Какую пытку должен я придумать,
Какую казнь изобрести я должен,
Чтоб их примерно наказать?

Каракыз.

Не бойся,

Мой повелитель, чтоб ты ни придумал,
Нет в целом мире пытки, нету казни,
Которая из сердца моего
Изгнала бы ликующую радость!
Вот я стою — и вам смотрю в лицо
И вижу, как вокруг высоких тронов
Смыкается железное кольцо
Красноармейских наших батальонов!
И верю я, и я могу поклясться,
Что, если вы со мною, палачи,
Покончите, то все ж вам не удастся
Надолго пережить меня.

Решат.

Молчи!

Заткните глотку и свяжите руки
Красноармейской шелудивой суке!

Басмачи хватают Хасана и Каракыз.

Каракыз.

Теперь, Сафаров, ты меня простишь!

Решат.

Ни милосердия, ни сожаленья!
Я должен казнь для них изобрести
Достойную такого преступленья!

Труба, барабан, тревога.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Тюрьма. Скамья посередине. Направо дверь, налево окно. Каракыз лежит на скамье, уставя взор в точку; Хасан мечется по камере взад и вперед.

Хасан. Хотел ты приключений — вот тебе
И приключения! Стать комиссаром
Тебе хотелось — вот ты комиссар!
(Смотрит в окно.)
Ай, высоко! Покуда долетишь
Отсюда до земли — умрешь три раза!..
Эй, девушка, — пожалуйста, скажи,
Что с нами могут сделать?

Каракыз. Расстреляют.

Хасан. Нет, не шутя. Серьезно мне скажи,
Какие меры предпринять? Быть может,
Отправишь телеграмму Ленину:
«Кремль. Совнарком. Хасан Батыргалиев
Попал в беду — висит на волоске».
Вдруг прилетают на аэропланах,
Берут меня — а заодно тебя..
Нет, что-то мало вероятно. Где
Найти такой аэроплан и где
Найти такого дурака, который
Сюда бы прилетел?

Каракыз. Не плачь, старик,
И без аэроплана мы приедем
По адресу...

Хасан. Девчонка, перестань,
Брось шуточки свои. Подумай лучше,
Нельзя ли нам отсюда улизнуть.

Каракыз. Не фантазируй. Будь готов терпеть...
 Хасан. Терпение, конечно, не мешает,
 Но только и терпенью есть конец.
 Каракыз (у окна, смотрит в небо).
 Уже светает... Бледная звезда —
 Погасла — завтра вновь она родится.
 Но никогда — ты слышишь — никогда
 Нам не видать ни солнца, ни денницы!
 И для меня мучительней всего,
 Что никакой судьбою не дан выбор,
 И если нам — победы торжество,
 Никто, никто не скажет мне спасибо!
 Меня низвергнут с этой башни вниз.
 Меня враги народа уничтожат,
 А где-то там, в народе, песню сложат
 О подлой и коварной Каракыз!
 Вот почему и смерть своей рукою
 Не разлучит меня с моей тоскою!
 Хасан. Что мне заря, что мне звезда! Клянусь,
 Что, если только выйду я отсюда,
 Ни на одну звезду не посмотрю!
 Каракыз. Отец мой водовозом был. Он воду
 Таскал на сгорбленной спине.
 Ему жилось, как всему народу,
 И он восстал со всеми. Было мне
 Тогда двенадцать лет. Его забрали
 За то, что он был справедлив и смел,
 И в этой самой башне он сидел
 И смерти ждал. Его судили вали —
 Суд был короткий, приговор простой:
 Он брошен был на камни мостовой...
 Хасан. И больше никого ты не имеешь?
 Каракыз. Был у меня брат... Деуран...
 Хасан. И что с ним случилось?
 Каракыз. Весною он...
 Пропал без вести в стычке с басмачами.
 Хасан. Так, значит, никого?
 Каракыз. Никто моих останков не сберет...
 Никто не скажет людям, как погибла,
 Чего хотела и за что боролась...

Издалека доносятся оружейные выстрелы.

Хасан. Ах, матушки—да что ж это такое...
 Каракыз. И правда — выстрелы!

Снова пальба.

Хасан. (поглядел в окно). Действительно!
 Каракыз. Хасан-ага! Да это наши, наши!

Хасан. Неужто? Наконец-то спохватились
Спасать Хасана!

Каракыз. Наши, наши, наши!

Хасан. Скорей! Чего вы спите? Ротозеи!
Какие молодцы! Не подкачают!
С такими славу завоюем!

Каракыз. Верно,
Хасан-ага! Или мы здесь погибнем
От рук врага, или придем со славой!

Входят генерал, Хемет и команда пулеметчиков.

Генерал. Хемет! Займите место у окна!

Хемет. Есть у окна — по номерам!
Пулеметчики занимают места.

Генерал. Направо
Дворец, мечеть налево. Между ними
Прицел. Чуть кто покажется в просвете —
Стрелять без промахов!

Хемет. Есть! (Наводит пулемет.)

Генерал. Приготовьтесь! (Уходит.)

Пулеметчик. Неправильный прицел. Я говорю —
Прицел неправильный.

Хемет. Болтать во время
Военных действий? Цыц! Чтоб я не слышал
Ни звука!

Хасан. Интересный разговор!

Каракыз. Молчи — не то услышат!

Хемет. Вы чего
Стоите возле пулемета? Прочь.
(Хасан и Каракыз отходят — Хемет за ними.
Говорит им тихо.)
Возьмите это. (Протягивает два нагана.)
Будьте наготове!
(После чего обращается к пулеметчикам.)
Уже смыкается кольцо,
Враг показался — драться мы должны с ним,
С проклятым, гнусным, ненавистным,
Давайте поглядим опасности в лицо!
Кто он такой наш враг — обсудим, братцы,
И так ли уж должны мы с ним, с врагом,
сражаться!
Нам говорят — враги, враги, враги!
Стреляй по ним, пали — а думать не моги!
Ну, хорошо. Мы вздуем их. Понятно.
Что будет дальше? В чем же суть?
Мы нашу землю отберем обратно,
Чтобы ее помещикам вернуть?
Вот перед вами два советские солдата —

Они на смерть осуждены
И будут казнены детьми своей страны.
За что жестокая расплата?
Чей приговор? Кто в роли палачей?
На них гляди ты —
Они не воры, не бандиты —
И шли не против нас, а против басмачей!
Жизнь братьев наших драгоценна,
Красноармеец нам не враг,
Не может быть врагом!

Пулеметчик.
Хе мет.
Пулеметчик.
Хе мет.

Но это же измена!
Кому измена?

Родине!

Дурак!

Есть родина у сытых и богатых,
Кто ходит в золоте, кто пьянствует в палатах.
Тем родина приятна и мила,
А те, кто не имеет ни угла,
Ни хлеба, ни земли? Как быть с такими?
Для них и родина не дорога!
За дело же, товарищи! Отнимем
Мы нашу родину у нашего врага!
И только первая покажется колонна,
Пусть каждый на прицел возьмет...
(Входят Береке и Мустафа. Хе мет, не обрыва-
вая фразы, сразу меняет интонацию.)
Чего раскрыл глаза, ворона,
Гляди не на меня, на пулемет!
Как пленники?

Береке.
Хе мет.
Береке.
Хе мет.

В порядке — оглядите.
А вы что делаете?

Пулеметы

Наводим, чистим.

Мустафа.

Это хорошо.

По крайней мере пусть большевики
Спасибо скажут за сохранность.

Береке.

Брось —

Не каркай! (Подходит к Карагыз.)

Слушай, Карагыз, минута

Приходит. Приговор уже подписан.

Я это знаю.

Карагыз.

Береке.

Будет в исполненье

Он приведен.

Карагыз.

Я с этим примирюсь,

Надежды нет...

Береке.

Я предлагаю сделку.

Изменчива военная удача.

Ты знаешь про меня, я про тебя.

Каракыз. Так что же?
 Береке. Если ты мне обещаешь
 На случай, если верх в бою одержат
 Большевики... — так если ты клянешься...
 Ни слова не сказать...

Каракыз. Тройной предатель!
 Береке. Ах ты, шпионка!
 Каракыз. Не тебе, подлец,
 Судить о том, пусть о моих поступках
 Те судят, кто имеет право!

Хасан. Нет!
 Нет, Каракыз — ты долго говоришь с ним.
 Я говорю короче. *(Вынимает наган.)* Руки
 вверх!

Хемет. Ни с места, сволочь! Отдавай оружие!
 Мустафа. На, на, возьми — и только не пугай!
 Хемет. *(солдатам)*. Вы стерегите... этих... Ну, а вы,
 Вы к пулемету. Поверните... Так...
 Теперь — слушай команду — приготовься —
 По басмачам — о-гонь!..

Пулеметчик. Большевики — предатели!
 Хемет. Мерзавец!
 По родине скучал ты — вот тебе
 И родина! *(Сталкивает его с амбразуры вниз,
 тот с криком падает. Хемет становится у пу-
 лемета — лента пошла.)*

Каракыз. Вот наши показались.
 Идут!

Хасан. Что скажете! А? Чья взяла!
 Как чувствует себя теперь могучий
 Ислама повелитель?

Хемет. Вот она —
 Расплата!

Каракыз. Вот они идут сюда!..
 Нет, Решат-бей, — не вырвешься!

Врывается группа красноармейцев во главе с Арсиком.

Арсик. Победа!
 Хемет. Да здравствуют красноармейцы!
 Каракыз. Арсик!
 Арсик. Ты здесь? Так значит ты?..
 Каракыз. Молчи — ни слова!
 Арсик. Победой мы обязаны тебе?..
 Хасан. И мне! И мне! Да здравствуют герои!
(Ликует, танцует, прыгает.)

Каракыз. А где Сафаров?
 Арсик. Все наши здоровы,
 Пойдем — увидишь!

На площади появляются народные певцы, плясуны, музыканты.

Песня

Запевала. Страшная буря над миром неслась.
Трудное время настало для нас.
Буря прошла, и безоблачна высь,
Тяжкие дни навсегда унеслись.

Хор. Играй, джигит, и пой, певец!
Тяжелым дням теперь конец!

Запевала. Ратью стальной партизаны пошли,
И отвоеваны блага земли.
Красному войску горячий привет,
Вечная слава и много побед!

Хор. Играй, джигит, и пой, певец!
Тяжелым дням пришел конец!

Пляска джигитов заражает толпу. Общее веселье, радость, ликование.
На переднем плане встречаются Ниаз и Шираз.

Ни аз. Шираз-эке!

Шираз. Ниаз — какая встреча!

Ты жив!

Ни аз. Не сглазить бы! Не думал я,
Что мы еще увидимся с тобою!

Шираз. Пойдем на площадь—ты увидишь наших,
Мы целый год бродили по пустыне,
Всех тружеников подняли в стране
И, наконец, добились Решат-бея!
Отныне — власть Советам!

Ни аз. Я был взят
В плен басмачами и уже в плену
Внес разложение в тыл врага. С Хеметом,
Ты помнишь молодца, я записался
В команду пулеметчиков. Когда
Настало время — я сумел направить
Свой пулемет на басмачей.

Шираз. Чудесно!

Теперь, Ниаз, работать будем вместе!

Ни аз. Да, будем вместе всюду и везде!

Шираз. И мы добьемся той же самой чести
Не в битве, а в строительном труде!

Уходят, смешиваясь с толпой; сбоку появляется Бульбуль — она
в парандже, смотрит на общее веселье, не принимая в нем участия.

К ней подходит Афт ар.

Афтар. Бульбуль, ты здесь?
 Бульбуль. Я из дому бежала.
 Мать заперла меня, а я в окно!
 Вот молодец девчонка!

Афтар. Поскорее
 Бульбуль. Мне Расскажи, как все произошло!
 Я ничего не знаю.

Афтар. Басмачи
 Бежали на рассвете. До последней
 Минуты я в подвале просидела,
 И только на рассвете раздалась
 Дробь барабанная, и партизаны
 В город вошли победным строем. Первый,
 Кого я увидела, был Кебир...

Бульбуль. Он жив, Кебир!
 Афтар. Не только жив, но полон
 Здоровья и веселья — и тебя
 Разыскивает!

Бульбуль. Ах, какая радость!..
 А как Тойгун?

Афтар. Он завтра лишь приедет!
 Он кинулся вдогонку добывать
 Последние остатки Решат-бея.

Бульбуль. Свободны мы, герои наши живы
 И славою покрыты, так пойдем
 Принять участие в празднике народном!
 (показывая на паранджу).

Афтар. Но раньше с головы позорный знак
 Должна ты сбросить, этот символ рабства
 И униженья. Эта тень позора
 Пускай сотрется с твоего лица!

Бульбуль. (снимая паранджу).
 Я сбрасываю эту паранджу,
 Я расстаюсь с неволей вековой,
 И новыми глазами я гляжу
 На старый мир, открытый предо мною!

Афтар. Идем! Рукой бестрепетной держи
 Советское пылающее знамя!

Бульбуль. И буйный ветер, раздувая пламя,
 Пускай развеет пепел паранджи!
 (Поджигают паранджу, и размахивая пылающей тканью, убегают, смешиваясь с толпой.)

Слева под охраной выводят Мустафу, Береке, Эсфендиара
 Начальник охраны.
 На месте! Пленников беречь! За них
 Мы отвечаем! Никого на шаг
 Не подпускать! Пока я не вернусь,

- Ничья рука их не должна коснуться!
(Уходит на площадь.)
- Береке. Зачем еще задержка? Поскорее
Кончали бы.
- Мустафа. Напрасно ты в пустыне
Мудрил. Глупец! Ведь если бы тебя
Народ сейчас увидел, разорвали б
На мелкие кусочки.
- Береке. Все равно,
Сейчас иль позже. Чем скорей, тем лучше.
- Мустафа. Не понимаю — ты прошел так много
Опасностей, а самых пустяков
Понять не можешь. Разве интересно
Им растоптать тебя — так, на ходу?
Нет, уж они проделают сначала
Всю процедуру — весь процесс наладят...
Ну, а потом... когда закончат дело,
Не пожалеют щепоти свинца!
- Береке. Пусть убивают, я умру за дело
Святое — слава не умрет!
- Мустафа. Ну, знаешь,
В истории примеры неизвестны,
Чтобы продажа совести давала
По смерти славу для героя.
- Эсфендиар. Милый,
Ты неудачно выбираешь время
Для остроумия.
- Мустафа. Ты прав, пожалуй...
Приличней было б ожидать расплаты
В спокойствии и тишине. Но мы
Дрались нелепо и нелепо жили
И не имеем шансов помереть
Умней, чем жили...
- Эсфендиар. Ну, с тобой пошутят
Большевики, да так, что не захочешь
Ты повторить...
- Мустафа. Я их просить не стану
О снисхожденьи. Пусть они расколят
Мне череп на две половины — я
Не стану спорить. Вы, по крайней мере,
Имели удовольствие от власти.
Носили шпаги, ордена, делили
И славу, и ворованные деньги.
А я — все время был простой свидетель
И как-то в соучастники попал.
Я родственник Решата, я вошел,
Как пайщик, в родственное предприятие.
А он — он в равной мере обманул

Меня и вас — и верноподданных.
Где он теперь? Когда-то повелитель
Ислама — а теперь властитель славный
И повелитель арестантов!..

Входит начальник охраны.

Начальник охраны.

Все

В порядке? Шагом марш!

Въезжает Хасан на своем осле.

Хасан.

Заснул, бездельник!

Не бойся... Скоро уж домой приедем.

Тогда конец скитаньям.

(Увидел арестованных.)

А, джигиты!

Попалися в силки! Стой! Береке,
Если ты хочешь — на, возьми осла,
Сядь на него — тогда ты сможешь скрыться.
Никто не угадает, где осел,
Где ты!

Стража уводит арестованных.

Входит Каракыз.

Каракыз.

Оставь собак! Пойдем на площадь!

Хасан.

Поедем!

Каракыз.

Там увидим всех друзей.

Хасан.

Очень приятно.

Каракыз.

Встретишь комиссара
Там настоящего.

Хасан.

Вот эту встречу

Не плохо б отложить...

Каракыз.

А почему?

Хасан.

Намылит шею.

Каракыз.

Не горюй — не из таких!

Мы вылезли с тобой из переделки.

Сафаров сам джигит и все поймет

И зря на нас сердиться он не будет.

Хасан.

Конечно, зря не будет — только тут

Не зря, а дело и не малое.

Каракыз.

Идем!

Гляди, идут джигиты, неужели

И с ними не воротится мой брат?

Входит Кебир.

Хасан.

Стой! Кто идет?

Кебир.

Здорово, Каракыз!

Хасан-ага!

Уж чешет языком. Подумай лучше:
Ты навсегда могла меня лишиться!
Ну, разве так...

Гельсяхер.
Хасан.

А вот пришел героем,
От смерти убежал — и приволок
Победу за собою!

Гельсяхер.

То-то! Если б
Тебя убили — я бы говорить
С тобой не стала бы! Но ты смотри,
Не потеряйся тут, а мне пора!
Куда еще?

Хасан.

Гельсяхер.

С тобою заболталась,
А дела много. Знаешь, я теперь
Ведь санитарка.

Хасан.

Гельсяхер.

Хасан.

Сани... Что такое!
Вот это самое! Бегу! Прощай! (Убежала.)
Ну, и работа! Ну, и запарка!
Я комиссар — а жена санитарка!
Если бы это мне кто рассказал,
Я рассмеялся бы просто в глаза!
А мне и гулять сейчас не охота —
Знать, без меня там скучает рота.
А вот и они — на парад идут!
Ребята, стойте — я тут-как-тут! (Убегает.)

Входит Каракыз.

Каракыз

(одна). Сафаров! Как ему я покажусь...
И что скажу я...

Голос Деурана из-за кулис: «Где она?»

Знакомый голос... Неужели... (Входит Деуран.)
Брат!

Деуран.

Так вот ты где!

Каракыз.

Деуран.

Брат! Это ты?

Как видишь!

Объятия.

Каракыз.

Я никогда не думала, что можно
За день один так много испытать!
Ты жив! Как я скучала по тебе...
И ты герой... Как я горжусь тобою!
Наверное, ты слышал про меня
Недоброе. (Плачет.)

Деуран.

Не вспоминай — не надо!
День радостен, и горю места нет!

Каракыз.

Нет, я не плачу больше... Эти слезы
От радости.

Деуран.

Сестричка, будь спокойна.
Теперь тебя никто уж не обидит!

Каракыз. Мне было без тебя ничто не мило,
 Я день и ночь не осушала слез —
 И горе от меня не отходило,
 Покуда ты веселье не принес.

Деуран. Не зная, где ты, сердцем я с тобою
 Все время был — всем сердцем боевым!
 Зато теперь мы взяли радость с бою
 И никому ее не отдадим!

Входит Сафаров

Сафаров. Беглянка здесь?
 Каракыз. Бежала, но вернулась.
 Об остальных — пускай расскажет враг.

Сафаров. Теперь ты видишь, как ты обманулась,
 Куда ведет один неверный шаг.

Каракыз. Да, было очень жарко!
 Сафаров. Почему же
 Ты не боролась против клеветы?

Каракыз. Мне было стыдно.
 Сафаров. Вот и вышло хуже:
 Нас всех чуть-чуть не погубила ты.

Каракыз. Товарищ комиссар... я захотела
 Не речи говорить, а делать дело.
 Деуран. И натворила этакое зло.

Сафаров. Ну, хорошо, что все это прошло.
 И так как на войне в конечном счете
 Не судят победителей — иди,
 Иди к своей краснознаменной роте.
 Каракыз. Вернись в товарищеские ряды!..

Каракыз. Есть, комиссар, но...
 Сафаров. Что еще такое?
 Каракыз. Есть небольшая просьба...

Сафаров. Поглядим.
 Каракыз. Я сделала задание боевое...
 Сама дралась... И помогла другим.
 И вот теперь... Когда достигла цели...
 Когда свое... сумела доказать,
 Ты, комиссар, теперь на самом деле...
 Возьмешь меня с собою?

Сафаров. Что сказать?
 Каракыз. А ты скажи...
 Сафаров. Дай пораздумать...

Каракыз. Ну же!
 Сафаров. Забрать с собой — ты попадешь в беду.
 Деуран. Оставить здесь, — пожалуй, выйдет хуже.
 Решай, товарищ.

Каракыз. Я решенья жду.
 Сафаров. А мы подумаем.

Каракыз Я не могу так!
 Деуран. Я поручиться за нее готов.
 Сафаров. Ну, если вы хотите, кроме шуток,
 Тогда иди — включись в ряды бойцов!
 Запомни мой урок!
 Каракыз. Забуду ль?
 Сафаров. И покажи нам выдержку свою,
 И приумножь безудержную удаль
 Суровой крепостью в бою!
 Деуран. Тогда после учебы строгой
 Мы наши цели уясним себе.
 Каракыз. И жизнь пройдем — одной большой дорогой,
 В одних стремленьях и в одной борьбе!..

Начинается демонстрация: рядами проходят войска, организации, партизаны, крестьяне. На трибуне Деуран, Сафаров, Краснояр, Хемет и др.

Деуран. Да здравствуют степные партизаны!
 Народ. Ура! Ура!
 Краснояр. Да здравствует Военно-революционный комитет!
 Народ. Ура!
 Хемет. Да здравствует Деуран—вождь партизан!
 Деуран. Испытанному в боевых делах
 Особому татарскому отряду
 Ура!
 Народ. Ура! Ура!
 Деуран. Стальным дружинам
 Рабочих и крестьян родной страны
 Ура!
 Народ. Ура! Ура!
 Краснояр. Да здравствуют Советы
 По всей земле — от края и до края!..

Крики, возгласы, ликование, музыка. Проходят войска, поют песню первого акта.

З А Н А В Е С

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
С. Амаглобели „Вопросы национального искусства“	7
А. Корнейчук „Гибель эскадры“	21
К. Чорный „Родина“	71
М. Даниэль „Четыре дня“ (Юлис)	115
П. Какабадзе „Кваркваре Тутабери“	169
Дереник Демирчан „Храбрый Назар“	127
Фадхи Бурнаш „Соколы“	299

Читатель и работник театра!
Сообщите ваш отзыв об этом альманахе,
указав ваш возраст
и вашу профессию,
по адресу:

Москва-центр, ул. 25 Октября, 10/2,
Государственное издательство
„Художественная литература“.
Массовый сектор.

Ответственный редактор В. Полянская
Технический редактор Б. Новиков
Переплет работы Б. Титова
Корректор Л. Руднев

★

Уполномоченный Главлита Б 39646.
Заказ изд. № 147. Тираж 5.000 экз.

Формат бумаги 62×94 , в $\frac{1}{16}$

$11\frac{7}{8}$ бум. лист. по 80.600

Сдано в набор 22/IV

1934 г. Подп. к печ.

26/IX 1934 года

Заказ тип.

Н. 315

$23\frac{1}{2}$ п.

лист.

★

Типо-литография им. Воровского,
ул. Дзержинского, 18.

5 руб. 50 коп.

Перепл. 50 коп.